

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

11

**ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР**

КОРИОЛАН
ТИМОН АФИНСКИЙ
ПЕРИКЛ

Вильям Шекспир
William Shakespeare
полное собрание сочинений
в 14 томах

WILLIAME SHAKESPEARE

complete works
in 14 volumes

CORIOLANUS

TIMON OF ATHENS

PERICLES

МОСКВА
«ТЕППА»—«TERRA»
1996

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

полное
собрание сочинений
том 11

КОРИОЛАН

ТИМОН АФИНСКИЙ

ПЕРИКЛ

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1996

**ББК 84.4 (Вл)
Ш41**

**Внешнее оформление художника
*А. Машезерской***

**В оформлении издания использованы рисунки
*Джона Джильберта (J. Gilbert), р. 1817,
Вильгельма Каульбаха, Анны Дамер,
других художников
начала XVII — конца XIX веков,
материалы археологических раскопок***

**Издание подготовлено
АОЗТ «ФОРМИКА» (Санкт-Петербург)**

**Шекспир Вильям
Ш41 Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 11/ Ху-
дожник А. Машезерская. Примечания А. Смирно-
ва. — М.: ТЕРРА, 1996. — 656 с.: ил.**

**ISBN 5-85255-581-9 (т. 11)
ISBN 5-85255-192-9**

**В одиннадцатый том собрания сочинений В. Шекспира
включены трагедии «Кориолан», «Тимон Афинский» и «Пе-
рикл». Тексты примечаний составлены А. Смирновым.**

**Ш 4703010300-126 Подписное
А30(03)-96**

ББК 84.4 (Вл)

**ISBN 5-85255-581-9 (т. 11)
ISBN 5-85255-192-9**

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

A decorative border of blue ink scrollwork surrounds the text. At the top, a ribbon contains the text 'Вильям Шекспир'.

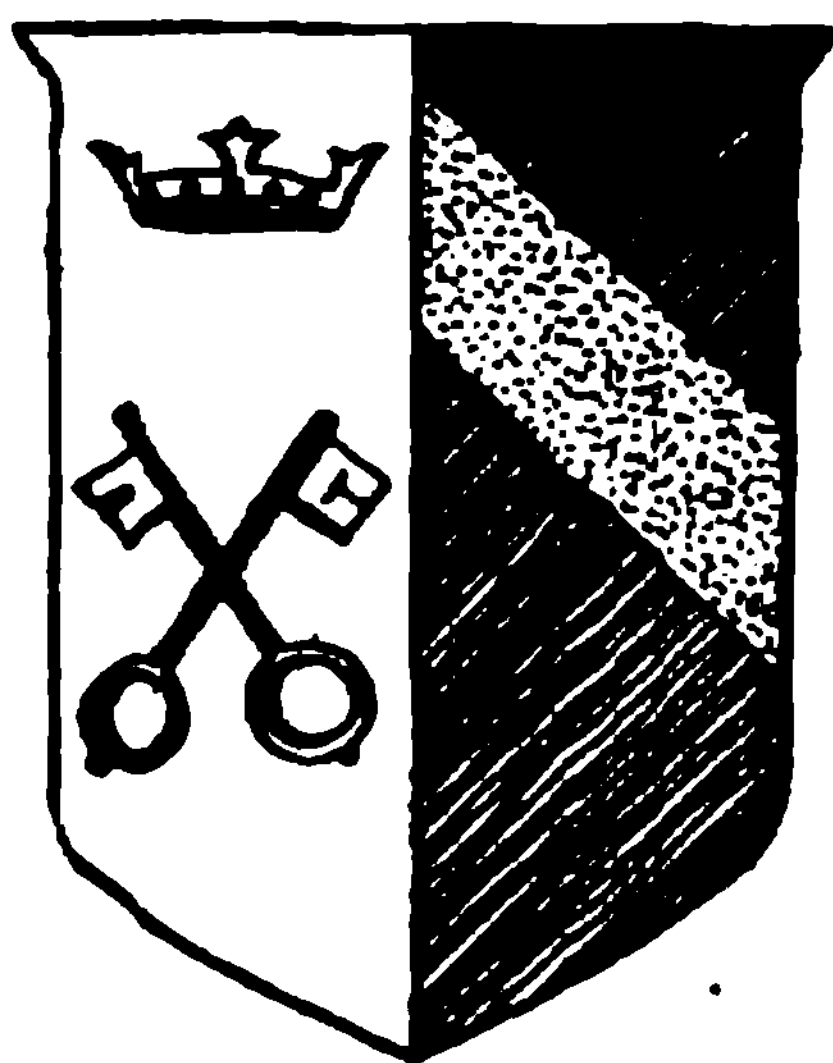
Вильям

Шекспир

Кориолан

трагедия в V актах

Перевод Ю. Корнеева

Действующие лица

К а й М а р ц и й, затем К а й М а р ц и й
К о р и о л а н.

Т и т Л а р ц и й		полководцы римлян в войне
К о м и н и й		против вольсков.

М е н е н и й А г р и п п а, друг Кориолана.

С и ц и н и й В е л у т		народные
Ю н и й Б р у т		трибуны.

М а л е н ь к и й М а р ц и й, с ы н Кориолана.

Т у л л А в ф и д и й, полководец вольсков.

В о е н а ч а л ь н и к в о л ь с к о в, подчиненный
А в ф и д и ю.

З а г о в о р щ и к и, единомышленники Авфидия.

Н и к а н о р, римлянин.

А д р и а н, вольск.

Г о р о ж а н и н и з А н ц и у м а.

Д в а в о л ь с к и х ч а с о в ы х.

Г л а ш а т а й.

В о л у м н и я, мать Кориолана.

В и р г и л и я, жена Кориолана.

В а л е р и я, подруга Виргилии.

П р и с л у ж н и ц а В и р г и л и и.

Римские и вольские сенаторы, патриции, эдилы,
ликторы, воины, горожане, гонцы, слуги Авфидия
и другие слуги.

*Место действия - Рим и его окрестности;
Кориолы и их окрестности; Анциум.*

АКТ I

Сцена 1

Рим. Улица.

Входит толпа восставших горожан с кольями,
дубинами и другим оружием.

Первый горожанин. Послушайте меня, прежде чем
пойдем дальше.

Все. Говори, говори.

Первый горожанин. Готовы ли вы скорее умереть,
чем голодать?

Все. Готовы, готовы.

Первый горожанин. А знаете ли вы, что злейший
враг народа — Кай Марций?

Все. Знаем, знаем.

Первый горожанин. Так убьем его, а уж тогда сами
цену на хлеб установим. Таков ли наш приговор?

Все. Да что там толковать — убьем его, и все. Идем, идем!

Второй горожанин. Одно слово, достойные сограж-
дане...

Первый горожанин. Достойными нас никто не счи-

тает: ведь все достояние — у патрициев. Мы бы прокормились даже тем, что им уже в глотку не лезет. Отдай они нам объедки со своего стола, пока те еще не протухли, мы и то сказали бы, что нам помогли по-человечески. Так нет — они полагают, что мы и без того им слишком дорого стоим. Наша худоба, наш нищенский вид — это вывеска их благоденствия. Чем нам горше, тем им лучше. Отомстим-ка им нашими кольями, пока сами не высохли, как палки. Клянусь богами, это не месть во мне, а голод говорит!

Второй горожанин. И начать вы хотите с Кая Марция?

Первый горожанин. С него самого: он для народа хуже собаки.

Второй горожанин. Да разве вы забыли, какие у него заслуги перед отечеством?

Первый горожанин. Ничуть не забыли. Я бы даже хвалил его за них, если бы он сам себя спесью не вознаграждал.

Второй горожанин. Нет, погоди. Ты говори без злости.

Первый горожанин. А я тебе и говорю — все, чем он прославился, сделано им ради этой спеси. Пусть мягкосердечные простаки думают, что он старался для отечества. На самом-то деле он поступал так в угоду матери; ну, отчасти и ради своей спеси, а ее у него не меньше, чем славы.

Второй горожанин. Ты вот считаешь пороком то, что он себя переделать не может. Но ведь ты же не скажешь, что он жаден?

КОРІОЛАНЪ

“Кориолан”. Титульный лист

Первый горожанин. А хотя бы и так. Зато у меня других обвинений хватит. Да у него столько пороков, что установишь перечислять.

Крики за сценой.

Это что за шум? Видно и по другую сторону Тибра восстание. Что же мы болтаем да время тратим? На Капитолий!

Все. Идем, идем.

Первый горожанин. Тише! Кто сюда идет?

Входит Менений Агриппа.

Второй горожанин. Достойнейший Менений Агриппа — тот самый, кто всегда любил народ.

Первый горожанин. Да, это человек честный. Вот если бы и остальные были такими!

Менений

Эй, земляки, что с вами происходит?

Куда с дубьем бежите вы? Ответьте.

Первый горожанин. Что с нами происходит — сенату известно: там уж недели две назад могли смекнуть, что мы задумали, а сегодня воочию увидят. Там ведь любят говорить: от черни голой — дух тяжелый. Пусть теперь знают, что рука у нас тоже не из легких.

Менений

Друзья мои, почтенные соседи,
Неужто горя вы хлебнуть хотите?

Первый горожанин.

Да мы и так уже им захлебнулись.

Менений

Друзья, поверьте мне, о вас пекутся
Патриции. Я знаю, дорог хлеб
И голод вас томит, но столь же глупо,
Как замахнуться палкою на небо,
Вам восставать на Рим, в ком хватит силы
Порвать железо тысячи удил
Покрепче пут, которыми вы мните
Его стреножить. Голод не сенатом
Ниспослан, а богами, и не руки,
А лишь колени вас спасут. Увы!
Влекомы вы бедой туда, где ждет
Вас горшая беда, а вы клянете
Как супостатов кормчих государства,
Отечески пекущихся о вас.

Первый горожанин. Пекущихся о нас? Как бы не так! Да им никогда до нас дела не было. У них амбары от хлеба ломаются, а они нас морят голодом да издают законы против ростовщичества на пользу ростовщикам. Что ни день, отменяют какой-нибудь хороший закон, который не по вкусу богачам; что ни день, выдумывают новые эдикты, чтобы поприжать и скрутить бедняков. Если нас не пожрет война, они сами это сделают; вот как они нас любят.

М е н е н и й

Или честно
Сознайтесь в том, что вы безмерно злобны,
Иль вы глупцы. Я расскажу вам басню,
Хоть вы ее, быть может, и слышали.
Но раз она уместна, я отважусь
Еще разок ее напомнить.

П е р в ы й г о р о ж а н и н. Отчего не послушать! Только не надейся, что твоя басня наше горе умаслит. Начинай, если тебя такая охота разобрала.

М е н е н и й

Однажды возмутились против чрева
Все части человеческого тела,
Виня живот за то, что, словно омут,
Всю пищу поглощает он, а время
Проводит в лени и безделье праздном,
Тогда как остальные члены ходят,
Глядят и слышат, чувствуют и мыслят,
Друг другу помогая и служа
Потребностям и устремленьям общим
Родного тела. Чрево ж отвечало...

П е р в ы й г о р о ж а н и н. Да говори же, что им чрево ответило.

М е н е н и й

Сейчас скажу. С язвительным смешком,

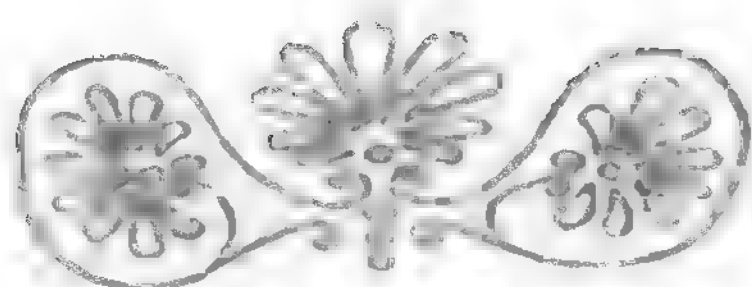
Возникшим не в груди, а ниже легких
(Взгляните — чревом я могу не только
Вещать, но и смеяться) отвечало
Оно мятежным членам, коих зависть
К его доходам мучила, как вас,
Порочащих сенаторов за то, что
Они вам не чета.

Остатки древней части Рима

Первый горожанин

Но что ж ответить
Сумело чрево бдительному глазу.
Челу, венец носящему, и сердцу,
Советчику, и языку-горнисту,
Ноге-коню, руке-бойцу и прочим
Помощникам и слугам тела, если...

М е н е н и й

Что “если”? Перебил — так сам кончай.
Ну?

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Если выгребная яма тела,
Живот-обжора грабит их...

М е н е н и й

Ну, дальше.

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Что может он ответить на упреки
Всех членов остальных?

М е н е н и й

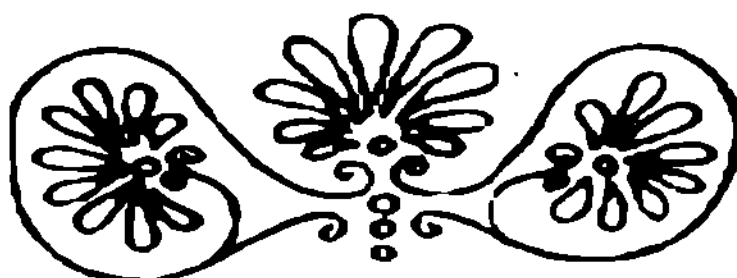
Скажу вам это,
Коль вы себя сумеете к терпению,
Хоть коротко оно у вас, принудить.

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Ты слишком долго тянешь!

М е н е н и й

Слушай, друг.
Живот неторопливый был разумней
Хулителей своих и так ответил:
“Вы правы в том, мои друзья-сочлены,

Что общий харч, которым вы живете,
Мне первому идет. Но так и надо,
Затем что телу призван я служить
И житницей и лавкой. Не забудьте,
Что соки я по рекам кровяным
Шлю к сердцу во дворец и к трону мозга,
Что по извивам и проходам тела
Все — от крепчайших мышц до мелких жилок —
Лишь я питаю жизненной силой.
Но добрые друзья мои, хоть всем вам...

(Первому горожанину.)

Заметь, не я, а чрево то сказало.

Первый горожанин.

Так. Продолжай.

Менений

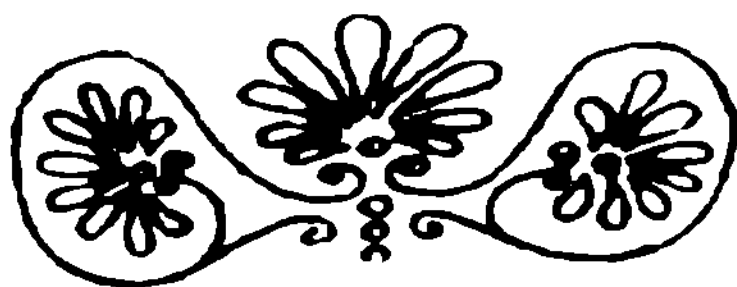
Хоть всем вам и не видно,
Чем каждый в одиночку мне обязан,
Я вправе заключить, что отдаю
Вам лучшую муку и оставляю
Лишь отруби себе.

(Первому горожанину.)

Ну, что ты скажешь?

Первый горожанин.

Ответ неплох. Как ты его толкуешь?

М е н е н и й

Сенат — вот чрево мудрое, а вы —
Бунтующие члены. Стоит только
Вам честно оценить его заботы
И попечение о всеобщем благе,
Как вы поймете, что оно всегда
Лишь от него исходит и приходит,
А не от вас. — Что ты на это скажешь,
Ты, палец сборища большой?

П е р в ы й г о р о ж а н и н. Я — большой палец? Ты зачем
меня большим пальцем называешь?

М е н е н и й

Затем, что ты, кто всех дрянней и ниже,
Возглавить хочешь этот бунт премудрый;
Затем, что первым ты к поживе рвешься,
Трусливый слабосильный пес.
Ну что ж, готовьте колья и дубины.
На Рим напали крысы, и кому-то
Не сдобровать.

Входит К а й М а р ц и й.

Привет, достойный Марций!

М а р ц и й

Благодарю.

(Толпе.)

Мятежный сброд, зачем,

Чесотке умыслов своих поддавшись,
Себе вы струпья расчесали?

Первый горожанин

Вечно

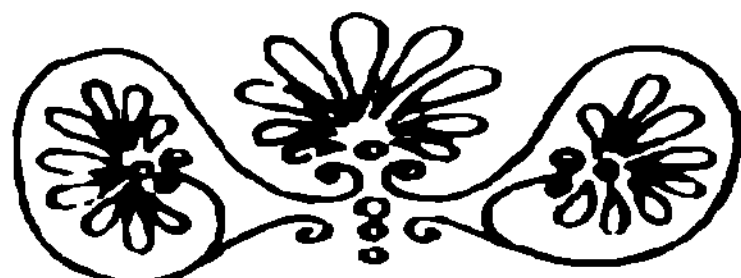
Для нас ты сыщешь доброе словечко!

Марций

Кто скажет слово доброе тебе,
Тот мерзкий льстец.

(Толпе.)

Что нужно вам, дворнягам,
Ни миром, ни войною недовольным?
В вас страх война вселяет, наглость — мир.
Чуть в вас поверь, так вместо лис и львов
Найдешь гусей и зайцев. Вы надежны,
Как угли раскаленные на льду
Иль градины на солнце. Вы привыкли
Караемых злодеев обелять,
Черня закон карающий. Полны вы
Враждою к тем, кто дружбой славы взыскан.
Желанья ваши — прихоти больного:
Чего нельзя вам, вас на то и тянет.
Кто ищет в вас опоры, тот плывет,
Плавник свинцовый прицепив, иль рубит
Тростинкой дуб. Безумье — верить в вас,
Меняющих ежеминутно мненья,

Превозносящих тех, кто ненавистен
Был вам еще вчера, и поносящих
Любимцев прежних! Почему клянете
Вы благородный наш сенат повсюду?
Ведь не держи вас он да боги в страхе,
Друг друга вы сожрали б.

(Менению.)

Что им надо?

М е н е н и й

Дешевых цен на хлеб. Они считают,
Что в городе запасы есть.

М а р ц и й

Считают?

Мерзавцы! Мнят они, у печки сидя,
Что знают все, чем занят Капитолий:
Кто в гору там пошел, кто процветает,
Кто пал, кто с кем в союз вступил, кто в брак.
Они лишь тех, кто им по нраву, любят,
А чуть кто им не люб — мешают с грязью.
Есть хлеб в запасе — так они считают?
Не будь сенат столь милосерд и волю
Дай моему мечу, я навалил бы
Из трупов этой черни гору выше
Копья, что я ношу.

М е н е н и й

Не трать слова. Горланы присмирели:
Ведь трусость в них еще сильнее, чем наглость.
Расходятся они. Но что, скажи мне,
С другой толпой?

М а р ц и й

Рассеялась она.

Сначала все — черт их возьми!— орали,
Что голодны, ссылались на присловья:
Мол, голод ломит каменные стены;
Мол, и собакам нужен корм; мол, пищу
Грешно гноить; мол, создан хлеб богами
Не для одних богатых — и потоки
Красноязычных жалоб изливали.
Когда же обещали им исполнить
Их требованье, дерзкое безмерно
(Оно всем знатным сердце разобьет
И власти острый взор притупит), — стали
Они кидать в восторге шапки, словно
На рог луны повесить их хотели.

М е н е н и й

Так что же им обещано?

М а р ц и й

Им дали,
Чтоб защищать их подлые затеи,

Пять ими избранных трибунов. Это
Сициний Велут, Юний Брут, а прочих
Я позабыл... Черт с ними! Черни было б
Сорвать с домов все крыши в Риме легче,
Чем вынудить меня к таким уступкам.
Теперь она, войдя с годами в силу,
Еще наглее станет.

М е н ь и й

Странно, странно.

М а р ц и й
(толпе)

Эй вы, охвостье, по домам!

Вбегает г о н е ц.

Г о н е ц

Где здесь Кай Марций?

М а р ц и й

Это я. В чем дело?

Г о н е ц

Спешу я с вестью, что поднялись вольски.

М а р ц и й

Я рад: война очистит Рим от гнили...
Но вот отцы сенаторы идут.

**Входят Коминий, Тит Ларций и другие сенаторы,
Юний Брут и Сициний Велут.**

Первый сенатор

**Ты прав был, Марций, нас предупреждая:
Поднялись вольски.**

Марций

**Вождь их — Тулл Авфидий,
А с ним хлопот не оберетесь вы.
Завидую я доблести его
И только им, когда б я не был Марций,
Хотел бы стать.**

Коминий

Да, вы в бою встречались.

Марций

**Будь мир расколот на два вражьих стана
И очутись в одном из них мы с Туллом,
Я б поднял бунт, чтоб биться с ним.**

Он — лев.

Я горд охотой на него.

Первый сенатор

Тем лучше.

С Коминием командуй войском, Марций.

Капитолийський холм. Макет

Коминий

Ты обещал помочь мне.

Марций

Я готов.

Привык держать я слово. Вновь увидишь
Ты с Туллом нас лицом к лицу, Тит Ларций.
Как! Ты ослаб? Ты остаешься дома?

Ларций

Нет, Марций, даже если костылями
Придется мне сражаться, не отстану
Я от других.

Менений

О доблестная кровь!

Первый сенатор

Идем на Капитолий — там, я знаю,
Друзья нас ждут.

Ларций

Ступай вперед, Коминий,
Мы ж — за тобою, ибо ты меж нами
По праву первый.

Коминий

Благородный Ларций!

Первый сенатор
(горожанам)

Эй, по домам!

Марций

**Нет-нет, мы их прихватим:
Богаты вольски хлебом; к ним в амбары
Мы пустим крыс.**

(Толпе.)

**Почтенные смутьяны,
Раз вы так храбры, то прошу за нами!**

**Сенаторы, Коминий, Марций, Ларций и Менений уходят.
Горожане потихоньку скрываются.**

Сициний

**Есть ли на свете человек надменней,
Чем Марций.**

Брут

Нет.

Сициний

Когда народ трибунами избрал нас...

Брут

Ты взгляд его запомнил?

Сициний

Нет, лишь ругань.

Брут

Озлясь, богов он выбрать способен.

Капитолийский холм. Реконструкция археолога Канины (1795-1856)

Сициний

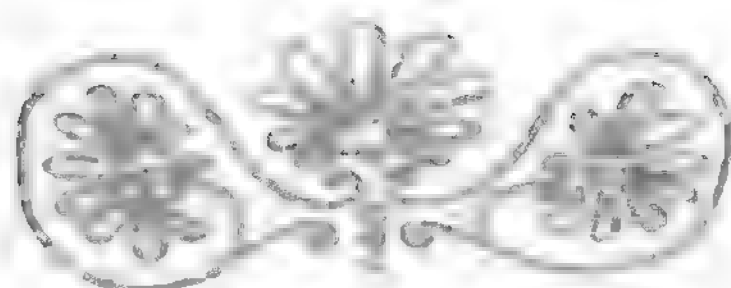
И высмеять стыдливую луну.

Брут

Пусть на войне он сгинет. Стал он слишком
От храбрости надменен.

Сициний

Он из тех,
Кто собственную тень с презреньем топчет,
Когда успехом опьянен. Но странно,

Что он, гордец, согласен подчиняться
Коминию.

Б р у т

Верней и легче славу,
Которой алчет он, хоть ей обласкан,
Сберечь и приумножить, занимая
Второе место в войске. Ведь за промах
Всегда в ответе будет полководец.
Сверши он чудеса, и то завоюет
Хула-проныра: "Ах, когда бы делом
Наш Марций заправлял!"

С и ц и н и й

А при удаче

Лишь Марцием живущая молва
Коминия заслуг лишит.

Б р у т

Коминий

Уже с ним делит почести, хоть Марций
Того не заслужил, и в честь ему
Оплошности Коминия послужат,
Хотя б заслуг он не имел.

С и ц и н и й

Пойдем

Посмотрим, как идут приготовления

И Марций, этот сумасброд опасный,
Сбирается в поход.

Б р у т

Идем, идем.

Уходят.

Сцена 2

Кориолы. Сенат.

Входят Тулл Авфидий и сенаторы.

Первый сенатор

Итак, предполагаешь ты, Авфидий,
Что римлянам известны наши планы
И все, что мы ни делаем?

А в ф и д и й

А ты?

Успели ль мы хоть раз решение наше
В деянье претворить, пока о нем
Рим не пронюхал? Дня тому четыре
Пришло ко мне послание оттуда.
Оно гласит... Но где ж письмо?... Да вот:

(Читает.)

“Войска собрались, но никто не знает,
Пошлют их на восток или на запад.

Хлеб дорог, чернь бунтует, и, по слухам,
Коминий, Марций, враг твой давний (в Риме
Его сильней, чем сам ты, ненавидят),
И римлянин отважнейший Тит Ларций
Поход готовят на кого-то,
Всего же вероятней — на тебя.
Будь начеку.”

П е р в ы й с е н а т о р

Что ж! Наше войско — в поле.
Не сомневались мы, что Рим отпор
Готов нам дать.

А в ф и д и й

Сочли вы мудрым в тайне
Держать ваш план великий до того,
Как он созреет и наружу выйдет,
А Рим меж тем о нем уже проведал.
Наш замысел расстроен. Мы не сможем
Взять много городов без боя, римлян
Врасплох застав.

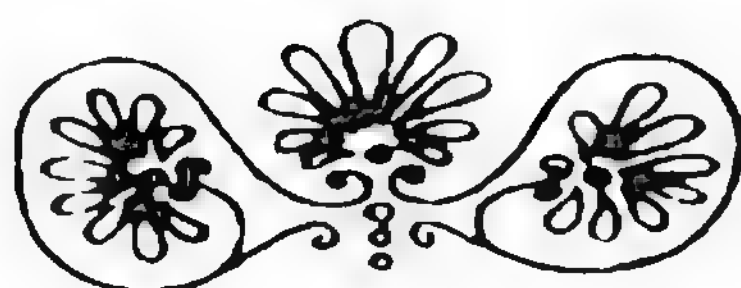
В т о р о й с е н а т о р

Авфидий благородный,
Спеши к войскам, прими их под начальство,
А нам доверь охрану Кориол.
Коль враг осадит город, на подмогу

Остатки древней части Рима

Ты подоспеешь к нам, но полагаю,
Что не готовы римляне.

А в ф и д и й

В противном
Уверен я. Уверен даже в большем:
Часть рати их уже идет сюда.
Отцы, прощайте. Если мне случится
Столкнуться с Каем Марцием, я буду —
Мы клятву дали в том — с ним драться насмерть.

В с е

Да сохранят тебя в сраженьях боги!

А в ф и д и й

И вас, отцы!

Первый сенатор

Прощай!

Второй сенатор

Прощай!

В с е

Прощай!

Уходят.

Сцена 3

Рим. Комната в доме Марция.

Входят Волумния и Виргилия, садятся на два низких табурета и шьют.

Волумния. Прошу тебя, дочь моя, спой что-нибудь или будь повеселее. Если бы Марций был моим мужем, я больше радовалась бы его отсутствию, когда он уходит добывать себе славу, чем самым пылким объятиям на супружеском ложе. Еще когда он был хрупким ребенком и единственным плодом моего чрева, когда его отроческая красота пленяла все взоры, еще тогда, когда ни одна мать ни на час не отпустит своего сына от себя, даже если ее об этом целыми днями будут просить цари, я уже понимала, что такой человек, как он, создан для чести, что, не одушевясь стремлением стать знаменитым, он будет лишь картиной, украшающей стену; поэтому я охотно позволяла ему искать опасностей — и с ними славы. Я послала его на жестокую войну, и он вернулся с дубовым венком на голове. Поверь, дочь моя, я меньше ликовала, узнав, что родила мужчину, чем тогда, когда узнала, что он показал себя доблестным мужем.

Виргилия. А если бы он погиб на войне? Что тогда?

Волумния. Тогда сына заменила бы мне его добрая слава, и в ней я обрела бы потомство. Скажу тебе правду: будь у меня двенадцать сыновей и люби я каждого из них столь же горячо, как нашего славного Марция, я легче бы смирилась с доблестной смертью одиннадцати за отечество, чем с трусливой праздностью двенадцатого.

Входит прислужница.

П р и с л у ж н и ц а. Вас желает видеть благородная Валерия.

В и р г и л и я (*Волумнии*). Позволь мне удалиться.

В о л у м н и я

Нет, оставайся здесь.

Мне кажется, я вижу, как твой муж
За волосы под грохот барабанов
Авфидия влачит и гонит вольсков,
Бегущих, словно дети от медведя,
И, топая ногой, кричит солдатам:
“Вперед, вы, трусы, что зачаты в страхе,
Хоть в Риме рождены!” — и кровь стирает
С чела рукой в броне, вперед шагая,
Как жнец, который не получит платы,
Не сняв весь хлеб.

В и р г и л и я

Чело в крови? О боги!

В о л у м н и я

Безумница, умолкни! Кровь мужчины
Сверкает ярче золота трофеев.
Грудь Гекубы, Гектора вскормившей,
Прекрасней лоб его, чья кровь пятнала
Мечи данайцев.

(Прислужнице.)

Выйди и скажи,
Что мы принять Валерию готовы.

Прислужница уходит.

В и р г и л и я

Спаси, о небо, мужа моего
От страшного Авфидия.

В о л у м н и я

Наш Марций

Его повалит и пятой раздавит.

Входят Валерия с прислужницей
и привратником.

В а л е р и я. Добрый день, мои благородные друзья.

В о л у м н и я. Милая Валерия!

В и р г и л и я. Я рада видеть тебя.

В а л е р и я. Здоровы ли вы? Вы заняты по дому? Что это вы шьете? Право, прелестная вышивка. (Виргилия.) А как твой сыночек?

В и р г и л и я. Благодарю тебя, он здоров.

В о л у м н и я. Его больше тянет глядеть на меч и слушать барабан, чем учиться.

В а л е р и я. Значит, весь в отца. Клянусь честью, чудесный мальчик. Нет, правда, я в среду с полчасца наблюдала за ним; он такой решительный! Он гонялся за золотой бабочкой:

поймает, потом отпустит, и снова за ней; поймают и опять отпустит. А один раз упал и рассердился, — то ли из-за этого, то ли из-за чего-то другого, не знаю; но только стиснул зубы — вот так! — и разорвал бабочку. Ах, видели бы вы, как он ее рвал!

В о л у м н и я. Совсем как отец, когда тот вспылит!

В а л е р и я. В самом деле, замечательный ребенок.

В и р г и л и я. Только ужасный шалун.

В а л е р и я. Послушай, отложи ты свое шитье. Пойдем прогуляемся немного.

В и р г и л и я. Нет, милая Валерия, я не пойду из дому.

В а л е р и я. Не пойдешь?

В о л у м н и я. Пойдет, пойдет.

В и р г и л и я. Нет-нет, не уговаривай. Пока мой супруг не вернется с войны, я шагу за порог не ступлю.

В а л е р и я. Да полно тебе. Целыми днями сидеть взаперти — просто неразумно. Пойдем. Надо же навестить добрую соседку, которая лежит в родах.

В и р г и л и я. Желаю ей скорее поправиться и помогу ей своими молитвами, но пойти к ней не могу.

В о л у м н и я. Почему, скажи на милость?

В и р г и л и я. Уж, конечно, не потому, что ленюсь или не люблю ее.

В а л е р и я. Ты, видно решила стать второй Пенелопой. Но ведь говорят, что пряжа, сотканная ею, пока Улисса не было, только развела моль на Итаке. Пойдем! Как жаль, что твоя ткань не так чувствительна к боли, как твой палец: ты бы

хоть из сострадания перестала ее колоть. Пойдем же. Ты должна пойти с нами.

В и р г и л и я. Нет, милая Валерия, прости, но я не пойду.

В а л е р и я. А все-таки тебе придется пойти: у меня хорошие вести о твоём муже.

В и р г и л и я. Ах, что ты! Ведь они еще не успели прийти.

В а л е р и я. Я не шучу, а всерьез говорю. Ночью пришло известие от него.

В и р г и л и я. В самом деле?

В а л е р и я. Истинная правда; один сенатор рассказывал при мне. Вольски выступили; на них двинулся полководец Коминий с частью наших сил, а твой муж и Тит Ларций тем временем осадили Кориолы. Они уверены в победе и скором конце войны. Клянусь честью, это правда. Ну, теперь пойдешь с нами?

В и р г и л и я. Вот кончится война, и я во всем буду тебя слушаться, а пока — прости меня, дорогая.

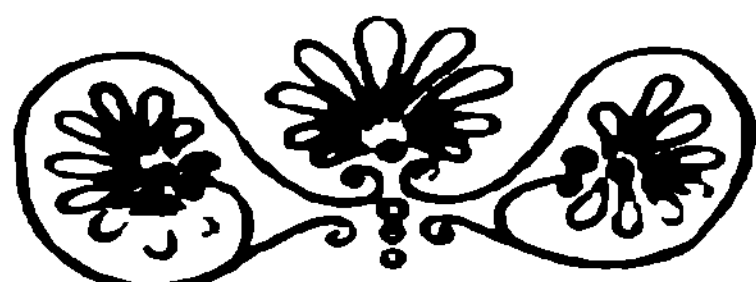
В о л у м н и я. Лучше оставь ее, милая, не то она сегодня и на нас тоску нагонит.

В а л е р и я. Да, я тоже так думаю.— Прощай, милая.— Пойдем, благородная Волумния.— Прошу тебя, Virgilia, забудь ты свой торжественный вид и пойдем с нами.

В и р г и л и я. Нет, честное слово, я не могу пойти. Желаю вам весело провести время.

В а л е р и я. В таком случае прощай.

Уходят.

Сцена 4

Под стенами Кориол.

Входят с барабанами и знаменами Марций, Тит Ларций,
военачальники и войско. Навстречу им гонец.

Марций

Есть новости. Бьюсь об заклад: был бой.

Ларций

Коня я ставлю: не было.

Марций

Я тоже.

Ларций

Идет.

Марций
(гонцу)

Скажи, вступил ли в бой наш вождь?

Гонец

Войска уже сошлись, но выжидают.

Ларций

Твой конь за мной!

М а р ц и й

Я выкуплю его.

Л а р ц и й

Нет, не продам, не подарю его,
Но одолжу тебе лет на полсотни.
Начнем осаду.

М а р ц и й

(гонцу)

Где войска?

Г о н е ц

В двух милях.

М а р ц и й

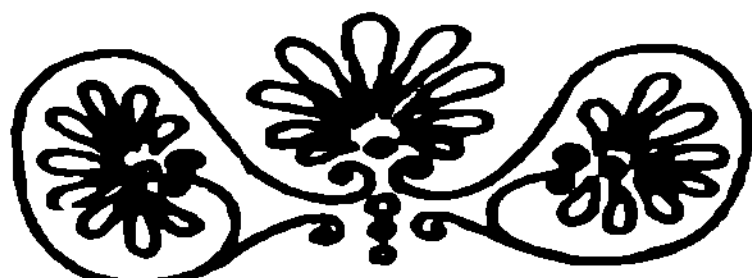
Тогда наш бранный клич им будет слышен,
А мы услышим их призыв.— О Марс,
Молю, дай нам быстрее с врагом покончить,
Чтоб мы с еще дымящимся оружием
Пришли к друзьям на помощь.— Эй, трубите.

Трубят к переговорам. На стенах появляются два сенатора и воины.

Скажите, Тулл Авфидий в Кориолах?

П е р в ы й с е н а т о р

Нет, как и никого, кто б вас боялся
Сильней, чем он, а вы ему не страшны.

В городе бьют барабаны.

Ты слышишь? наших юношей на бой
Сзывают барабаны. Мы скорее
Разрушим стены, чем замкнемся в них.
Ворота наши тростником скрепили
Для виду мы и сами их откроем.
Вот, слышишь?

Доносится шум сраженья.

То громит Авфидий вашу
Разметанную рать.

М а р ц и й

Да, там дерутся.

Л а р ц и й

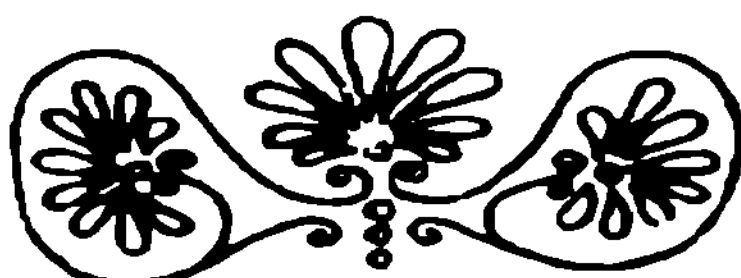
Шум этой битвы — нам сигнал. Эй, лестниц!

Появляются в о л ь с к и, сделавшие вылазку.

М а р ц и й

Они выходят: значит, расхрабрились.
Прикрыть сердца щитами, но пусть будут
Сердца щитов надежней! — Тит, вперед!
Враги посмели к нам питать презренье.
От гнева жарко мне. — Друзья, смелее!
Тех, кто отступит, я почту за вольсков
И познакомлю со своим мечом.

Сражение. Римляне отступают.

Да поразит вас вся зараза юга,
О стадо Рим покрывших срамом трусов!
Пусть язвы и нарывы вас облепят,
Чтоб встречный, к вам еще не подойдя,
От смрада убежал и чтоб под ветром
На милю вы друг друга заражали!
Вы духом гуси, хоть обличьем — люди.
Как смели вы бежать перед рабами,
Которых бить и обезьянам впору?
О ад! У вас в крови одни лишь спины,
А лбы бледны от лихорадки страха.
Назад! Иль я — клянусь огнем небесным!—
Врагов оставлю и на вас ударю.
За мной! Лишь выстояйте, и мы погоним
Их к женам, как они ко рвам нас гнали!

Сражение возобновляется. Вольски отходят к Кориолам. Марций преследует их до ворот города.

Ворота настезь? Не упустим случай.
Судьба не беглецам их распахнула,
А победителям. Вперед, за мной!

(Входит в город.)

П е р в ы й в о и н

Нет, я не спятил: не пойду!

В т о р о й в о и н

Я тоже.

Ворота захлопываются.

Первый воин

Ворота запирают!

Шум битвы продолжается.

Все

Он пропал.

Входит Тит Ларций.

Ларций

Что с Марцием?

Все

Сомнения нет: убит.

Первый воин

За беглецами по пятам он гнался,
Вошел в ворота с ними, но внезапно
Их заперли. Теперь он там один
На целый город.

Ларций

О мой друг отважный!

Ты был при жизни тверже, чем твой меч
Безжизненный: он гнул, ты же — нет.
Утрачен Марций! Бриллиант чистейший,

Будь он с тебя величиной, и тот
Не стоил бы дороже. Рисовался
Таким, как ты, в мечтах Катону воин:
Ты не одним ударом страшен был;
Твой грозный вид и голос твой громовый
Врагов бросали в дрожь, как если б бился
Мир в лихорадке...

Возвращается Марций, обливаясь кровью; за ним — враги.

Первый воин

Тит, смотри!

Ларций

Наш Марций!

Спасем его — иль вместе с ним погибнем!

Сражаясь, врываются в город.

Сцена 5

Улица в Кориолах.

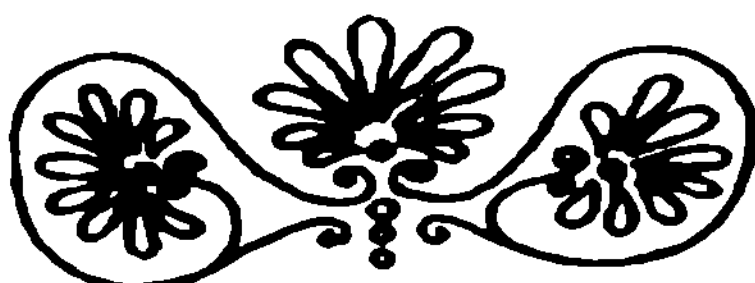
Входят несколько римских воинов, несущих добычу.

Первый римлянин. Вот это я прихвачу с собой в Рим.

Второй римлянин. А я — это.

Третий римлянин. Ах, чтоб тебе сдохнуть! Я эту дрянь
за серебро посчитал.

Вдали шум продолжающейся битвы. Входят Марций и Тит Ларций
с трубочом

М а р ц и й

Взгляни, ну и вояки! Им дороже
Истертый грош, чем время. Бой не кончен,
А эти низкие рабы уж тащат
Подушки, ложки, хлам железный, тряпки,
Которые палач зарыл бы в землю
С тем, кто носил их. Перебить мерзавцев!
Ты слышишь шум в той стороне, где бьется
Наш вождь? К нему! Там режет ненавистный
Авфидий римлян. Ну, отважный Тит,
Бери отряд, который сможет город
Удерживать, а тех, кто посмелее,
Я поведу к Коминию на помощь.

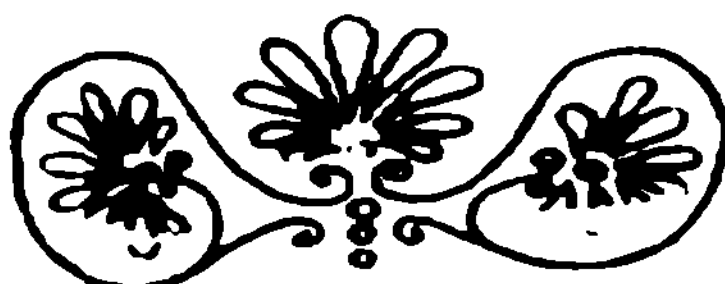
Л а р ц и й

Достойный друг, ты истекаешь кровью.
Так тяжек был твой ратный труд, что снова
Ты в бой идти не должен.

М а р ц и й

Не хвали.

Я даже толком не разгорячился.
Скорей полезно, нежели опасно
Мне кровь пустить. Авфидию предстану
Таким я, как сейчас, и с ним сражусь.
Прощай.

Л а р ц и й

Пускай прекрасная богиня
Фортуна, полюбив тебя, введет
В смятенье силой чар своих волшебных
Мечи твоих врагов! Смелчак, да будет
Тебе слугой успех.

М а р ц и й

К своим любимцам
Пусть и тебя она причтет. Прощай!

Л а р ц и й

О Марций наш, достойный из достойных!

Марций уходит.

(Трубачу.)

Иди на площадь и труби, сзывая
Ко мне все власти города, чтоб им
Я нашу волю объявил. Ступай!

Уходят.

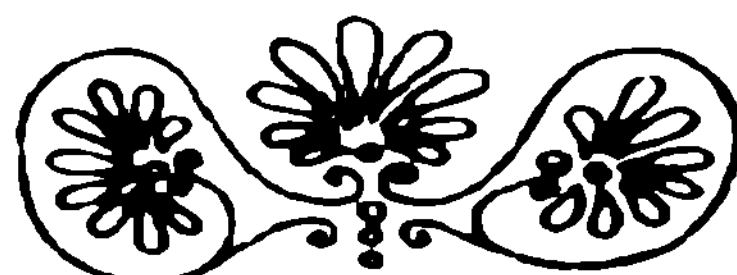
Сцена 6

У лагеря Коминия.

Входит Коминий с войском. Они отступают.

К о м и н и й

Друзья, передохните. Вы сражались
Как римляне: в бою — без сумасбродства,

Без страха — в отступлении. Поверьте,
Ждет новый натиск нас. Когда мы дрались,
По ветру то и дело доносился
К нам бранный клич друзей. — О боги Рима,
Победу ниспошлите им и нам.
Чтоб жертвой благодарственной две рати,
Сойдясь, почтили вас.

Входит гонец.

Какие вести?

Гонец

На вылазку решились кориольцы,
На Ларция и Марция ударив.
Я видел, как ко рвам погнали наших,
И поскакал сюда.

Коминий

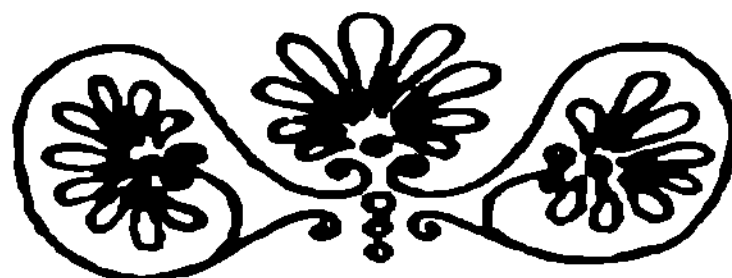
Пусть даже правду
Ты возвестил, не нравится мне весть.
Давно ли это было?

Гонец

Час назад.

Коминий

Мы слышим барабаны. Значит, будет

Туда не больше мили. Что ж так долго
Ты добирался?

Г о н е ц

Вольские дозоры
Охотились за мной, и прокружил
Я мили три-четыре, а иначе
За полчаса б успел к тебе.

Входит М а р ц и й

К о м и н и й

Кто это
Пришел к нам окровавленный, как будто
С него вся кожа содрана? О боги,
Как с Марцием он схож! Того случилось
Таким мне видеть.

М а р ц и й

Я не опоздал?

К о м и н и й

Скорей пастух не отличит волынки
От грома, чем от голосов обычных
Я голос Марция.

М а р ц и й

Не опоздал я?

К о м и н и й

Нет, если ты забрызган вражьей кровью,
А не своей.

М а р ц и й

Позволь тебя обнять
Так радостно и крепко, как когда-то
Я обнимал невесту в вечер свадьбы,
Когда зажглись над ложем брачным свечи.

К о м и н и й

Цвет храбрецов, скажи, где наш Тит Ларций?

М а р ц и й

Он в Кориолах, где изрядно занят:
Одних казнит, других в изгнание шлет,
Тех милует, тем выкуп назначает
И устрашает всех. На сворке город,
Как льстивого, но рвущегося пса,
По воле Рима держит он.

К о м и н и й

Где раб,
Сказавший мне, что вас ко рвам прогнали?
Где он? позвать сюда!

М а р ц и й

Оставь его.

Он не солгал. Лишь нобили сражались,
Плебеи же — чума на них! — бежали.
И вот таким еще дают трибунов!
Не удирали так от кошки мыши,
Как этот сброд от худших, чем он сам,
Мерзавцев.

К о м и н и й

Как же верх вы взять сумели?

М а р ц и й

А до рассказов ли сейчас? Едва ли.
Где враг? За кем осталось поле битвы?
Коль не за вами, что ж не бьетесь вы?

К о м и н и й

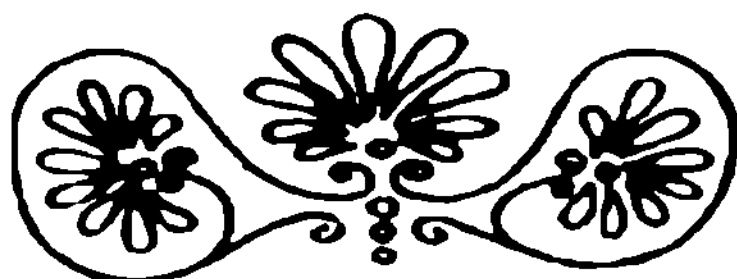
Мы отошли, неся потери, Марций,
Чтобы потом вернее победить.

М а р ц и й

Как расположены враги? Где встали
Их лучшие бойцы?

К о м и н и й

Насколько знаю,
Передовой отряд их — анциаты.
Они — опора войска. Там Авфидий,
Залог надежд врага.

Марций

Молю тебя,
Во имя битв, где кровь мы лили вместе,
Во имя нашей клятвы в вечной дружбе
Позволь ударить мне на анциатов
Авфидия. Не упускай минуты!
Взметнем же в воздух вновь мечи и копья
И попытаем счастья.

Коминий

Хоть желал бы
Тебя я видеть в бане, где бальзамом
Тебе обмыли б раны, не могу я
В подобной просьбе отказать. Бери
На выбор лучших воинов.

Марций

Со мною
Пойдет лишь тот, кто сам захочет.

(Войску.)

Если
Меж вами есть хотя б один (а в это
Не верить — грех), кому приятно видеть
Меня размалевавшие румяна,
Кому милей опасность, чем бесславье,
И доблестная смерть, чем прозябанье,
Кому дороже родина, чем жизнь, —

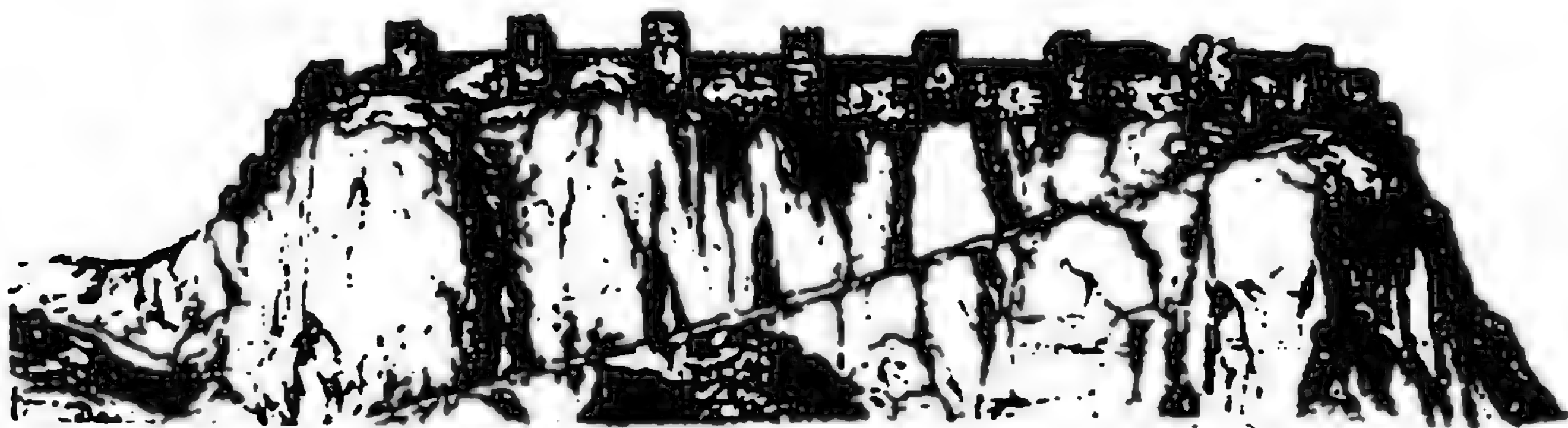

Пусть он один иль все, кто так же мыслит,
Свои мечи поднимут в знак согласия
За Марцием идти.

(Обнажает меч.)

Крики. Воины, потрясая мечами и кидая в воздух шлемы,
подхватывают Марция на руки.

Прочь! Я — не меч; хватать меня не надо.
Коль вы не хвастуны, то стоит каждый
Меж вами четырех врагов и может

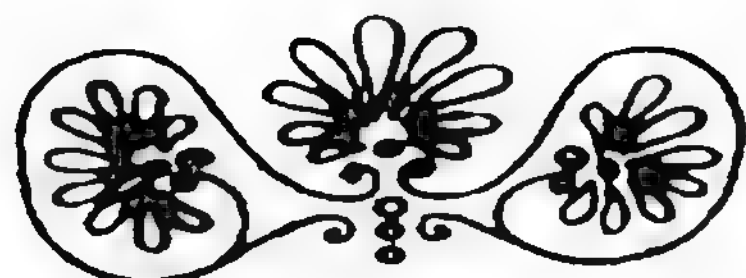

Палатинский холм. Реконструкция археолога Канины

Сойтись с самим Авфидием могучим
Щитом к щиту. Хоть всех благодарю,
Но выберу немногих я, а прочим
Найдется дело и в других сраженьях,
Когда судьба захочет. Выступаем!
Пусть четверо из вас мне отберут
Охотников идти со мной.

К о м и н и й

Вперед!

Свою готовность делом подкрепите,—
И равны славой станете вы нам.

Уходят.

Сцена 7

У ворот Кориол.

Т и т Л а р ц и й, оставив отряд для охраны города,
выходит под звуки труб и барабанов на помощь Коминию
и Каю Марцию. С ним воины и проводник.
Его провожает военачальник.

Л а р ц и й
(военачальнику)

Ворота охраняй и мой приказ
Исполни точно. Если дам я знать,
Пришли ко мне на помощь часть центурий,
А с остальными продержись пока.
Коль проиграем бой, оставим город.

В о е н а ч а л ь н и к

Ты можешь положиться на меня.

Л а р ц и й

Когда мы выйдем, запереть ворота!—
Ну, проводник, води нас в римский лагерь.

Уходят.

Сцена 8

Поле боя между лагерями римлян и вольсков. Шум битвы.

Входят с разных сторон Марций и Авфидий.

Марций

Дерусь с одним тобой. Ты ненавистней
Мне, чем клятвопреступник.

Авфидий

Ты мне — также.

Гнусней мне ты, и злость твоя, и слава,
Чем африканский гад. Готовься к бою!

Марций

Пусть тот, кто дрогнет первым, будет проклят
И станет победителю рабом.

Авфидий

Коль побегу, трави меня, как зайца.

Марций

Тулл, три часа назад один ворвался
Я в Кориолы и потешил душу.
Ты видишь: я в крови, но не в своей.
Собирай для мести силы!

Авфидий

Будь ты Гектор,

Сей бич для вас, его бахвалы внуки,
Ты и тогда бы от меня не спасся.

Сражаются. Несколько вольсков бросаются на помощь
к Авфидию. Марций теснит их.

Услужливые трусы! Ваша помощь
Меня лишь осрамила. К черту вас!

Уходят, сражаясь.

Сцена 9

Шум битвы. Трубят отбой.

Входят с одной стороны: Коминий и римляне,
с другой — Марций, у которого рука на перевязи, и его отряд.

Коминий

Когда б о том, что ты свершил сегодня,
Тебе я рассказал, ты б не поверил
Своим деяньям. Лучше донесенье
Я в Рим отправлю, чтоб, его читая,
Сенаторы сквозь слезы улыбались;
Чтоб нобили, сперва пожав плечами,
Возликовали под конец; чтоб жены
Ему внимали в сладостном испуге;
Чтобы сказать пришлось глупцам трибунам,
Тебе, как весь их затхлый плебс, враждебным:
“Хвала богам, у Рима есть защитник!”
Но ты на пир пришел, уже насытись,
И к самому концу его.

Возвращается с войском Тит Ларций,
преследовавший неприятеля.

Ларций
(указывая на Марция)

О вождь,
Вот бранный конь; мы — лишь черпак на нем.
Ах, если б ты видал...

Марций

Прошу, умолкни!
Я не стерплю, чтоб даже мать моя —
А ей уж кровь свою хвалить пристало —
Меня превозносила. Совершил я
Для родины, как вы, лишь то, что мог.
Любой, кто, жизни не щадя, сражался,
Делами равен мне.

Коминий

Нет, ты не будешь
Могилою заслуг своих: пусть Рим
О доблести своих сынов узнает.
Скрывать свой подвиг, обойти молчаньем
Того, кто хочет скромно в тень уйти,
Хоть всех похвал превыше он, — преступней,
Чем кража, и предательству равно.
Поэтому, прошу тебя, послушай

То, что скажу я воинам, приняв
Его как должное, а не награду.

Марций

Изранен я. Чтоб раны не заныли,
Не надо вспоминать о них.

Коминий

Нет, надо,
Не то их загноит неблагодарность
И перевяжет смерть. Из всех коней
(Немало нам досталось их) и всех
Сокровищ, взятых в городе и в битве,
Даем мы часть десятую тебе,
Ее в раздел добычи не включая.
Бери что хочешь.

Марций

Вождь, благодарю,
Но неподкупным сердцем не приемлю
Я платы за деяния меча
И требую себе такой же доли,
Какую все, кто был в бою, получают.

Протяжный звук труб. Все кричит: "Марций, Марций!", бросая в воздух
шлемы и копья. Коминий и Ларций обнажают головы.

Пусть трубы оскверненные умолкнут!

Уж если льстят они на поле брани,
То, значит, лишь слащавых лицемеров
Мы встретим во дворцах и городах.
Доспехи бесполезны, если мягче,
Чем шелк на царедворце, станет сталь.
Довольно! Неужели лишь за то,
Что кровь с лица я не успел омыть
Или убил двух-трех бедняг тщедушных,
Не больше сделав, чем безвестный воин,
Напыщенными возгласами чтите
Меня вы, словно мне питать приятно
Приправленными лестью похвалами
Ничтожество свое?

К о м и н и й

Ты слишком скромн
И к доброй славе собственной жесток,
Гневясь на нас за правду. Помни, если
Себя ты поносить не перестанешь,
Тебе скуем мы руки (как безумцу,
Себе вреда желающему), чтобы
Спокойно говорить с тобой. Итак,
Пусть знают все, как это нам известно,
Что в битве Марций заслужил венок.
В знак этой чести конь мой благородный,
Которого здесь знает каждый воин,
К нему со всею сбруей переходит.

А сверх того отныне да получит
За все, что он свершил у Кориол,
Кай Марций при хвалебных криках войска
Кориолана имя, и пускай
Он носит это прозвище со славой!

Трубы и барабаны.

В с е

Кориолан — Кай Марций!

К о р и о л а н

Я пойду

Лицо умою, и тогда посмотрим,
Не покраснел ли я. Так иль иначе,
Благодарю вас всех.

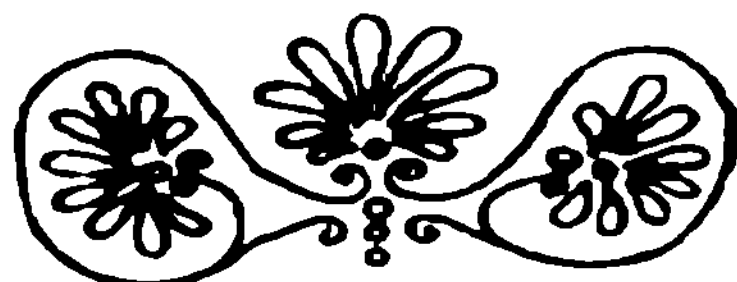
(Коминию.)

Коня приму,

А это имя постараюсь с честью
Носить и дальше, как на шлеме гребень.

К о м и н и й

Идем в палатку. Там мы о победе
Напишем в Рим, а после отдохнем.
Тит Ларций, возвращайся в Кориолы
И шли вождей их в Рим для заключенья
Взаимовыгодного мира с нами.

Л а р ц и й

Исполню, полководец.

К о р и о л а н

Боги, видно,
Смеются надо мной. Я отказался
От царственных даров, и тут же просьбой
Я должен докучать вождю.

К о м и н и й

Согласье
Заранее даю. Чего ты просишь?

К о р и о л а н

Один бедняк когда-то в Кориолах
Мне оказал гостеприимство. Видел
Сегодня я, как он, попавши в плен,
Взывал ко мне, но в эту же минуту
Заметил я Авфидия, и смолкла
Пред злобой жалость. Дай ему свободу.

К о м и н и й

О, просьба благородная! Да если б
Он был убийцей сына моего,
И то б свободен стал как ветер. Ларций,
Исполни.

Л а р ц и й

Марций, как его зовут?

К о р и о л а н

Забыл, клянусь Юпитером. Усталость
Отбила память. Нет ли здесь вина?

К о м и н и й

Идем в палатку. Запеклось от крови
Твое лицо. Пора уже подумать
О перевязке. Ну, идем скорей.

Уходят.

Сцена 10

Лагерь вольсков.

Трубы и рожки. Входит окровавленный **Т у л л А в ф и д и й**.
С ним несколько **в о и н о в**.

А в ф и д и й

Наш город взят.

П е р в ы й в о и н

Но возвратится к нам
На выгодных условиях.

А в ф и д и й

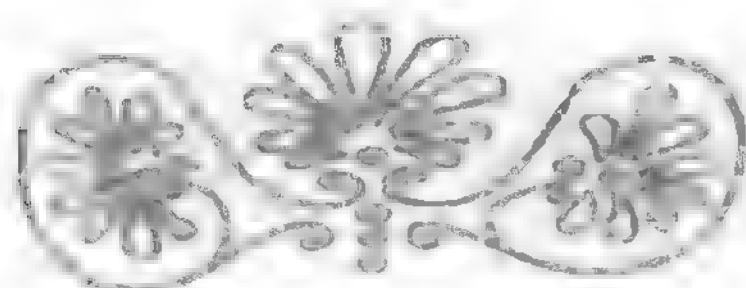
На условиях!

Хотел бы стать я римлянином, если

Кориолан. Рисунок Джона Джильберта

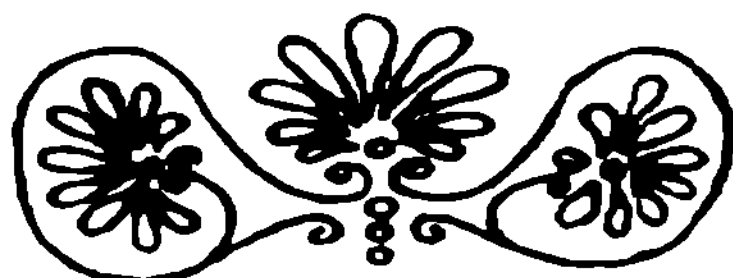
Как вольск быть не могу самим собой.
Условия! Да какие там условия
Для тех, кто побежден!— С тобою, Марций,
Пять раз я бился, и разбит пять раз,
И буду вновь разбит, хотя б встречались
Мы так же часто, как едим.— Клянусь
Стихиями, когда мы вновь сойдемся
Лицом к лицу,— иль он меня убьет,
Иль я его. Былое благородство
Мой гнев утратил. Если раньше думал
Я Марция сломить в бою, как равный,
То я теперь готов на все: не силой,
Так хитростью возьму.

П е р в ы й в о и н

Он сущий дьявол!

А в ф и д и й

Смелей его, но не хитрее. Доблесть
Во мне он отравил клеймом позора,
И от себя теперь я отрекаюсь.
Каким бы ни был он: нагим, больным
Иль спящим; где бы ни был он: во храме,
На Капитолии, у алтаря
В часы молитв и жертвоприношений,
Когда стихает злоба,— никакие
Обычаи и ржавые законы

Не победят моей вражды к нему.
Когда б его я встретил в отчем доме
И защищал его мой брат родной,
То даже там, забыв гостеприимство,
Я руку в сердце у него б омыл.
Идите в Кориолы и узнайте,
Что там решили и кого отправят
Заложниками в Рим.

Первый воин

А ты куда?

А в фидий

Пойду я в рощу кипарисов, к югу
От мельниц городских. Там ждут меня.
Туда ты и явись ко мне с вестями,
Чтоб знал я, что мне делать.

Первый воин

Все исполню.

Уходят.

АКТ II

Сцена I

Рим. Площадь.

Входят Менений и народные трибуны Сициний и Брут.

Менений. Я слышал от авгура, что к вечеру будут вести.
Брут Хорошие или дурные?

Менений. Не такие, каких народу хочется: он ведь Марция не любит.

Сициний. Чему ж тут удивляться: зверь и тот понимает, кто ему друг.

Менений. А скажи-ка на милость, кого любит волк?

Сициний. Овечку.

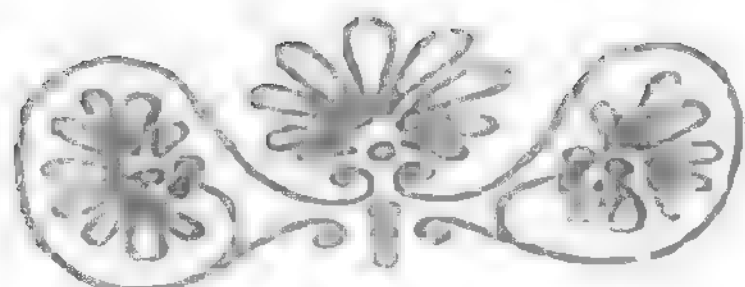
Менений. Да, чтобы сожрать ее; голодный плебс хотел бы поступить так же и с благородным Марцием.

Брут. Истинная овечка, только блеет по-медвежьи.

Менений. Медведь-то он медведь, да живет как овца. Вот вы оба — люди пожилые. Ответьте-ка мне на один вопрос.

Оба трибуна. Ладно, спрашивай.

Менений. Назовите мне хоть один порок, которым Марций не был бы беден, а вы — не богаты.

Б р у т. Да он ни одним не беден: у него любого хоть отбавляй.

С и ц и н и й. Особенно высокомерия.

Б р у т. А хвастливости еще больше.

М е н е н и й. Вот это странно. А известно ли вам самим, за что вас в городе осуждают — не все, разумеется, а мы, именитые люди? Ну, известно?

О б а т р и б у н а. Так за что же нас осуждают?

М е н е н и й. Вы тут сейчас про высокомерие толковали... А вы не рассердитесь?

О б а т р и б у н а. Нет-нет, продолжай.

М е н е н и й. Впрочем, если и рассердитесь, беда невелика: ведь все ваше терпение малейший пустяк расхитить может. Поэтому дайте себе волю и злитесь в свое удовольствие. Итак, вы порицаете Марция за высокомерие?

Б р у т. Не мы одни.

М е н е н и й. Знаю, что одни вы немногого стоите. Зато помощников у вас хватает; не будь их, ваши поступки были бы только смешны. Вы же разумом — сущие младенцы, и одни много не сделаете. А не худо бы вам на самих себя посмотреть да полюбоваться своими драгоценными особами! Ох как не худо бы!

Б р у т. А что мы увидели бы?

М е н е н и й. А увидели бы вы пару негодных, спесивых, наглых, упрямых трибунов — проще сказать, дураков, каких Рим не видывал.

С и ц и н и й. Мы тебя, Менений, тоже хорошо знаем.

М е н е н и й. Да, меня все знают как весельчака патриция, который не дурак выпить кубок подогретого вина, не разбавленного ни единой каплей тибрской воды. Худого же про меня говорят лишь то, что я таю от первой слезы просителя, вспыхиваю, как трут, от каждого пустяка и больше знаком с тыльной частью ночи, чем с лицом утра. Я не стану злобу про себя таить: у меня что на уме, то и на языке. Уж если я встретил двух таких государственных мужей, как вы (Ликургами вас, конечно, не назовешь!), и если меня воротит от питья, которое вы мне преподносите, то я морщусь не стесняясь. Не могу же я признать, что ваши милости говорят разумно, если в каждом звуке ваших речей слышу ослиный рев. Когда другие назовут вас людьми почтенными и серьезными, я еще смолчу; но уж когда они станут утверждать, что лица у вас добрые, я скажу, что это бессовестная ложь. Вы все это, конечно, и сами прочли на карте моего микрокосма, но следует ли отсюда, что вы меня хорошо знаете? Какие же такие изъяны выискала во мне ваша близорукая проницательность, что вы смеее заявлять, будто хорошо меня знаете?

Б р у т. Что ты там ни говори, мы тебя все равно хорошо знаем.

М е н е н и й. Не знаете вы ни меня, ни себя, да и вообще ничего. Вы любите, когда всякие оборванцы перед вами шапку ломают. Вы готовы целое утро убить на разбор тяжбы между торговкой апельсинами и трактирщиком, да еще отложить до следующего дня решение этого спора из-за ломаного гроша. А если у вас схватит живот, когда вам надо выслушивать сторо-

ны, то лица у вас перекашиваются, как у ряженных, терпение лопается, вы шумно требуете себе ночной горшок и уходите, оставляя дело еще более запутанным, чем до вашего разбирательства. У вас только один способ примирить тяжущихся: обозвать мошенниками и правого и виноватого. Ну и замечательная же вы парочка!

Брут. Ладно-ладно, мы то ведь знаем, что ты отменный балагур за столом, а вот на Капитолии — плохой советчик.

Менений. Сами жрецы научились бы смеяться, попадйся им почаще такие смехотворные дурни, как вы. Бородой вы и то трясете осмысленнее, чем произносите самые лучшие свои речи, хотя для ваших бород даже подушка портняжки или вьючное седло осла — чересчур почетная могила. А вы еще жалуетесь, что Марций высокомерен! Да ведь он, на самый худой конец, стоит больше всех ваших предков, начиная с Девкалиона, хотя лучшие из них были, кажется, потомственными палачами. Пожелаю-ка я вам всего хорошего, а не то слишком долгие разговоры с вами, пастыри плебейского стада, еще засорят мне мозг. Беру на себя смелость распроститься с вами.

Брут и Сициний отходят в глубину сцены. Входят **Волумния**,
Виргилия и **Валерия**.

Что с вами, прекрасные дамы, благородные и чистые, как сама луна, спустившаяся к нам на землю? Куда это так нетерпеливо устремлены ваши взоры?

Волумния. Достойный Менений, сын мой Марций подходит к Риму. Юноной заклинаю тебя, не задерживай нас.

Менений. Что? Марций возвращается?

Волумния. Да, достойный Менений, и с великой сла-
вой.

Менений (*бросает шапку в воздух*). Прими мою шапку
и мои благодарения, Юпитер! Неужели правда, что Марций
возвращается?

Виргилия и Валерия. Да-да, правда.

Волумния. Видишь, вот его письмо ко мне; сенату он
прислал другое, жене — третье, да и тебя, пожалуй, дома
письмо ожидает.

Менений. Ну, сегодня у меня весь дом от радости запля-
шет. Неужели мне есть письмо?

Виргилия. Есть, есть, я сама видела.

Менений. Письмо ко мне! Да оно мне на целых семь лет
вперед здоровья придаст, и я натяну нос моему лекарю. По
сравнению с таким снадобьем самые мудрые рецепты Галена —
шарлатанство или, в лучшем случае, промывательное для ло-
шадей. А Марций не ранен? Он же никогда невредимым домой
не возвращается.

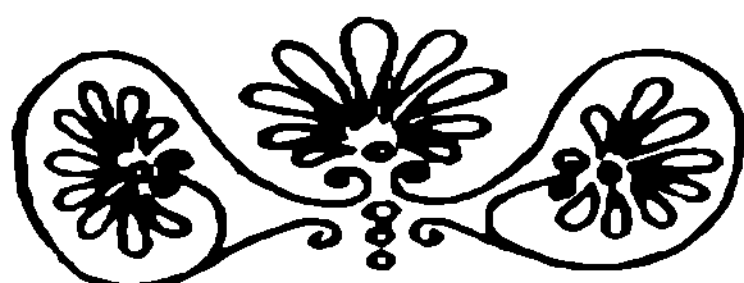
Виргилия. Ах, нет, нет!

Волумния. Конечно, ранен, и я благодарна богам за это.

Менений. Я тоже — если раны не слишком тяжелые.
Впрочем, они ему к лицу. Так, значит, победа у него в карма-
не?

Волумния. Нет, Менений, — на челе. В третий раз он
возвращается в дубовом венке.

Менений. А он, наверное, крепко приструнил Авфидия?

Волумния. Тит Ларций пишет, что они схватились один на один, но Авфидий бежал.

Менений. И правильно сделал, клянусь честью. Не сбеги он вовремя, Марций бы так его разавфидил, что за все золото в кориольских сундуках я не хотел бы очутиться на его месте. А сенату обо всем этом известно?

Волумния (*Виргилии и Валерии*). Идемте, милые. (*Менению.*) Да-да. Сенат получил письма от полководца Коминия. Тот уверяет, что вся слава этого похода принадлежит моему сыну. Он затмил свои прежние подвиги.

Валерия. В самом деле, о нем рассказывают чудеса.

Менений. Чудеса? Ручаюсь — только истинные.

Виргилия. Боги да подтвердят их истинность!

Волумния. Истинность? Да кто же в этом сомневается!

Менений. Истинность? Готов в ней поклясться.— Куда же он ранен? (*Трибунам, которые опять подходят к нему.*) Привет почтеннейшие! Марций-то возвращается, и теперь у него еще больше причин быть высокомерным. (*Волумнии.*) Так куда же он ранен?

Волумния. В плечо и в левую руку. Теперь у него достаточно шрамов, чтобы показать народу, когда он будет добиваться консульства. Когда мы отражали набег Тарквиния, Марций уже получил семь ран.

Менений. Одну — в шею, две — в бедро. Всего, кажется, девять.

Волумния. У него и до этого похода было двадцать пять ран.

М е н е н и й. Значит, теперь их стало двадцать семь: что ни рана — то могила для врага.

Крики и трубы за сценой.

Слышите? Трубы!

В о л у м н и я

То весть нам Марций шлет. Его повсюду
Восторг встречает, провожают слезы.
В его руке дух смерти воплощен:
Чуть ею он взмахнул — и враг сражен.

Трубы. Входят Коминий и Тит Ларций;
между ними Кориолан в дубовом венке; за ними —
военачальники, воины и глашатай.

Г л а ш а т а й

Знай, Рим, что кориольские ворота
Кай Марций в одиночку захватил,
Стяжав себе со славой третье имя —
Кориолан — вдобавок к первым двум.
Добро пожаловать, Кориолан!

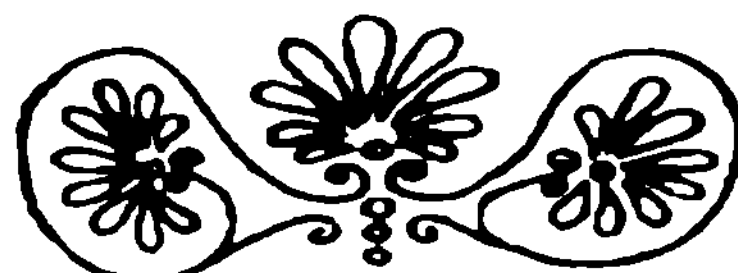
Трубы.

В с е

Добро пожаловать, Кориолан!

К о р и о л а н

Довольно же! Не по сердцу мне это.
Прошу...

Кориолан

К о м и н и й

Вот мать твоя подходит.

К о р и о л а н

О!

**Я знаю, кем удача у богов
Мне вымолена.**

(Опускается на колени.)

В о л у м н и я

**Встань, мой славный воин,
Мой милый Марций, мой достойный Кай,
За подвиги отныне нареченный...
Ну, как его?.. Кориоланом. Так ведь?
Взгляни же, вот твоя жена.**

К о р и о л а н

Привет,

**Молчаливица прелестная моя!
Что ж ты на мой триумф глядишь сквозь слезы?
Тогда уж ты должна была б смеяться,
Вернись в гробу я... Плакать, дорогая,
Сегодня нужно кориольским вдовам
И матерям.**

М е н е н и й

Богами будь увенчан!

К о р и о л а н

Ты жив, дружище?

(Валерии.)

Госпожа, прости...

В о л у м н и я

Не знаю, с кем здороваться!..

(Коминию.)

Привет

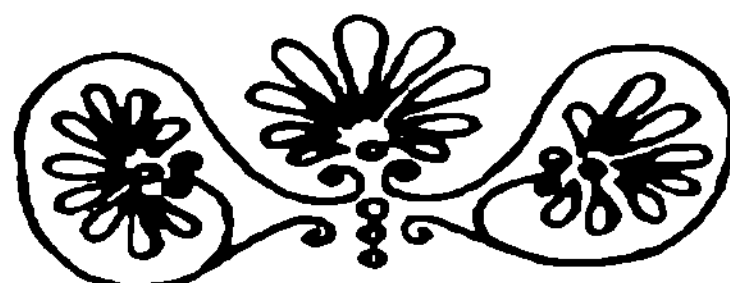
Тебе, наш вождь, и всем, кто возвратился!

М е н е н и й

**Нет, тысяча приветов! И смеяться
И плакать я готов, а на душе
И тяжело и легко. Привет вам всем!
Пусть тех, кто увидеть тебя не рад,
Проклятье поразит. А вас троих
Боготворить обязан Рим, хоть в нем
Найдутся застарелые дички,
Которым не привьешь ваш дух высокий.
Да что там в них! Привет вам, полководцы!
Крапива же останется крапивой,
А дурни — дурнями.**

К о м и н и й

Всегда он прям.

К о р и о л а н

Всегда, во всем все тот же он Менений.

Г л а ш а т а й

Вперед! Дорогу!

К о р и о л а н

(*Волумнии и Виргилии*)

Дайте ваши руки.

Но раньше чем склонюсь пред отчим кровом,
Я обойду партициев почтенных,
Благодаря их за слова привета
И почести.

В о л у м н и я

Мне удалось дожить
До исполненья всех моих желаний,
Воображеньем смелым порожденных.
Осталась у меня одна мечта,
Но и ее исполнит Рим.

К о р и о л а н

Нет, лучше
По-своему служить ему, чем править
Им так, как хочет чернь.

К о м и н и й

На Капитолий!

Трубы и рожки.

Триумфальное шествие удаляется. Брут и Сициний выходят вперед.

Б р у т

Все лишь о нем толкуют. Нацепили
Слепцы очки, чтоб на него взглянуть.
О нем стрекочет нянька, позабыв
Про малыша орущего; стряпуха,
На шее грязь прикрыв холщовой тряпкой,
В окошко пялится; ларьки, прилавки
И двери от людей черны; на крышах
Торчит народ; зеваки на коньках
Сидят верхом. Везде пестреют лица.
Все лишь его глазами жадно ищут.
Затворники жрецы и те сегодня
С толпой смешались и пыhtят, пытаясь
Вперед пролезть. Матроны в покрывалах
Под поцелуи Феба подставляют
Свой нежный лик, где белизна с румянцем
Ведет войну. На улицах так шумно,
Как если б некий бог, его хранящий,
Вошел в него, свое очарованье
Ему придав.

С и ц и н и й

Ручаюсь, скоробудет
Он консулом.

Б р у т

**А при его правленье
Одно останется нам — спать.**

С и ц и н и й

**Он и у власти будет безрассуден,
Не кончит так, как начал, и утратит
Все, что снискал.**

Б р у т

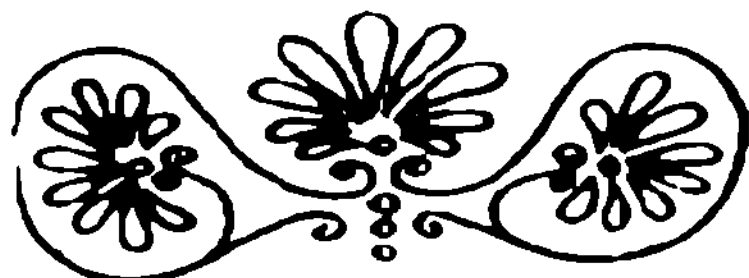
Хоть в этом утешенье!

С и ц и н и й

**Поверь, что плебс, чью сторону мы держим,
Ждет только повода, чтоб позабыть
Сегодняшний триумф его и вспомнить
Вчерашнюю вражду к нему. А повод
Он сам создаст своим высокомерьем.**

Б р у т

**При мне он клялся, что когда захочет
Быть консулом, то ни за что не выйдет
На рыночную площадь, не наденет
До нитки вытертых одежд смиренья
И не покажет (как велит обычай)
Народу ран своих, чтоб домогаться
Его вонючих голосов.**

Сициний

Недурно!

Брут

Добавил он, что консульства искать
Не станет вовсе, если не попросят
Патриции его об этом сами.

Сициний

Чего же лучше! Одного желаю:
Пусть клятве не изменит.

Брут

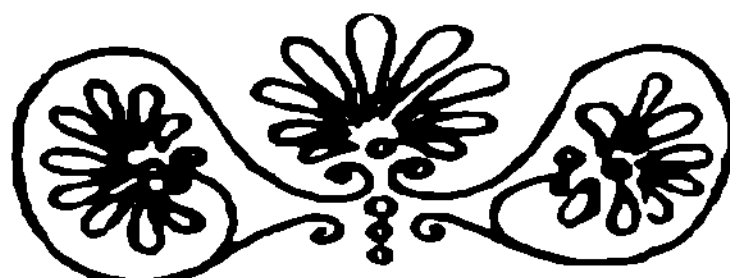
Так и будет.

Сициний

А это, как того мы и хотим,
Его погубит.

Брут

Иль его мы свалим,
Иль наша власть падет. Мы с этой целью
Должны внушать плебеям, что всегда
Он ненавидел их, что, если б мог,
Он превратил бы их во вьючных мулов,
И вольностей лишил, и рот заткнул

Кориолан – триумфатор. Барельеф английского скульптора Анны Дамер

Защитникам народа, убежденный,
Что чернь в делах и разумом и сердцем
Не выше, чем верблюды войсковые,
Которых кормят, чтоб таскали грузы,
И бьют, когда они под тяжелой ношей
На землю валятся.

С и ц и н и й

Все эти мысли
Плебейам мы внушим, как только он
Их спесью оскорбит, что будет скоро:
Ведь Марция на чернь науськать проще,
Чем на овец собаку. Разом вспыхнет
Народ, как куча хворосту, и дымом
Его навеки закоптит.

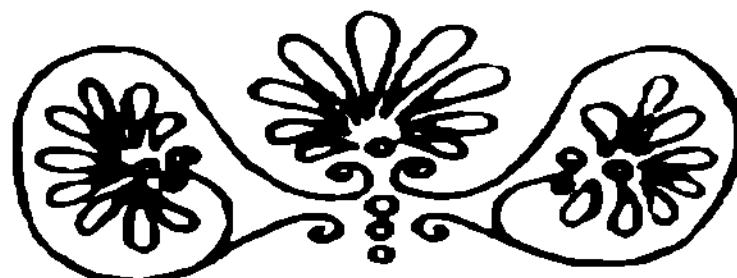
Входит гонец.

Б р у т

В чем дело?

Г о н е ц

На Капитолий вас зовут. Есть слух,
Что Марций будет консулом. Теснятся
Там все; глухие — чтоб его увидеть,
Слепые — чтоб услышать. Путь его
Перчатками матроны забросали,
А девушки и женщины — платками.

Пред ним склонились нобили, как будто
Пред статуей Юпитера, и шалки
Дождем летели из толпы народной
Под гром приветствий. Никогда такого
Я не видал.

Б р у т

Идем на Капитолий!
Пусть трудятся пока глаза и уши,
А сердце выжидает.

С и ц и н и й

Я с тобой.

Уходят.

Сцена 2

Там же. Капитолий.

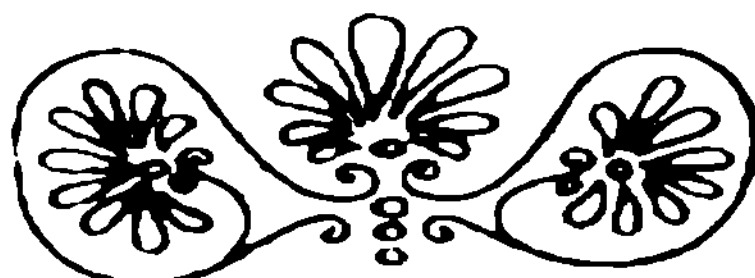
Входят два служителя с подушками для скамей.

П е р в ы й с л у ж и т е л ь. Скорее, скорее, они сейчас при-
ут. А сколько человек добивается консульства?

В т о р о й с л у ж и т е л ь. Говорят, трое. Но все уверены,
то будет избран Кориолан.

П е р в ы й с л у ж и т е л ь. Малый он храбрый, но только
ертовски спесив и надолюбливает простой народ.

В т о р о й с л у ж и т е л ь. Полно тебе! Ведь уж сколько бо-
ьших людей льстили народу, а он все равно их не любил; а

других любил неизвестно за что. Значит, можно так сказать: если народ любит без причины, то и ненавидит без основания. Кориолан это понимает; ему все равно — любит его народ или ненавидит. А так как он человек благородный и прямой, то он этого и не скрывает.

Первый слуга. Будь ему все равно, любит его народ или нет, он держался бы себе в сторонке и не делал ему ни добра, ни зла. Но он словно старается заслужить народную ненависть и прямо из кожи лезет, чтобы показать это своим недругам. А напрашиваться на вражду и злобу народа ничуть не лучше, чем льстить тем, кого ненавидишь, чтобы они тебя полюбили.

Второй слуга. Он достойно послужил отечеству. Уж ему-то возвыситься потруднее было, чем многим другим, которые только кланялись да угождали народу, не сделав ничего, чтобы пробудить в нем уважение к ним. А Кориолан так запечатлел свою славу во всех глазах и свои подвиги во всех сердцах, что замалчивать и не признавать это было бы черной неблагодарностью. Отзывать о нем плохо может только человек злобный и лживый, которого попрекнет и осудит каждый, кто услышит такие слова.

Первый слуга. Ну, хватит о нем. Я вижу: он и в самом деле человек достойный. Прочь с дороги, сенаторы идут.

Трубы.

Входят консул Коминий, предшествуемый ликторами, Менений, Кориолан, сенаторы, Сициний и Брут. Сенаторы занимают свои места, трибуны — свои. Кориолан стоит.

М е н е н и й

Теперь, когда отозван Ларций в Рим
И с вольсками покончено, осталось
(Для этого мы здесь и собрались)
Решить, как мы вознаградим заслуги
Того, кто столько сделал для отчизны.
Поэтому, почтенные отцы,
Прошу я, чтобы здесь сидящий консул
И вождь победоносный нам поведал
О подвигах, которые Кай Марций
Кориолан свершил. Он тут, меж нами,
И почести воздать ему должны мы
Как подобает.

П е р в ы й с е н а т о р

Говори, Коминий,
Наскучить не боясь, и докажи,
Что дело не за нами, а за тем,
Что Риму средств не хватит для награды.

(Трибунам.)

Мы просим вас, избранники народа,
Все благосклонно выслушать, а после
Решенье наше дружественной речью
Перед народом поддержать.

С и ц и н и й

Всем сердцем

Стремясь к согласью общему, охотно
Согласны мы почтить того, кому
Посвящено собрание.

Б р у т

Но охотней
Его мы чтили б, научись он сам
Ценить и почитать народ побольше,
Чем раньше.

М е н е н и й

Брут, не к месту речь твоя!
Ты б лучше помолчал. Ну, будешь слушать
Коминия?

Б р у т

Да, буду, но уместней
Его предостеречь мне, чем тебе
Меня бранить.

М е н е н и й

Он любит твой народ,
Но с ним в одной постели спать не станет.—
Коминий, говори.

Кориолан порывается уйти.

А ты останься.

Первый сенатор

Кориолан, хвалу своим деяньям
Не стыдно слушать. Сядь.

Кориолан

Отцы, простите:
Полезней раны мне лечить, чем слушать
О том, как получил я их.

Брут

Надеюсь,
Не речь моя тебя спугнула?

Кориолан

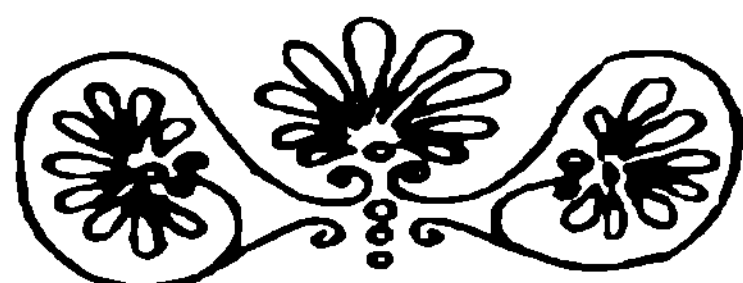
Нет,
Хоть часто я, ударов не страшась,
От слов пустых бежал. Ты мне не льстил,
Поэтому меня ты не обидел.
А твой народ и я люблю — настолько,
Насколько стоит он того.

Менений

Ну, сядь же.

Кориолан

Скорей я стану нежиться на солнце.
Почесывая голову под звуки

Тревоги боевой, чем празддно слушать
Слова хвалы делам моим ничтожным.

(Уходит.)

М е н е н и й

Избранники народа, как он может
Льстить вашим плодовитым оборванцам
(На тысячу которых нет и двух
Людей достойных), если много легче
Ему отдать всю жизнь во имя чести,
Чем пять минут вниманья восхваленью
Своих деяний? — Начинай, Коминий.

К о м и н и й

Мой голос слаб. Ему ли описать
Дела Кориолана? — Если правда,
Что храбрость — высшее из всех достоинств,
Которые мужчину украшают,
То в мире равных нет тому, о ком
Я речь веду. Уже в шестнадцать лет,
Когда на Рим Тарквиний шел, он всех
В бою затмил. Тогдашний наш диктатор,
Прославленный воитель, видел сам,
Как безбородый, словно амазонка,
Кай Марций гнал щетинистых врагов.
Заметив, что один из римлян ранен,
Его он заслонил своею грудью
И на глазах вождя убил троих.

Сойдясь с самим Тарквинием, свалил
Он с ног его в тот день, когда на сцене
Еще играть он мог бы роли женщин,
Но получил как первый меж мужами
Венок дубовый. В юность он вступил
Как зрелый муж и рос подобно морю,
В семнадцати сражениях лишив
Соратников надежды на награду.
И, наконец, у кориольских стен
И в городе сражаясь (У меня
Нет слов, достойных этого деянья!),
Он беглецов остановил и трусам
Помог своим примером превратить
В забаву страшный бой. Как острым килем
Корабль бегущий гнет траву морскую,
Так он своим мечом — печатью смерти,
Косившим всех, кого клинок коснулся,
Сминал и раздвигал ряды врагов,
Изнаненный от головы до пят
И стон предсмертный исторгая каждым
Своим движеньем. Он один ворвался
В губительные стены Кориол,
Кровь — знак судьбы — оставив на воротах,
Без помощи сумел оттуда выйти
И, снова с подоспевшим подкрепленьем
В них вторгшись, как комета, город взял.
Но тут же, чутким ухом уловив

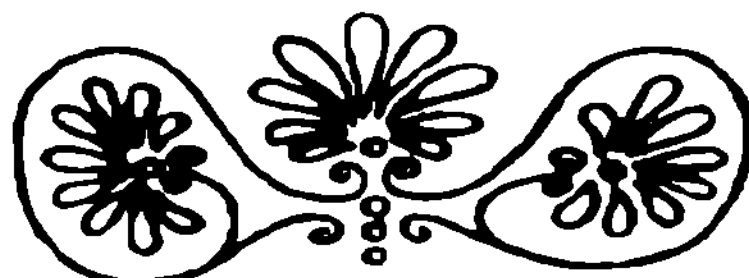
Шум битвы вдалеке, он укрепил
Измученную плоть воспрявшим духом
И вновь на вольсков ринулся, шагая
По грудам мертвецов, как если б были
Они его несметною добычей,
И так, в крови, без отдыха сражался,
Пока не стали нашими и город,
И поле битвы.

М е н е н и й
О достойный муж!

П е р в ы й с е н а т о р
Он заслужил те почести, какие
Ему готовим мы.

К о м и н и й
Добычу нашу
Он оттолкнул, ценнейшие дары
Сочтя за грязь, и меньшего желая,
Чем нищий мог бы дать ему; награду
За подвиги он видит в их свершенье,
Довольный тем, что каждый день рискует
Своею жизнью.

М е н е н и й
Как он благороден!
Пускай его введут.

Первый сенатор
Позвать сюда
Кориолана.

Служитель
Вот он сам идет.
Входит Кориолан.

Менений
Кориолан, сенат тебя возводит
В сан консула.

Кориолан
Готов служить сенату
Мечом и жизнью.

Менений
Обратись теперь
К народу с речью, как велит обычай.

Кориолан
Позвольте мне его не соблюсти.
Не в силах я стоять перед толпою
Полунагим и, раны открывая,
Молить ее отдать мне голоса.
Прошу, меня от этого увольте.

Сициний

Избрание без народа — незаконно,
А он не даст обычай нарушать.

Менений

Прошу, не раздражай народ напрасно,
Смирись с обрядом древним и добудь
Свой сан по установленному чину,
Как все, чей ты преемник.

Кориолан

Роль такую
Играя, покраснею я, и лучше
Народу этого не видеть.

Брут
(Сицинию)

Слышишь?

Кориолан

Мне ль хвастаться перед толпою: “Дескать,
Я сделал то да се” — и не скрывать,
Но обнажать зажившие рубцы,
Как будто ради голосов ее
Я раны получал?..

Менений

Оставь упрямство. —

Трибуны, сообщить вам поручаем
Народу о решение нашем.

(Кориолану.)

Славься
И счастлив будь, наш консул благородный!

С е н а т о р ы

Кориолан, будь счастлив! Славься! Славься!

Трубы.

Все, кроме Сициния и Брута, уходят.

Б р у т

Вот как с народом поступить он хочет!

С и ц и н и й

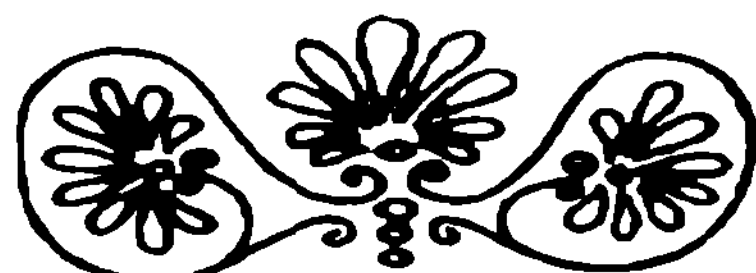
Пора бы это всем понять! Он будет
Просить о том, что презирает, ибо
Просимое дает народ.

Б р у т

Идем

На рыночную площадь и народу,
Который ждет нас там, расскажем все.

Уходят.

Сцена 3

Там же. Форум.

Входят семь-восемь горожан.

Первый горожанин. Да что там толковать: попроси он наших голосов, мы ему не откажем.

Второй горожанин. Ну, если захотим, то можем и отказать.

Третий горожанин. Это, конечно, наше право, но ведь этим правом мы воспользоваться-то не вправе: покажи он нам свои раны да расскажи про свои подвиги, так мы наши языки в эти раны всунем и за них говорить начнем. Да, уж если он нам про свои благородные дела расскажет, так нельзя же нам такое неблагодарство проявить, чтоб ему в признательности отказать! Неблагодарность чудовищна; значит, неблагодарный народ — чудовище. А раз мы сами из народа, то и мы окажемся чудовищами.

Первый горожанин. Да нас и теперь из-за каждого пустяка готовы чудовищами объявить. Помните, когда мы из-за хлеба взбунтовались, он и сам не постыдился обозвать нас многоголовой чернью.

Третий горожанин. Многие нас так называли: и не за то, что головы у одних из нас черные, у других — русые, у третьих — каштановые, а у четвертых и вовсе плешивые, а за то, что умы у нас совсем уж разномастные. Честное слово, если б они разом выскочили из одного черепа, то и тогда разлетелись бы на все четыре стороны — на восток, запад,

север, юг — и, продолжая двигаться по прямой, очутились бы все на одной окружности, да только в разных точках.

Второй горожанин. Вот ты как думаешь? А в какую сторону полетел бы, по-твоему, мой ум?

Третий горожанин. Ну, твой-то не так быстро из башки выберется: он в нее чересчур крепко заколочен; а если все-таки вырвется на свободу, то наверняка полетит на юг.

Второй горожанин. Это почему же именно на юг?

Третий горожанин. Да чтобы в тумане растаять: там три четверти его растворятся в гнилых испарениях, а четвертая для очистки совести вернется и поможет тебе жену подыскать.

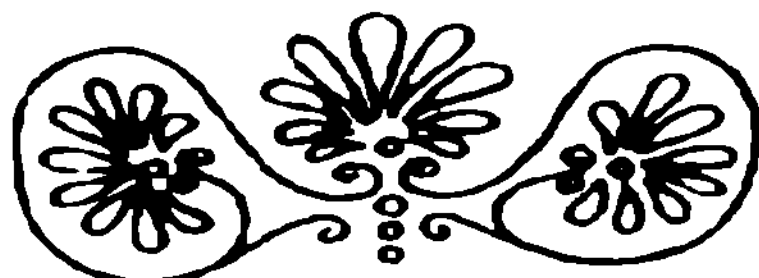
Второй горожанин. Никак ты без своих шуточек не можешь. Да ладно, продолжай.

Третий горожанин. Так как же порешили? Отдадим ему голоса или нет? Впрочем, ничего они не изменят: большинство и так за него. А я скажу все-таки: будь он с народом помягче, не было бы человека достойнее.

Входит Кориолан в одежде смирения и Менений.

А вот и он сам идет в одежде смирения. Примечайте лучше, как он себя с нами держать станет. Толпиться нам всем ни к чему: будем подходить к тому месту, где он стоит, по одному, по двое, по трое. Пусть каждого поодиночке попросит, чтобы каждому выпала честь собственный голос собственным языком отдать. Идите-ка за мной: я вам покажу, как мимо него проходить надо.

Все. Согласны, согласны.

Горожане уходят.

М е н е н и й

Нет, ты неправ: блюли обычай этот
Достойнейшие люди.

К о р и о л а н

Что сказать мне?

“Мой друг...” Чума тебя возьми! Никак
На нужный лад язык я не настрою.

“Взгляни, вот раны, друг! Служа отчизне,
Я получил их в час, когда, как стадо,
Твои собратья с ревом удирали
От грохота своих же барабанов!”

М е н е н и й

О небо! Нет, не так. Проси их вспомнить
Твои заслуги.

К о р и о л а н

Их? Мои заслуги?

К чертям! Пусть лучше обо мне забудут,
Как и о добродетели, которой
Жрецы их тщетно учат.

М е н е н и й

Ты упрямством

Испортишь все. Ну, я пойду. Прошу,
Будь с ними поприветливей.

К о р и о л а н

Сначала

Пусть зубы вычистят себе и рожи
Умоют.

Входят двое горожан.

Вот подходят сразу двое.

Входит третий горожанин.

Вы, конечно, знаете, почему я здесь стою.

Третий горожанин. Знаем, знаем. А все-таки ответь,
что же тебя сюда привело?

Кориолан. Мои собственные заслуги.

Второй горожанин. Твои собственные заслуги?

Кориолан. Да, но пришел-то я сюда не по собственной
воле.

Третий горожанин. Как — не по собственной воле?

Кориолан. По собственной воле я никогда бы не стал у
нищего милостыню кланяться.

Третий горожанин. Ты все-таки помни, что если мы
тебе что-нибудь даем, то и от тебя кое-что надеемся по-
лучить.

Кориолан. Вот и хорошо. Тогда скажи напрямик: в ка-
кой цене у вас должность консула.

Первый горожанин. Цена ее — дружеская просьба.

Кориолан. Дружеская? Изволь. Отдай мне свой голос, приятель. А я тебе покажу свои раны, когда мы будем наедине. (*Второму горожанину.*) И ты, приятель, дай мне свой голос. Что скажешь?

Второй горожанин. Он твой, доблестный воин.

Кориолан. Что ж, по рукам! Вот я и выпросил себе два достойных голоса. Благодарю за подавание. Прощайте.

Третий горожанин. Как-то странно все это.

Второй горожанин. Если б снова пришлось... Ну, сделанного не веротишь.

Три горожанина уходят.

Входят два других горожанина.

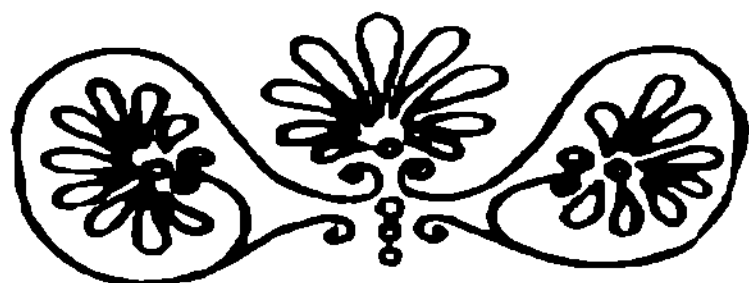
Кориолан. Если вы настроены так, чтоб я был консулом, отдайте мне ваши голоса. Вы же видите: я одет, как полагается по обычаю.

Четвертый горожанин. Ты честно служил отечеству, но служба твоя не была честной.

Кориолан. Это что, загадка?

Четвертый горожанин. Для его врагов ты был бичом, а для его друзей — скорпионом: ты никогда не любил простого народа.

Кориолан. Значит, ты должен еще больше ценить меня за то, что я не якшался запросто с кем попало. Впрочем, я готов льстить моему названному братцу — народу, чтобы снять его драгоценное уважение, раз он согласен его оказывать только на таком условии. Если мудрому народу милей согнутая спина, чем прямое сердце, что ж, я выучусь кланяться-

ся пониже и корчить сладкие рожи на манер тех, к кому он благоволит; словом, буду прислуживаться ко встречному и поперечному. Поэтому прошу вас: изберите меня консулом.

П я т ы й г о р о ж а н и н. Мы надеемся, что ты станешь нам другом, и охотно отдаем тебе голоса.

Ч е т в е р т ы й г о р о ж а н и н. К тому же ты получил много ран, сражаясь за отечество.

К о р и о л а н. Раз ты про них знаешь, я их показывать не буду. Я очень ценю ваши голоса и поэтому не смею их больше утруждать.

О б а г о р о ж а н и н а. От всей души желаем: да пошлют тебе боги счастье!

Уходят.

К о р и о л а н

О, как их голоса отрадны мне!
Нет, лучше голодать, издохнуть лучше,
Чем клянчить то, что заслужил по праву.
Зачем прошу я, стоя здесь в лохмотьях,
У Дика с Хобом голосов ненужных?
Да потому, что так велит обычай!
Но повинуйся мы ему во всем,
Никто не стал бы пыль веков стирать
И горы заблуждений под собою
Похоронили б истину. Не лучше ль,
Чем роль шута играть, отдать и должность
И честь тому, кто ради них все стерпит?

Нет, раз я вынес половину срама,
То и другую вынесу упрямо!

Входят еще трое горожан.

А вот три голоса еще.—
Я ваших голосов прошу. Я дрался
Лишь ради них; лишь ради них ночами
Не спал; лишь ради них раз двадцать пять
Был ранен в восемнадцати сраженьях.
Свершил я много дел больших и малых
Лишь ради них. Давайте ж голоса:
Я впрямь быть консулом хочу.

Шестой горожанин. А ведь он доблестно сражался.
Ни один честный человек не откажет ему в голосе.

Седьмой горожанин. Что ж, пускай будет консулом.
Да пошлют ему боги счастья и да превратят его в истинного друга народа.

Все. Аминь. Пусть боги консула хранят!

Горожане уходят.

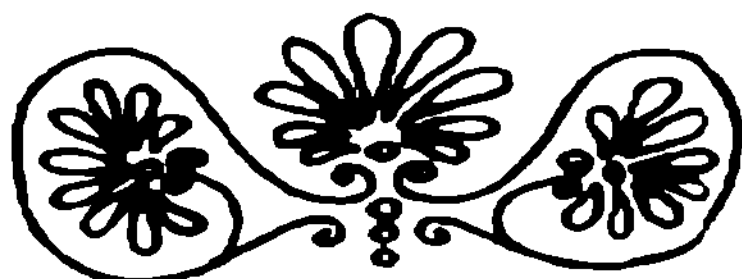
Кориолан

О, как почетны эти голоса!

Входит Менений с Брутом и Сицинием.

Менений

Твой искус кончен. Голоса народа
Несут тебе трибуны. Остается

Тебе в одежду консула облечься,
Чтоб в ней предстать народу.

К о р и о л а н

Это все?

С и ц и н и й

Ты выполнил обряд. Народ согласен,
Чтоб консульство ты получил. Но прежде
Твое избранье нужно утвердить.

К о р и о л а н

В сенате?

С и ц и н и й

Да, Кориолан, в сенате.

К о р и о л а н

Так можно мне переодеться?

С и ц и н и й

Можно.

К о р и о л а н

Пойду сменю одежду и отправлюсь,
Вновь став самым собой, в сенат.

М е н е н и й

И я с тобой. — А вы куда, трибуны?

Б р у т

С народом мы побудем.

С и ц и н и й

В добрый час!

Кориолан и Менений уходят.

Достиг он цели, хоть взбешен изрядно.

Б р у т

**Надев наряд смиренья, он все так же
Остался горд. Ты что, народ распустишь?**

Входят горожане.

С и ц и н и й

Ну как, друзья? Избрали вы его?

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Ему мы дали голоса.

Б р у т

**О небо,
Да не обманет он любви народной.**

Второй горожанин

Аминь. А все ж спроста мне показалось,
Что нас о них с издевкой он просил.

Третий горожанин

Конечно, он в насмешку это делал.

Первый горожанин

Нет-нет, уж просто так он говорит.

Второй горожанин

Мы все, за исключением тебя,
Нашли, что проявил он к нам презренье.
Он был обязан показать нам раны —
Следы своих заслуг перед отчизной.

Сициний

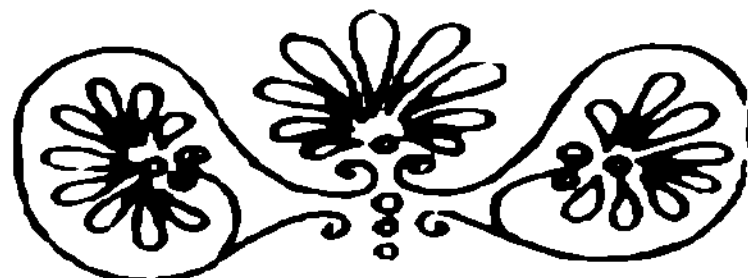
Он, несомненно, их и показал!

Горожане
(отдельные голоса)

Да кто их видел! Нет! И не подумал!

Третий горожанин

Сказал он нам, махнув с презреньем шапкой:
“Наедине я покажу вам раны.

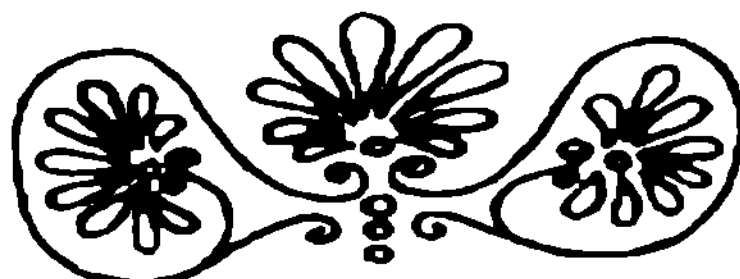
Не позволяет мне обычай старый
Стать консулом без ваших голосов.
Поэтому вы их должны мне дать”.
Когда ж мы согласились, он прибавил:
“Благодарю. Я ваши голоса
Весьма ценю, но больше делать вместе
Нам нечего”. Ну не насмешка ль это?

С и ц и н и й

Но как могли вы быть настолько глупы,
Чтоб не понять его, и так по-детски
Доверчивы, чтоб голоса отдать,
Коль поняли его?

Б р у т

Что ж не смогли вы
Ему ответить так, как вас учили, —
Что в дни, когда он не стоял у власти,
А был еще слугой безвестным Рима,
Он к вам уже питал вражду и речи
Держал в собраниях против вас, пытаясь
Лишить плебеев вольностей и прав;
И что теперь, когда он приобрел
Влияние и силу в государстве,
Оставшись, как и встарь, врегом народа,
Беду накличут ваши голоса
На вас самих. Сказать вам было надо,

Что, хоть довольно у него заслуг
Для назначенья консулом, он все же
Вам должен благодарен быть за выбор
И, позабыв вражду былую, стать
Вам другом и защитником.

С и ц и н и й

Вот если б

Ему вы наши речи повторили,
Он тут же, вспыхнув, выложил бы душу
И вы могли б добиться обещаний,
Чтобы о них при случае напомнить,
Иль, распалив его строптивый нрав,
Который не выносит принужденья,
Найти в его неистовстве предлог,
Чтоб отменить избранье.

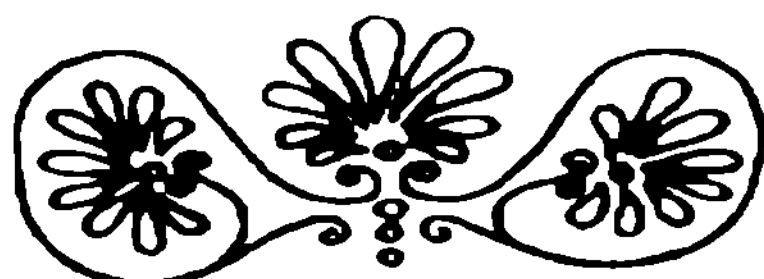
Б р у т

Иль не ясно,

Что, даже в вас нуждаясь, он открыто
Вас презирал? Иль не понятно вам,
Что вас своим презреньем он раздавит,
Когда получит власть давить?

Иль сердце

У вас в груди не бьется? Иль язык
Вам дан лишь для того, чтоб восставать
На разум?

Сициний

Иль не случилось вам
Ни разу отказать тому, кто просит?
Зачем же вы отдали голоса
Тому, кто не просил вас, а смеялся
Над вами?

Третий горожанин

Он еще не утвержден.
Его отвергнуть можно.

Второй горожанин

И отвергнем!
Я сам уговорю пять сотен граждан!

Первый горожанин

Я — тысячу, и с ними их друзей.

Брут

Ступайте, объясните им, что избран
Был вами тот, кто втайне замышляет
Вас вольностей и голосов лишить,
Как псов, которых бьют за лай, хоть держат,
Чтоб лаяли.

Сициний

Плебеев созовите
Для обсужденья дела и отмены

Избранья безрассудного. Сошлитесь
На то, как он спесив и вам враждебен,
На то, с каким презрением одежду
Смиренья он носил и как глумился
Над вами, голосов прося. Скажите,
Что только память о его заслугах
Понять вам помешала непристойность
Его язвительных речей, внушенных
Закоренелой злобой к вам.

Б р у т

Свалите

Вину на нас, трибунов ваших, — дескать,
Мы сами, возраженьям не внимая,
Склоняли вас его избрать.

С и ц и н и й

Скажите,

Что вами избран он не добровольно,
А по приказу нашему; что занят
Был разум ваш не тем, что вам хотелось,
А тем, что надлежало сделать вам;
И вышло так, что нехотя избрали
Вы консулом его. Вините нас.

Б р у т

Да, не щадите нас. Друзьям скажите,
Как часто мы втолковывали вам,

Что с юности до нынешнего дня
Он родине служил; что происходит
Он из семьи тех Марциев, которой
Дан римлянам четвертый царь — Анк Марций,
Великого Гостилия преемник
И Нумы внук по матери своей,
А также Квинт и Публий, кем построен
Водопровод, чтоб Рим снабжать водой,
И Цензорин, любимец бедняков,
Себе прозвание это заслуживший
Тем, что был дважды цензором.

С и ц и н и й

Скажите,

Что постоянно мы твердили вам
Не только о его происхождении,
Но и о дарованиях его,
На консульство ему дающих право;
Однако, взвесив все его поступки
Как в прошлом, так и в день голосованья,
Вы поняли, что он — ваш враг заклятый,
И отменили свой поспешный выбор.

Б р у т

Да посильней при этом напирайте
На то, что вы без наших настояний
Его бы не избрали никогда.

А после, голоса собрав, спешите
На Капитолий.

Г о р о ж а н е

Так мы и поступим.
Уже почти все теперь жалеют
О выборе недавнем.

Уходят.

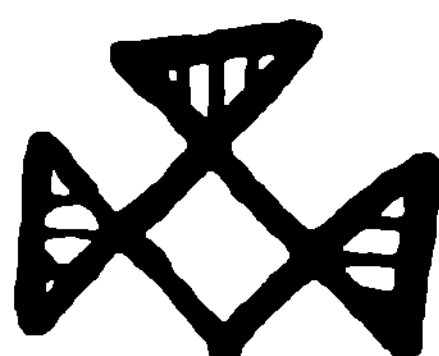
Б р у т

Пусть идут!
Нам их подбить на бунт не так опасно,
Как ждать, пока не грянет неизбежно
Другой мятеж, во много раз страшней.
Коль взбесит Марция, что несомненно,
Лишение сана, это может пользу
Нам принести.

С и ц и н и й

Идем на Капитолий,
Покуда плебс туда волной не хлынул.
Пусть бунт, к которому мы подхлестнули,
Предстанет (так оно и есть отчасти)
Как дело рук народа самого.

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Улица в Риме.

**Рожки. Входят Кориолан, Менений, Коминий,
Тит Ларций, сенаторы и патриции.**

Кориолан

Итак, вновь поднял голову Авфидий?

Ларций

**Да, поднял. Потому нам и пришлось
Поторопиться с заключеньем мира.**

Кориолан

**И, значит, вольскам нужен только случай,
Чтобы опять напасть на нас?**

Коминий

Нет, консул.

Они истощены, и не придется
До смерти видеть нам, как их знамена
Колышатся.

К о р и о л а н
(Ларцию)

Авфидия ты видел?

Л а р ц и й

Ко мне с охранной грамотой пришел он,
Кляня сограждан, подло сдавших город,
И удалился в Анциум затем.

К о р и о л а н

И говорил он обо мне?

Л а р ц и й

Да.

К о р и о л а н

Что же?

Л а р ц и й

Что скрещивали вы мечи не раз,
Что он тебя смертельно ненавидит,
Что в безвозвратный долг отдать готов

Все, чем владеет, лишь бы победить
Тебя в бою.

К о р и о л а н
Он в Анциуме ныне?

Л а р ц и й
Да.

К о р и о л а н
Я хотел туда б к нему пробраться,
Чтоб ненависть его опять сломить.—
Тебя же с возвращеньем поздравляю.

Входят **С и ц и н и й** и **Б р у т**.

А, вот они, трибуны, горло черни!
Я презираю их за чванство властью,
Которое невыносимым стало
Для нас, патрициев.

С и ц и н и й
Ни шагу дальше!

К о р и о л а н
Как? Почему?

Б р у т
Идти вперед опасно.

К о р и о л а н

Что тут еще за новости?

М е н е н и й

В чем дело?

К о м и н и й

Ведь он же избран знатью и народом.

Б р у т

Нет.

К о р и о л а н

Кто ж тогда голосовал? Мальчишки?

П е р в ы й с е н а т о р

Прочь! Он идет на рыночную площадь.

Б р у т

Он прогневил народ.

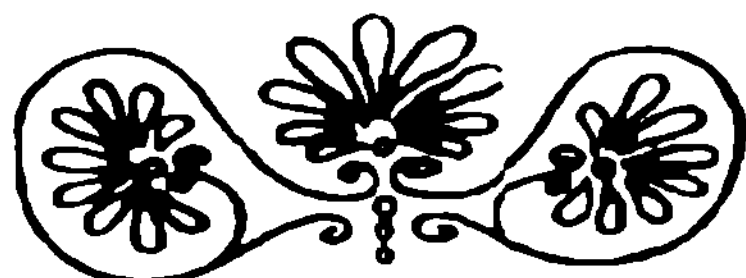
С и ц и н и й

Назад, иль бунта

Теперь не миновать.

К о р и о л а н

Вот ваше стадо!

Вот что бывает, если голос дать
Тем, кто от слов своих готов отречься!
Куда ж трибуны, глотки черни, смотрят?
Зачем не сжали зубы ей? Иль сами
Их наострили?

М е н е н и й

Полно, успокойся.

К о р и о л а н

Тут заговор умышленно устроен,
Чтоб волю плебса знати навязать.
Что ж, покоритесь, поживите с теми,
Кто неспособен властвовать, но власти
Не признает.

Б р у т

Тут заговора нет.

Народ кричит, что ты над ним глумился,
Что порицал раздачу хлеба даром,
Что обзывал защитников народа
Подлизами и недругами знати.

К о р и о л а н

Давно известно это всем.

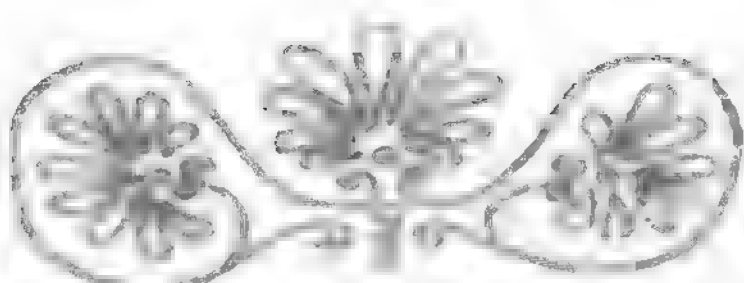
Б р у т

Не всем.

- Вид на Колизей. Макет

К о р и о л а н

Так ты им это разболтал?

Б р у т

Кто? Я?

К о м и н и й

На это ты способен.

Б р у т

Я способен

На лучшее, чем лучшие из вас.

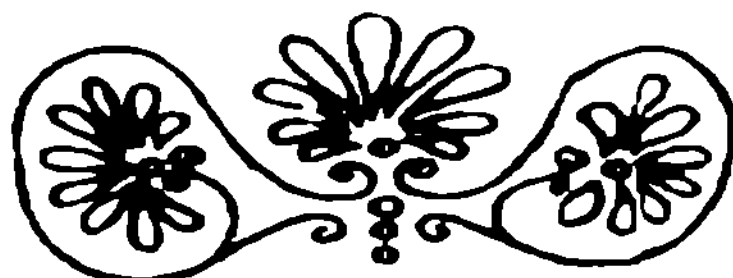
К о р и о л а н

Тогда к чему мне консульство? Клянусь
Вон той высокой кучей, мне удобней
Стать вашим сотоварищем-трибуном,
По низости вам равным.

С и ц и н и й

Слишком много

В тебе того, что в гнев народ приводит.
Уж если ты достичь желаешь цели,
Так спрашивай учтивей о дороге,
Которой к ней приходят и с которой
Ты сбился, а не то — оставь надежды
Быть консулом иль хоть трибуном.

М е н е н и й

Полно.

К о м и н и й

Народ обманут. Недостойны Рима
Все эти плутни, и Кориолан
Не заслужил, чтоб заграждала ложь
Ему дорогу славы.

К о р и о л а н

Хлеб он вспомнил!
Да, так я говорил и вновь скажу...

М е н е н и й

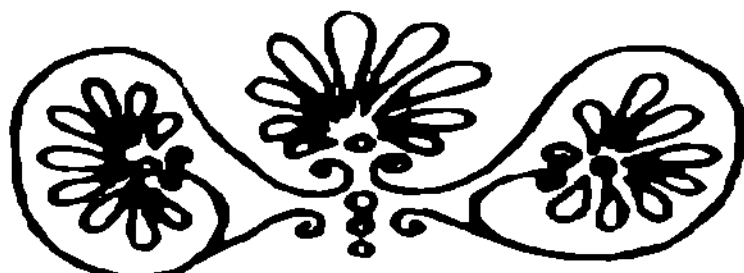
Но позже, позже.

П е р в ы й с е н а т о р

Слишком ты взволнован.

К о р и о л а н

Нет, жизнью в том клянусь, скажу сейчас.
Достойные друзья, меня простите,
Но черни смрадной и непостоянной
Я льстить не в силах. Пусть она увидит
Себя в моих речах. Я повторяю,
Что, потакая ей во зло сенату,
Мы сами сеем сорную траву

Бесчинств и бунтов, для которой почву
Вспахали и удобрили мы сами,
Себя поставив с чернью наравне,
Смешавшись с ней и поступаясь властью
В угоду подлым нищим.

М е н е н и й

Перестань.

П е р в ы й с е н а т о р

Прошу: ни слова больше.

К о р и о л а н

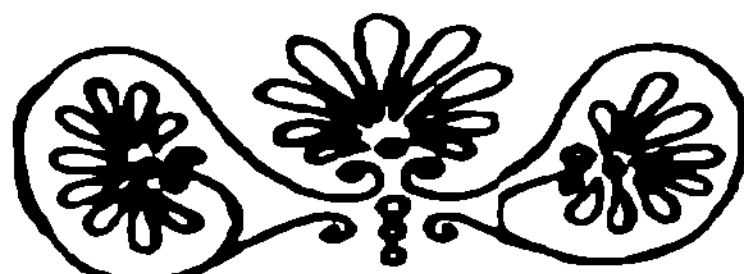
Что? Ни слова?

В боях, где кровь за родину я пролил,
Врагов я не страшился и теперь
Не усташусь, пока есть сила в легких,
Клеймить словами этих прокаженных,
Которым мы идем навстречу сами,
Хоть избегать их надо.

Б р у т

О народе

Ты смеешь отзываться так, как будто
Ты не такой же слабый человек,
А божество карающее.

Сициний
Стоит
Твои слова пересказать народу.

Менений
Не смей! Ему внушил их гнев.

Кориолан
Что? Гнев?
Да будь спокойней я, чем сон полночный,
Клянусь богами, я бы думал так же.

Сициний
Ну, эта дума лишь тебя отравит,
А для других безвредна будет.

Кориолан
“Будет!”
Вы слышите, как властно кинул “Будет!”
Тритон плотвы всем нам?

Коминий
Но это слово
Отнюдь не противозаконно.

Кориолан
“Будет!”
О добрый и почтенный, но безвольный
И предусмотрительный сенат!

Как мог ты допустить, чтоб проходимцы,
Став трубным гласом черни, этой гидры,
Поток своих решений, как запруда,
В болото направляли дерзким “Будет!”
Коль власть у них, тогда, отцы, склонитесь
Пред ними головой недальновидной,
А если нет, то гибельную слабость
Пора отбросить. Если мудры вы,
То не уподобляйтесь недоумкам;
А если глупы, то сажайте их
С собою рядом на подушки ваши.
Вы с плебсом, видно, местом поменялись,
Раз голосом его в совете общем
Ваш голос заглушен. Избрала чернь
Сановников себе, как, скажем, этот,
Бросающий запанибрата “Будет!”
В лицо такому славному собранью,
Какого даже Греция не знала.
Он консулов унизил, видит небо!
И я скорблю душою, ибо знаю,
Что стоит лишь возникнуть двум властям,
Как смута проберется в щель меж ними,
Одной другую подорвав.

К о м и н и й

Довольно!

Идем на площадь!

К о р и о л а н

Кто б ни дал совет
Раздать бесплатно хлеб, как иногда
И греки делали...

М е н е н и й

Прошу, довольно!

К о р и о л а н

... (Хоть у народа больше прав там было),
Я повторяю: тот своим советом
Вскормил непослушанье и мятеж
На гибель государству.

Б р у т

Неужели

Народ подаст свой голос за того,
Кто это говорит?

К о р и о л а н

Я приведу

Вам доводы ценней, чем этот голос.
Плебеям ли не знать, что не в награду
Был роздан хлеб, которого они
Не заслужили? Кто как не народ,
Когда его мы звали на войну
С врагом, грозившим сердцу всей отчизны,

Не пожелал и за ворота выйти?
А на войне чем проявил он храбрость?
Одними бунтами да мятежами.
Едва ль и те пустые обвиненья,
Которые он предъявлял сенату,
На щедрый дар ему давали право.
И что ж? Как понял доброту сената
Желудок черни? Все ее поступки
Нам говорят яснее слов: "Нас мною.
Мы захотели хлеба — и со страху
Нам дали хлеб". Унизили мы сами
Свою же власть и побудили чернь
Почесть за трусость наше снисхожденье.
Оно взломает скоро дверь сената,
И вороны туда ворвутся стайей
И заклюют орлов.

М е н е н и й

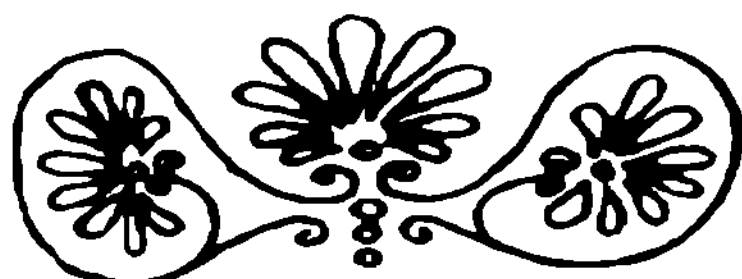
Молчи! Довольно!

Б р у т

И даже с лишком!

К о р и о л а н

Нет, скажу еще,
Скрепив свои слова любой клятвой —
Небесной иль земною. — Двоевластье,
Когда одни правители с презреньем

По праву смотрят на других, а те
Поносят первых вовсе без причины,
Когда важней, чем сан, рождение, мудрость,
Невежественный голос большинства, —
Такое двоевластье неизбежно
К забвению потребностей насущных
И к общему разброду приведет.
Там, где преграждена дорога к цели,
Недостижима цель.

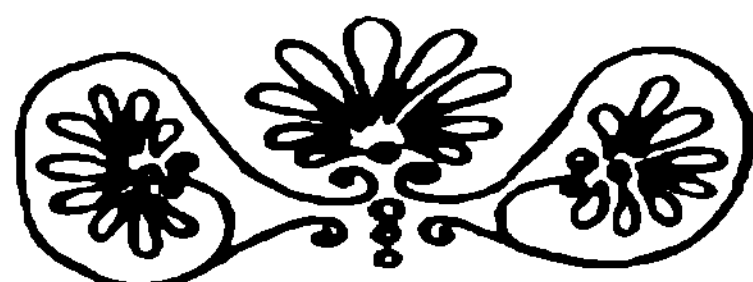
(Сенаторам.)

А потому

Молю я вас, людей не столько робких,
Сколь осторожных; вас, кто больше любит
Порядок, чем боится перемен;
Вас, для кого важней прожить достойно,
Чем долго; вас, кто предпочесть способен
Опасное лекарство верной смерти, —
Немедля вырвите язык толпе,
Чтоб не лизала сладостной отравы.
Иначе унижение сената,
Заставив смолкнуть здравый смысл, разрушит
Единство, без которого нет власти.
Коль зло поработит ее, она
Служить добру не сможет.

Б р у т

Все нам ясно!

С и ц и н и й

Он как изменник говорил и будет
За это как изменник отвечать!

К о р и о л а н

Мерзавец! Ты от злости раньше лопнешь!
Затем ли мы трибунов черни дали,
Чтоб эти облысевшие прохвосты
Ее учили неповиновенью?
Она избрала их во время бунта,
Когда не долг законом был, а сила.
Но времена бесчинства миновали.
Воскликнем же: "Пусть торжествует право!" —
И власть трибунов превратим во прах.

Б р у т

Измена налицо!

С и ц и н и й

И это — консул?
Ну, нет!

Б р у т

Сюда, эдилы!

Входит эдил.

Взять его!

Сициний

Зови народ.

Эдил уходит.

**А ты задержан мною
От имени народа как изменник,
Как враг его. Зову тебя на суд
И обвиняю.**

Кориолан

Прочь, седой козел!

Сенаторы и прочие

Мы за него ручаемся.

Коминий

Старик,

Не смей его касаться!

Кориолан

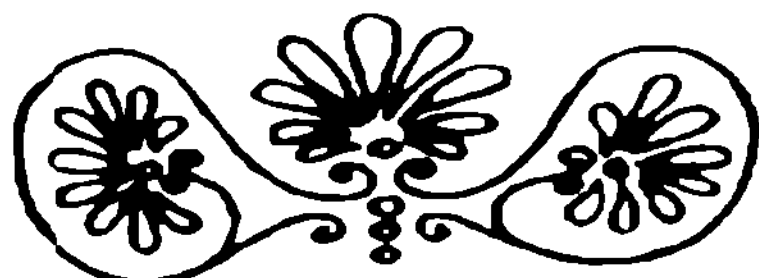
Прочь, иль кости

**Твои гнилые из одежды грязной
Я вытрясу.**

Сициний

Сограждане, на помощь!

Входят эдилы с толпой горожан.

М е н е н и й

Опомнитесь вы оба!

С и ц и н и й

**Горожане,
Вот тот, кто хочет власть у вас отнять!**

Б р у т

Хватай его, эдилы!

Г о р о ж а н е

**Смерть ему!—
Долой его!— Покончить с ним!**

С е н а т о р ы и п р о ч и е

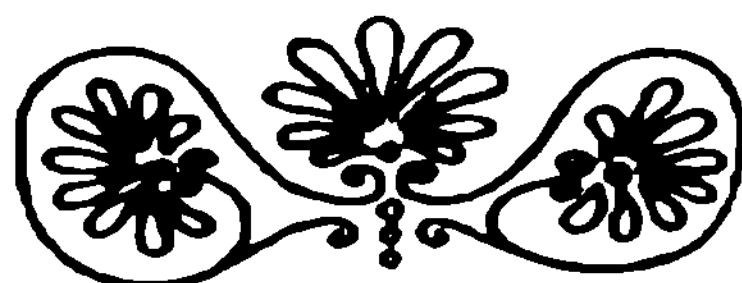
К о р у ж ь ю!

Все с криком окружают Кориолана.

**Патриции!.. Сограждане!.. Трибуны!..
Сициний!.. Брут!..— Кориолан!..— Пойдите!..
На помощь!..— Успокойтесь!..— Тихе, тихе!..**

М е н е н и й

**Что происходит здесь? Я задыхаюсь.
Беда близка, а говорить нет сил!
Кориолан, трибуны, успокойтесь!
Уйми народ, Сициний добрый!**

С и ц и н и й

Тише!

Сограждане, послушайте меня!

Г о р о ж а н е

Послушаем трибуна.— Тише, тише!

С и ц и н и й

**Вам всем грозит беда: задумал Марций,
Которого вы консулом избрали,
Отнять у вас свободы ваши.**

М е н е н и й

ТЬфу!

Не тушишь ты пожар, а разжигашь!

П е р в ы й с е н а т о р

Безумец, ты разрушить город хочешь?

С и ц и н и й

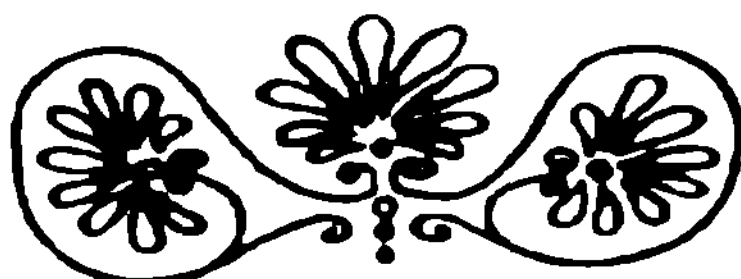
А что такое город? Наш народ.

Г о р о ж а н е

Он дело говорит: народ есть город.

Б р у т

**Народ нам поручил единодушно
Быть судьями от имени его.**

Г о р о ж а н е

И оставайтесь ими.

М е н е н и й

Да, конечно.

К о м и н и й

**Да, оставайтесь, чтоб разрушить город,
Сравнять его с землею и порядок
Похоронить под грудями развалин!**

С и ц и н и й

За речь свою достоин Марций смерти.

Б р у т

**Иль отстоим мы нашу власть сейчас,
Иль потеряем. — Именем народа,
Который нас избрал, постановляем:
Немедля Марций будет предан казни.**

С и ц и н и й

**А потому изменника хватайте,
Ташите на Тарпейскую скалу
И сбросьте в пропасть.**

Б р у т

Взять его, эдилы!

Кориолан. Рисунок Джона Джильберта

Г о р о ж а н е
Сдавайся, Марций!

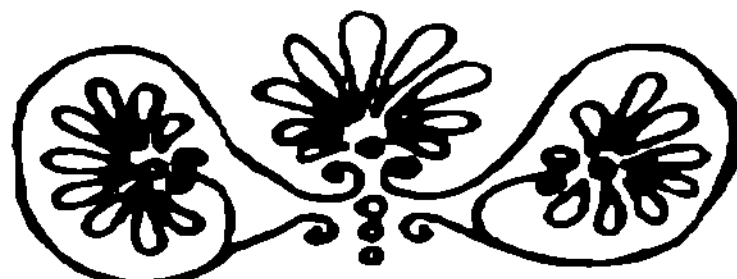
М е н е н и й
Дайте мне сказать!
Я слова требую, трибуны!

Э д и л ы
Тише!

М е н е н и й
Считается, что вы друзья отчизны.
На деле докажите это. Взвесьте
Без гнева и без спешки то решение,
Что ярость вам внушило.

Б р у т
Хладнокровно,
Но медленно оказанная помощь
Опасней, чем отрава для больного,
Когда недуг смертелен.— Взять его
И на скалу стащить!

К о р и о л а н
(обнажая меч)
Нет, здесь умру я!
Кой-кто из вас видал, как я сражаюсь.
Ну что ж, проверьте это на себе.

М е н е н и й

Да спрячь ты меч!— Трибуны, отойдите
Хоть на минуту.

Б р у т

Взять его.

М е н е н и й

На помощь!

Кто благороден, будь он стар иль молод,—
Все Марцию на помощь!

Г о р о ж а н е

Бей его!

Общая схватка. Трибунов и эдилов прогоняют.

М е н е н и й

(Кориолану)

Ступай домой, иначе все погибло!

В т о р о й с е н а т о р

Да-да, иди скорее.

К о м и н и й

Нет, останься:

Друзей у нас не меньше, чем врагов.

М е н е н и й

Ужель прольется кровь?

П е р в ы й с е н а т о р

Да не допустят

**Такого боги.— Благородный друг,
Прошу, иди домой и все уладить
Нам предоставь.**

М е н е н и й

**Ведь рану нанесли
Нам всем, и ты один ее не сможешь
Перевязать. Ступай.**

К о м и н и й

Мы за тобою.

К о р и о л а н

**Зачем они не варвары, которым
Они подобны, хоть родились в Риме,
А римляне, с которыми ничем
Не схожи, хоть зачаты у подножья
Холма Капитолийского?**

М е н е н и й

Иди.

**Заставь молчать свой правый гнев и верь:
Наступит час возмездья.**

К о р и о л а н

Я свалил бы

В бою таких с полсотни.

М е н е н и й

Да и я бы

Пришиб двух лучших — парочку трибунов.

К о м и н и й

Но здесь нас чернь своим числом подавит.

Стоять же пред готовым рухнуть зданьем —

Не мужество, а просто безрассудство,

Уйди, пока толпа не возвратилась

И все, пред чем обычно отступала,

Не смыла, как разлив, плотину.

М е н е н и й

Скройся,

Чтоб попытаться мог мой старый ум

Унять безумных. Если рвется платье —

Любой лоскут пригоден для заплаты.

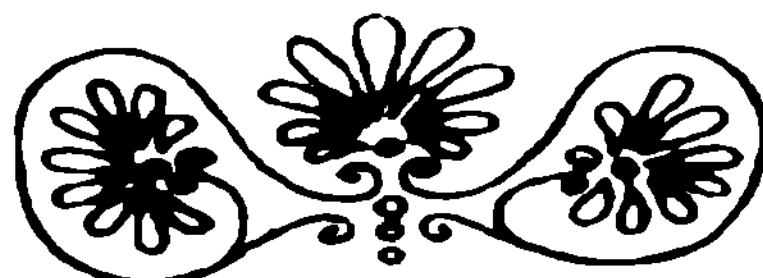
К о м и н и й

Идем.

Кориолан, Коминий и другие уходят.

П е р в ы й п а т р и ц и й

Он слишком прям, чтоб в мире с миром жить.

Нептун трезубцем и Юпитер громом
И те польстить им не принудят.
Мысль у него со словом безраздельна:
Что сердце скажет, то язык повторит.
Позабывает он в минуты гнева,
Что значит слово "смерть".

За сценой шум.

Ну, будет дело.

Второй патриций.
Желал бы я их уложить в постели.

Менений

А я бы — в Тибр. Ах, черт! Зачем он не был
Повежливее с ними!

Входят Брут и Сициний с толпой плебеев.

Сициний

Где ехидна,
Где тот, кто Рим задумал обезлюдить,
Чтоб в нем царить?

Менений

Почтенные трибуны...

Сициний

Он будет сброшен со скалы Тарпейской,

Затем что воспротивился закону
И потому законом без суда
Передается в руки строгой власти,
С которой не считался.

Первый горожанин

Пусть узнает,
Что наши благородные трибуны —
Уста народа, мы же — руки их.

Горожане

Да-да, пускай!

Менений

Послушайте...

Сициний

Умолкни!

Менений

Зачем кричать: “Трави!” — Когда медведя
Взять и без боя можно?

Сициний

Для чего
Ему помог ты скрыться?

М е н е н и й

Дай сказать.—

Не хуже, чем достоинства, известны
Мне недостатки консула.

С и ц и н и й

Какого?

М е н е н и й

Кориолана.

Б р у т

Консул? Он?

Г о р о ж а н е

Нет, нет!

М е н е н и й

Могу ль я, люди добрые, сказать
С согласия трибунов два-три слова,
Которые лишь несколько минут
У вас отнимут?

С и ц и н и й

Говори, но кратко:
С изменой ядовитою покончить

Нам нужно быстро. Если мы изгоним
Предателя — опасность нам грозит,
А если здесь его оставим — гибель.
Сегодня он умрет.

М е н е н и й

Да не потерпят
Бессмертные, чтоб Рим, чью благодарность
К его сынам, себя покрывшим славой,
Заносит сам Юпитер в книгу судеб,
Пожрал своих же собственных детей,
Бесчувственному зверю уподобясь.

С и ц и н и й

Он язва. Надо вырезать ее.

М е н е н и й

Он член, который язва поразила.
Лечить его легко, отсечь — смертельно.
Чем заслужил он казнь, чем Рим обидел?
Тем, что громил его врагов? Иль тем,
Что за отчизну пролил больше крови,
Чем в жилах у него теперь осталось?
Пролив ее остаток, вы навеки
На всех, кто это допустил иль сделал,
Положите пятно.

Сициний

Слова пустые!

Брут

И вздорные. Народом был он чтим,
Пока любил отчизну.

Менений

Разве ногу,
Служившую вам верно, мы не ценим,
Когда ей омертветь случится?

Брут

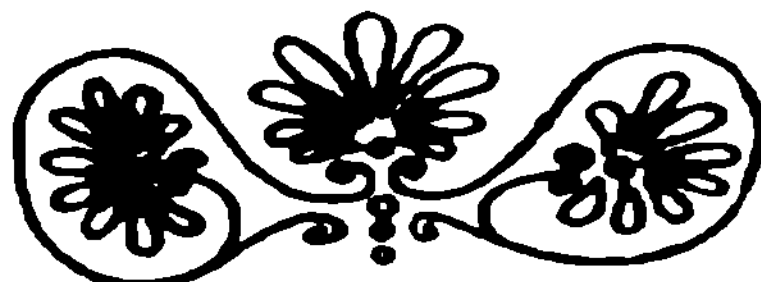
Хватит.—

К нему домой ступайте и сюда
Его тащите, чтоб заразе этой
Не дать распространиться.

Менений

Стойте, стойте!—

Позвольте мне сказать еще хоть слово.
За Марцием вы гонитесь, как тигры.
Когда ж поймете, чем грозит поспешность,
То вам придется к пяткам привязать
Свинцовый груз, но будет слишком поздно.
Пусть суд решит судьбу Кориолана,

Не то начнется смута (он любим!)
И римлянами будет Рим разгромлен.

Б р у т

Ну, если так...

С и ц и н и й

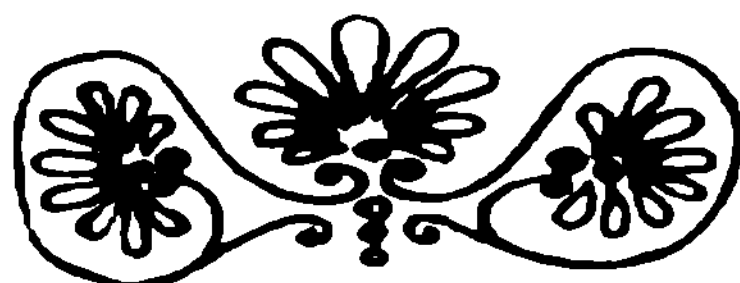
Да что нам тут болтают?
Мы видим, как закону он послушен!
Кто бил эдилов? Кто сопротивление
Трибунам оказал? — За ним идите...

М е н е н и й

Но вспомните, что на войне он рос
С тех пор, как меч поднять рукою может,
Что выбирать слова он не приучен,
А потому их сыплет без разбора,
Как отруби с мукою вперемешку.
Позвольте мне пойти за ним. Ручаюсь,
Что явится он в суд, где по закону
На обвиненье грозное спокойно
Ответит.

П е р в ы й с е н а т о р

Благородные трибуны,
Вот это человеческое решение.

Другой же путь кровав, и хоть известно
Его начало, но конец неведом.

С и ц и н и й

Тогда, Менений благородный, действуй
От имени народа.

(Народу.)

Эй, на время
Сложить оружие!

Б р у т

Но не расходиться!

С и ц и н и й

Мы подождем на площади тебя,
Но если ты без Марция вернешься,
Он силой будет взят.

М е н е н и й

Я с ним вернусь.

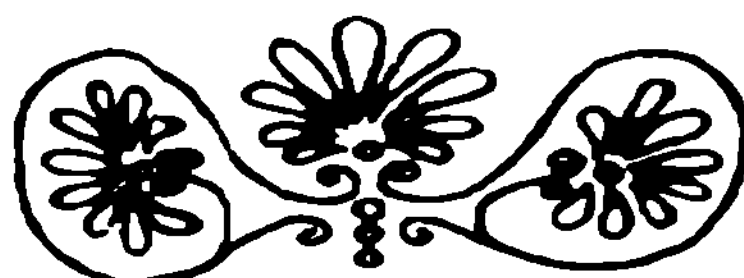
(Сенаторам.)

Прошу меня сопровождать. Он должен
Прийти, иль все пропало.

П е р в ы й с е н а т о р

Да, идемте!

Уходят.

Сцена 2

Комната в доме Кориолана.

Входят Кориолан и патриции.

Кориолан

Пусть мне они грозят колесованьем
Иль смертью под копытами коней;
Пусть друг на друга десять скал Тарпейских
Нагромоздят, чтоб я не видел дна
Пред тем, как буду сброшен, — все таким же
Останусь с ними я.

Первый патриций

Ты благороден!

Кориолан

Я удивлен

Лишь тем, что мать меня не одобряет,
Хотя она всегда их называла
Скотами грубошерстными, чье дело
Из-за гроша на рынке торговаться
Да с непокрытой головой в собраниях
Зевать, молчать и слушать с изумленьем
Все то, что кто-нибудь из равных мне
По поводу войны иль мира скажет.

Входит Волумния

Речь о тебе идет. Зачем ты хочешь,
Чтоб я своей природе изменил
И мягче стал? Уж лучше пожелай
Мне быть таким, каков я есть.

В о л у м н и я

Мой сын,
Сперва облечься нужно в пурпур власти,
А уж потом изнашивать его.

К о р и о л а н

К чему беречь лохмотья!

В о л у м н и я

Ты бы мог
Остаться тем, чем создан, если б меньше
Врагам стремился это показать.
Их ненависть к тебе была б слабее,
Сумей ты скрыть намеренья свои
До дня, когда уже никто не смел бы
Тебе мешать.

К о р и о л а н

На виселицу чернь!

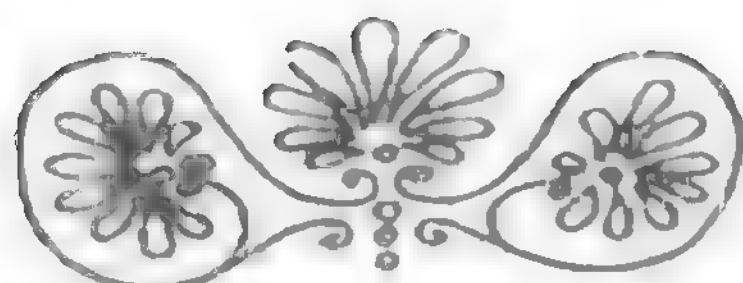
В о л у м н и я

И даже на костер.

**Костюм римской женщины.
Прорисовка неизвестного художника с римской статуи**

М е н е н и й

Со мной к трибунам выйти.

К о р и о л а н

Что еще?

М е н е н и й

Пред ними осудить свои слова.

К о р и о л а н

Пред ними? Нет, я этого б не сделал
Не то что перед ними — пред богами!

В о л у м н и я

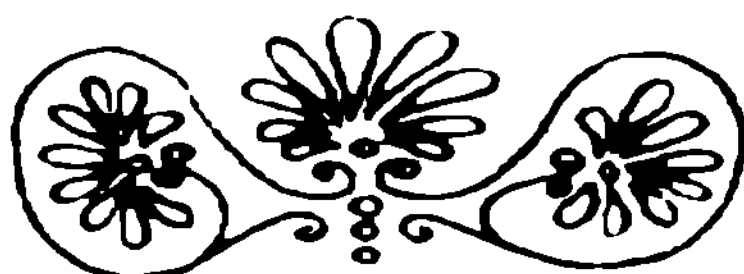
Ты слишком неуступчив. Благородству
Приходится пред голосом нужды
Порой смолкать. Ты говорил мне сам,
Что хитрость и отвага на войне —
Подруги неразлучные. Зачем же
Им ссориться в дни мира, причиняя
Друг другу вред?

К о р и о л а н

Молчи!

М е н е н и й

Вопрос разумен.

В о л у м н и я

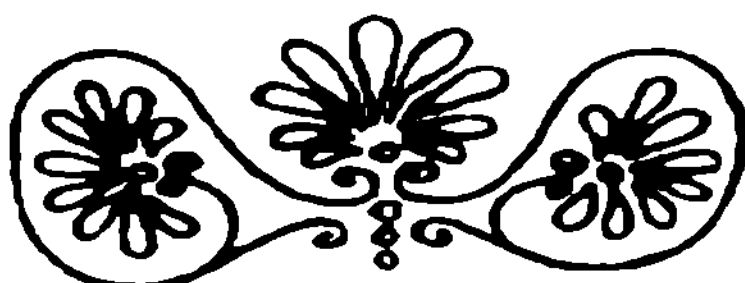
Раз на войне притворство не бесчестно
И помогает нам прийти к победе,
То почему несовместимо с честью
Оно теперь, при мире, если пользу
Приносит нам?

К о р и о л а н

К чему ты речь ведешь?

В о л у м н и я

К тому, что должен ты поговорить
С народом, но не так, как ты хотел бы,
Не так, как сердце гневное подскажет,
А с помощью пустых, холодных слов,
Которые, чтоб мысль вернее скрыть,
Язык рождает как детей побочных.
Поверь, мой сын, что это не бесчестней,
Чем город словом увещанья взять,
Вместо того чтоб добывать победу
Рискованной кровавою осадой.
Стой жизнь моя или друзей на карте,
И я была б готова притворяться,
Не видя в том бесчестья. Я, твой сын,
Жена, сенат, патриции — все просят
Тебя об этом. Ты ж предпочитаешь
Чернь раздражать нахмуренным челом,

Чем ей польстить улыбкою хоть раз,
Чтобы снискать ее расположение,
А без него — и ты об этом знаешь —
Погибло все.

М е н е н и й

Достойная жена!

(Кориолану.)

Иди же с нами. Ласковою речью
Ты отворишь грозящую опасность
И то, что потерял, вернешь.

В о л у м н и я

Мой сын,

Прошу, иди к ним, шапку сняв. Держи
Ее в руке — вот так, отставив локоть
(Как делают они). Слегка коснись
Коленями камней (в таких делах
Движение красноречивей слов:
Ведь зренье у невежд острее слуха)
И головой качай, смиряя сердце,
Которое нажима не выносит,
Как шелковицы спелые плоды.
Затем напомни им, что ты их воин,
Что, вскормленный в боях, ты не привык
К учтивости, которой с полным правом
Они потребовали от тебя,

Раз ты от них приязни добивался,
И обещаи толпе, что будешь впредь
Приноровляться к ней, насколько сможешь.

М е н е н и й

Ты только сделай то, что мать сказала, —
И все сердца — твои, затем что чернь
(Когда ее попросят) на прощенье
Щедра не меньше, чем на пустословье.

В о л у м н и я

Молю тебя, послушайся совета,
Хоть знаю, что скорее за врагом
Ты бросишься в пылающую бездну,
Чем станешь льстить ему в саду цветущем.

Входит К о м и н и й.

Гляди, пришел, Коминий.

К о м и н и й

Я спешу
К вам с площади. Кориолан, готовься
Иль силу силой встретить, иль смириться,
Или бежать. Восстал уже весь город.

М е н е н и й

Всего два слова ласковых...

К о м и н и й

Да-да,

Они помогут, если он сумеет
Себя смирить.

В о л у м н и я

Он должен — значит, сможет.
Мой сын, я твоего согласия жду.

К о р' и о л а н

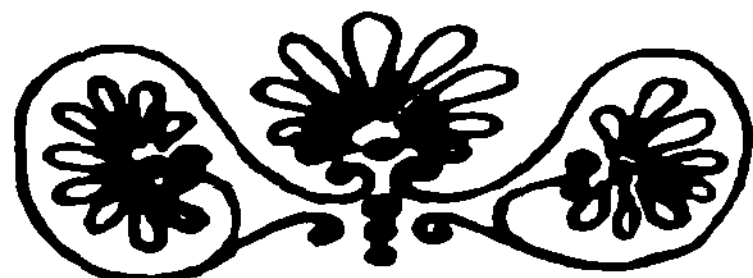
Итак, я должен черни показать,
Что голову пред нею обнажаю?
Я должен заставлять язык бесстыдный
Позорить ложью доблестное сердце?
Что ж, я пойду, но знайте: если б дело
Шло лишь о смерти этой плотской формы,
В которой Марций заключен, то я
Скорее дал бы раздробить ее
И прах развеять, чем... Идем на площадь,
Хотя я никогда не справлюсь с ролью,
Навязанною вами.

К о м и н и й

Мы подскажем.

В о л у м н и я

Мой милый сын, ты говорил, что доблесть

В тебя вселили похвалы мои.
Прошу тебя, коль вновь их хочешь слышать:
Исполни роль, которой не играл.

К о р и о л а н

Да будет так. Прощай, мой гордый дух!
Пускай во мне живет душонка шлюхи!
Пусть голос мой, который покрывал
Раскаты барабанов, станет дудкой
Пискливой, как фальцет скопца, и слабой,
Как пенье няньки над младенцем сонным!
Пусть искривит холопская улыбка
Мои уста; пусть отуманят слезы
Наказанного школьника мой взор;
Пусть у меня шевелится во рту
Язык бродяги нищего и пусть
Мои броней прикрытые колени,
Которые лишь в стремях сгибались,
Согнутся, как у попрошайки! Нет!
Не в силах лгать я пред самим собою,
Не дам я телу подлость совершить,
Чтоб душу к ней не приучать!

В о л у м н и я

Как хочешь!

Прося тебя, унизилась я больше,
Чем мог бы ты унизиться пред чернью.

Пускай все гибнет. Матери твоей
Пасть жертвой гордости сыновней легче,
Чем ждать с тоской последствий роковых
Упрямства твоего. Я, как и ты,
Смеюсь над смертью. Поступай как знаешь.
Ты с молоком моим всосал отвагу,
Но гордость приобрел ты сам.

К о р и о л а н

Ну, полно
Бранить меня. Утешься, мать. Я выйду
На рыночную площадь и любовь,
Как шут кривляясь, выклянчу у плебса
И возвращусь, его сердца похитив,
Кумиром римских лавочников. Видишь —
Я ухожу. Поклон моей супруге.
Я консулом вернусь, а если нет,
То больше не надейся, что способен
На лесть и мой язык.

В о л у м н и я

Тебе виднее.

(Уходит.)

К о м и н и й

Идем. Трибуны ждут. Ты постарайся
Их кротостью обезоружить, ибо,

Как я слышал, их обвиненья будут
Куда серьезней прежних.

К о р и о л а н

Ну, идем.

Пароль мой — кротость. Пусть любую ложь
Они возводят на меня, отвечу
Я им по чести.

М е н е н и й

Да, но только кротко.

К о р и о л а н

О да, конечно, кротко, очень кротко.

Уходят.

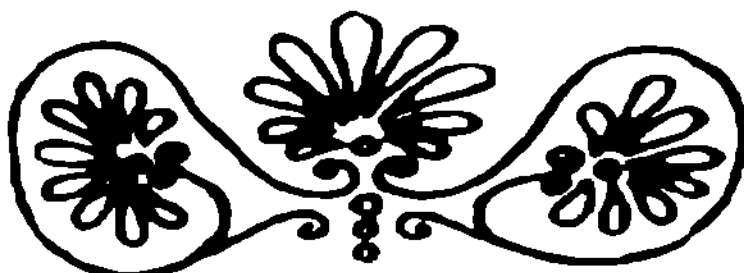
Сцена 3

Там же. Форум.

Входят С и ц и н и й и Б р у т.

Б р у т

Доказывай особенно ретиво,
Что он хотел тираном стать, а если
Он это опровергнет, напирай
На давнюю его вражду к народу,
Из-за которой он еще не роздал
Добычи, отнятой у анциатов.—

Входит Э д и л.

Ну что, придет?

Э д и л
Уже идет.

Б р у т

Кто с ним?

Э д и л
Старик Менений, друг его, и кучка
Сенаторов, к нему благоволящих.

С я ц и н и й
С тобой ли поименный список тех,
Чьи голоса мы получили?

Э д и л

Вот он.

Б р у т
Ты граждан опросил по трибам?

Э д и л

Да.

С я ц и н и й
Сзывай народ и растолкуй ему,

Чтоб он, как только я провозглашу:
“Да будет так во имя прав народных!”
И крикну: “Пеня!”, “Смерть!” или “Изгнание!” —
Подхватывал за мною хором: “Пеня!”
При слове “пеня”, “Смерть!” — при слове
“смерть”,
На вольности старинные ссылаясь,
Равно как и на правоту свою.

Э д и л

Я так и передам.

Б р у т

Пусть, крик подняв,
Не умолкают более плебеи,
Покуда этим шумом не заставят
Наш приговор исполнить.

Э д и л

Понимаю.

С и ц и н и й

И пусть, как только знак мы подадим,
Без колебаний действуют.

Б р у т

Ступай.

Эдил уходит.

Ты сразу же взбесить его попробуй.
Привык он всюду, в том числе и в спорах,
Быть первым. Если разозлить его,
Он начисто забудет осторожность
И выложит нам все, что есть на сердце
Тяжелого. А там его довольно,
Чтоб Марцию хребет переломить.

Входят Кориолан, Менений, Коминий, сенаторы
и патриции.

Сициний

Да вот он сам.

Менений

Прошу тебя, будь сдержан.

Кориолан

Да, буду, словно конюх, за гроши
Любую брань глотающий.— О боги,
Храните Рим! Судейские скамьи
Заполните достойными мужами!
Любовь меж нас посейте, чтобы мы
В обширных храмах прославляли мир,
А не дрались на улицах!

Первый сенатор

Аминь.

М е н е н и й

Желанье благородное.

Входит эдил с горожанами.

С и ц и н и й

Приблизьтесь,
Сограждане.

Э д и л

Трибунам слово! Тише!

К о р и о л а н

Сначала мне.

О б а т р и б у н а

Что ж, говори.

(Горожанам.)

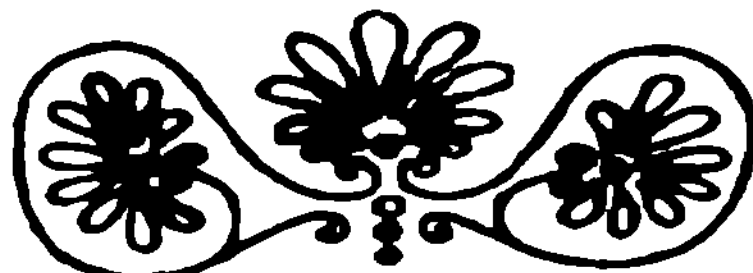
Эй, тихо!

К о р и о л а н

Все ль обвиненья мне предъявят здесь
И здесь ли будет дело решено?

С и ц и н и й

Сперва ответь: готов ли подчиниться
Ты волеизъявлению народа,

Признать права трибунов и принять
Законное возмездье за поступки,
В которых будешь уличен?

К о р и о л а н

Готов.

М е н е н и й

Народ, ты слышишь? Он сказал: “Готов”.
Подумай о его заслугах ратных,
Припомни, что на теле у него
Не меньше шрамов, чем камней надгробных
На кладбище священном.

К о р и о л а н

Пустяки!

Царапины ничтожные!

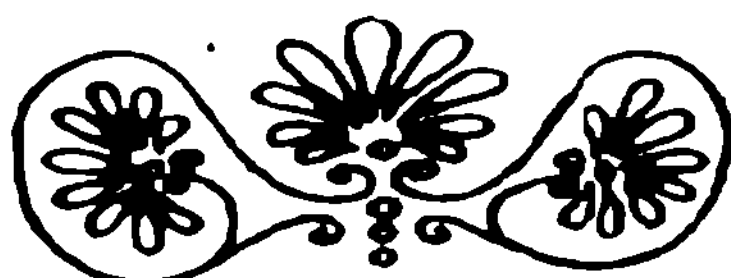
М е н е н и й

Пойми,

Что хоть в речах он гражданин плохой,
Зато в бою — твой самый верный воин.
Не принимай за злобу резкость, ибо
Тебе, как я сказал, он не враждебен,
А просто по-солдатски груб с тобой.

К о м и н и й

Об этом хватит.

К о р и о л а н

Пусть народ расскажет,
За что, меня избрав единогласно,
Он отменил свой выбор, чем нанес
Бесчестье мне?

С и ц и н и й

Не мы, а ты — ответчик.

К о р и о л а н

Ты прав. Ответ за мною. Говори.

С и ц и н и й

Тебя мы обвиняем в том, что ты
Пытался стать тираном, ниспровергнув
Законы и правопорядок в Риме.
Поэтому тебя мы объявляем
Изменником народу.

К о р и о л а н

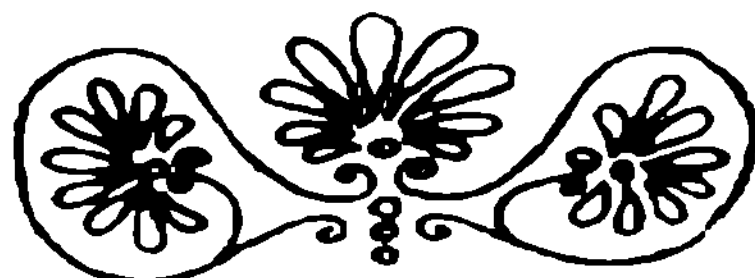
Я — изменник?!

М е н е н и й

Спокойней! Вспомни, что ты обещал нам.

К о р и о л а н

Испепели народ, о пламя ада!

Изменник? Я? Трибун, ты клеветник!
Когда б гнездилось целых двадцать тысяч
Смертей в твоих глазах, когда б зажал
Ты двадцать миллионов их в руках
И столько же на лживом языке
Таилось у тебя, то и тогда бы
Сказал я: “Лжешь!” — не с большею боязнью,
Чем я молюсь богам.

С и ц и н и й

Народ, ты слышишь?

Г о р о ж а н е

Ташите на скалу его!

С и ц и н и й

Молчать!

Нам нет нужды в дальнейших обвиненьях.
Его дела и речи нам известны:
Он бил эдилов ваших, вас ругал,
С мечом в руке противился закону,
А ныне издевается над теми,
Кто властью облечен судить его.
Все это столь преступно, что повинен
Он в явной государственной измене
И смерти подлежит.

Б р у т

Но так как Риму
Служил он честно...

К о р и о л а н

Что болтать о службе!

Б р у т

Я говорю о том, что знаю.

К о р и о л а н

Ты?

М е н е н и й

Послушай, ты ведь матери поклялся...

К о м и н и й

Прошу, припомни...

К о р и о л а н

Не хочу я больше
Ни вспоминать, ни слушать. Пусть объявят,
Что буду сброшен я с Тарпейской кручи,
Что голодом меня в тюрьме уморят,
Давая в день по зернышку, что кожу
С меня сдерут, что буду изгнан я,—
Я не куплю пощаду кротким словом,
Я не смирюсь за все блага на свете,

Хотя бы ради них я должен был
Сказать трибунам только: “С добрым утром!”

С и ц и н и й

За то, что он всемерно и всечасно
Высказывал свою вражду к народу,
Стремясь его лишить законной власти,
И наконец, за то, что он сегодня
Дерзнул не только грозный суд позорить,
Но даже руку на судей поднять,
Мы в силу власти, данной нам, трибунам,
Приговорили именем народа
Его отныне к вечному изгнанию
И запрещаем в римские ворота
Ему входить под страхом низверженья
С Тарпейской крутизны. Да будет так
Во имя прав народных!

Г о р о ж а н е

Вон из Рима!—
Да будет так!— Изгнать его!— Изгнать!

К о м и н и й

Послушайте, друзья мои простые...

С и ц и н и й

Он осужден, и нечего нам слушать.

К о м и ц и н и й

Нет, слушайте. Я консулом был сам,
Я сам ношу на теле много знаков,
Оставленных на нем врагами Рима.
Мне благо родины важней, дороже,
Священнее, чем собственная жизнь,
И честь моей супруги, и плоды,
Рожденные на свет ее утробой
От чресл моих. Когда б сказал я...

С и ц и н и й

Что?

Мы знаем наперед, к чему ты клонишь.

Б р у т

О чем тут толковать, когда он изгнан
Как враг народа и своей отчизны.
Да будет так!

Г о р о ж а н е

Да будет так! Да будет!

К о р и о л а н

О свора подлых псов! Я ненавижу,
Как вонь гнилых болот, дыханье ваше,
Любовью вашей дорожу не больше,
Чем смрадной грудой незарытых трупов.

Я сам вас изгоняю. Оставайтесь
Здесь сами со своим непостоянством!
Пусть каждый слух тревожный вас пугает!
Пусть колыханье грив на вражьих шлемах
Навеет вам отчаянье! Держитесь
За власть, чтоб слать защитников своих
В изгнание, покуда ваша глупость
(Которая беду тогда лишь видит,
Когда беда придет) защиты всякой
Вас не лишит (ведь вы враги себе)
И не отдаст вас в рабство иноземцам,
Которые без боя победят!
Я презираю из-за вас мой город
И становлюсь к нему спиной отныне:
Не замкнут мир меж этих стен.

Кориолан, Коминий, Менений, сенаторы и патриции уходят.

Э д и л

Уходит он! Уходит враг народа!

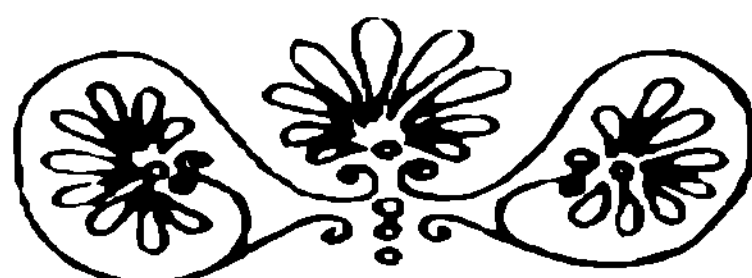
Г о р о ж а н е

Врага изгнали! Он уходит! У!..

(Кричат и бросают шапки вверх.)

С и ц и н и й

Последуйте за ним к воротам Рима
И с той же самой злобою, какою

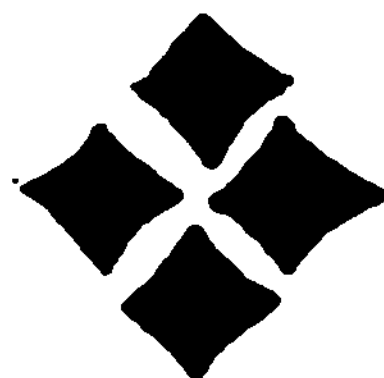

Преследовал он вас, над ним посмейтесь.—
А мы пройдем со стражем через город.

Г о р о ж а н е

Да сохранят трибунов наших боги!
Проводим до ворот его!— Пошли!

Уходят.

А К Т IV

Сцена 1

Перед воротами Рима.

**Входят Кориолан, Волумния, Виргилия, Менений,
Коминий и несколько молодых патрициев.**

Кориолан

**Не плачьте. Пусть прощанье будет кратким.
Скотом бодливым и многоголовым
Из города я вытолкнул. — О мать,
Где мужество твое бывшее? Прежде
Твердила ты, что бедствия большие
Для сильных духом служат пробным камнем,
А заурядный человек способен
Сносить лишь заурядные несчастья —
Ведь по морю безбурному плывут
Любые корабли с успехом равным —
И что лишь тот, кто мудр и благороден,
Умеет сохранять невозмутимость
Под злейшими ударами судьбы.**

Ты мне сама внушила эти мысли —
Залог непобедимости души,
Воспитанной на них.

В и р г и л и я

О небо, небо!

К о р и о л а н

Жена, прошу тебя...

В о л у м н и я

Да истребит
Багровая чума весь римский люд
Торговый и мастеровой!

К о р и о л а н

Зачем?

Когда исчезну я, меня оценят.
Мать, ободрись. Ведь ты же говорила,
Что ты, будь Геркулес твоим супругом,
Шесть подвигов сама бы совершила,
Чтоб облегчить его труды. — Прощайте,
Жена и мать. — Не унывай, Коминий,
А я не пропаду. — Менений верный,
Твоя слеза скупая солонее,
Чем слезы молодых. Она отравя
Для старых глаз.

(Коминию.)

Мой бывший полководец,
Я помню, ты умел взирать бесстрастно
На сердце леденившие картины.
Втолкуй же этим женщинам печальным,
Что плакать при ударах неизбежных
Не менее нелепо, чем смеяться.—
Ты знаешь, мать, что мужество мое
Тебе всегда служило утешеньем.
Так верь, хоть уйду я одинокий,
Как в логове дракон, который сеет
Повсюду ужас тем, что он невидим
И людям лишь по рассказням знаком,—
Что над толпой возвысится твой сын,
Коль хитростью ее не будет сломлен.

В о л у м н и я

Мой первенец, куда же ты пойдешь?
Пускай проводит добрый наш Коминий
Тебя немного. Тщательно обдумай
Свой путь, чтобы опасностям случайным
На нем не подвергаться зря.

К о р и о л а н

О боги!

К о м и н и й

Сопровождать тебя я буду месяц,

А там увидим, где тебе остаться,
Так, чтоб могли мы вести слать друг другу
И чтоб потом, когда приспее время
Потребовать возврата твоего,
Нам не пришлось разыскивать тебя
По белу свету, ибо проволочка
Со стороны просителя способна
Расхолодить дающих.

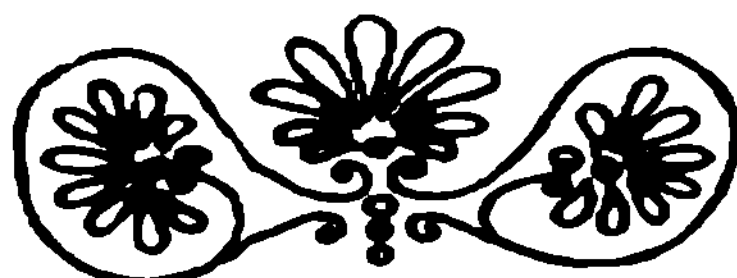
К о р и о л а н

Нет, прощай!

Немолод ты и чересчур пресыщен
Трудами боевыми, чтоб скитаться
С тем, кто их алчет. У ворот простимся.—
Жена и мать, любимые мои,
И вы, друзья чистейшей, лучшей пробы,
Идем. Как только выйду из ворот,
Скажите: “В добрый час!” — и улыбнитесь.
Прошу, идем. Пока топчу я землю,
К вам постоянно будут приходить
Известья обо мне, но никогда
Не скажут вам, что Марций стал иным,
Чем раньше был.

М е н е н и й

Не приходилось слышать
Мне слов, достойней этих. Полно плакать.

Идем... Эх, если б с этих старых плеч
Стряхнуть десяток лет, клянусь богами,
Я всюду за тобою неотступно
Последовал бы.

К о р и о л а н

Руку дай.— Идем.

Уходят.

Сцена 2

Там же. Улица поблизости от ворот. Входят два трибуна — С и ц и н и й
и Б р у т. С ними э д и л.

С и ц и н и й

Всех по домам отправь. Он удалился,
И этого довольно. Ропщет знать,
Которая была с ним заодно.

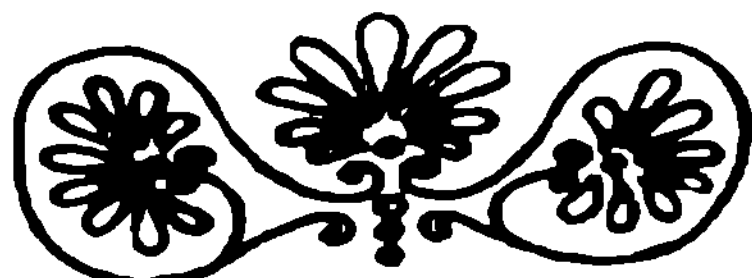
Б р у т

Поставив на своем, мы показали,
Что мы сильны. Теперь держаться надо
Скромней, чем раньше.

С и ц и н и й

Пусть идут домой.

Скажи, что главный их противник изгнан
И власть плебеев вновь, как встарь, крепка.

Б р у т
(эдилу)

Всем разойтись вели.

Эдил уходит.

Входят Волумния, Виргилия и Менений.

Вон мать его.

С и ц и н и й

Свернем-ка мы с дороги.

Б р у т

Почему?

С и ц и н и й

Да говорят, она ума решилась.

Б р у т

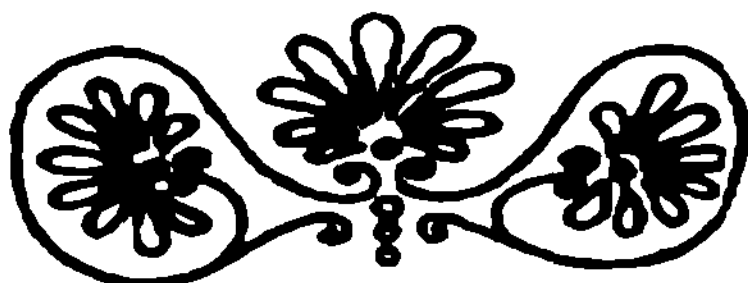
Нет, поздно уходить: нас увидали.

В о л у м н и я

**А, вот и вы! Пусть язвами чумными
Вам боги за любовь ко мне и сыну
Отплатят!**

М е н е н и й

Тише! Ну зачем так громко?

В о л у м н и я

Когда б не слезы, я б сказала вам...
Да и теперь скажу...

(Бруту.)

Постой, куда ты?

В и р г и л и я

(Сицинию)

И ты останься.— Ах, зачем была я
Не властна мужу то же слово молвить!

С и ц и н и й

(Волумнии)

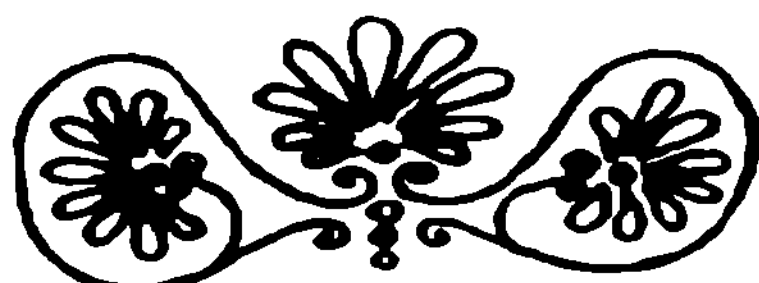
В тебе, я вижу, много от мужчины.

В о л у м н и я

А что же в том позорного, глупец? —
Нет, посмотрите, как он глуп!— Да разве
Я родилась на свет не от мужчины,
В отличие от тебя, отродье лисье,
Изгавшее того, кто ради Рима
Нанес ударов больше, чем успел
Ты слов наговорить?

С и ц и н и й

Благое небо!

В о л у м н и я

Да-да, за ним ударов славных больше,
Чем за тобой премудрых слов. И он
Их наносил всегда во благо Риму.
Скажу тебе я... Впрочем, уходи...
Нет, ты остаться должен... Мне б хотелось,
Чтоб повстречал в пустыне аравийской
Мой сын тебя и всю твою родню
И чтоб при нем был добрый меч...

С и ц и н и й

И что же?

В и р г и л и я

А то, что он со всем твоим потомством
Покончил бы.

В о л у м н и я

Вплоть до детей внебрачных.
О, сколько раз он ранен был за Рим!

М е н е н и й

Довольно, успокойся.

С и ц и н и й

Я желал бы,
Чтоб он, служа отчизне так, как начал,

Вовек не порывал узла заслуг,
Которым с нею сам себя связал.

Б р у т

И я желал бы этого.

В о л у м н и я

Желал бы!

Тогда зачем же с ним толпу стравили
Вы, два кота облезлых, хоть способны
Вы о его достоинствах судить
Не более, чем я — о тайнах неба,
Сокрытых от людей.

Б р у т

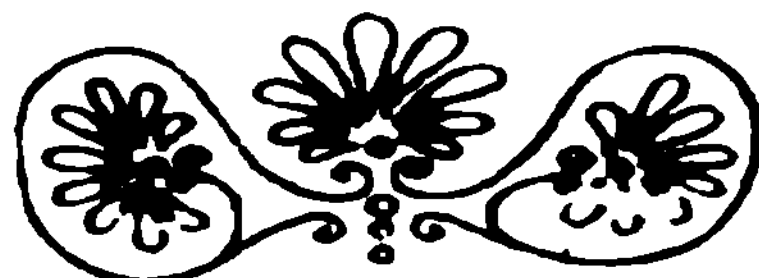
Уйдем, Сициний.

В о л у м н и я

Теперь я вас сама прошу — уйдите:
Вы славно потрудились. Но сначала
Еще два слова выслушать извольте:
Насколько выше холм Капитолийский
Беднейшей римской хижины, настолько
Супруг вот этой женщины, мой сын,
Хотя он изгнан вами, — выше вас.

Б р у т

Ну вот и хорошо. Прощай.

Английская актриса XVIII в. Емс в роли Волумнии

Сициний

Не стоит
На споры с сумасшедшей время тратить.

Волумния

Мои молитвы — с вами.

Трибуны уходят.

Пусть отныне

Одно лишь боги знают: исполнять
Мое проклятье.— О, как я желаю
Хоть раз на дню встречать их, чтобы тяжесть
Свалить с души.

Менений

Досталось им изрядно,
И поделом. Поужинаем вместе?

Волумния

Моя еда — мой гнев. Мой ужин — скорбь.
Я с голода умру при этой пище.

(*Виргилия.*)

Идем, и перестань стенать бессильно,
Но, как Юнона грозная, как я,
Излейся гневом. Ну, идем.

Волумния и Виргилия уходят.

М е н е н и й

О низость!

Уходит.

Сцена 3

Дорога между Римом и Анциумом.

Входят римлянин и вольск навстречу друг другу.

Р и м л я н и н. А ведь я тебя, друг, хорошо знаю, да и ты меня тоже. Тебя вроде бы Адрианом зовут?

В о л ь с к. Верно, приятель. Только, по правде сказать, как зовут тебя — я забыл.

Р и м л я н и н. Я родом из Рима, но теперь, как и ты, служу его врагам. Ну, узнаешь меня?

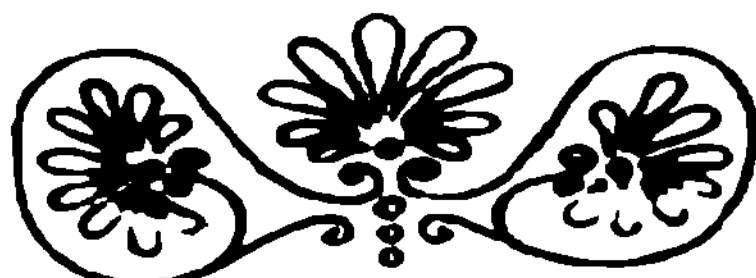
В о л ь с к. Никанор, что ли?

Р и м л я н и н. Он самый, дружище.

В о л ь с к. Когда мы виделись в последний раз, борода у тебя была подлиннее; впрочем, тебя всегда по голосу признать можно. Что нового в Риме? Наш вольский сенат меня затем и послал, чтоб тебя разыскать. Как хорошо, что ты укоротил мой путь на целый день!

Р и м л я н и н. В Риме был большой мятеж: народ взбунтовался против сенаторов, патрициев и прочей знати.

В о л ь с к. Был, ты говоришь? Значит, уже кончился? Вот так неожиданность для наших правителей! Они ведь вовсю вооружаются, чтобы ударить на Рим, как только там междоусобица разгорится.

Р и м л я н и н. Главный-то пожар потушили, но он по любому поводу снова вспыхнуть может. Знать до того близко приняла к сердцу изгнание доблестного Кориолана, что каждую минуту готова отнять у народа власть и навсегда упразднить должность трибунов. Уж ты мне поверь: огонь тлеет себе да тлеет под пеплом, а потом возьмет и вырвется наружу.

В о л ь с к. Неужели Кориолана изгнали?

Р и м л я н и н. Да, друг, изгнали.

В о л ь с к. Ну, Никанор, за такую весть тебя у нас хорошо встретят.

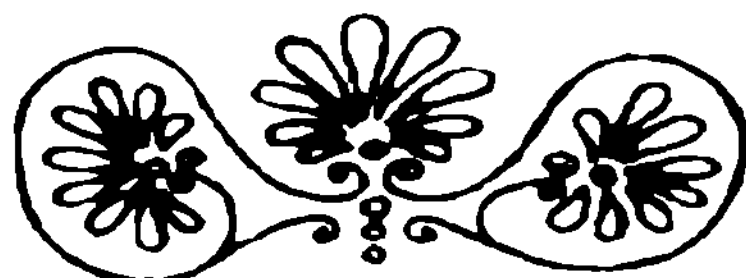
Р и м л я н и н. Да, время для ваших самое подходящее. Верно говорится: чужую жену проще всего соблазнить, когда она с мужем в ссоре. Теперь вашему благородному Туллу Авфидию легко будет отличиться, раз родина его великого противника отвергла услуги Кориолана.

В о л ь с к. Да, в этом сомневаться не приходится. Мне очень повезло, что я повстречал тебя. Теперь дело мое кончено, и я охотно провожу тебя до Анциума.

Р и м л я н и н. А я по дороге, до ужина, выложу тебе кучу самых неожиданных вестей из Рима. Все складывается для вас так, что лучше и не придумаешь. Вы, говоришь, уже и войско набрали?

В о л ь с к. Да еще какое! Центурионы на местах, люди расписаны по сотням, жалованье выплачено — словом, хоть сейчас в поход.

Р и м л я н и н. Приятно слышать, что все готово. Вот от моих вестей ваши сразу и двинутся. Рад, что повстречал тебя, друг, а еще больше — тому, что ты будешь моим попутчиком.

В о л ь с к. Я сам собирался сказать тебе то же, приятель. Я еще больше рад этой встрече, чем ты.

Р и м л я н и н. Вот и пойдем вместе.

Уходят.

Сцена 4

Анцийум. Перед домом Авфидия.

Входит К о р и о л а н, переодетый бедняком; он прикрывает лицо краем плаща.

К о р и о л а н

Как ты прекрасен, Анцийум богатый,
А я наполнил вдовами тебя,
Передо мною падали со стоном
В бою владельцы этих дивных зданий.
Не узнавай Кориолана, город,
Чтобы камнями женщины и дети
Меня в бесславной схватке не побили!

Входит горожанин

Приятель, здравствуй.

Г о р о ж а н и н

Здравствуй.

К о р и о л а н

Ты не скажешь,

Где тут живет прославленный Авфидий
И в городе ли он?

Г о р о ж а н и н

Да-да. Сегодня
Он пир дает в честь городских властей.

К о р и о л а н

Где ж дом его?

Г о р о ж а н и н

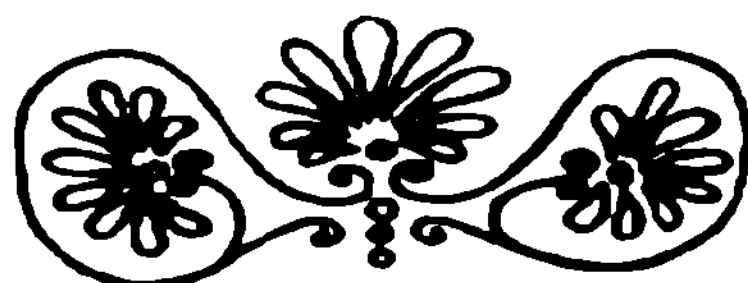
Вон здесь. Ты перед ним.

К о р и о л а н

Прощай, спасибо.

Горожанин уходит.

О, как мир изменчив!
Друзей по клятвам, в чьей груди, казалось,
Стучало сердце общее, друзей,
Деливших труд, постель, забавы, пищу,
Любовью связанных и неразлучных,
Как близнецы, — мгновенно превращает
Пустячный случай во врагов смертельных.
А недругов, которых сна лишали
Их ненависть и мстительные планы,
Такой же мелкий и внезапный повод

Сближает, заставляет подружиться
И браком два потомства слить в одно.
Не то же ли со мной? Я ненавижу
То место, где рожден, и полюбил
Вот этот вражий город. Что ж, войду.
Быть может, умертвит меня Авфидий —
И будет прав. Но если приютит,
Я честно послужу его отчизне.

(Уходит.)

Сцена 5

Там же. Зал в доме Авфидия. Внутри дома музыка. Входит слуга.

Первый слуга. Вина, вина! Ну и слуги у нас! Заснули все они, что ли? (Уходит.)

Входит второй слуга.

Второй слуга. Где Котус? Господин зовет его. — Котус! (Уходит.)

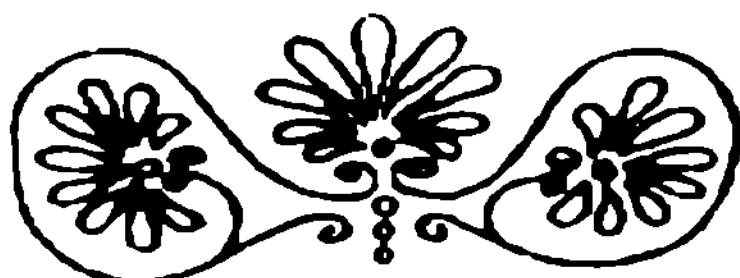
Входит Кориолан.

Кориолан

Как дом богат и запах пира сладок!
Лишь я — незванный гость.

Входит первый слуга.

Первый слуга. Ты что тут делаешь, приятель? Откуда ты? Здесь тебе не место. Ступай-ка себе за двери. (Уходит.)

Кориолан

Не заслужил я лучшего приема:
Ведь я — Кориолан.

Входит второй слуга.

Второй слуга. Ты откуда взялся? Где только у привратника глаза были? Зачем он впускает сюда всяких оборванцев? Пошел вон!

Кориолан

Эй, отвяжись!

Второй слуга. Как это — отвяжись? Сам отвяжись от нас!

Кориолан

Ты докучаешь мне!

Второй слуга. Нет, вы посмотрите какой храбрец! Ну, я сейчас с тобой по-свойски поговорю!

Входят первый и третий слуги.

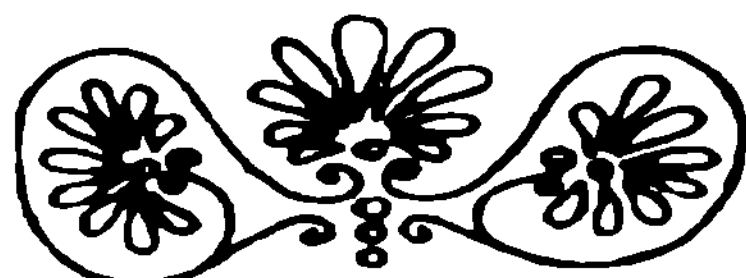
Третий слуга. Это еще кто?

Первый слуга. Какой-то полоумный. Я такого сроду не видывал: никак не могу выставить его из дома. Поди-ка позови сюда господина. (*Отходит в сторону.*)

Третий слуга. Что тебе здесь надо, приятель? Сделай милость, убирайся.

Кориолан

Отстаньте. Ваш очаг не оскверню я.

Т р е т и й с л у г а. Да ты что за человек?

К о р и о л а н

Я не простого рода.

Т р е т и й с л у г а. Верно: ты не просто бедняк, а настоящий нищий.

К о р и о л а н

Ты прав: я нищ.

Т р е т и й с л у г а. А не угодно ли тебе, нищий не простого рода, поискать себе другое пристанище: здесь тебе не место. Сделай милость, убирайся. Ну!..

К о р и о л а н. Знай свое дело. Иди кланчить объедки! (*Отталкивает его.*)

Т р е т и й с л у г а. Ты еще сопротивляешься? (*Второму слуге.*) Пойди-ка скажи господину, что за гость к нам пожаловал.

В т о р о й с л у г а. Я мигом. (*Уходит.*)

Т р е т и й с л у г а. Ты где живешь?

К о р и о л а н. Под сводом небесным.

Т р е т и й с л у г а. Под сводом небесным?

К о р и о л а н. Да.

Т р е т и й с л у г а. Где же это находится?

К о р и о л а н. В царстве коршунов и воронов.

Т р е т и й с л у г а. В царстве коршунов и воронов? (*В сторону.*) Ну и осел! (*Громко.*) Значит, с сороками вместе?

К о р и о л а н. Нет, я ведь у твоего хозяина не служу.

Древнеитальянский город. Реконструкция архитектора Канины

Т р е т и й с л у г а. Ого! Ты, кажется, моего господина за-
трагиваешь?

К о р и о л а н. Почему бы нет? Это честнее, чем трогать
твою хозяйку. Я вижу, ты чересчур много болтаешь. Ступай
за столом прислуживать. Прочь! *(Бьет и выталкивает его.)*

Третий слуга уходит.

Входят Авфидий и второй слуга.

А в ф и д и й. Где этот малый?

В т о р о й с л у г а. Вот он, господин. Не бойся я гостей по-
тревожить, я б его как собаку избил. *(Отходит в сторону.)*

А в ф и д и й

Откуда ты и кто? Чего ты хочешь?

Что ж ты молчишь? Скажи, кто ты такой.

К о р и о л а н
(открывая лицо)

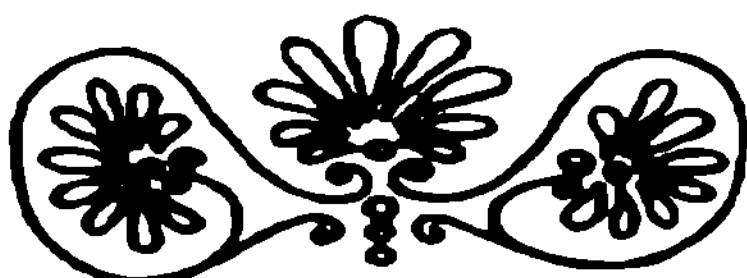
Ну если и теперь, в лицо мне глядя,
Ты снова, Тулл, меня узнать не сможешь,
Я должен буду сам себя назвать.

А в ф и д и й

Скажи свое мне имя.

К о р и о л а н

Оно для уха вольского не сладко,
Для твоего — враждебно.

А в ф и д и й

Кто же ты?

Твой облик грозен. На твоём лице
Читаётся привычка власти. Виден
Из-под твоих изодранных снастей
Корабль могучий. Кто же ты такой?

К о р и о л а н

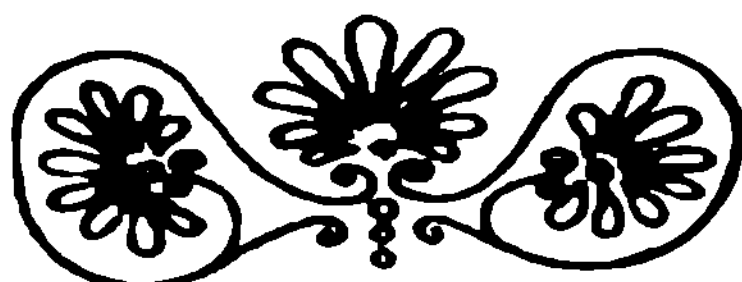
Сейчас ты помрачнеешь. Что, узнал?

А в ф и д и й

Не узнаю. Ты кто?

К о р и о л а н

Я тот Кай Марций, что нанес так много
Вреда и ран твоим собратьям-вольскам,
А больше всех — тебе, и был за это
Кориоланом прозван. Мне дала
Моя неблагодарная отчизна
За пролитую ради Рима кровь,
За страшные опасности, за службу
Одно лишь это прозвище в награду.
Оно — порука злобы и вражды,
Которые ко мне питать ты должен.
Оно одно осталось у меня:
Все остальное пожрано народом,
Чью зависть и жестокость разнузда
Трусливая бездеятельность знати,

Покинувшей меня и допустившей,
Чтоб рабыи голоса меня изгнали
Из Рима с улюлюканьем. И вот,
Нуждой теснимый, я вступил под кровлю
Над очагом твоим. Не обольщайся,
Что я пришел в надежде жизнь спасти:
Страшись я смерти, никого на свете
Не избегал бы так я, как тебя.
Нет, только жажда расплатиться с теми,
Кем изгнан я, меня к тебе толкнула.
Коль в сердце ты еще скрываешь гнев
И хочешь мстить как за свои обиды,
Так и за унижение отчизны —
Спеши использовать мои несчастья,
Поставь себе на службу жажду мщенья,
Которой я пылаю, ибо буду
С остервененьем злых подземных духов
Я биться против родины прогнившей.
Но если ты, устав пытаться судьбу,
На это не осмелишься, то помни:
Мне так постыла жизнь, что сам подставляю
Я грудь свою твоей вражде давнишней.
Зарежь меня, иль ты глупец: ведь я
Тебя всегда преследовал свирепо,
Кровь бочками пускал твоей отчизне,
И жизнь моя, не став твоей служанкой,
Твоим позором будет.

А в ф и д и й

Марций, Марций!

Ты каждым словом вырываешь с корнем
Из сердца моего былую злобу.
Заговори со мной из туч Юпитер
О тайнах неба и скрепи он клятвой
Свои слова, ему бы я поверил
Не больше, чем тебе я верю, Марций!
Позволь моим рукам обвить любовно
То тело, о которое ломался
Сто раз мой тяжкий дротик, чьи осколки
Луну, взлетая, ранили.

(Обнимает Кориолана.)

Сжимаю

Я наковальню моего меча
В объятьях и отныне состязаюсь
С тобою в благородной пылкой дружбе,
Как некогда с тобой из честолюбья
Я в доблести соперничал. Послушай,
Я девушку любил, мою невесту,
И вряд ли кто-нибудь вздыхал на свете
Так искренне, как я по ней; но даже
В тот миг, когда избранница моя
Впервые через мой порог шагнула,
Не радостней во мне плясало сердце,
Чем, о высокий дух, при нашей встрече!

Знай, Марс, мы втайне здесь собрали войско,
И я уж думал попытаться снова
Лишить тебя щита с рукою вместе —
Иль собственную руку потерять.
С тех пор как был я побежден тобою
В двенадцатом по счету поединке,
Не проходило ночи, чтоб не снились
Мне схватки наши: видел я во сне,
Как мы с тобой, друг другу стиснув горло,
Катались по земле, срывали шлемы, —
И я в изнеможенье просыпался.
Достойный Марций, если б не имели
Других причин для ссоры с Римом вольски,
То за одно изгнание твое
Призвали б мы к оружию всех граждан
С семидесяти лет до десяти
И принесли б войну в пределы Рима,
Чтоб затопить неблагодарный город
Ее потоком яростным. Входи же
В мой дом, где, как друзьям, пожмешь ты руки
Сенаторам, которые сегодня
Прощаются со мной перед походом
Хоть не на Рим, но на его владенья.

К о р и о л а н

Благие боги, как я вами взыскан!

А в ф и д и й

Ты здесь хозяин. Если самолично
Захочешь месть свою осуществить,
Я разделю с тобою власть над войском.
Сам принимай решения. Твой опыт
Богаче нашего. Ты лучше знаешь,
Где Рим силен, где слаб. Тебе виднее —
Идти ли сразу нам к его воротам
Иль в отдаленных областях сначала
Посеять страх и римлян разгромить.
Войди же в дом. Позволь тебя сперва
Представить тем, кто должен дать согласие
На замыслы твои. Стократ привет!
Мы враждовали сильно, но сдружились
Еще сильнее. Дай руку мне. Привет!

Кориолан и Авфидий уходят.

Первый и второй слуги выходят вперед.

Первый слуга. Вот так перемена!

Второй слуга. Честное слово, я хотел было огреть его палкой, да, по счастью, сообразил, что он не то, чем по одежде кажется.

Первый слуга. Ну и ручища у него! Он как крутанет меня двумя пальцами, словно я ему кубарь какой-нибудь.

Второй слуга. А я чуть посмотрел ему в лицо, так сразу и смекнул, что тут дело не простое. В его лице есть что-то такое... как бы это сказать...

Первый слуга. Да-да, что-то такое, словно он... Пусть меня повесят, если я не догадался, что он поважнее, чем нам казалось.

Второй слуга. Клянусь, и я тоже. Второго такого во всем мире не сыскать.

Первый слуга. И я так думаю, хоть мы с тобой и знаем воина, который почище его будет.

Второй слуга. Ты это про кого? Про нашего господина, что ли?

Первый слуга. А про кого же еще!

Второй слуга. Ну, наш-то шестерых таких стоит.

Первый слуга. Это ты, конечно, перехватил, хоть я и считаю хозяина великим воином.

Второй слуга. Видишь ли, в таких делах трудно решать, кто первый; но уж города защищать наш полководец лучше всякого другого умеет.

Первый слуга. Да и брать их тоже.

Входит третий слуга.

Третий слуга. Эй, друзья, и новости же я вам расскажу! Ох и новости, пройдохи вы этакие!

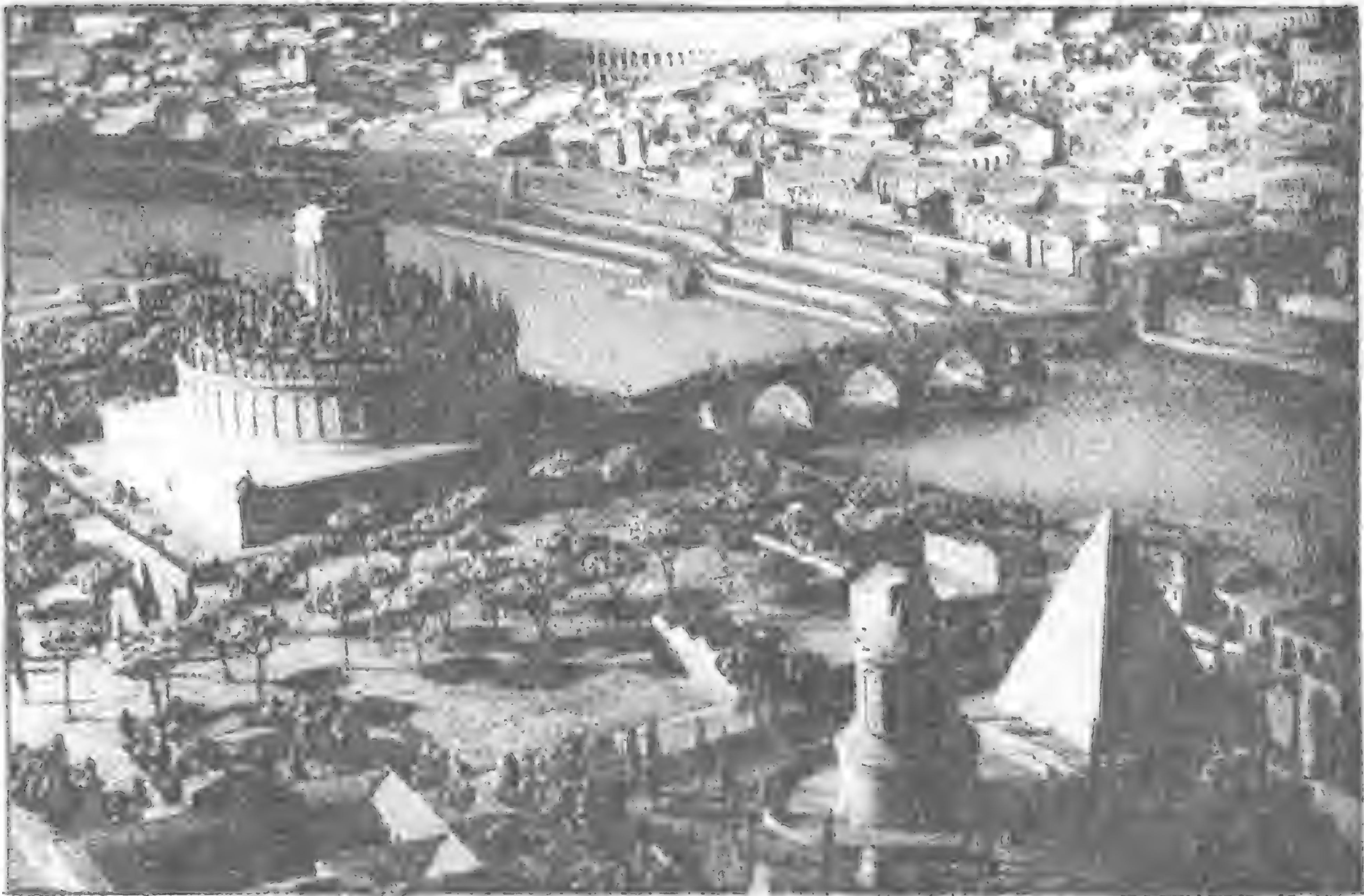
Первый и второй слуги. Что? Что? — Какие? — Да не тяни ты!

Третий слуга. Не хотел бы я сейчас быть римлянином; уж лучше пусть меня вздернут!

Первый и второй слуги. Это почему? — Это почему?

Третий слуга. Как — почему? Да ведь у нас в доме сам Кай Марций — тот, что всегда колотил нашего полководца.

Макет древнего Рима. Замок Святого Анджело

Первый слуга. Что? Марций колотил нашего?

Третий слуга. Ну, не то чтоб колотил, а спуску ему не давал.

Второй слуга. Брось, приятель, мы здесь люди свои. Марций всегда был не по зубам нашему. Это его собственные слова — я же слышал.

Первый слуга. Что верно, то верно — не по зубам. Под Кориолами он сам изрубил и размолот нашего, как отбивную.

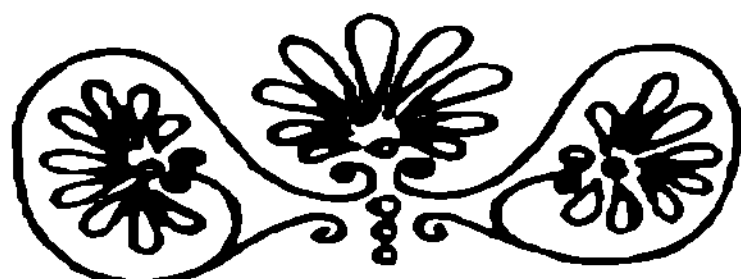
Второй слуга. Так что запросто мог его поджарить и скушать, если б был людоедом.

Первый слуга. А еще какие новости?

Третий слуга. Наши так его ублажают, будто он сын и наследник Марса. Его посадили на самый верхний конец стола; если кто из сенаторов с ним заговорит, так обязательно встанет и шапку снимет. Наш полководец ухаживает за ним, как за любовницей: то рукой его тронет словно святыню какую, то слушает его, выкатив глаза. Но главная новость вот такая: полководец-то наш теперь напополам разрезан, он уже только половинка того, чем был вчера; а другой половинкой по желанию и с согласия всех, кто сидит за столом, стал Марций. Он обещает римскому привратнику уши нарвать и все со своей дороги снести, чтоб позади него одно гладкое место осталось.

Второй слуга. Что ж, он, по-моему, больше любого другого способен это сделать.

Третий слуга. Он не только способен это сделать, но и сделает, потому что — понимаешь, приятель, — у него на родине друзей не меньше, чем врагов, только эти друзья, по-

нимаешь, не смеют показать, что они ему друзья, покуда он, как бы это сказать, декредитации подвергается.

Первый слуга. Декредитации? Это что такое?

Третий слуга. А как только, приятель, они увидят, что он гребень шлема опять кверху задрал, да в полную силу пришел, так сейчас выскочат из своих нор, как кролики после дождя, и сбегутся к нему на подмогу.

Первый слуга. Когда же все это будет?

Третий слуга. Завтра, сегодня, прямо сейчас. Чуть обед кончится, ударит барабан, вроде, как на сладкое, и наши выступят, не успев даже губ утереть.

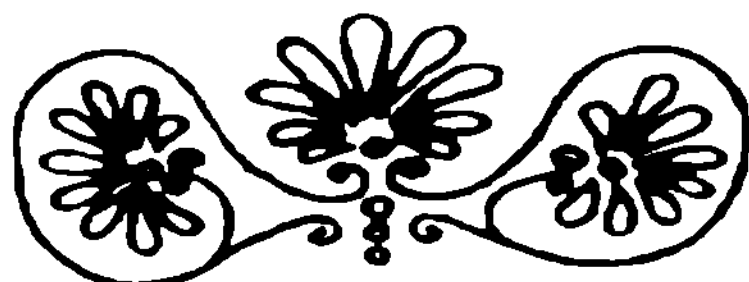
Второй слуга. Значит, опять повеселимся. Что хорошего в мирном времени? Только железо ржавеет, портные разводятся да стихоплеты плодятся.

Первый слуга. Да и я скажу: война — лучше мира, как день лучше ночи. Во время войны живешь весело: то тебе новый слух, то новое известие. А мир — это вроде спячки или паралича: скучно, пусто, тоскливо. В мирное время больше незаконных детей рождается, чем на войне людей гибнет.

Второй слуга. Это точно. Конечно, на войне подчас чужих жен насилуют; зато в мирное время жены своих же мужей рогами украшают.

Первый слуга. Верно. Оттого люди и ненавидят друг друга.

Третий слуга. А все почему? Потому что в мирное время они не так друг другу нужны. То ли дело война! Надеюсь,

римляне скоро будут стоять не дороже вольсков. — Слышите, из-за стола встают!

Первый и второй слуги. Идем, идем скорее!

Уходят.

Сцена 6

Рим. Площадь.

Входят оба трибуна — Сициний и Брут.

Сициний

Чего бояться нам? О нем не слышно,
Да и безвреден он во время мира
И прекращения смут, народ державших
В тревоге постоянной. Пусть краснеют
При виде процветающей отчизны
Друзья спесивца Марция, которым,
Хоть и они страдали от раздоров,
Приятней видеть уличные схватки,
Чем слышать, как ремесленники наши
В довольстве и покое распевают
За верстаком своим.

Брут

Мы зло сумели вовремя пресечь.

Входит Менений.

Гляди — никак Менений?

Сициний

Да, он самый.

Он стал с тех пор куда любезней с нами.—
Привет тебе.

Менений

И вам обоим также.

Сициний

Жалеют о твоём Кориолане
Одни его друзья, а государство,
Назло ему, стояло и стоит.

Менений

Все это хорошо, но было б лучше,
Когда б он уступил.

Сициний

Не знаешь, где он?

Менений

Не знаю ничего. Вестей о нём
Жена и мать его не получают.

Входят трое или четверо горожан.

Горожане

Да охраняют боги вас обоих!

Сициний

Соседи, добрый вечер!

Брут

Добрый вечер,
Всем добрый вечер!

Первый горожанин

Мы и наши семьи
Должны за вас молиться на коленях.

Сициний

Живите, благоденствуйте.

Брут

До встречи,
Соседи наши добрые. О если б
Кориолан любил вас так, как мы!

Горожане

Пусть боги вас хранят.

Оба трибуна

До скорой встречи!

Горожане уходят.

Сициний

Теперь спокойней, легче жить, чем раньше,

Когда с мятежным криком горожане
По улицам метались.

Б р у т

Был Кай Марций
Отважен на войне, но слишком дерзок,
Заносчив, полон спеси непомерной
И самомнения...

С и ц и н и й

Он всегда стремился
К верховной безраздельной власти.

М е н е н и й

Вряд ли.

С и ц и н и й

Не будь он нами консульства лишен,
С прискорбием мы б убедились в этом.

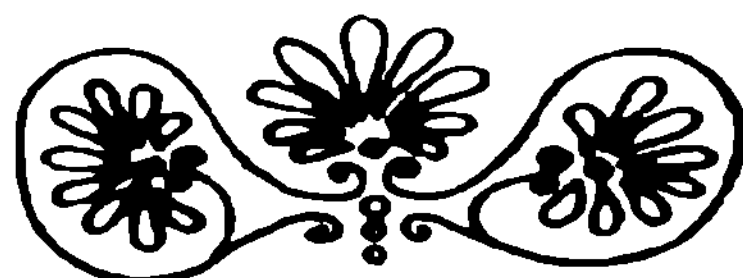
Б р у т

Но промыслом благих богов он изгнан —
И счастлив Рим.

Входит э д и л.

Э д и л

Достойные трибуны,

Какой-то раб (в тюрьму он нами брошен)
Болтал, что два огромных вольских войска,
Все на пути сметая беспощадно,
Ворвались в земли Рима.

М е н е н и й

То Авфиций

Вновь высунул, узнав, что изгнан Марций,
Свои рога, которые он прятал,
Пока стоял за дело Рима Марций.

С и ц и н и й

Да что ты нам заладил — Марций, Марций?

Б р у т

Под розги болтуна! Нарушить мир
Не могут вольски.

М е н е н и й

Как это — не могут?

Нет, опыт учит нас, что очень могут.
Я сам тому свидетелем был трижды.
Не лучше ль, прежде чем пороть раба,
Порасспросить его, чтобы не высечь
Того, кто об опасности грозящей
Вас предостерегает?

С и ц и н и й

Что ты мелешь?

Быть этого не может!

Б р у т

Невозможно.

Входит гонец.

Г о н е ц

Патриции сбегаются к сенату.

Пришло известье, стершее румянец

С их лиц.

С и ц и н и й

Всему виною этот раб.

(Эдилу.)

Пусть высекут его перед народом,

Который он мутил.

Г о н е ц

Достойный муж,

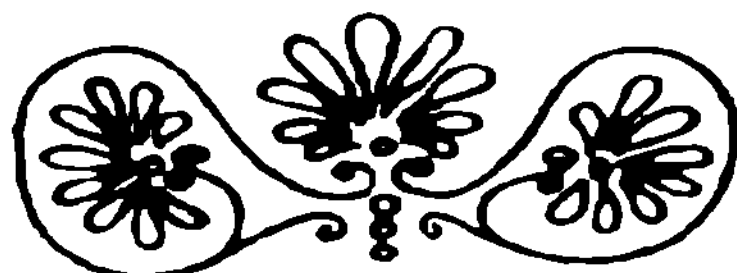
Раб не солгал. Известье подтвердилось,

И новые пришли — еще страшнее,

Чем первое.

С и ц и н и й

Как так — еще страшнее?

Г о н е ц

Насколько это верно, я не знаю,
Но говорят открыто, будто Марций
Ведет войска с Авфидием совместно,
Всем римлянам от мала до велика
Поклявшись отомстить.

С и ц и н и й

Все это сказки!

Б р у т

Придуманные стороной слабейшей,
Чтоб Марция вернуть.

С и ц и н и й

Вот это ловко!

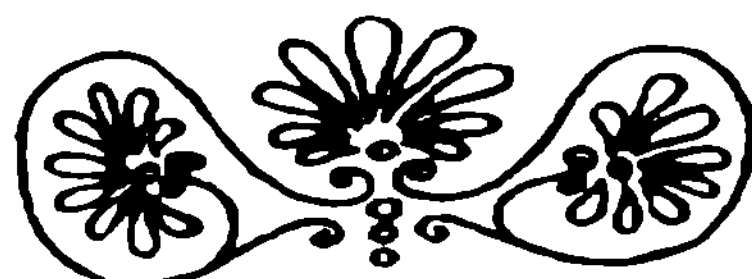
М е н е н и й

Не верю я! Две крайности такие,
Как Марций и Авфидий, — не сойдутся.

Входит второй гонец.

В т о р о й г о н е ц

Сенаторами послан я за вами.
Кай Марций и Авфидий с грозным войском
Неистово в пределы наши вторглись,

Огнем себе дорогу пролагая
И грабя все, что встретится на ней.

Входит К о м и н и й.

К о м и н и й

Вы натворили дел!

М е н е н и й

Какие вести?

К о м и н и й

Вы сами все устроили так мудро,
Что ваших дочерей бесчестить будут,
Что с ваших крыш, расплавленных пожаром,
Свинцовый дождь вам хлынет на башку,
Что станут ваших жен у вас под носом
Насиловать...

М е н е н и й

Ответь: какие вести?

К о м и н и й

...Что ваши храмы превратятся в пепел,
Что ваши вам столь милые права
В мышинной норке уместятся...

М е н е н и й

Вести!

(Трибунам.)

Боюсь я, дел наделали вы славных!

• (Коминию.)

Ответь: какие вести? Если Марций —
Союзник вольсков...

К о м и н и й

Что еще за “если”!

Он их кумир. Они ему покорны,
Как будто он был создан не природой,
А более разумной высшей силой.
Они идут на все отродье наше
Не с большею опаской, чем мальчишки
За бабочкой бегут иль давит мух
Мясник.

М е н е н и й

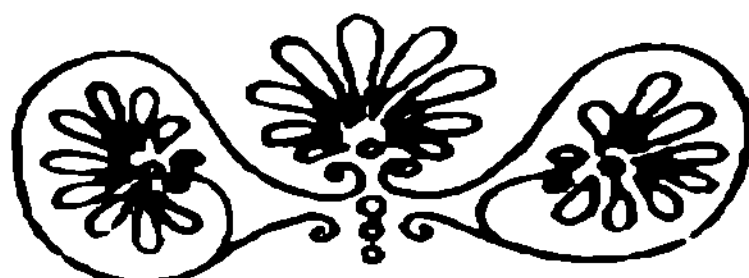
Понатворили славных дел
Вы вместе с вашими мастеровыми,
Которые пропахли чесноком
И за которых вы горой стояли.

К о м и н и й

Ваш Рим потрянет он и на вас обрушит...

М е н е н и й

...Как Геркулес на землю спелый плод.
Наделали вы дел!

Б р у т

Но можно ль верить
Известиям?

К о м и н и й

Вполне. И бледным трупом
Ты станешь раньше, чем их опровергнешь.
Все земли, завоеванные Римом,
С восторгом отпадают. Все смеются
Над теми прямодушными глупцами,
Которые, дерзнув сопротивляться,
Бессмысленно, хоть и бесстрашно гибнут.
Кто Марция осудит? Ведь находят
В нем кое-что его враги и ваши!

М е н е н и й

Мы все погибли, если не добьемся
У мужа благородного пощады.

К о м и н и й

А кто пойдет просить? Трибуны?
Им не позволит стыд. Народ? Он вправе
Ждать сострадания от него не больше,
Чем волк от пастухов. Его друзья?
Да ведь мольбою сжалиться над Римом
Они б к нему враждебность проявили

И оскорбили бы его не меньше,
Чем те, кого он ненавидит.

М е н е н и й

Правда!

Стань поджигать он собственный мой дом,
И то б я не посмел просить пощады.
Да, славное вы дельце смастерили
С мастеровыми вашими!

К о м и н и й

Вогнали

Вы Рим в такую дрожь, что не излечишь
Ее уже ничем.

О б а т р и б у н а

При чем здесь мы?

М е н е н и й

А кто ж? Быть может, мы? Он был нам дорог,
Но, знатные трусливые скоты,
Мы вашей черни поддались, и свистом
Она его изгнала.

К о м и н и й

Я боюсь,
Чтоб он на крик ее не возвратился.

Сам Тулл Авфидий в войске стал вторым
И повинуетя, как подчиненный,
Любому знаку Марция. У Рима
Теперь одна опора и защита —
Отчаянье.

Входит толпа горожан.

М е н е н и й

А вот и ваша шайка!
Так, значит, и Авфидий с ним?

(Толпе.)

На Рим

Заразу вы накликali в тот день,
Когда свои засаленные шапки
Кидали вверх и требовали с ревом
Изгнать Кориолана. Он вернулся,
И каждый волос на его бойцах
Для вас бичом окажется. Заплатит
Он вам за ваши голоса и с плеч
За каждую подброшенную шапку
Снесет одну безмозглую башку.
Да что там! Пережги он нас на уголь,
И то б нам было поделом.

Г о р о ж а н е

Ужасное известье!

Первый горожанин

Я-то сам,
Сказав: “Изгнать”, прибавил: “Жаль”.

Второй горожанин

Я тоже.

Третий горожанин. Я, конечно, тоже. Сказать по правде, не мы одни так говорили. Мы ведь думали сделать, чтобы всем было лучше, и хоть соглашались его изгнать, но в душе-то были с этим несогласны.

Коминий

И ловки ж вы голосовать!

Менений

Изрядно

Сумела отличиться ваша свора!

(Коминию.)

Идешь со мной в сенат?

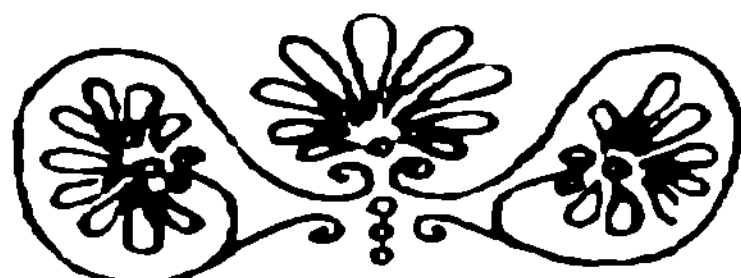
Коминий

А то куда же!

Менений и Коминий уходят.

Сициний

Соседи, по домам! Не унывайте.

Ведь все они приверженцы его
И только ждут, чтоб подтвердилось то,
Чего они для виду так боятся.
Ступайте и не вешайте голов.

Первый горожанин. Да смилостивятся над нами бо-
ги! Пойдем домой, соседи. Зря мы его изгнали — я же всегда
это говорил.

Второй горожанин. Все мы говорили то же самое.
Идем-ка поскорей.

Горожане уходят.

Б р у т

Не нравится мне эта весть.

Сициний

Мне тоже.

Б р у т

Идем на Капитолий. — Половину
Того, чем я владею, я бы отдал,
Чтоб это было ложью.

Сициний

Ну, пойдем.

Уходят.

Сцена 7

Лагерь неподалеку от Рима.

Входит Авфидий с одним из военачальников.

А в ф и д и й

Так, значит, войско к римлянину льнет?

В о е н а ч а л ь н и к

В нем что-то колдовское есть. Солдаты
Лишь про него толкуют. Имя Марций
Им служит предобеденной молитвой,
Питает их застольную беседу,
“Спасибо” заменяет за едой.
Да, вождь, на время этого похода
Ты отодвинут в тень.

А в ф и д и й

А что ж мне делать?

Бороться? Это значит нашим планам
Колени перебить. Он и со мною
Надменней, чем я ждал, когда впервые
Мы обнялись. Но он всегда такой,
Его не изменить. Я извиняю
То, что исправить не могу.

В о е н а ч а л ь н и к

Мой вождь,

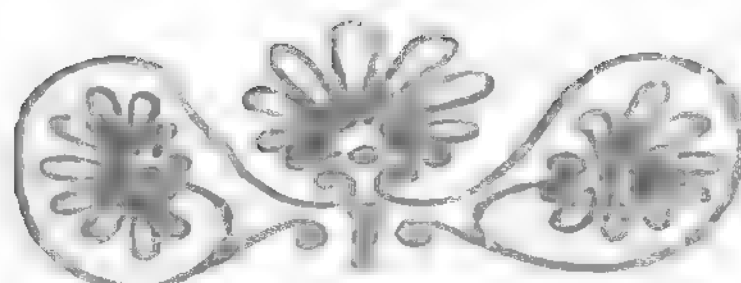
Хотел бы я для твоего же блага,
Чтоб ты с ним власть над войском не делил,
А либо сам распоряжался, либо
Ему начальство сдал.

А в ф и д и й

Тебя я понял.
Однако помни: он и не предвидит,

Римский центурион. Прорисовка с римского барельефа. Венеция

Какие обвиненья предъявлю
Ему я в день сведения всех счетов.
Хоть кажется — и сам он в это верит,
Да и толпа, наверно, так же мыслит, —
Что он походом и делами вольсков
Руководит отлично, что дерется
В сраженьях, как дракон, что стоит только
Ему взмахнуть мечом, как враг бежит,
Но то, на чем он шею в день расчета
Себе иль мне сломает, — впереди.

Военачальник

Ты думаешь, что Рим он взять сумеет?

Авфидий

Все города ему сдались без боя,
А в Риме и сенаторы и знать —
Его друзья. Трибуны — не солдаты.
Народ же призовет его обратно
Еще поспешней, чем изгнал. И Рим
Он схватит, как морской орел рыбешку,
Которая сама к тому всплывает,
В ком видит прирожденного владыку.
Сперва он верно родине служил,
Но устоять не смог под грузом славы.
Быть может, в том была повинна гордость,
Которая нас портит в дни успеха,

Иль вспыльчивость, которая мешает
Использовать разумно цепь удач,
Иль то, что от рождения ему
Присущи непреклонность и упорство,
Из-за которых на скамьях сената
Он шлема не снимал и оставался
В дни мира столь же грозен, как в бою.
Из этих свойств любого (обладает
Он ими всеми, хоть не в полной мере)
Довольно, чтобы на себя навлечь
Изгнание и ненависть народа.
Он сам свои заслуги свел на нет,
Твердя о них кичливо. Наша слава
Лишь мнением народным создается.
Тому, кто стал у власти (пусть по праву),
Вернее нет могилы, чем трибуна,
С которой слышит он хвалу.
Гвоздь выбивается другим гвоздем,
Ломает силу сила. Ну, идем.—
О Кай, как только Рим возьмешь ты свой,
Я верх возьму, несчастный, над тобой.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Рим. Площадь.

Входят Менений, Коминий, Сициний, Брути и другие.

Менений

Нет, не пойду. Вы слышали, что он
Отвечил своему вождю былому,
Любившему его нежней, чем сына?
Меня он тоже звал отцом. Что толку?
Идите вы, кем изгнан он, и, ниц
За милю пав перед его палаткой,
К пощаде на коленях доползите.
Уж если он Коминию не внял,
Я лучше дома посижу.

Коминий

Он даже
Узнать меня не захотел.

М е н е н и й
(трибунам)

Слыхали?

К о м и н и й

Когда, забывшись, он сказал: “Коминий”,
Я стал о крови, пролитой совместно,
О дружбе нашей вспоминать. Он крикнул,
Что нет Кориолана, что отрекся
Он от своих прозваний и пребудет
Без имени, пока себе другого
В огне пожаров гибнущего Рима
Не выкует.

М е н е н и й

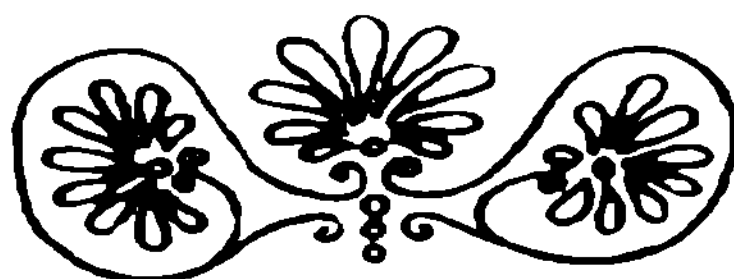
Спасибо вам, трибуны!
Вы крепко потрудились, чтобы уголь
Подешевел. Вас будут помнить в Риме.

К о м и н и й

Сказал я, что пощаду дать тому,
Кто ждать ее не вправе,— благородно.
Ответил он, что глупо государству
Просить того, кого оно карает.

М е н е н и й

А что ж еще ему ответить было?

К о м и н и й

Его просил я пожалеть друзей.
Он возразил, что недосуг ему
Перебирать прогнившую мякину,
Разыскивая два иль три зерна,
Что ради них трухи зловонной кучу
Не сжечь — нелепо.

М е н е н и й

Два иль три зерна!

Одно — я сам, другие — мать, жена,
Его сынок да этот храбрый воин.
А вы — мякина, гниль, чей смрад взлетает
До самых звезд. Сгорим мы из-за вас!

С и ц и н и й

Не гневайся. Уж если ты помочь
Не хочешь нам в беде неотвратимой,
Так не кори хоть ею нас. А все же,
Возьмись ты быть ходатаем за Рим,
Язык твой ловкий мог бы сделать больше,
Чем наше наспех набранное войско.

М е н е н и й

Нет, в это я мешаться не желаю.

С и ц и н и й

Молю тебя, ступай к нему!

М е н е н и й

Зачем?

Б р у т

Чтоб хоть увидеть, не пойдет ли Риму
На пользу ваша дружба.

Уста истины. Барельеф. Рим

М е н е н и й

Ну, а если

Меня он, как Коминия, прогонит,
Не выслушав, и я вернусь,
Презреньем друга тяжело оскорбленный?
Ну, что тогда?

Сициний

Тогда отчизна будет
За добрые намеренья твои
Признательна тебе.

Менений

Что ж, попытаюсь.
Я думаю, что выслушан им буду,
Хоть на Коминия глядел он косо
И прикусив губу. Как это горько!
Но, может быть, пришел к нему Коминий,
Когда он был не в духе, не обедал?
Ведь если в жилах пусто, кровь не греет,
То нам не в радость даже солнце утром
И скупы мы на деньги и прощенье.
Но если кровеносные каналы
Наполнены у нас вином и пищей,
То мы душою кротче, чем в часы,
Когда постимся, как жрецы. Я лучше
Дождусь, пока обед его смягчит,
А уж потом примусь просить.

Брут

Путь к доброте его тебе известен,
И ты не заплутаешь.

Менений

Будь что будет,

А то, что будет, я узнаю скоро.
Попробую.

(Уходит.)

К о м и н и й
Не станет даже слушать
Его Кориолан.

С и ц и н и й
Ты так уверен?

К о м и н и й
Да я же видел: он сидит в палатке,
Весь раззолоченный, глаза сверкают
Так, словно Рим предать огню хотят.
Он жалость заточил в тюрьму обиды.
Когда пред ним я преклонил колени,
Он процедил мне: "Встань!" — и отослал
Меня рукой безмолвною, а после
Уведомил меня письмом о том,
Что может сделать и чего не может,
Поскольку связан клятвой, данной вольскам.
Итак, одна у нас надежда —
Достойные его жена и мать,
Которые, как слышал я, решили
Молить его о жалости к отчизне.
Идем. Упросим их поторопиться.

Уходят.

Сцена 2

У входа в лагерь вольсков под Римом.

На постах стоят часовые. К ним подходит Менений.

Первый часовой

Стой! Ты откуда взялся?

Второй часовой

Стой! Назад!

Менений

Хвалю: вы хорошо несете службу.
Но я сановник, и с Кориоланом
У нас дела.

Первый часовой

Откуда ты?

Менений

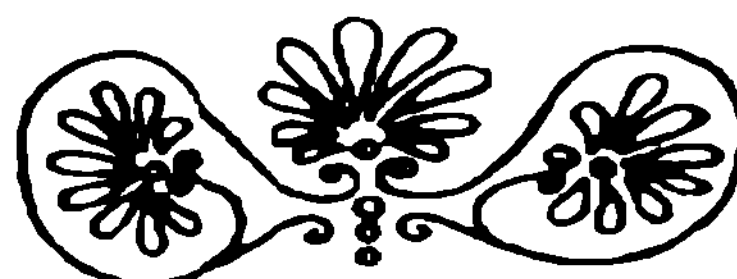
Из Рима.

Первый часовой

Назад! Не хочет вождь о Риме слышать.

Второй часовой

Скорей твой Рим спорит, чем ты с вождем
Поговоришь.

М е н е н и й

Любезные мои,
Когда ваш вождь рассказывал при вас
О Риме и своих друзьях, ручаюсь,
Меня упоминал он. Я — Менений.

П е р в ы й ч а с о в о й

А все ж — назад! И с именем таким
Тебе здесь ходу нет.

М е н е н и й

Послушай, малый,
Твой вождь меня любил. Я был той книгой,
Где летопись велась его деяньям.
Читали в ней сограждане о славе
Его бессмертной, хоть отчасти мною
Преувеличенной, затем что я
Друзьям (а он меж ними первым был)
Воздать по правде должное старался,
Но слишком уносился вдаль порой,
Как шар, который пущен по дорожке
С обманчивым наклоном и длиною,
И уснащал хвалу крупницей лжи.
Поэтому дай мне пройти, приятель.

П е р в ы й ч а с о в о й. Честное слово, наги ты ему в похвалу столько же, сколько слов в свою собственную честь наго-

ворил, я и тогда не пропустил бы тебя. Нет, даже если бы ложь, как целомудрие, считалась добродетелью. Поэтому — назад!

М е н е н и й. Да пойми ты, приятель: меня зовут Менений, и я всегда был сторонником твоего вождя.

В т о р о й ч а с о в о й. Вернее, лжецом, который, как ты сам уверяешь, вечно про него небылицы сочинял. Зато я обязан резать правду, раз уж состою у него на службе. Поэтому заявляю тебе: не пропущу. Назад!

М е н е н и й. Ты мне хоть скажи, обедал он или не обедал. Пока он не пообедал, я лучше с ним говорить не буду.

П е р в ы й ч а с о в о й. Ты — римлянин, не так ли?

М е н е н и й. Да, как и твой вождь.

П е р в ы й ч а с о в о й. Значит, ты должен был бы ненавидеть Рим, как и он. На что ты надеешься? Вы сначала вытолкали за ворота лучшего вашего защитника, отдали врагу свой собственный щит, чтоб угодить бессмысленной черни, а теперь думаете, что хныканье ваших старух, сложенные руки ваших дочерей да плаксивые мольбы выживших из ума старикашек, вроде тебя, спасут вас от его мести. Уж не собрался ли ты своим немощным дыханьем задуть огонь, который вот-вот охватит ваш город? Не тут-то было! Поэтому — назад! Вернись в Рим, пусть там к казни готовятся. Вы все осуждены. Наш вождь поклялся, что пощады никому не будет.

М е н е н и й. Ты полегче! Если бы твой начальник знал, что я здесь, он бы меня принял с уважением.

П е р в ы й ч а с о в о й. Поди ты. Мой начальник тебя и знать не знает.

М е н е н и й. Да я говорю не о твоём центурионе, а о самом вашем полководце.

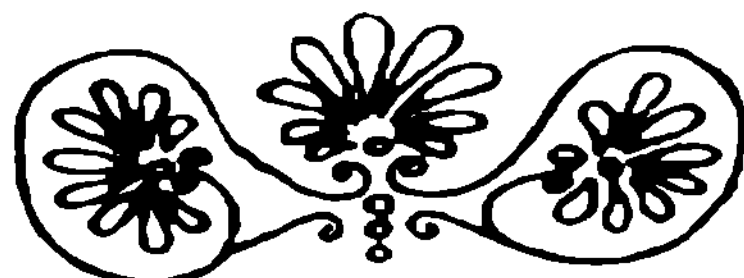
П е р в ы й ч а с о в о й. А ему-то что за дело до тебя? Назад! Кому я говорю? Уйди, не то я из тебя последние полпинты крови выпущу. Назад!

М е н е н и й. Но послушай, приятель, послушай...

Входят Кориолан и Авфидий.

К о р и о л а н. Что тут происходит?

М е н е н и й (*первому часовому*). Ну, приятель, я сейчас за тебя замолвлю словечко! Ты ещё увидишь, как меня здесь уважают. Знай, что какому-то паршивому часовому никогда не удастся отогнать меня от Кориолана: он же мне все равно что сын. Вот послушай, как мы с ним поговорим, и сообрази, что не миновать тебе повешения или иной казни, которая для зрителей будет попродажительнее, а для тебя самого потяжелее. Ну смотри же: сейчас ты от страха в обморок свалишься. (*Кориолану.*) Пусть ежечасно совет всемогущих богов печется о твоём благоденствии и пусть они любят тебя так же крепко, как твой старый отец Менений. Сын мой, сын мой! Ты готовишь для нас пожар, но влага вот этих глаз потушит его. Римляне долго не могли упросить меня пойти к тебе, но я знал, что я один способен тронуть твоё сердце, и, наконец, их вздохи выдули меня за ворота города. Взгляни, я, я заклинаю тебя — прости Рим и твоих соотечественников, с мольбою взывающих к тебе. Да растворят благие боги твой гнев в наших слезах и выплеснут его остатки на вот этого бездельника, на этого чурбана, который преградил мне дорогу к тебе.

Кориолан. Уйди!
Менений. Как! Уйди?

Кориолан

Мать, сын, жена — я больше их не знаю.
Мои дела другим отныне служат.
За мною месть, а право на пощаду —
За вольсками. Скорей я отправлю
Забвением былую нашу дружбу,
Чем милосердьем покажу, как прочно
Мы ею связаны! Уйди!
Мой слух для ваших просьб надежней замкнут,
Чем от моих солдат ворота ваши.
Но так как ты был дорог мне когда-то,
Возьми бумагу эту. Для тебя
Я написал ее и собирался
Тебе отправить.

(Дает ему бумагу.)

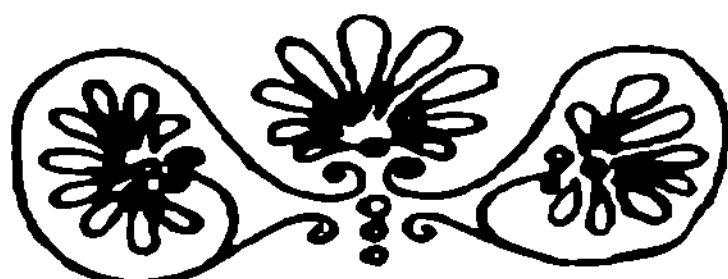
А теперь, Менений,
Уйди не тратя слов.— Авфидий, в Риме
Он мною был любим, однако видишь...

Авфидий

Да, неизменен ты во всем.

Кориолан и Авфидий уходят.

Первый часовой. Ну, достойный муж, так, значит,
твое имя Менений?

Второй часовой. Скажите, каким оно оказалось все-
сильным! Дорогу домой сам найдешь?

Первый часовой. И влетело же нам за то, что мы
такую высокую особу не пропустили!

Второй часовой. Что-то не вижу я, чтобы мне от стра-
ха в обморок свалиться пришлось.

Менений. Нет мне дела ни до вашего вождя, ни до всего
света. А уж о таких ничтожествах, как вы, мне и думать не
стоит. Кто сам на себя решил руки наложить, тот убийца не
испугается. Пусть ваш вождь творит свое черное дело. Вы же
оставайтесь такими, какие вы есть, чтобы ваше убожество
возрастало с годами. Скажу вам то же, что вы мне говорили:
“Прочь с глаз моих!” (Уходит.)

Первый часовой. А ведь правду сказать — человек-
то он достойный!

Второй часовой. Нет, достойный человек — это наш
вождь: он вроде скалы или дуба — его никакой ветер не свалит.

Уходят.

Сцена 3

Палатка Кориолана.

Входят Кориолан, Авфидий и другие.

Кориолан

Итак, с рассветом войско Рим обложит.

(Авфидию.)

Тебя, мой сотоварищ по походу,

Прошу я донести сенату вольсков,
Что вам я верен был.

А в ф и д и й

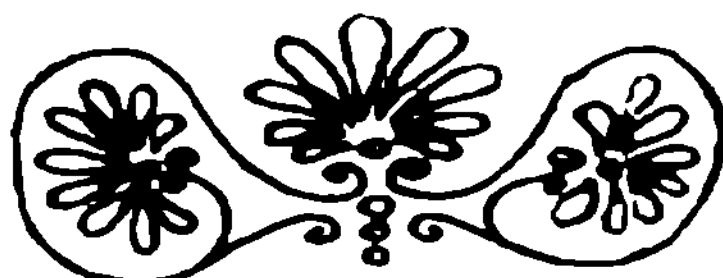
Лишь к нашей пользе
Стремился ты, не внял молениям Рима
И уповавших на тебя друзей
Не выслушал ни разу.

К о р и о л а н

Тот старик,
Что в Рим с разбитым сердцем мной отослан,
Любил меня сильнее, чем отец, —
Боготворил меня. Его посольство
Последнею надеждой Рима было.
О нашей стародавней дружбе помня,
Я, хогь и встретил холодно его,
Вновь предложил им мир на тех условиях,
Которые они отвергли раньше,
Да вряд ли примут и теперь. Я сделал
Лишь самые ничтожные уступки,
Чтоб старика утешить (он ведь думал,
Что может многого достичь). Отныне
Я не хочу посланцев Рима видеть,
Мольбам друзей внимать.

За сценой шум.

Что там за шум?

Не снова ли пытаются склонить
Меня к тому, чтоб я нарушил клятву
В тот миг, когда принес ее? Ну нет!

Входят в траурной одежде Виргилия, Волумния, ведущая
маленького Марция, Валерия и свита.

Идет моя жена! За нею следом,
Ведя с собою маленького внука, —
Та, что служила благородной формой
Для лепки этой плоти.

(Указывает на себя.)

Прочь, любовь!

Да распадутся узы прав природы!
Пусть будет добродетелью моею
Неутолимость! Да, но как прелестны
Глаза и стан моей голубки! Боги,
И вы б презрели клятву ради них!
Растроган я. Как все другие люди,
Я создан не из камня. Предо мной
Склонилась мать моя, как будто должен
Олимп сгибаться перед кротовиной.
И мальчик мой глядит с такой мольбою,
Что мне кричит всевластная природа:
“О, сжапись!” Нет, пусть вольски Рим распашут
И взборонят весь италийский край, —
Не подчинюсь я, как птенец, влеченью,
Но твердость сохраняю, как если б сам
Я был своим творцом, родства не зная.

В и р г и л и я

Мой муж и господин, ты не узнал нас?

К о р и о л а н

Мои глаза теперь не те, что в Риме.

В и р г и л и я

**Так говоришь ты потому, что горе
Нас изменило.**

К о р и о л а н

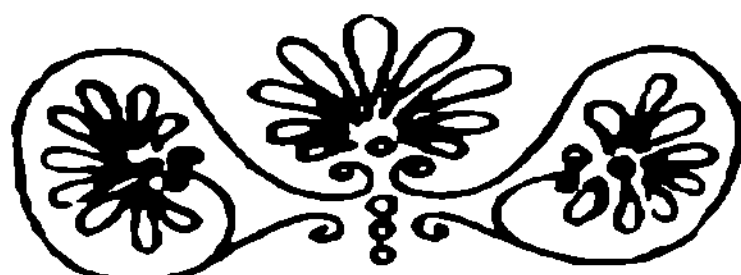
**Как плохой актер,
Я сбилсЯ с роли, к своему позору.
О половина лучшая моя,
Прости мою жестокость, но не требуй,
Чтоб римлян я простил.**

(Целует Виргилию.)

**Твой поцелуй,
Как мщенье, сладок, как изгнание, долог!
Клянусь небес ревнивою царицей,
Мои уста твой поцелуй прощальный
Всегда хранили в чистоте.— О боги,
За болтовней я позабыл склониться
Пред благороднейшей из матерей!**

(Становится на колени.)

Колени, опуститесь, чтобы в прах

Вдавил я след почтения так глубоко,
Как ни один из сыновей.

В о л у м н и я

О, встань
И будь благословен. Не на подушки —
На камни я склоню свои колени
Перед тобой, чтоб так тебя почтить,
Как по ошибке дети почитали
Доныне матерей.

(Становится на колени.)

К о р и о л а н

Что? На колени
Пред сыном, столь наказанным, ты встала?
Тогда пускай до звезд подпрыгнут камни
Бесплодных побережий; пусть хлестнет
Ветвями гордых кедров дерзкий ветер
По пламенному солнцу. Все возможно,
Раз невозможное сбылось.

В о л у м н и я

Мой воин,
Ты создан мною.

(Указывает на Валерию.)
Узнаешь ее?

К о р и о л а н

Публиколы достойная сестра,
О римская луна, что чище льдинки,
Морозом на святилище Дианы
Повешенной!.. Валерия, привет!

В о л у м н и я

(подводя к Кориолану сына)

А вот и малое твое подобье,
Которое с годами может стать
Совсем таким, как ты.

К о р и о л а н

Пусть бог войны

С согласия Юпитера дарует
Тебе высокий дух, чтоб для бесславья
Ты был неуязвим и в ратных бурях
Стоял непоколебимо, как маяк,
Спасая тех, кто лик твой светлый видит.

В о л у м н и я

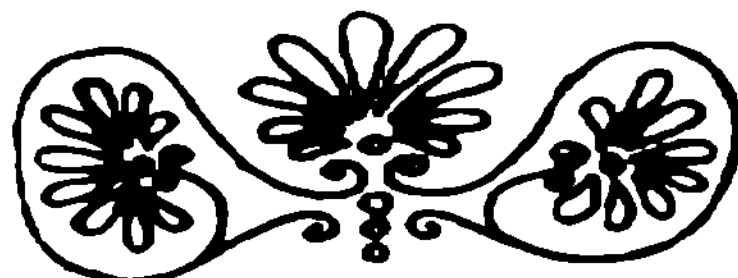
Встань на колени, внук.

К о р и о л а н

Мой славный мальчик!

В о л у м н и я

Валерия, твоя жена, я, он —
Мы все пришли тебя просить...

К о р и о л а н**Умолкни!**

А если не просить не можешь, помни:
Не отступлюсь я от того, в чем клялся.
Не требуй, чтобы распустил я войско
Иль с подлыми мастеровыми Рима
Покончил дело миром, не тверди,
Что я бесчеловечен, и не пробуй
Взывать к рассудку, чтобы охладить
Мой гнев и жажду мести.

В о л у м н и я**О, довольно!**

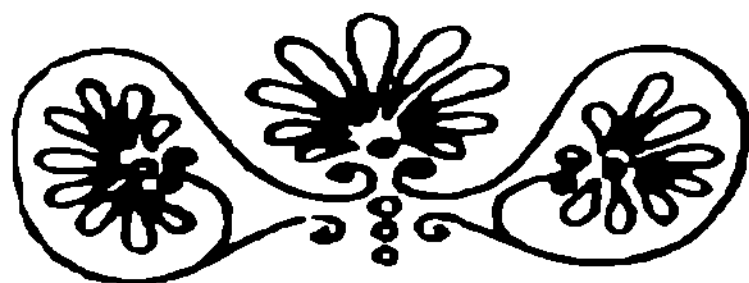
Ты нас предупредил, что не уступишь,
А мы пришли просить о том, в чем нам
Ты отказал заранее. Но все же
Попросим мы, чтоб в случае отказа
Твое жестокосердье на тебя
Легло пятном. Поэтому послушай.

К о р и о л а н

Авфиций, вольски, подойдите. Римлян
Без вас не стану слушать я.— В чем просьба?

В о л у м н и я

Без наших слов — по лицам и по платью
Ты можешь угадать, как нам жилось
Со дня изгнанья твоего. Подумай,

Найдутся ль в мире женщины несчастней,
Чем мы? Твой взгляд, который был бы должен
Нам увлажнить глаза слезою счастья,
Сердца наполнить трепетом восторга,

Кориолан и его семья, молящая о пощаде Рима. Художник В. Каульбах

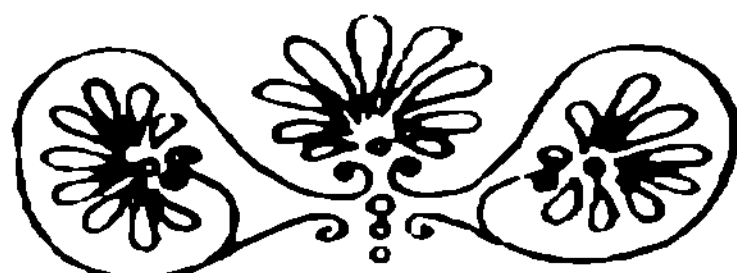
Несет нам лишь отчаянье и ужас.
Ты нас — супругу, сына, мать — заставил
Смотреть, как раздирает грудь отчизны
Супруг, отец и сын. Твою враждебность
Нам видеть горше, чем другим: тобою
Закрыт нам путь к молитве — утешенью,

Доступному для всех. Нельзя ж молиться
Одновременно за твою победу,
Как долг велит, и за отчизну нашу,
Как долг велит. Увы! Лишимся мы
Иль дорогой, вскормившей нас отчизны,
Или тебя, дарованного ею
На утешенье нам. Нас горе ждет,
Какой бы из молитв ни вняли боги:
Ведь ты или по улицам в цепях
Пройдешь, как чужеземец и предатель,
Или, поправ развалины отчизны,
Венком увенчан будешь за отвагу,
С которой пролил кровь жены и сына.
Что до меня, то я, мой сын, не стану,
С судьбою примирясь, покорно ждать
Конца войны. Уж если я не в силах
Склонить тебя великодушным быть
К обеим сторонам, а не стремиться
Добить одну из них, то знай, что, прежде
Чем двинуться на Рим, тебе придется
Ногою наступить на чрево той,
Что жизнь тебе дала.

В и р г и л и я

И на мое,
Где зачат сын, который должен имя
Твое сберечь.

М а л ь ч и к

Он на меня не ступит:
Я спрячусь, вырасту и драться буду.

К о р и о л а н

Чтоб неженкой, как женщины, не стать,
Глядеть не надо на детей и женщин.
Я засиделся тут.

(Встает.)

В о л у м н и я

Ты не уйдешь.

Когда б мы римлян пощадить просили
На гибель вольскам, чей слуга ты ныне,
Ты был бы вправе упрекнуть нас в том,
Что честь твою мы ядом отравляем.
Но молим мы тебя лишь примирить
Враждебные народы, чтобы вольски
Могли воскликнуть: "Мы явили милость!",
А римляне: "Мы приняли ее!",
Чтоб обе стороны тебя встречали
Приветом общим: "Будь благословен,
Ты, что принес нам мир!" Мой сын великий,
Ты знаешь, счастье на войне — неверно;
Но верно то, что, если Рим ты сломишь,
Заслужишь ты одну награду — имя,
Которому проклятья будут вторить

И под которым летопись напишет:
“Он был велик; но все его деянья
Последнее из них свело на нет.
Он родину сгубил, за что навеки
Покрыт позором!” — Отвечай мне, сын!
Ведь ты считал, что высший признак чести —
Быть равным в милосердии богам,
Чья молния, пронзая щеки неба,
Становится затем секирой грома
И лишь дубы разит. Что ж ты молчишь?
К лицу ли тем, кто сердцем благороден,
Обиду помнить? — Нет, он глух к слезам. —
Дочь, говори же с ним. — Малыш, проси.
Твой лепет, может быть, его скорее,
Чем наши слезы, тронет. Кто на свете
Обязан большим матери, чем он?
И все ж он допустил, чтоб я к нему
Взывала безответно, как колодник. —
О, ты всегда был с матерью неласков,
Ни в чем не уступал ей, хоть она,
Клохча, как одинокая наседка,
Жила тобой, тебя для битв растила,
Ждала, когда со славой из похода
Вернешься ты... Что ж, если наша просьба
Несправедлива, прогони меня;
А если справедлива — ты бесчестен
И гнев богов изведаеть сполна

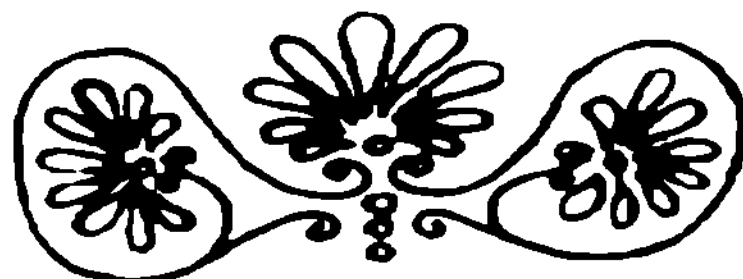
За то, что посягнул своим отказом
На право матери.— Он отвернулся!
Все на колени: пристыдим его!

Все падают к ногам Кориолана.

Ведь он Кориолан, а это имя
Не жалости, но гордости сродни.
Склонимся перед ним в последний раз.
Откажет — возвратимся, чтобы дома
Среди соседей встретить смерть.— Взгляни же
На нас, взгляни хотя б на малыша:
Не знает он, о чем просить, но с нами
К тебе ручонки тянет на коленях.
А это довод посильнее тех,
Которыми отказ ты подкрепляешь.—
Идем. Довольно. Этот человек
На свет от вольской матери родился,
Жена его, наверно, в Кориолах,
И внук мой на него похож случайно.—
Что ж ты не гонишь нас? Я помолчу,
Пока наш город пламя не охватит,
А уж тогда — заговорю.

К о р и о л а н

О мать,
Что сделала со мною ты! Взгляни,
Разверзлось небо, и со смехом боги
На зрелище неслыханное смотрят.

О мать моя! Счастливую победу
Для Рима одержала ты, но знай,
Что сына грозной, может быть, смертельной
Опасности подвергла. Будь что будет!—
Авфидий, заключу я мир почтенный,
Раз не могу войну вести как надо.
Скажи, сумел бы ты, Авфидий добрый,
Когда б со мною местом поменялся,
Остаться твердым, матери не внять
И ей не уступить? Скажи, Авфидий.

А в ф и д и й

Я тоже был растроган.

К о р и о л а н

Я дерзну

Поклясться в том, что говоришь ты правду:
Ведь и мои глаза не так-то просто
Подернуть влагой состраданья, друг.
Но посоветуй, на каких условиях
Мы им даруем мир. Что до меня,
Мне в Рим возврата нет. Уйду я с вами.
А ты мне помоги.— О мать! Жена!

А в ф и д и й

(в сторону)

Я рад, что честь твоя и состраданье

Вступили в ссору, — это мне вернет
Удачу прежних дней.

Женщины хотят прощаться с Кориоланом.

К о р и о л а н

Не торопитесь!

Сначала выпьем мы вина и этим
Надежней слов скрепим наш договор,
Который вы потом снесете в Рим.
Идемте, женщины. За этот подвиг
Должны бы храм воздвигнуть вам. Без вас
Мечи всех италийских государств
Не вынудили б нас к такому миру.

Уходят.

Сцена 4

Рим. Площадь.

Входят Менений и Сициний.

М е н е н и й. Видишь вон тот выступ Капитолия, угловой камень?

С и ц и н и й. Вижу. А что?

М е н е н и й. А вот если сдвинешь его с места мизинцем, значит, еще есть надежда, что римлянки, особенно его мать, Кориолана уговорят. Но я тебе скажу: надежды нет! У нас на шее петля — осталось только ее затянуть.

С и ц и н и й. Неужели человек за такой короткий срок может так перемениться?

М е н е н и й. Гусеница тоже на бабочку непохожа, а ведь бабочка была гусеницей. Марций из человека стал драконом: у него выросли крылья и ползать ему больше незачем.

С и ц и н и й. Но он так горячо любил свою мать.

М е н е н и й. Меня тоже. А теперь думает о матери не больше, чем жеребец-восемилетка. От его хмурого вида спелый виноград киснет. Он ходит как осадная башня: под его шагами земля дрожит. Взглядом он, кажется, панцирь пробить в состоянии. Голос у него вроде набата, каждое слово — громче пушечного залпа. Он сидит в кресле под балдахином, словно статуя Александра. Не успеет он отдать приказ, как тот уже выполнен. Дайте ему бессмертие да трон на небе — и будет настоящий бог.

С и ц и н и й. Ему для этого еще одного не хватает — милосердия, если ты, конечно, верно его описал.

М е н е н и й. Я изобразил его доподлинно. Вот увидишь, с какой милостью мать от него вернется. Милосердия в нем столько же, сколько молока у тигра. Наш бедный город скоро в этом убедится. И все из-за вас!

С и ц и н и й. Да сжалятся над нами боги!

М е н е н и й. Нет, уж на этот раз они над нами не сжалятся. Когда мы изгоняли его, мы о них и не вспомнили. Зато теперь, когда он явится свернуть нам шею, они тоже о нас не вспомнят.

Входит гонец.

Г о н е ц

Беги домой, трибун, иль ты погиб!

Плебеями твой сотоварищ схвачен.
Они его по улицам волочат,
Клянясь, что, если только нам пощады
И римлянки не принесут, он будет
Разорван на куски.

Входит второй гонец.

С и ц и н и й

Какие вести?

В т о р о й г о н е ц

Счастливые: уводит вольсков Марций —
Добились наши римлянки победы!
Столь радостного дня не видел Рим
И в год, когда Тарквиния изгнали.

С и ц и н и й

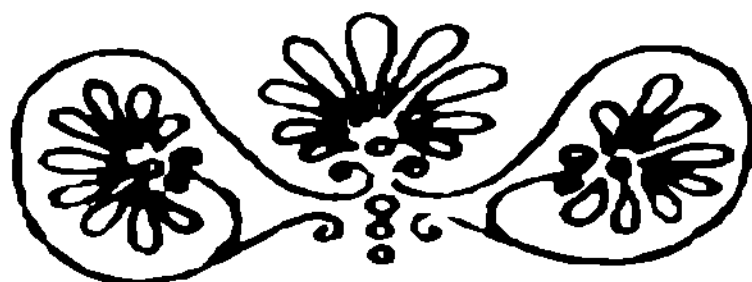
Ты не ошибся, друг мой? Это правда?

В т о р о й г о н е ц

Такая же, как то, что солнце светит.
Да где ж ты был, что все еще не веришь?
Под арками мостов прилив не мчится
С такою быстротой, с какой к воротам
Спешит народ, воспрявший духом. Слушай!

За сценой звуки труб и гобоев, грохот барабанов, радостные крики.

От флейт, кимвалов, барабанов, труб

И кликов римлян, кажется, вот-вот
Запляшет солнце. Слушай!

Снова крики.

М е н е н и й

Весть благая!

Пойду-ка встречу женщин. Больше стоит
Одна Волумния, чем целый город
Патрициев, сенаторов почтенных
И консулов, чем целый мир таких,
Как вы, трибунов. Видно, вы усердно
Молились нынче. Утром я бы не дал
Гроша за десять тысяч ваших глоток. —
Послушай, как ликует Рим!

Крики и музыка.

С и ц и н и й
(второму гонцу)

Сперва

Да будешь ты благословен богами
За эту весть, а после благодарность
И от меня прими.

В т о р о й г о н е ц

Что ж, есть причины
У каждого из нас быть благодарным.

Сициний. Далеко ли от города они?

Второй гонец. Почти что у ворот.

Сициний. Пойдем навстречу, разделим радость горожан.

Уходят.

Сцена 5

Там же. Улица близ городских ворот.

Входят Волумния, Виргилия, Валерия и другие
в сопровождении сенаторов, патрициев и народа;
они проходят через сцену.

Первый сенатор

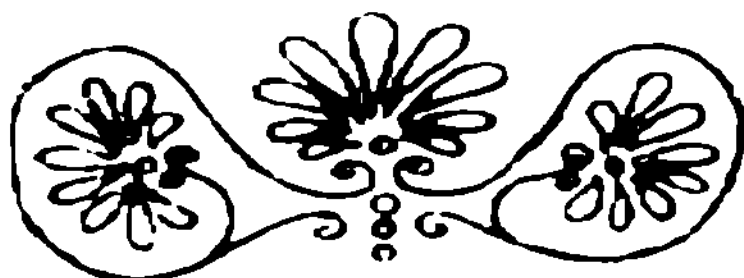
Смотрите, вот спасительницы Рима,
Вернувшие нам жизнь! Сзывайте трибы!
Огни, ликуя, зажигайте всюду!
Богов бессмертных славьте! Усыпайте
Дорогу перед женами цветами!
Пусть крик, изгнавший Марция, заглушат
Приветствия в честь матери его,
Чтобы они ей возвратили сына.
Кричите все: “Привет достойным женам!”

Все

Привет достойным женам!

Трубы и барабаны.

Все уходят.

Сцена 6

Кориолы. Площадь.

Входит Тулл Авфидий со свитой.

А в ф и д и й

Сенаторам сказать, что я вернулся.
Пускай они прочтут бумагу эту
И тотчас же пожалуют на площадь,
Где подтверждаю пред ними и народом
Я то, что написал. Вступает в город
Мной обвиненный человек. Он хочет,
Надеясь обелить себя словами,
С народом говорить. Поторопитесь.

Свита уходит.

Входят три или четыре заговорщика из партии Авфидия.

Привет.

Первый заговорщик

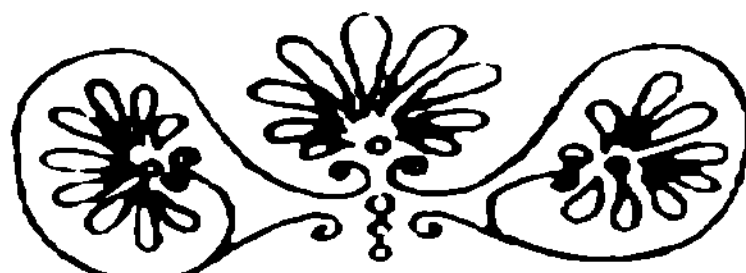
Как поживаешь, вождь?

А в ф и д и й

Как тот,
Кто подаяньем собственным отравлен,
Кого свое ж великодушие губит.

Второй заговорщик

Вождь, если ты не изменил решений,

Содействовать которым нас просил,
Мы от опасности тебя избавим.

А в ф и д и й

Сперва узнайте, за кого народ.

Т р е т и й з а г о в о р щ и к

Раз можно выбирать ему меж вами,
Он будет колебаться, выжидая,
Чтоб пал один из вас и все наследство
К другому отошло.

А в ф и д и й

Я знаю это.

Настало время нанести удар.
Я Марция возвысил. Поручился
Я честью за него, а он, окрепнув,
Росою лести всходы новой славы
Стал поливать, друзей моих прельщая.
Он даже обуздал для этой цели
Свой нрав, когда-то столь неукротимый,
Упорный и суровый.

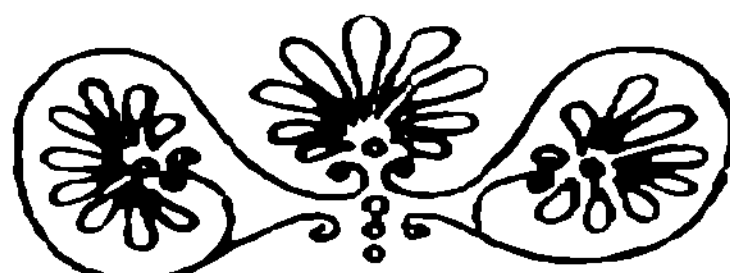
Т р е т и й з а г о в о р щ и к

А ведь прежде

Он из упрямства консульство утратил.

А в ф и д и й

Об этом я как раз и говорю.

Изгнанником он в дом ко мне явился
И горло моему ножу подставил.
Его я принял, разделил с ним власть,
Ему во всем оказывал поддержку,
Дал выбрать лучших из моих бойцов
Для исполненья замыслов его
И сам пошел служить ему в надежде,
Что славу вместе с ним пожну, а он
Ее присвоил. Я гордился даже
Тем, что собою жертвовать умею,
Пока не понял, кто я для него —
Не сотоварищ, а слуга, наемник,
Которому он милостивым взглядом
За помощь платит.

П е р в ы й з а г о в о р щ и к

Это правда, вождь.

Дивилось войско твоему терпенью.
В конце концов, когда к воротам Рима
Он подступил, и мы не только славы,
Но и добычи ждали...

А в ф и д и й

Вот за это

Как раз я и обрушусь на него.
За каплю женских слез, как ложь дешевых,
Труды и кровь великого похода
Он продал, а поэтому умрет

**И вознесет меня своим паденьем.
Вот, слышите?**

За сценой звуки барабанов, труб и клики народа.

Первый заговорщик

**Ты, как простой гонец,
В свой город незамеченным вернулся,
А Марция встречает гром приветствий.**

Второй заговорщик

**И многотерпеливые глупцы
Надсаживают глотки в честь того,
Кто убивал их сыновей.**

Третий заговорщик

**Итак,
Пока еще он не склонил народ
На сторону свою искусной речью,
Берись за меч, а мы тебе поможем.
Пусть он сперва падет, а уж потом
По-своему ты дело истолкуешь
И в гроб все оправданья мертвеца
Уложишь вместе с ним.**

А в ф и д и й

Ни слова больше.

Сенаторы идут!

Входят сенаторы.

Сенаторы

Привет тебе!

А в ф и д и й

Его не заслужил я.

Прочли ли вы мое посланье к вам,
Почтенные отцы?

Сенаторы

Прочли.

Первый сенатор

С прискорбием.

За прежние поступки извинить
Его нетрудно, но закончить там,
Где надо было начинать, утратить
Плоды похода тяжкого, оставить
В награду нам одни издержки наши,
Пойти на мир с врагом, готовым сдаться, —
Такое оправдать уже нельзя!

А в ф и д и й

Да вот и он. Послушаем, что скажет.

Входит Кориолан с барабанами и знаменами, за ним
толпа горожан.

К о р и о л а н

Привет, отцы! Ваш воин возвратился,
К отечеству любовью зараженный
Не более, чем в первый день похода,
И, как и прежде, вам покорный.— Знайте,
Что, вашу волю выполнив с успехом,
Путем кровавым я к воротам Рима
Привел войска. На треть добыча наша
Военные расходы превышает.
Мы с римлянами заключили мир,
Для них позорный и для вольсков славный.
Вот договор, сенатскою печатью
Скрепленный и подписанный рукою
Патрициев и консулов.

А в ф и д и й

Отцы,

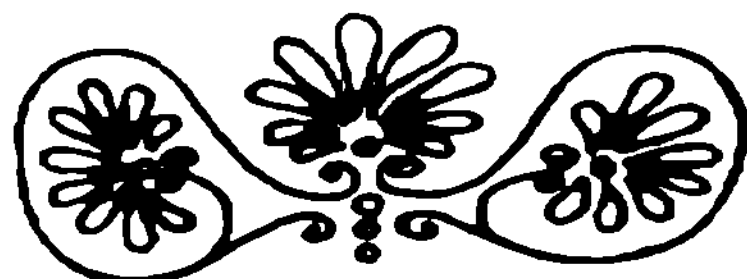
Его вы не читайте, а скажите
Изменнику, что властью, вами данной,
Он злоупотребил.

К о р и о л а н

Что? Я — изменник?

А в ф и д и й

Да, Марций, ты изменник.

К о р и о л а н

Марций? Я?

А в ф и д и й

А кто же ты, Кай Марций? Неужели
Ты полагал, что я тебя украшу
Почетным прозвищем Кориолана,
Украденным тобою в Кориолах? —
Отцы народа, главы государства,
Он вероломно предал ваше дело
И матери с женою уступил
Ваш Рим (да, ваш!) за каплю слез соленых.
Он не созвал военного совета,
Но клятву, как гнилую нить, порвав,
Слезам своей кормилицы поддался.
Победу он прохныкал и проплакал,
Чем изумил мужей и в стыд вогнал
Юнцов безусых.

К о р и о л а н

Марс, ты это слышишь?

А в ф и д и й

Тебе ль к нему взывать, плаксивый мальчик?

К о р и о л а н

Что? Повтори!

А в ф и д и й

Ты плакса и мальчишка!

К о р и о л а н

Бесстыдный лжец, ты гневом переполнил
Мне сердце. Я мальчишка? Ах ты раб!—
Отцы, простите. Вынужден впервые
Я так браниться. Пусть собаку эту
Ваш суд, отцы, изобличит во лжи,
Чтобы клеветнику, чье тело будет
Носить до смерти след моих ударов,
Его признание вбило в глотку ложь.

П е р в ы й с е н а т о р

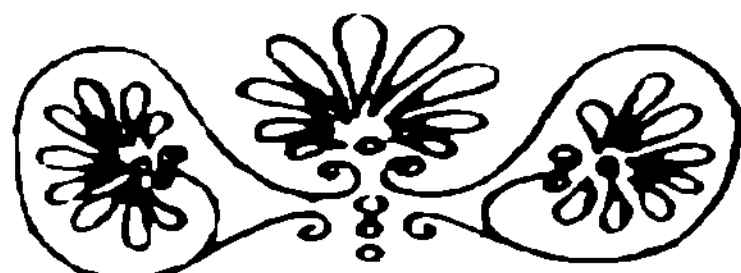
Молчите оба! Слушайте меня!

К о р и о л а н

Меня рубите, вольски, на куски!
Мужи и юноши, мечи омойте
В моей крови! Мальчишка! Лживый пес!
Коль летописи ваши пишут правду,
То вы прочтете там, что в Кориолы
Я вторгся, как орел на голубятню,
Гоня перед собой дружины ваши.
Я это совершил один. Мальчишка!

А в ф и д и й

Как можете вы позволять, отцы,

Чтобы хвастун безбожный перед вами
Превозносил свое слепое счастье
И ваш позор?

З а г о в о р щ и к и
Убить его за это!

Г о р о ж а н е. Разорвать его на части!— Чего там ждать!—
Он убил моего сына!— Мою дочь!— Моего брата Марка!— Моего
отца!

В т о р о й с е н а т о р
Молчать! Не оскорблять его! Молчать!
Он знаменит. Молва о нем идет
По всей земле. Обсудим
беспристрастно
Его последнюю вину пред нами.
Авфидий, перестань. Не подстрекай
К самоуправству.

К о р и о л а н
О, как я хотел бы,
Чтоб семь таких Авфидиев, как он,
И весь их род пришли отведасть этой
Безгрешной стали!

А в ф и д и й
Негодяй! Наглец!

Заговорщики

Убить его, убить! Убить!

**Заговорщики обнажают мечи, бросаются на Кориолана и убивают его.
Авфидий наступает ногой на труп.**

Сенаторы

Стой, стой!

Авфидий

Отцы, позвольте мне сказать...

Первый сенатор

О Тулл!..

Второй сенатор

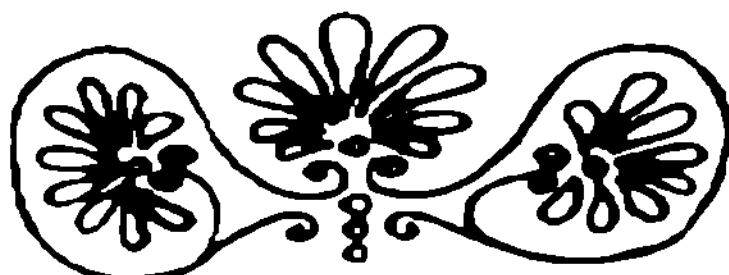
Поступок твой заставит доблесть плакать.

Третий сенатор

**Не попирай его ногой! — Молчать!
Вложить мечи в ножны!**

Авфидий

**Почтенные отцы, когда известна
Вам станет та великая опасность,
Которой вам грозила жизнь его
И о которой, разъярив меня,
Он помешал мне рассказать вам раньше,**

Порадуютесь вы концу такому.
Прошу, отцы, в сенат меня ведите,
Где я иль оправдаюсь, доказав,
Что я слуга ваш верный, иль приму
Любую кару.

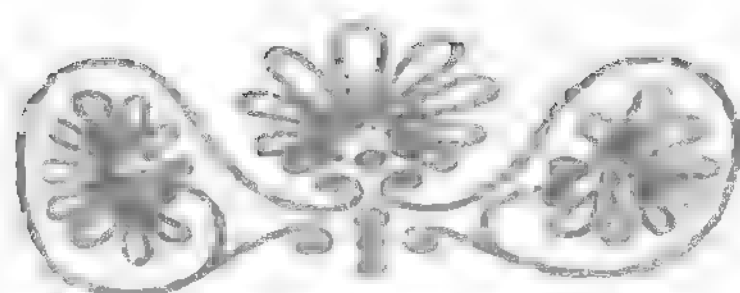
Первый сенатор

Унесите тело.

Оплачем Марция. Еще ни разу
Глашатаи не провожали к урне
Столь благородный труп.

Концовка. Рисунок Джона Джильберта

Второй сенатор

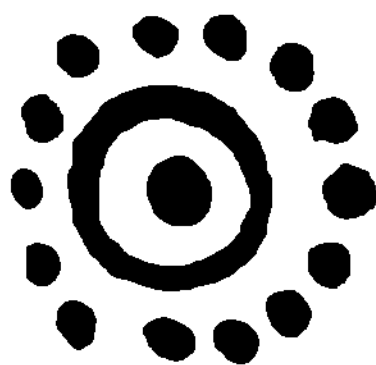
Он был строптив,
А этим и с Авфидия отчасти
Снимается вина. Быть может, лучше,
Что все сложилось так.

Авфидий

Мой гнев прошел.
Я скорбью потрясен.— Пусть труп его
Три лучшие вождя со мной поднимут.—
Греми сильнее, печальный барабан!
Склонитесь до земли, стальные копья!
Хоть он и отнял в наших Кориолах
Мужей и сыновей у многих женщин,
Чьи щеки до сих пор от слез влажны,
Почтить мы память славную должны.—
Берите труп!

Уходят с телом Кориолана.

Похоронный марш.

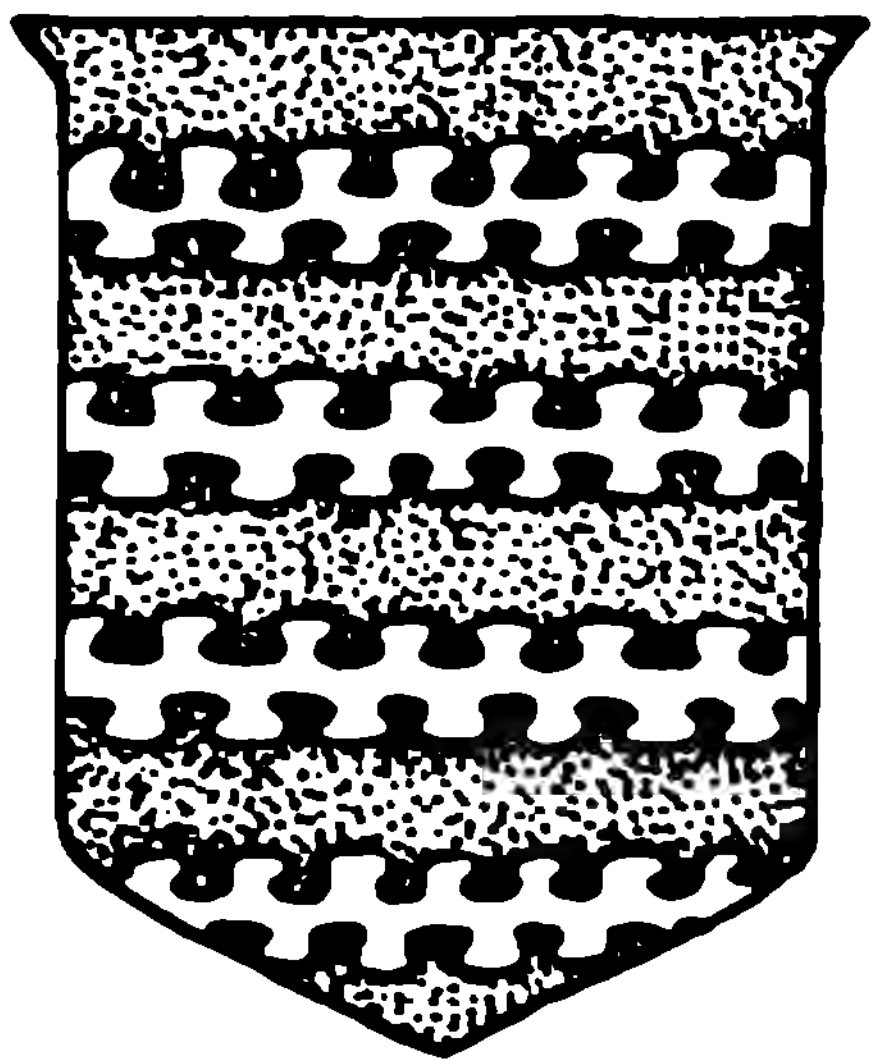

Уильям Шекспир

Тимон Афинский

трагедия в V актах

Перевод П.Мелковой

Действующие лица

Тимон, знатный афинянин.

Луций

Лукулл

Семпроний

вельможи-льстецы.

Вентидий, один из ложных друзей Тимона.

Алкивиад, афинский военачальник.

Апемант, язвительный философ.

Флавий, домоправитель Тимона.

Поэт.

Живописец.

Ювелир.

Купец.

Старый афинянин.

Фламиний

Луцилий

Сервилий

Кафис

Филот

Тит

Гортензий

и другие

слуги Тимона.

слуги кредиторов Тимона.

Паж.

Шут.

Три чужестранца.

Фрина

Тимандра

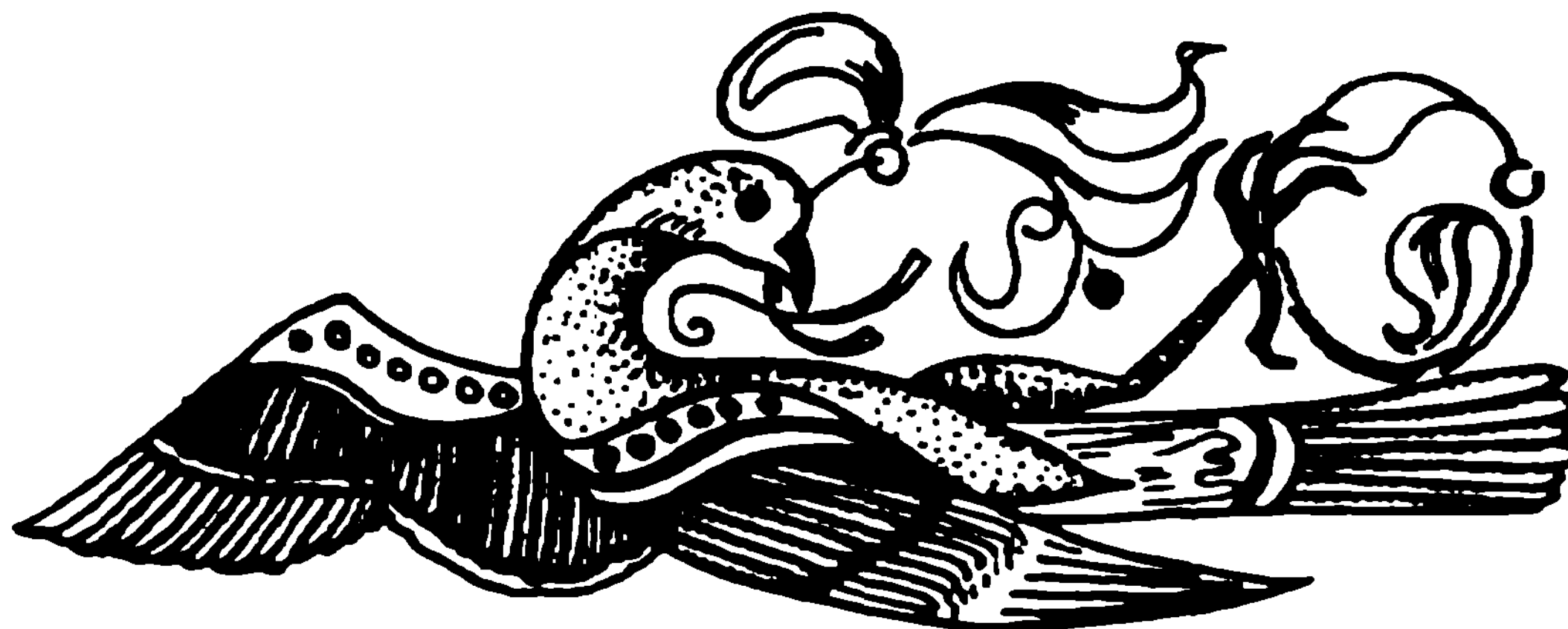
любовницы

Алкивиада.

Купидон и амазонки, маски.

**Вельможи, сенаторы, воины, военачальники,
разбойники, слуги.**

Место действия — Афины и окрестные леса.

АКТ I

Сцена 1

Афины. Зал во дворце Тимона.

**Входят в разные двери поэт, живописец, ювелир, купец
и другие.**

Поэт

Привет мой вам!

Живописец

Я рад, что вы здоровы.

Поэт

Давно не видел вас. Ну, как наш мир?

Живописец

Растет, но и ветшает он.

Поэт

Старо!

А нет ли поновей чего-нибудь —

Такого, что стюстая молва
Не повторяла б вновь и вновь? Смотрите,
Как магия богатства всемогуща!
Оно любую душу в плен берет
И заставляет всех служить себе.
Знаком мне тот купец.

Ж и в о п и с е ц

А мне знаком
И тот, что вместе с ним, — он ювелир.

К у п е ц

Тимон — достойнейший вельможа.

Ю в е л и р

Верно!

К у п е ц

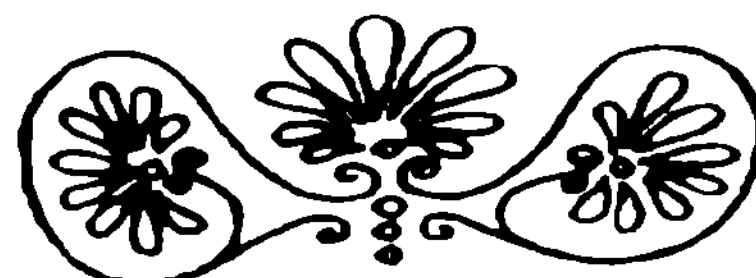
Милейший человек; неистощимой
Он дышит добротой. Такие люди —
Большая редкость.

Ю в е л и р

Я принес брильянт.

К у п е ц

А ну-ка, покажите. Для Тимона?

Заглавная виньетка Джона Джильберта

Ю в е л и р

Да, коль в цене сойдемся... Впрочем, в этом...

П о э т
(декламируя)

“Когда за мзду порок мы превозносим,
Пятнает это блеск стихов прекрасных,
Чье назначенье — прославлять добро.

К у п е ц

Брильянт — хорошей формы.

Ю в е л и р

Превосходный.

Какой воды чистейшей — посмотрите.

Ж и в о п и с е ц
(поэту)

Вы, верно, посвященье написали
Великому Тимону?

П о э т

Родились
Стихи непроизвольно у меня.
Поэзия похожа на камедь,
Струящуюся из ствола-кормильца.

Не высекут огонь — он не сверкнет,
А пламень чистый наш родится сам
И катится лавиной, все сметая
Со своего пути. — Скажите, сударь,
Вы что Тимону принесли?

Ж и в о п и с е ц

Картину.
Когда же выйдет ваша книга в свет?

П о э т

Да вслед за тем как поднесу ее.
Могу ль я на подарок ваш взглянуть?

Ж и в о п и с е ц

Картина хороша.

П о э т

Да, превосходна!
Прекрасно! Очень хорошо!

Ж и в о п и с е ц

Недурно...

П о э т

Чудесно! Сколько грации в фигуре!
Какая сила разума во взоре,

И на устах — фантазии полет,
И жест немой так ясен.

Ж и в о п и с е ц

Да, удачно

Я отразил в ней подлинную жизнь.
А этот штрих, не правда ли, хорош?

П о э т

Саму природу учит он! Искусство,
Заложенное в нем, живет жизни.

Через сцену проходят несколько сенаторов.

Ж и в о п и с е ц

У нашего патрона тьма друзей.

П о э т

Афинские сенаторы! Счастливец!

Ж и в о п и с е ц

Смотрите, вот еще...

П о э т

Ну и толпа! Какой наплыв гостей!
Я показал в набросках этой оды
Любимца мира, баловня судьбы,
Кто свой досуг проводит непрерывно
В изысканных и тонких развлечениях.

Подробности презрев, взлетая вольно,
Мой дар певца скитается свободно
По морю бесконечному страниц,
Не отравляет он расчетом злобным
В своем движенье даже запятой
И рвется ввысь отважно, как орел,
Бесследно исчезая.

Ж и в о п и с е ц

Как понять вас?

П о э т

Я объясню сейчас. Видали вы,
Как люди самых разных положений,
Как все умы — убогие, пустые,
И острые, и злобные — стремятся
Служить Тимону? Он богат несметно
И так приветлив, добр, великодушен,
Что всех к нему влечет, без исключенья,
От хитрого льстеца до Апеманта;
Хотя тому ничто не любо так,
Как враждовать с собою, — но и он
Уходит от Тимона умиленный,
Его улыбку почитая благом.

Ж и в о п и с е ц

Мне доводилось слышать их беседы.

П о э т

Так вот: изобразил я холм высокий,
Где трон стоит, на троне том — Фортуна;
Внизу толпится множество людей
Различных свойств, происхожденья, званья —
Все те, кто на земле благословенной
Живут лишь для того, чтоб хлопотать
О возвышении своем. Меж тех,
Кто на богиню устремил глаза,
Один с Тимоном схож. Манит Фортуна
Его к себе рукою белоснежной,
И эта милость превращает сразу
Соперников его в его рабов.

Ж и в о п и с е ц

Как верно найдено! Я представляю,
Что холм, Фортуна, трон и человек,
Отмеченный из всех внизу стоящих
И наклонивший голову, чтоб легче
Наверх взобраться по крутому склону
Навстречу счастью, — могут стать сюжетом
И моего искусства.

П о э т

Я продолжу...

Так слушайте: все равные ему,
И даже те, кто выше был, бегут

Теперь за ним, в его теснятся доме,
Ему благоговейно в уши шепчут,
Все в нем боготворят — вплоть до стремян,
И только им и дышат...

Ж и в о п и с е ц

Что же дальше?

П о э т

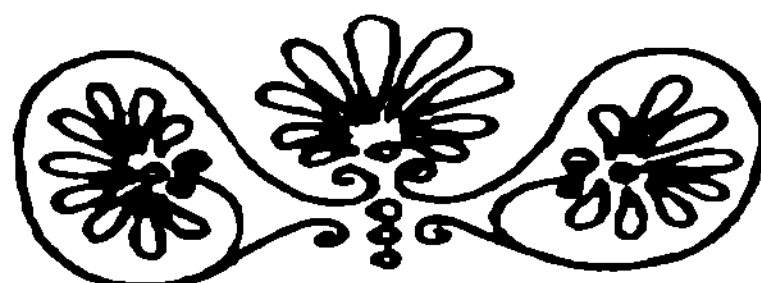
Внезапно своенравная Фортуна
Толкает вниз недавнего любимца,
И тот, кто вслед карабкался за ним
И полз с трудом, почти на четвереньках,
Дает ему скатиться; не поддержит
Его никто.

Ж и в о п и с е ц

Обычное явление...

Я мог бы вам назвать картин немало,
Где следствия таких причуд Фортуны
Показаны ясней, чем на словах.
Но мудро вы напомнили Тимону,
Что люди низкие уже не раз
Падение великих наблюдали.

Трубы. Входит Т и м о н и приветливо здоровается со всеми посетителями.
К нему подходит г о н е ц от Вентидия и разговаривает с ним;
Луций и другие слуги следуют за Тимоном.

Т и м о н

Так он сейчас в тюрьме?

Г о н е ц

Да, господин.

Лишь пять талантов должен он, но нечем
Ему платить, а кредиторы — звери.
Он вас нижайше просит написать
Тому, кто засадил его, иначе —
Ему конец.

Т и м о н

Вентиций благородный!

Исполню все; я не из тех, кто друга
В беде способен бросить. Он мне близок
И помощи достоин. Если помощь
Ему нужна, я вызволю его,
Долг уплачу и от тюрьмы избавлю.

Г о н е ц

Навеки будет он обязан вам.

Т и м о н

Привет ему! Отправляю деньги тотчас.
Пусть он придет ко мне, на волю выйдя;
Однажды выручить страдальца — мало,

Важнее помогать ему и впредь.
Прощай.

Г о н е ц

Всех благ желаю, ваша милость.

Входит старый афинянин.

С т а р ы й а ф и н я н и н

Тимон, к тебе я.

Т и м о н

Да, почтенный старец...

С т а р ы й а ф и н я н и н

Есть у тебя слуга Луцилий?

Т и м о н

Есть.

И что же?

С т а р ы й а ф и н я н и н

Благороднейший Тимон,
Пусть он придет сюда.

Т и м о н

Он здесь.— Луцилий!

Луцилий подходит.

Л у ц и л и й

Я здесь. Что вашей милости угодно?

С т а р ы й а ф и н я н и н

Вот этот человек, Тимон, слуга твой,
Повадился ходить к нам по ночам.
Я весь свой век сколачивал богатство,
И состояние мое достойно
Наследника получше, не из тех,
Кто бегают с подносом.

Т и м о н

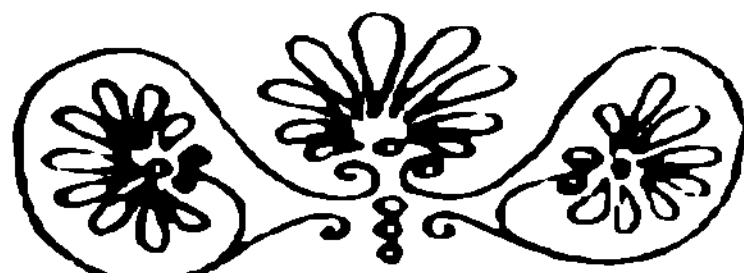
Так. Что дальше?

С т а р ы й а ф и н я н и н

Есть у меня единственная дочь,
Которой я по смерти все оставлю;
Она красива, и пора ей замуж.
Я денег не жалел и воспитанье
Прекрасное ей дал. А твой слуга
Ей кружит голову. Так запрети
Ему ходить ко мне. Я говорил с ним,
Но все напрасно.

Т и м о н

Человек он честный.

С т а р ы й а ф и н я н и н

Так пусть о ней забудет он. Ведь честность
Должна сама себе служить наградой —
Зачем же брать в придачу дочь мою?

Т и м о н

А любит дочь его?

С т а р ы й а ф и н я н и н

А почему бы
Ей не любить? Она ведь молода.
Мы знаем по страстям минувшим нашим
Беспечность юности.

Т и м о н
(Луцилию)

Ее ты любишь?

Л у ц и л и й

Да, господин мой; и она меня.

С т а р ы й а ф и н я н и н

Коль вступят в брак без моего согласия,
Клянусь богами, откажу наследство
Я нищему любому, но уж ей
Гроша не дам.

Тимон и гости. Рисунок Джона Джильберта

Т и м о н

**А выйди дочь твоя
За равного, за ней ты сколько дал бы?**

С т а р ы й а ф и н я н и н

**Дам три таланта, а когда умру,
К ней перейдет все то, чем я владею.**

Т и м о н

**Луцилий служит мне уже давно;
Я счастье его могу составить
Ценой усилья малого и этим
Исполню лишь свой долг как человек.
Дочь выдай за Луцилия, а я
Ему дам столько, сколько дашь ей ты, —
И сразу станут равными они.**

С т а р ы й а ф и н я н и н

**Клянись мне в этом честью, благодетель,
И пусть берет он в жены дочь мою.**

Т и м о н

(протягивая ему руку)

Моя рука и честь тебе порукой.

Л у ц и л и й

Благодарю от сердца вашу милость!

Отныне, что бы я ни приобрел,
Все вам принадлежит.

Старый афинянин и Луцилий уходят.

П о э т

Прошу, примите
Мой скромный труд и пожеланье счастья.

Т и м о н

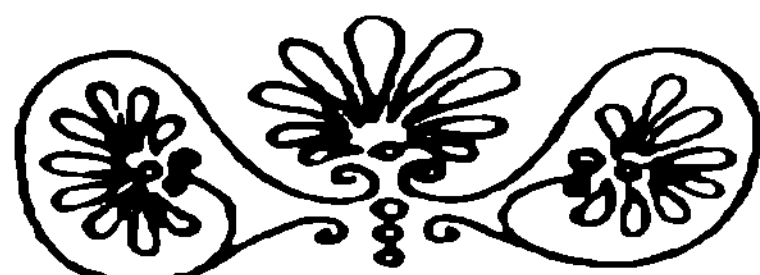
Благодарю. Поговорим мы после;
Не уходите...— Что у вас, мой друг?

Ж и в о п и с е ц

Картина. Умоляю вашу милость
Принять ее.

Т и м о н

Картина? Очень рад.
Портреты — то же, что живые люди.
С тех пор как человеческой душою
Бесчестье движет, только внешний облик
Является отличьем человека;
Таким его мы видим на картинах.
Ценю ваш труд и докажу на деле,
Что восхищен им. Заходить прошу
Без приглашений.

Ж и в о п и с е ц

Да хранят вас боги!

Т и м о н

**Итак, до встречи.— Господа, сегодня
Обедаем все вместе.**

(Ювелиру.)

Ваш брильянт

Все знатоки мытарили.

Ю в е л и р

Ужели

Охаяли?

Т и м о н

**Нет, захвалили! Если б
Цена определялась восхищеньем,
Я разорился бы, купив его.**

Ю в е л и р

**Он не дороже оценен, чем стоит,
Но часто цену придает вещам
Их обладатель. Если ваша милость
Брильянт наденет, то и ценность камня
Повысится.**

Т и м о н

Удачная насмешка!

Купец

Нет, господин, он то же говорит,
Что все кругом.

Тимон

Смотрите, кто идет!
Хотите, чтобы обругали вас?

Входит Апемант.

Ювелир

Достанется и вам.

Купец

Он беспощаден.

Тимон

Привет тебе, любезный Апемант.

Апемант

Привет попридержи, покуда я
Любезным стану, а случится это,
Когда ты станешь псом своим, а эти
Мерзавцы — честными.

Тимон

Но почему
Они мерзавцы? Ты же их не знаешь.

А п е м а н т. Разве они не афиняне?

Т и м о н. Афиняне.

А п е м а н т. Тогда я не раскаиваюсь в том, что сказал.

Ю в е л и р. Ты меня знаешь, Апемант?

А п е м а н т. Тебе известно, что знаю; я же сказал, кто ты такой.

Т и м о н. А ведь ты гордец, Апемант.

А п е м а н т. И больше всего горжусь тем, что не похож на Тимона.

Т и м о н. Куда ты идешь?

А п е м а н т. Хочу вышибить мозги одному достойному афинянину.

Т и м о н. По закону ты за такое дело можешь поплатиться жизнью.

А п е м а н т. Ты прав, если по закону смерть положена за то, что невозможно сделать.

Т и м о н. Как тебе нравится эта картина, Апемант?

А п е м а н т. Нравится, потому что она безвредна.

Т и м о н. Ну разве не искусен человек, написавший ее?

А п е м а н т. Тот, кто сделал самого живописца, еще искуснее, хоть это и была грязная работа.

Ж и в о п и с е ц. Ты пес!

А п е м а н т. Твоя мать одной породы со мной; кто же она, если я пес?

Т и м о н. Будешь обедать со мной, Апемант?

А п е м а н т. Нет, я не ем вельмож.

Т и м о н. И не надо, не то ты разозлишь наших дам.

А п е м а н т. Вот они-то и едят вельмож: оттого у них и животы пухнут.

Т и м о н. Какое непристойное замечание!

А п е м а н т. Оно твое; возьми его в награду за труды.

Т и м о н. Как тебе нравится этот брильянт, Апемант?

А п е м а н т. Меньше, чем мне нравится честность, а она не стоит человеку ни гроша.

Т и м о н. Как ты думаешь, сколько он стоит?

А п е м а н т. Не стоит того, чтобы я о нем думал.— Ну, что скажешь, поэт?

П о э т. А ты что скажешь, философ?

А п е м а н т. Все врешь?

П о э т. Разве ты не философ?

А п е м а н т. Философ.

П о э т. Значит, я говорю правду.

А п е м а н т. Разве ты не поэт?

П о э т. Поэт.

А п е м а н т. Значит, ты врешь. Загляни в свое последнее произведение, где ты изобразил Тимона достойным человеком.

П о э т. Это не ложь; он действительно достойный человек.

А п е м а н т. Да, он достоин тебя и того, чтобы платить за твой труд. Тот, кто любит лести, достоин льстеца. О небо, вот был бы я вельможей...

Т и м о н. Что бы ты тогда сделал, Апемант?

А п е м а н т. То же, что делает Апемант сейчас; ненавидел бы вельможу всем сердцем.

Т и м о н. Как? Ненавидел бы самого себя?

А п е м а н т. Да.

Т и м о н. За что же?

А п е м а н т. За то, что, сделавшись вельможей, я утратил бы свою злость. (Купцу.) Послушай, не купец ли ты?

К у п е ц. Да, Апемант.

А п е м а н т. Пусть же тебя погубит торговля, если этого не сделают боги.

К у п е ц. Если меня погубит торговля, значит, так пожелали боги.

А п е м а н т. Торговля — твой бог, и бог твой погубит тебя!

Трубы. Входит слуга.

Т и м о н

Кто там трубит?

С л у г а

Алкивиад к вам прибыл;
И с ним приятелей десятка два.

Т и м о н

Принять их всех и проводить сюда.

Несколько слуг выходят.

(Живописцу.)

Обедайте со мной; не уходите,
Пока я вас не отблагодарил;
А пообедав, посмотрю картину.

(Гостям.)

Друзья, я рад вам.

Входит Алкивиад с приятелями.

Милости прошу!

А п е м а н т

Так-так... Скорей иссохли б, искривились
Их ноги стройные. Ведь нет любви
Меж этими сладчайшими плутами
Ни капли — но уж так они любезны!
Род человеческий выродился, видно,
В породу обезьян.

А л к и в и а д

Как тосковал я
По вас, Тимон, как жадно насыщаюсь
Я вашим видом!

Т и м о н

Милости прошу!
Пока мы вместе, время проведем
В различных развлечениях. Идемте!

Все, кроме Апеманта, уходят.

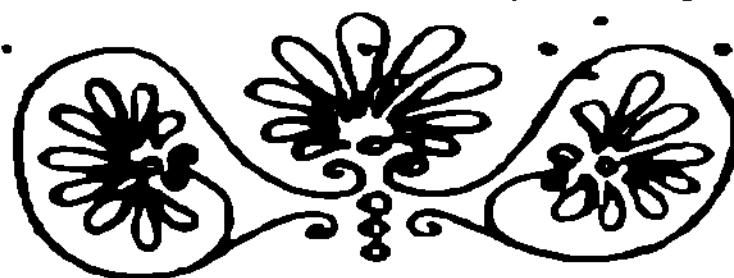
Входят двое вельмож.

Первый вельможа. Какое сейчас время дня, Апемант?

А п е м а н т. Время быть честным.

Первый вельможа. Это время бывает всегда.

А п е м а н т. Тем хуже для тебя, что ты его пропустил.

Второй вельможа. Идешь ты на пир к Тимону?

Апемант. Иду; взгляну, как яства питают мошенников, а вина горячат глупцов.

Второй вельможа. Ну, будь здоров, будь здоров!

Апемант. Ты дурак, что дважды пожелал мне быть здоровым.

Второй вельможа. Почему, Апемант?

Апемант. Приберег бы одно пожелание для себя; я тебе здоровья не пожелаю.

Первый вельможа. Пусть бы ты сдох!

Апемант. Нет уж, твоих желаний я выполнять не стану. Обратись с этой просьбой к своему другу.

Второй вельможа

Прочь, злобный пес! Иль вышвырну...

Апемант

А пес

Даст тягу от копыт ослиных ваших.

Первый вельможа

Вот человеконенавистник!— Ну,
Пойдем вкусить от щедрости Тимона?
Он превзошел само гостеприимство.

Второй вельможа

Да, щедр безмерно он. Бог злата Плутос
В рабы годится нашему Тимону.

Ведь нет такой услуги, за какую
Тимон бы семикратно не воздал,
И нет подарка, за который он
Не наградил бы во сто крат щедрее.

Первый вельможа
Другой души, такой же благородной,
Я не встречал.

Второй вельможа
Будь он благословен!
Войдем?

Первый вельможа
Войдем. Я следую за вами.

Уходят.

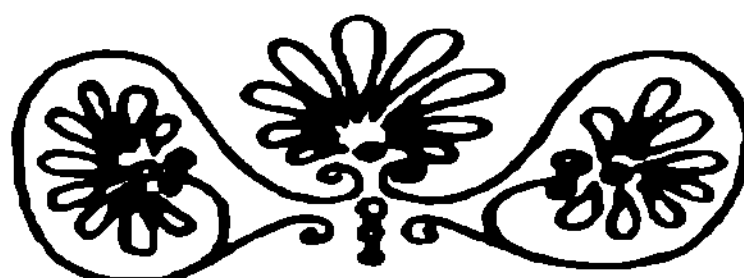
Сцена 2

Там же. Парадный зал в доме Тимона.

Накрыт большой стол; около него хлопочут Флавий
и другие слуги. Входят Тимон, Алкивиад, вельможи,
сенаторы, Вентидий и слуги.

Позади всех, с недовольным видом, идет Анемант.

Вентидий
Мой друг Тимон! Богам угодно было,
Припомнив возраст моего отца,

Призвать его к себе, и он скончался,
Оставив мне богатое наследство.
Великодушны были вы ко мне,
И ныне я с признательностью вечной
Вам возвращаю долг, удвоив сумму:
Ведь только вам обязан я свободой.

Т и м о н

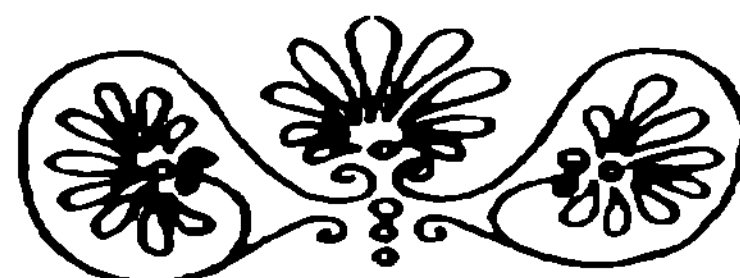
Нет, ни за что, Вентидий благородный!
Мою любовь к тебе ты плохо ценишь!
Я эти деньги дал тебе в подарок;
А тот, кто все обратно получает,
Себя назвать уже не вправе давшим.
И если у правителей иных
Так повелось, нам подражать нельзя им!
Власть — оправдание любой ошибки.

В е н т и д и й

О благородный дух!

Т и м о н

Друзья мои,
Придуманы законы этикета,
Чтоб фальшь и безразличье лоском скрыть.
Притворное радушье, не успев
Еще явить себя, уже жалеет,
Что проявиться следует ему.

Но там, где дружба искренна, излишни
Любые церемонии. Садитесь!
Милее вы богатству моему,
Чем мне мое богатство.

Все садятся.

Первый вельможа

Мы сознались...

Апемант

Ого-го-го! Сознались! Почему же
Вас не повесили?

Тимон

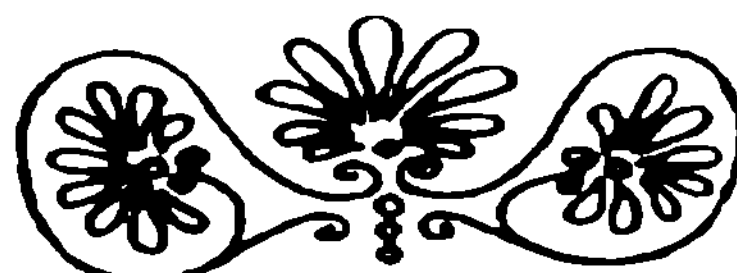
А, Апемант!
Добро пожаловать!

Апемант

Ну, от меня
Добра не жди. Явился я затем,
Чтоб выгнал ты меня.

Тимон

Фи! Грубиян!
Ты лишь по виду человек! Ты, право,
Достоин осужденья.— Господа,

Известно: Ira furor brevis est¹;
А так как Апемант наш вечно злится,
Накройте стол для ворчуна отдельно;
Он общества не любит и совсем
Не создан для него.

А п е м а н т

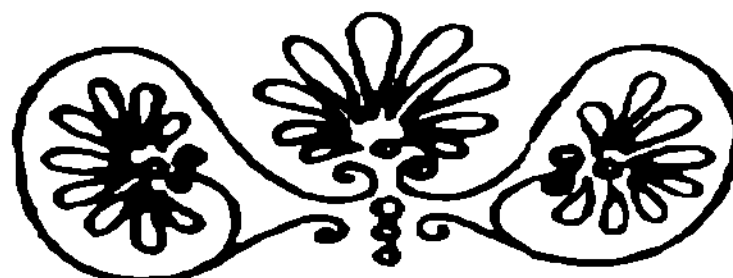
Я здесь останусь
Тебе назло. Но всех предупреждаю:
Сюда явился я для наблюдений.

Т и м о н. Мне это безразлично; ты афинянин, и потому —
милости просим. Я бы не хотел силой затыкать тебе рот; но
пусть хоть мой обед заставит тебя помолчать.

А п е м а н т

Плюю на твой обед; я подавлюсь им,
Раз не намерен льстить тебе. О боги!
Какая тьма людей Тимона жрет,
А он не видит их! Орава эта
Не яства поглощает — кровь Тимона,
И он их сам, безумец, поощряет.
Дивлюсь, как можно доверять друг другу!
Гостям к столу ножи дают напрасно,
Неэкономно это и опасно —

1 Гнев есть краткое безумие. (Лат.)

Тому примеров множество. Вот тот,
Что рядышком с хозяином уселся,
С ним делит хлеб, пьет из его бокала —
Но он же первый рад его зарезать,
Известно это всем. Будь знатным я,
Не пил бы я в гостях: вдруг кто-нибудь
Меня пырнуть захочет в глотку. Нет уж,
Коль на пирах хотят сидеть без дрожи,
Пусть, не снимая панцирь, пьют вельможи.

•
Т и м о н

Друзья мои, за вас! Пусть вкруговую
Обходит чаша!

В т о р о й в е л ь м о ж а

К нам ее направьте,
Сюда, любезнейший Тимон!

А п е м а н т

К нему!

Вот плут! Он знает, что куда направить.
Боюсь, что от заздравных этих тостов
Тебе не поздоровится, Тимон.
А у меня напиток слишком слаб,
Чтобы толкать на зло, — водою честной
Еще никто не брошен в грязь. И пища
Моя сродни питью. Я возношу

Моление к небесам, хоть на пирах
Мы забываем часто о богах.

(*Молится.*)

Я денег, боги, не люблю
И об одном лишь вас молю —
Чтобы не стал глупцом я низким,
Что верит клятвам иль распискам,
Иль девкам уличным, гулящим,
Иль псу, что притворился спящим,
Или тюремщика словам,
Иль нужным в час беды друзьям.
Аминь! Богатый пусть грешит,
А я и кашей буду сыт.—

Желаю тебе доброго здоровья, добрейший Алемант. (*Ест и пьет.*)

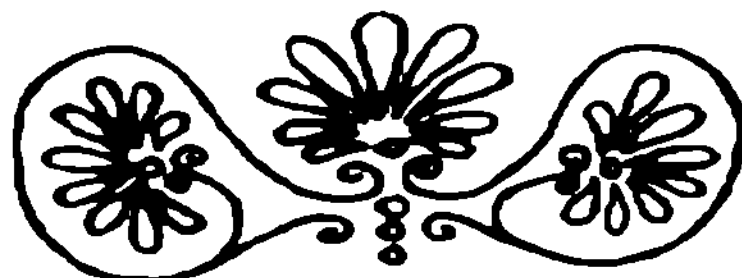
Т и м о н. Сердце твое, Алкивиад, сейчас, наверное, на поле сражения?

А л к и в и а д. Сердце мое всегда готово служить тебе, Тимон.

Т и м о н. Ты бы, конечно, предпочел находиться на завтраке у врагов, чем на обеде у друзей?

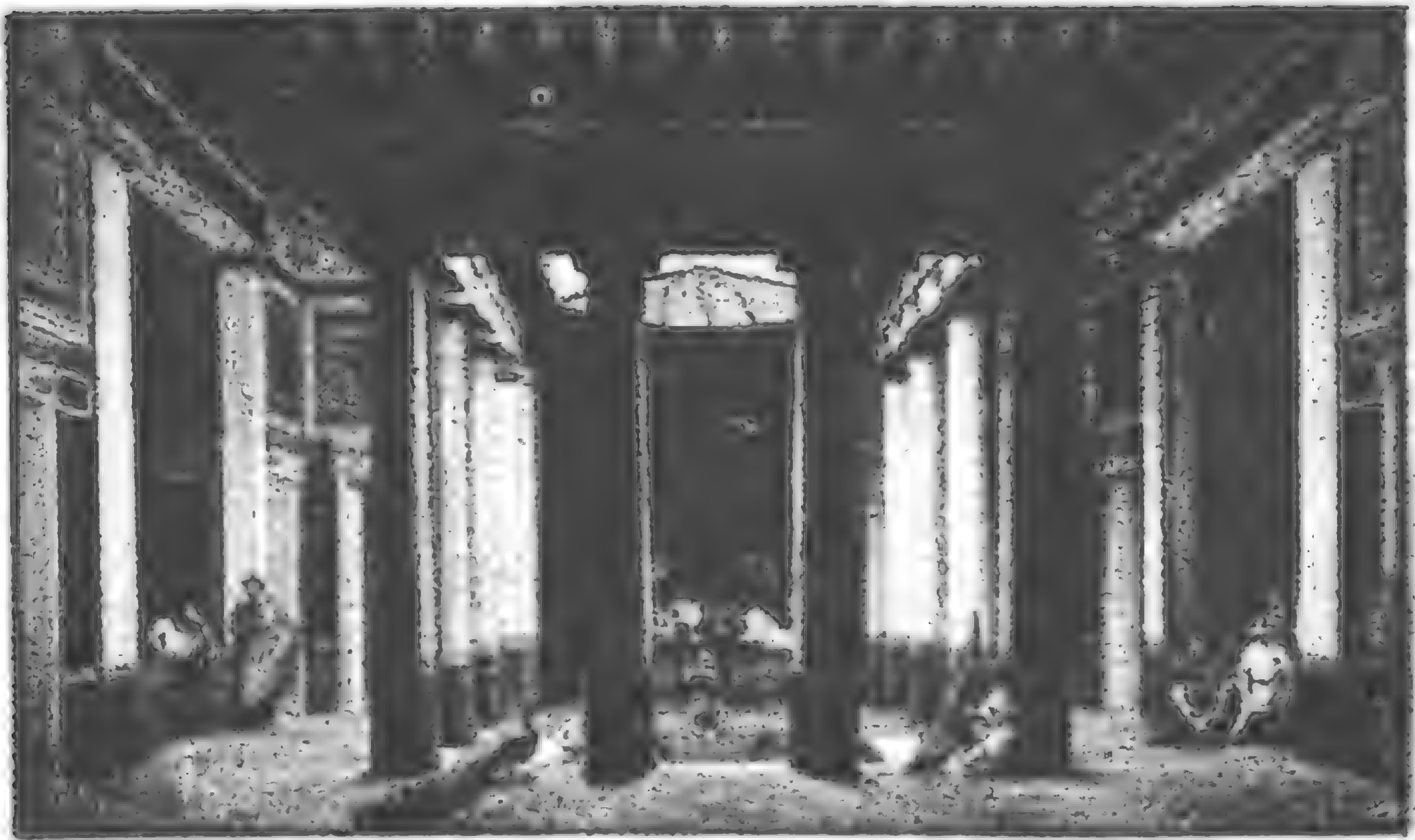
А л к и в и а д. Нет яств, которые могли бы сравниться с истекающим кровью врагом! Такого угощения я готов пожелать своему лучшему другу.

А п е м а н т. В таком случае хотел бы я, чтобы все эти льстецы были твоими врагами. Ты бы убил их и пригласил меня откусать.

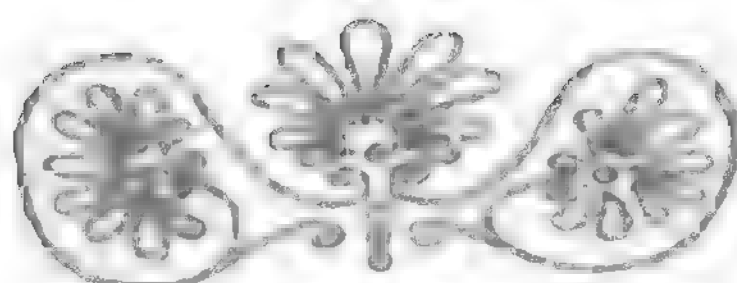

Первый вельможа. Ах, Тимон, как бы мы были счастливы, если бы ты хоть разок испытал наши сердца и мы могли хоть в небольшой мере доказать тебе свою душевную преданность. Это наша заветная мечта.

Тимон. Добрые друзья мои, нет сомнения, что самими богами вам предназначено когда-нибудь меня поддержать. Ведь иначе вы не звались бы моими друзьями! Разве из многих тысяч людей вы носили бы это прекрасное имя друзей, если бы не были частью моего сердца? Я уверен в вас! Не раз я сам себе говорил о вас больше, чем вам позволила бы сказать ваша скромность. О боги! — размышлял я. — Зачем существовали

Внутренний вид дома богатого афинянина

бы друзья, если бы мы не нуждались в них? Они были бы самыми бесполезными людьми, если бы нам никогда не случилось обращаться к ним за помощью. Они были бы похожи на те чудесные музыкальные инструменты, которые висят в футлярах на стене и хранят свои звуки для себя. Ах, как часто желал я потерять богатство, чтобы еще больше сблизиться с вами! Мы рождены для того, чтобы творить добро. Что же в таком случае можем мы назвать своей собственностью, как не богатство друзей? О, какое дивное утешение — знать, что множество людей может, подобно братьям, располагать имуществом друг друга! Эта мысль рождает радость и тут же заставляет ее уступить место слезам умиления! Я чувствую, что глаза мои не могут сдержать накипевших слез. Простите, друзья, мою слабость... Я пью за ваше здоровье!

А п е м а н т

Ты плачешь, чтобы их заставить пить.

В т о р о й г о с т ь

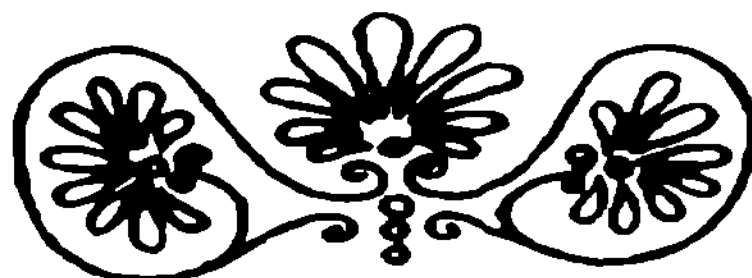
Да, радость родилась в глазах у нас
И, как ребенок, залилась слезами.

А п е м а н т

Ха-ха! Ребенок-то побочный, видно.

Т р е т и й г о с т ь

Тимон, поверьте, сильно я растроган.

А п е м а н т

Еще бы!

Трубы.

Т и м о н

Звуки труб? Что там такое?

Входит слуга.

С л у г а. Осмелюсь доложить, господин, несколько женщин просят разрешения войти к вам.

Т и м о н. Женщин? Что же им нужно?

С л у г а. С ними явился гонец, господин; ему поручено сообщить вам об их желаниях.

Т и м о н

Прошу тебя,пусти их всех сюда.

Входит Купидон.

К у п и д о н

Привет тебе, достойнейший, и всем

Вкушающим от милостей твоих.

Пять чувств тебя приветствовать явились,

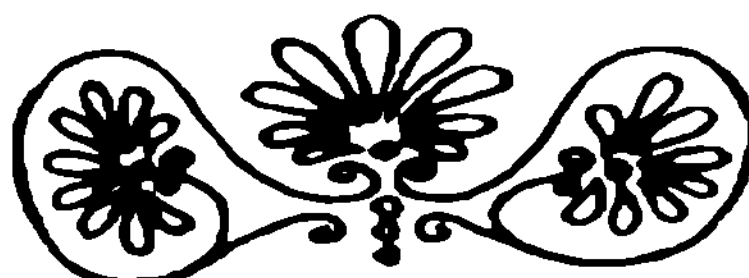
Признав своим властителем Тимона:

Слух, обонянье, осязание, вкус

Ублаготворены на этом пире,

Теперь они пришли сюда со мной.

Чтоб видом их взор насладился твой.

Т и м о н

Я очень рад. Мы их радушно примем.
Пусть музыка играет.

П е р в ы й г о с т ь

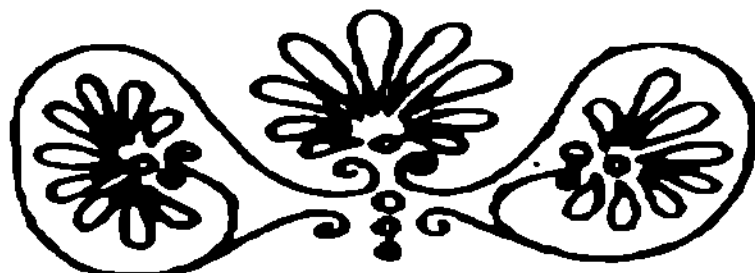
Ах, Тимон,
Подумайте, как сильно все вас любят!

Музыка.

К у п и д о н уходит и возвращается с да м а м и, которые замаскированы
и одеты как амазонки. В руках у них лютни; они играют и танцуют.

А п е м а н т

Видали! Ну и суета! Как скачут
Рехнувшиеся бабы! Эта жизнь
Трескучая и пышная — безумье.
В сравнении с моей трапезой скромной
Из масла и кореньев. Мы способны
На дурь любую, только бы развлечься.
Мы льстим тому, за счет кого пируем,
А постарев, завистливо и злобно
Его же осуждаем за попойки.
Найдется ль человек неразвращенный
Или других людей не развративший?
Кто не унес в могилу тяжких ран,
Друзьями нанесенных? Я боюсь,
Что и меня вот эти попрыгуны,
Того гляди, затопчут. Так ведется:

Едва лишь солнце для тебя садится,
Все двери пред тобой спешат закрыться.

Гости встают из-за стола и окружают Тимона, лстя ему.
Чтобы засвидетельствовать ему свою любовь, каждый из них выбирает
амазонку, после чего пары танцуют некоторое время под звуки гобоев.

Т и м о н

Красавицы, вы принесли нам радость,
Вы скрасили наш пир, который раньше
И вполовину не был так хорош, —
Его достойным блеском озарив.
Мой план осуществлен был превосходно,
И я за это благодарен вам.

П е р в а я д а м а

Вы слишком нас балуете, Тимон.

А п е м а н т. Это странно потому, что каждая из вас — грязь,
с которой и побаловаться-то противно.

Т и м о н
(дамам)

Пройдите же, вас угощенье ждет.
Прошу вас, почувствуйте себя как дома.

В с е д а м ы

От всей души благодарим вас.

Купидон и дамы уходят.

Т и м о н

Флавий!

Ф л а в и й

Я здесь.

Т и м о н

Мою шкатулку!

Ф л а в и й

Хорошо!

(В сторону.)

Опять начнет брильянты раздавать.
И не велит перечить, а не то
Ему бы все сказал я... Нет, скажу!
Растратит все, так пожалеет слезно,
Что я молчал. Но будет слишком поздно.
У щедрости, увы, нет сзади глаз;
Вот потому она и губит нас.

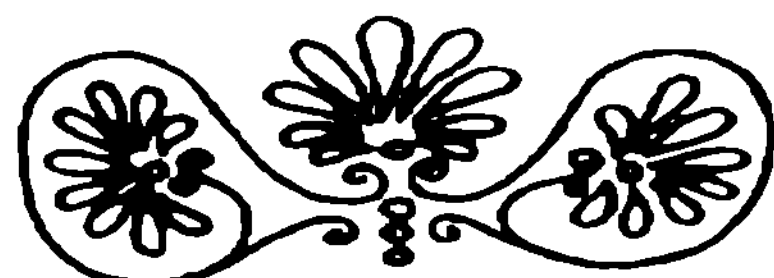
(Уходит.)

П е р в ы й г о с т ь

Где наши слуги?

С л у г а

Здесь. Что вам угодно?

Второй гость

Ведите лошадей.

Возвращается Флавий со шкатулкой.

Тимон

Друзья мои,

Еще два слова...

(Одному из гостей.)

Вот взгляните, друг;

Молю вас оказать мне честь — примите

Алмаз мой в дар. Прошу его носить,

Любезный друг.

Первый гость

Но я и без того

Обязан многим вам.

Все

И все мы также.

Входит слуга.

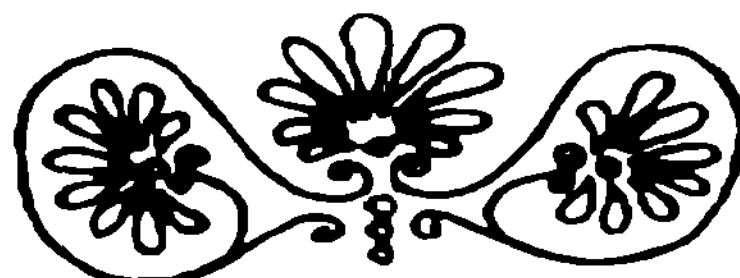
Слуга

Сенаторы явились, господин;

Они сошли с коней, идут сюда!

Тимон

Душевно рад; проси их!

Ф л а в и й

Ваша милость,
Послушайте меня. Поверьте, это
Касается вас очень близко...

Т и м о н

Близко?
Потом расскажешь мне. Прошу тебя,
Распорядись принять гостей получше.

Ф л а в и й
(в сторону)

Не знаю, как смогу я это сделать.

Входит второй слуга.

Второй слуга

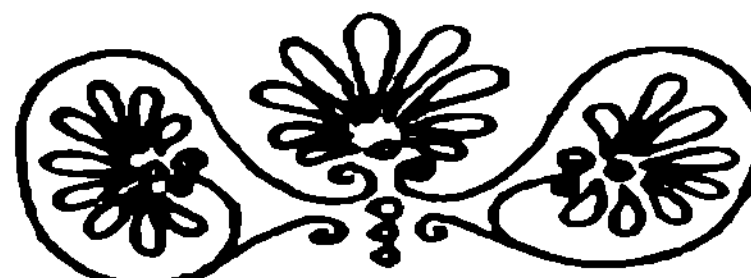
Позвольте, ваша милость, доложить:
Вам Луций, в знак любви своей, прислал
Четверку белоснежных лошадей
С серебряною сбруей.

Т и м о н

Принимаю
Охотно их. Смотрите, чтоб даритель
Достойно был вознагражден.

Входит третий слуга.

Что скажешь?

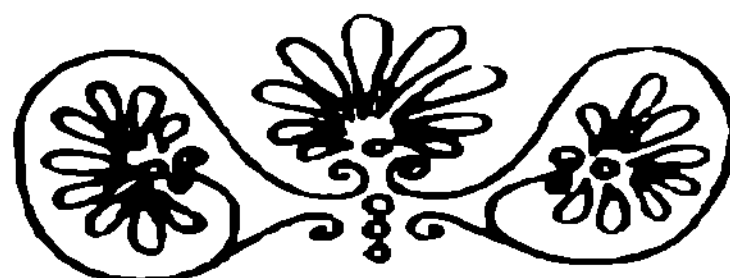
Третий слуга. Мой господин, благородный Лукулл приглашает вас завтра на охоту и посылает вам две своры гончих.

Т и м о н

Поеду с радостью. Примите гончих
И одарите, не скупясь, Лукулла.

Ф л а в и й
(в сторону)

Чем это кончится? Велит гостей
Он принимать, одаривать их щедро,
А сундуки пусты. Он и не хочет
Знать, сколько в кошельке его осталось,
И мне открыть ему не позволяет,
Что сердце у него, как жалкий нищий,
Свои желанья выполнить не в силах.
Его посулы — выше средств его
И могут исполняться только в долг,
Он, что ни слово, то все больше должен.
Так много доброты в нем, что теперь
Он за нее проценты платит. Земли
Все у него заложены. Ах, лучше б
Меня он с миром отпустил сейчас,
А то ведь выгонит. Беда тому,
Кто пригревать друзей своих готов,

Которые опаснее врагов.
Скорблю я всей душою за Тимона.

(Уходит.)

Т и м о н

Пристрастны вы к себе, так умалая
Достоинства свои. Прошу, примите
Безделку эту в знак моей любви.

В т о р о й г о с т ь

С безмерной благодарностью беру!

Т р е т ь и й г о с т ь

Он воплощение щедрости самой.

Т и м о н

(третьему гостю)

Я вспомнил: вы недавно любовались
Моей гнедою лошадыю. Она
Вам нравится — прошу, владейте ею.

Т р е т ь и й г о с т ь

Ах, что вы! Я об этом и не думал!

Т и м о н

Я знаю, человек сердечно хвалит
Лишь то, чем восхищен, поверьте мне.
Любовь своих друзей я измеряю

Моею собственной любовью к ним.
Случится, что и я когда-нибудь
К вам обращусь.

В с е г о с т и
Мы будем очень рады!

Т и м о н

Так счастлив я вас видеть у себя,
Что все мои дары в сравненье с этим —
Пустяк ничтожный. Думается мне,
Я целые бы королевства мог
Без устали всем близким раздавать.—
Алкивиад, ты воин — значит, беден;
Дарить тебе — благое дело: ты
Живешь средь мертвецов; твои угодыя —
Поля сражений.

А л к и в и а д

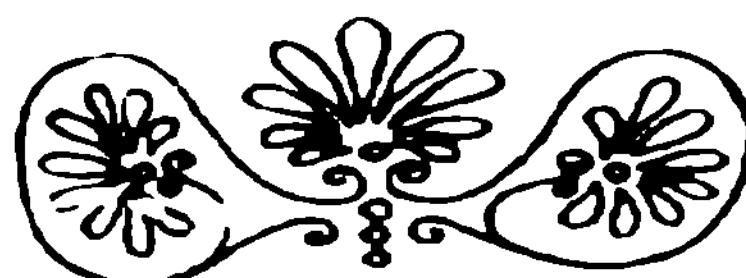
Да, Тимон, и это
Бесплодные поля.

П е р в ы й г о с т ь

Мы безгранично
Обязаны вам...

Т и м о н

О, я вам не меньше.

Второй гость

Так бесконечно преданы...

Тимон

Взаимно...—

Свечей, свечей побольше!

Первый гость

Да пребудут

Богатство, слава, счастье с вами вечно!

Тимон

Живу для вас...

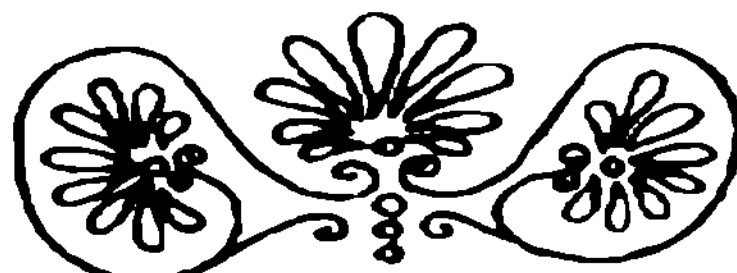
Все, кроме Апеманта и Тимона, уходят.

Апемант

Вот толкотня! Ишь сколько
Склоненных спин и согнутых колен!
Не много ль всем им дарят здесь в обмен?
Полна отбросов дружба; слово дам —
Прямые ноги не нужны льстецам!
А простакі отдать свое богатство
Готовы за поклон.

Тимон

Ах, Апемант,

Когда бы не был ты столь ядовит,
К тебе я, верно, лучше б относился.

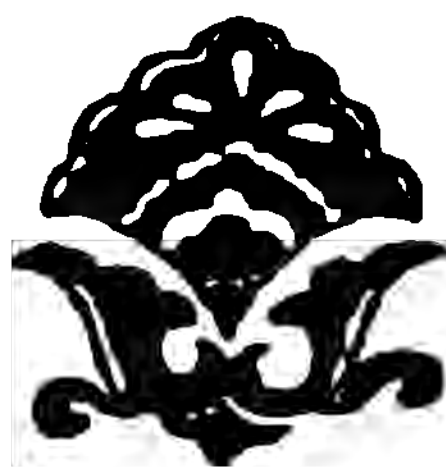
А п е м а н т. Нет, мне ничего не надо. Если еще я дам подкупить себя, то совсем некому будет бранить тебя и ты станешь грешить еще сильнее. Ты так много раздаешь, Тимон, что, боюсь, скоро отдашь сам себя под закладную. К чему эти пиры, шум, пустое тщеславие?

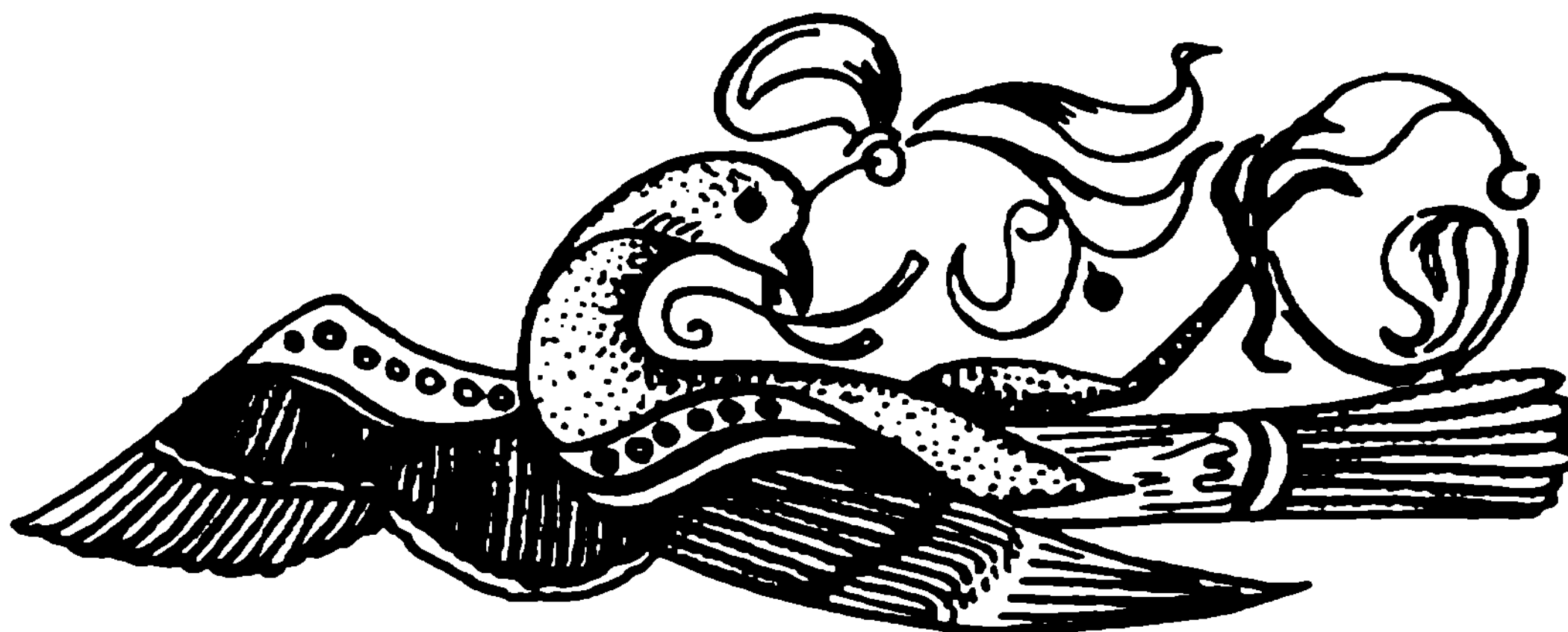
Т и м о н. Ну, если ты снова начинаешь сыпать бранью, я тебя не желаю слушать. Прощай и возвращайся с другими песнями.

А п е м а н т

Так! Ты не хочешь слушать? И не надо.
Запру я вход тебе на небеса.
Зачем не могут люди правды снести
И слушают охотно только лесть?

Уходят.

АКТ II

Сцена I

Там же. Комната в доме одного из сенаторов.

Входит сенатор с бумагами в руке.

Сенатор

Пять тысяч у Варрона; Исидору
Он должен десять; а с моими вместе
Составит это тысяч двадцать пять,
И нет конца его безумным тратам.
Он разорится быстро. Коль нуждаюсь
В деньгах я, стоит мне украсть собаку
У нищего и подарить Тимону,
Как пес начнет чеканить деньги мне!
Продать ли лошадь надо, чтоб купить
Других, получше, — дай ее Тимону,
Дай, ничего не попросив взамен,
И сразу же получишь превосходных!
Привратника не держит он; напротив,
Стоит в его воротах зазывала,

С улыбкой приглашая в дом прохожих.
Нет, так нельзя. Он, рассуждая здраво,
Не может долго протянуть.— Эй, Кафис,
Ты где?

Входит Кафис.

Кафис

Я здесь. Что приказать угодно?

Сенатор

Надень скорее плащ, беги к Тимону;
Потребуй, чтобы он вернул мне долг.
Не слушай отговорок никаких,
Стой твердо на своем, а если будет
Вертеть в руках он шапку и промолвит:
“Хозяину поклон мой передай”,
Скажи ему, что в крайней я нужде
И мне не обойтись без этих денег,
Что срок расписок всех давно прошел,
Что, веря на слово ему, я сам
Кредит свой подорвал и что, мол, я
Люблю его весьма и почитаю,
Но шею не могу себе свернуть
Из-за его мизинца. Лишь уплата,
А не пустые обещанья может
Меня спасти. Иди к нему немедленно
С решительным и самым строгим видом.—

Боюсь, Тимон, сверкающий, как феникс,
Ощипанным дроздом казаться будет,
Когда повыдергают у него
Все перья.— Ну, ступай.

К а ф и с

Бегу.

С е н а т о р

Бежишь?

Расписки захвати! И в счет поставь
Просроченные дни...

К а ф и с

Бегу.

С е н а т о р

Ступай.

Уходят.

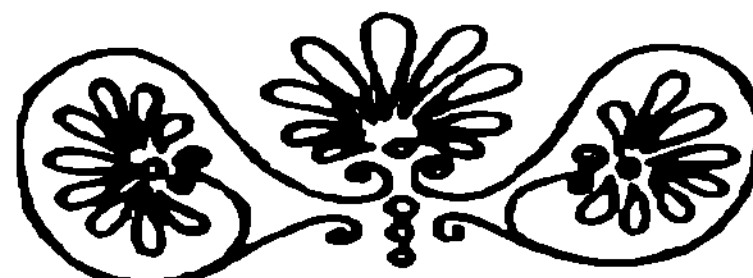
Сцена 2

Зал в доме Тимона.

Входит Ф л а в и й с пачкой счетов в руках.

Ф л а в и й

Ни удержу, ни меры! Сумасшедший!

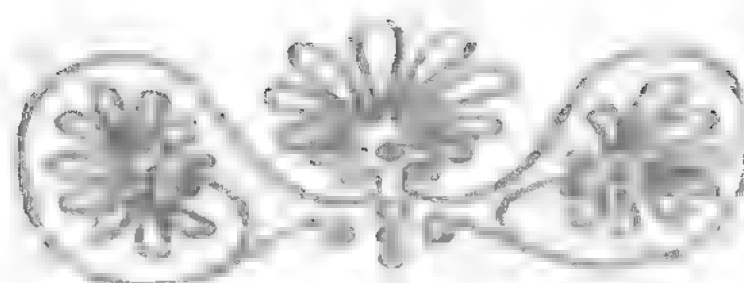

Швыряет деньги он и не желает
Ни подсчитать расходы, ни покончить
С потоком трат! Он не желает видеть,
Как уплывает от него богатство.

Афинский Акрополь. Реконструкция немецкого архитектора Релекдера

Чем кончится все это? Человека
Нет в мире безрассуднее его,
Но и добрее нету никого.
Как быть? Тимон меня не станет слушать,
Покамест не поймет, что он в беде.

Нет, все ему скажу я напрямик,
Пускай с охоты только воротится.
Увы! Увы! Увы!

Входят Кафис, слуги Исидора и Варрона.

Кафис

Варрон, здорово!
Ты что, за деньгами?

Слуга Варрона

И ты за тем же?

Кафис

И я.— Ты тоже, Исидор?

Слуга Исидора

Ага!

Кафис

Эх, если бы нам заплатили!

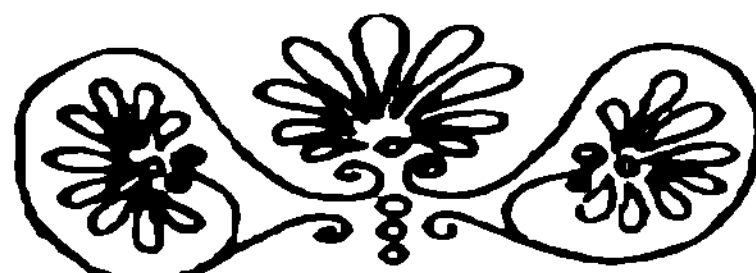
Слуга Варрона

Вряд ли.

Кафис

А вот и сам хозяин.

Входят Тимон, Алкивиад, вельможи и другие.

Т и м о н

**Мы, пообедав, снова на охоту,
Алкивиад любезный.—**

Кафис подходит к нему.

Ты ко мне?

К а ф и с

Вот перечень долгов всех ваших, сударь.

Т и м о н

Долгов? Да ты откуда?

К а ф и с

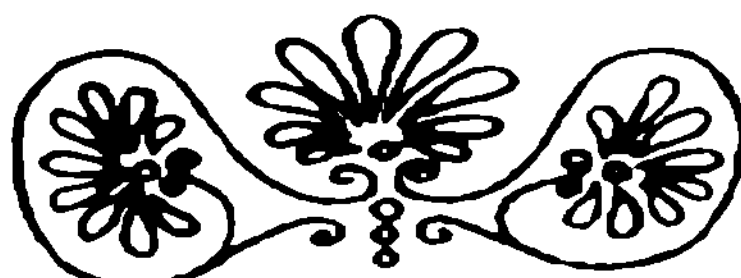
Из Афин.

Т и м о н

**Мой управитель все тебе уплатит;
Ступай к нему.**

К а ф и с

**Но он уж целый месяц
Мне только обещает. Мой хозяин
До крайности нуждается в деньгах
И принужден покорнейше просить,
На ваше благородство уповая,
Долг возвратить ему.**

Т и м о н

Мой честный друг,
Пожалуйста, зайди пораньше завтра.

К а ф и с

Но, господин...

Т и м о н

Держи себя пристойно.

С л у г а В а р р о н а

Я от Варрона...

С л у г а И с и д о р а

Я от Исидора;
Он просит срочно уплатить ему...

К а ф и с

Кабы вы знали, сударь, до чего
Хозяин мой нуждается!..

С л у г а В а р р о н а

Ведь вы
Уж шесть недель просрочили с уплатой,
А время...

С л у г а И с и д о р а

Господин, ваш управитель

Гонял меня так много раз, что нынче
Умышленно я послан прямо к вам.

Т и м о н

Постойте, дайте мне вздохнуть...

(Гостям.)

Пройдите,

Друзья мои: я следую за вами.

(Флавию.)

Поди-ка ты сюда. Что происходит?
Зачем меня вдруг стали осаждать
И требовать назойливо уплаты
Давно уже просроченных долгов,
Позоря честь мою?

Ф л а в и й

(слугам)

Ну, молодцы,
Сейчас не время толковать об этом;
Вы погодите до конца обеда,
А я пока успею господину
Причину неуплаты объяснить.

Т и м о н

Так и поступим.— Ты вели получше
Их угостить.

Тимон уходит.

Ф л а в и й

Пожалуйте за мной.

Входят Апеманти и шут.

К а ф и с (слугам). Погодите-ка, погодите! Вот идет шут с Апемантом, давайте позабавимся.

С л у г а В а р р о н а. Ну его к черту, он облает нас.

С л у г а И с и д о р а. Чума разрази его, собаку!

С л у г а В а р р о н а (шуту). Как живешь, дурак?

А п е м а н т. Это ты свою тень спрашиваешь?

С л у г а В а р р о н а. Во всяком случае, не тебя.

А п е м а н т. Конечно, нет. Ты спрашиваешь сам себя. (*Шуту.*) Пошли отсюда!

С л у г а И с и д о р а (слуге Варрона). Вот на тебе дурак уже и повис.

А п е м а н т. Нет, ты еще стоишь на месте, а не висишь на нем.

К а ф и с. Кто же здесь дурак?

А п е м а н т. Тот, кто задал вопрос последним. Ах вы, несчастные бездельники и слуги ростовщиков! Сводники золота с нуждою!

В с е с л у г и. Кто мы такие, Апемант?

А п е м а н т. Ослы!

С л у г и. Почему?

А п е м а н т. Потому, что сами не знаете, кто вы, и спрашиваете меня. Поговори с ними, шут.

Ш у т. Как поживаете, господа?

С л у г и. Благодарим; отлично, любезный шут. Что поделяет твоя госпожа?

Ш у т. Кипятит воду, чтобы шпарить таких цыплят, как вы. Хотелось бы мне видеть вас в "Коринфе"!

А п е м а н т. Отлично! Благодарю!

Входит п а ж.

Ш у т. Смотри-ка, вон идет паж моей госпожи.

П а ж (шуту). Что скажешь, военачальник? Что ты делаешь в этой умной компании? — Как поживаешь, Апемант?

А п е м а н т. Хотел бы я иметь во рту прут, чтобы ответить тебе назидательно.

П а ж. Прошу тебя, Апемант, прочти мне адреса на этих письмах; не разберу, какое из них к кому.

А п е м а н т. А ты не умеешь читать?

П а ж. Нет.

А п е м а н т. Значит, невелика ученость умрет в тот день, когда тебя повесят. Вот это письмо Тимону, а это Алкивиаду. Ступай к ним скорей! Родился ты ублюдком, а умрешь сводником.

П а ж. А ты родился псом, как пес с голоду и подохнешь! Не отвечай мне, я уже ушел. (Уходит.)

А п е м а н т. Так же поспешно убегаешь ты и от милости богов. — Шут, я не пойду вместе с тобой к Тимону.

Ш у т. Ты меня оставишь здесь?

А п е м а н т. Если Тимон дома. (Слугам.) А вы трое служите трем ростовщикам?

С л у г и. Да, только лучше бы они нам служили.

А п е м а н т. И я бы этого хотел... пусть бы они услужили вам так, как палач вору.

Ш у т. Вы слуги трех ростовщиков?

С л у г и. Да, шут.

Ш у т. Я думаю, нет ни одного ростовщика, который бы не держал на службе шута. Моя хозяйка той же породы, и вот — я ее шут. Когда люди занимают у ваших хозяев, они приходят печальными, а уходят веселыми. А в дом моей госпожи они входят весело и уходят печально. Знаете причину?

С л у г а В а р р о н а. Я бы, пожалуй, мог назвать ее.

А п е м а н т. Так назови, чтобы мы могли счесть тебя прелюбодем и негодяем, что, впрочем, не уменьшит уважения к тебе.

С л у г а В а р р о н а. Скажи, шут, а что это такое — прелюбодей?

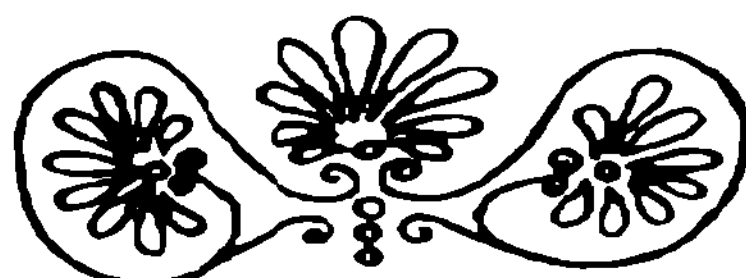
Ш у т. Шут в хорошем платье, чем-то смахивающий на тебя. Это призрак. Иногда он принимает облик вельможи, иногда адвоката, иногда мудреца, у которого помимо философского камушка имеется еще парочка собственных. Частенько является он в облике рыцаря; в общем, бродит этот дух по белу свету во всех видах, которые свойственны человеку, начиная с тринадцати лет до восьмидесяти.

С л у г а В а р р о н а. А ты не совсем дурак.

Ш у т. Так же как и ты не совсем мудрец. Тебе не хватает ровно столько ума, сколько у меня есть глупости.

А п е м а н т. Такой ответ достоин самого Апеманта.

В с е. Посторонитесь, посторонитесь, Тимон идет!

Входят Тимон и Флавий.

А п е м а н т. Пойдем со мной, шут, пойдем.

Ш у т. Я не всегда следую за любовником, наследником и женщиной, но иногда иду за философом. (*Уходит вместе с Апемантом.*)

Ф л а в и й
(слугам)

Уйдите-ка; мы после потолкуем.

Слуги уходят.

Т и м о н

Я изумлен. Но почему всей правды
Ты не сказал мне раньше? Я ведь мог
Расходы сократить и жить по средствам.

Ф л а в и й

Вы не хотели выслушать меня;
Не раз уж я пытался...

Т и м о н

Вздор! Ты, верно,
Не вовремя пытался иль тогда,
Когда я был не в духе, а теперь
Ты этим хочешь оправдать себя.

Ф л а в и й

Мой добрый господин, ведь я, бывало,

К вам приношу счета, кладу на стол,
А вы их прочь кидаете, твердя,
Что в честности уверены моей.
Когда взамен пустячного подарка
Дарили что-то вы в сто крат ценнее,
Я только головой качал и плакал.
Да, я свой долг порою нарушал,
Вас умоляя не сорить деньгами;
Сносил от вас тяжелые упреки,
Когда хотел вам описать правдиво
Отлив доходов и прилив долгов.
Любимый господин мой, хоть и поздно,
Но нужно вам узнать, что все добро,
Которым вы владеете сейчас,
Долгов и половины не покроет.

Т и м о н

Ну так вели продать мои поместья.

Ф л а в и й

Они уж все заложены давно,
И часть из них пропала. Что осталось,
Того едва лишь хватит рот заткнуть
Тем, кто сейчас расписки предъявил...
За ними вслед предъявят и другие.
Что будем делать? Как мы будем жить?
И как же мы расплатимся с долгами?

Т и м о н

Ведь до Лакедемона простирались
Мои владенья.

Ф л а в и й

Господин мой славный,
Весь мир — лишь звук один! Когда бы вы
Могли его отдать в одном дыханье,
Вы скоро с ним расстались бы.

Т и м о н

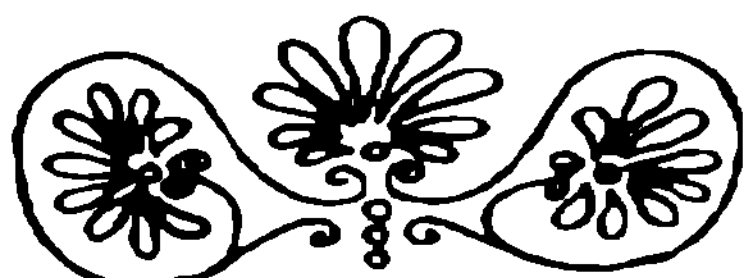
Ты прав.

Ф л а в и й

Коль в честности моей вы усомнились
Или в умении вести дела,
Посредников строжайших созовите,
Чтобы меня проверить. Бог свидетель —
Когда весь дом наш наводняли толпы
Бездельников и плакали подвалы
От пролитого пьяными вина,
Когда во всех покоях свет горел
И дом наш оглашался диким пеньем,
Я удалялся в брошенный курятник
И слезы лил.

Т и м о н

Прошу тебя, довольно.

Ф л а в и й

О боги, говорил я, как он щедр!
Как много истребили здесь добра
Невежды и шуты сегодня ночью!
Так кто ж посмеет не отдать Тимону
Меч, душу, сердце, голову, все силы?
Добрейшему, достойному Тимону,
Столь царственно великому Тимону?
Увы, нет средств, чтоб снова лесть купить,
И дым ее развеялся мгновенно.
Триумфы пира кратки! Только тучка
Холодная найдет — и мухи сдохли.

Т и м о н

Довольно проповеди мне читать!..
Однако фальши не было во мне.
Я безрассуден был, но бескорыстен...
Но почему ты плачешь? Неужели
Способен думать ты, что у меня
Друзей не хватит? Успокой же сердце.
Ведь если только я открою кран
В сосуде дружбы и сердца друзей
Я испытаю, денег попросив, —
Поверь, что так же будет мне легко
Использовать людей и их богатство,
Как приказать тебе заговорить.

Ф л а в и й

Ах, если бы сбылись надежды ваши!

Т и м о н

Я даже рад своей нужде — в ней благо!
Друзей я испытаю. Вот увидишь,
Как ты насчет моих богатств ошибся.
Друзья — мое богатство! — Эй, кто там?
Фламиний! Все сюда, ко мне! Сервилий!

Входят Фламиний, Сервилий и другие слуги.

С е р в и л и й

Мой господин...

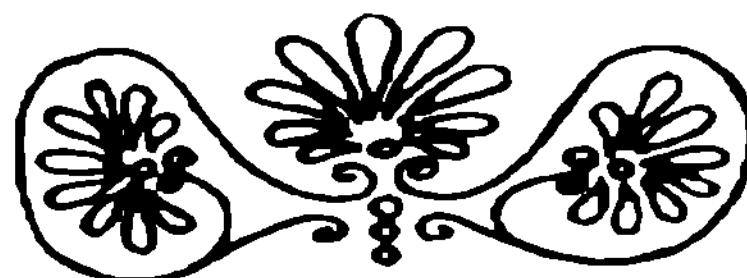
Т и м о н. Я разошлю вас поодиночке... — Ты ступай к Луцию; а ты к Лукуллу: я сегодня охотился с ним. — Ты отправляйся к Семпронию. Скажите, что я полагаюсь на них и рад тому, что обстоятельства вынуждают меня обратиться к ним с просьбой о деньгах. Передайте им, что мне нужны пятьдесят талантов.

Ф л а м и н и й

Исполним все!

Ф л а в и й
(в сторону)

Гм... Луций и Лукулл...

Т и м о н
(другомуслуге)

Ступай к сенаторам. Я оказал
Отечеству немалые услуги
И право на вниманье их имею.
Проси их дать мне тысячу талантов.

Ф л а в и й

Я с этого осмелился начать,
Как с самого обычного пути, —
Просил их денег дать под вашу подпись,
Но все в ответ качали головами,
И я вернулся с тем же, с чем ушел.

Т и м о н

Возможно ли? Ужели это правда?

Ф л а в и й

Они единодушно заявили,
Что в крайности сейчас... нет денег... сами
Не могут сделать то, чего хотят...
Досадно так... вы человек почтенный...
Они желали бы... Они не знают...
Вы тоже ошибались... Да, бывает,
И благородный человек свихнется...
Желают всяческих удач... Им жаль...
Затем сослались на дела важнее

И ими занялись. Косые взгляды,
Отрывистая речь, кивки немые
Так заморозили меня, что я
Лишился речи.

Т и м о н

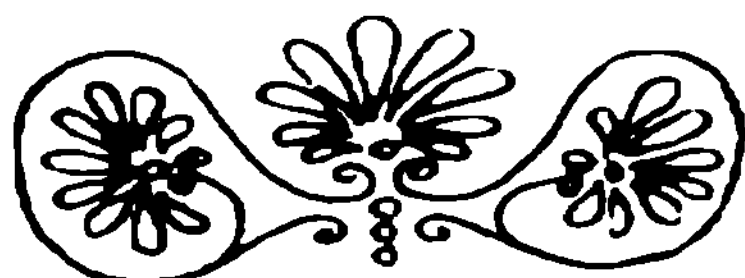
Пусть их судят боги!
Ты, Флавий, не горюй. У этих старцев
Наследственный порок — неблагодарность!
Створожилась и охладела кровь их,
Едва-едва струящаяся в жилах.
Живительным теплом они бедны,
А потому и злы. Чем человек
К могиле ближе, тем грубее он,
Забывчивей...

(Одному из слуг.)

К Вентидию ступай!

(Флавию.)

Прошу тебя, не огорчайся, Флавий!
Ты предан мне и честен и, поверь,
Ни в чем не виноват. На днях Вентидий
Похоронил отца и получил
Наследство. Но когда в беду попал он,
Сидел в тюрьме и брошен был друзьями,
Его спасли лишь пять моих талантов.
Поклон мой передашь ему и скажешь,
Что только крайняя необходимость

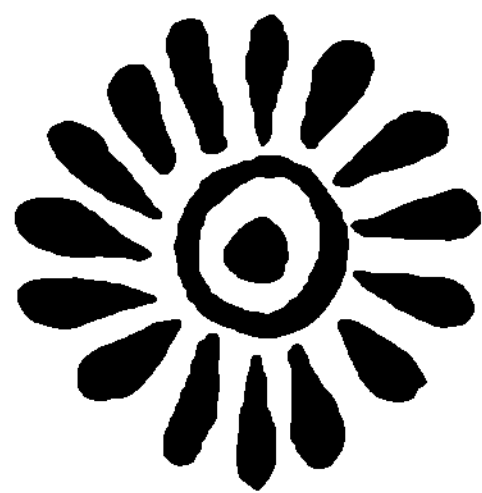

Принудила меня ему напомнить
О тех деньгах. Как только их получишь,
Раздай всем тем, кто требует уплаты...
Молчи и даже в мыслях не таи,
Что мне позволят пасть друзья мои.

Ф л а в и й

Что ж, вам виднее. Но кто щедр, тому
Все кажутся подобными ему!

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Зал в доме Лукулла.

Фламиний ждет. К нему подходит слуга.

Слуга. Я доложил господину; сейчас он выйдет к тебе.

Фламиний. Спасибо, приятель.

Входит Лукулл.

Слуга. А вот и мой господин.

Лукулл (*в сторону*). Слуга Тимона! Ручаюсь, что он явился с подарком. Очень кстати, мне как раз сегодня снились серебряные таз и кувшин для умывания.— (*Громко.*) Здравствуй, Фламиний. Со всем уважением приветствую тебя, честный Фламиний! (*Слуге.*) Принеси вина.

Слуга уходит.

Как поживает благороднейший, достойный, великодушный Тимон Афинский, твой щедрейший господин и повелитель?

Фламиний. Он здоров, сударь.

Лукулл. Я весьма рад тому, что он здоров. А что там у тебя под плащом, милейший Фламиний?

Ф л а м и н и й. Пустая шкатулка, и только. По поручению моего господина я умоляю вас наполнить ее. Господину моему безотлагательно необходимы пятьдесят талантов, и он послал меня занять эту сумму у вашей милости, нисколько не сомневаясь, что вы сейчас же придете к нему на помощь.

Л у к у л л. Так-так-так... — “Нисколько, — говоришь, — не сомневаясь?” Увы, он добрейший человек! Благороднейший человек, только уж очень широко живет. Частенько обедал я у него и не раз говорил ему об этом. Я и ужинать ходил к нему нарочно для того, чтобы уговорить его поменьше тратить. Но он не обращал внимания на мои советы, и посещения мои не предостерегли его. У каждого человека есть свои недостатки, а его недостаток — щедрость. Я ему не раз указывал на это, но отучить не смог.

Входит слуга с вином.

С л у г а. Пожалуйста, ваша милость, вот вино.

Л у к у л л. Фламиний, я тебя всегда считал человеком умным. За твоё здоровье!

Ф л а м и н и й. Благодарю вас, ваша милость.

Л у к у л л. Должен отдать тебе справедливость — ум у тебя гибкий, и ты умеешь приспособливаться к обстоятельствам. Ты умеешь воспользоваться благоприятным случаем, если такой случай тебе подвернется. А это очень хорошее качество. (Слуге.) Выйди-ка отсюда!

Слуга уходит.

Подойди поближе, честный Фламиний. Твой господин — человек великодушный, но ты, хоть и пришел ко мне, отлич-

но понимаешь — не время сейчас одалживать деньги, особенно из чистой дружбы, без всякого обеспечения. Вот тебе три солидара; будь другом, зажмурь глаза и скажи Тимону, что не застал меня. Прощай.

Ф л а м и н и й

Возможно ли, чтоб мир так изменился,
А мы остались теми же, кем были?

(Бросает деньги на пол.)

Проклятая и суетная мерзость,
Лети к тому, чьим стала божеством.

Л у к у л л. Вот как! Ну, теперь я вижу, что ты дурак и вполне под стать твоему господину.

Ф л а м и н и й

Пускай монеты эти станут частью
Металла, на котором будешь ты
Гореть в аду. Пускай орудьем казни
Расплавленное золото твое
Там станет для тебя. Ты разве друг?
Скорее язва ты на теле друга.
Холодное, видать, у дружбы сердце
И слабое; оно скисает за ночь,
Как молоко. О боги! Я сейчас
Почувствовал, что ощутит Тимон,
Услышав это.— Негодяй бесчестный!
В желудке у него обед Тимона

Еще не переварен. Как же может
Пойти ему на пользу пища, если
Он сам — отравя. Так пускай тебе
Несут обеды эти лишь болезни.
А станешь умирать — все то, что дал
Тебе Тимон, спасти тебя не сможет
И только сдохнуть поскорей поможет!

Уходят.

Сцена 2

Площадь.

Входят Луций и три чужестранца.

Луций. Кто? Тимон? Он мой лучший друг и благороднейший человек.

Первый чужестранец. Нам это известно, хотя мы и незнакомы с ним. Однако могу сообщить вам кое-что, о чем сейчас говорят все. Счастливые дни Тимона кончились, и друзья отшатнулись от него.

Луций. Глупости, никогда не поверю; не может быть, чтобы Тимон нуждался в деньгах.

Второй чужестранец. И все-таки, поверьте, один из его слуг недавно был у Лукулла с просьбой одолжить Тимону некое количество талантов. Скажу вам более: слуга умолял о них, рассказывая о том, как они необходимы, — и все-таки получил отказ.

Луций. Как!

Фриз Парфенона. Артемиды

Второй чужестранец. Говорю вам, ему отказали.

Луций. Что за странный случай! Да будут мне свидетелями боги, я стыжусь это слушать! Отказать такому благороднейшему человеку? Невелика честь для Лукулла. Со своей стороны, признаюсь, что, хоть я и получал от Тимона мелкие подарки — деньги, серебряную посуду, драгоценности и прочие безделки, не сравнимые с тем, что он давал Лукуллу, все же, обратись он не к нему, а ко мне, я бы ему никогда не отказал в нескольких талантах.

Входит Сервилий.

Сервилий. Вот счастье, что наконец удалось разыскать Луция, я прямо взмок, бегая за ним... (Луцию.) Почтеннейший господин...

Луций. Рад видеть тебя, Сервилий! А затем — до свиданья! Передай привет моему ближайшему другу, твоему почтенному и добродетельному хозяину.

Сервилий. Осмелюсь доложить, ваша милость, господин мой посылает...

Луций. А! Что же он посылает? Я и так уже обязан ему, он всегда посылает мне что-нибудь! Уж и не знаю, как мне отблагодарить его! Что же он посылает сейчас?

Сервилий. Теперь он посылает вам только свою просьбу, ваша милость. Он просит вас неотложно одолжить ему несколько талантов.

Луций

Он шутит; быть не может, чтоб нуждался
Тимон в какой-то тысяче талантов!

Сервилий

Сейчас ему гораздо меньше нужно,
И, если бы не крайняя нужда,
Я так настойчиво вас не просил бы.

Луций. Ты всерьез говоришь, Сервилий?

Сервилий. Клянусь душой, это чистая правда.

Луций. Ну не скотина ли я, что истратил все деньги именно в тот момент, когда мог показать свое благородство! И ведь как не повезло! Только вчера заключил я одну сделку, а теперь теряю из-за нее свою честь! Сервилий, клянусь богами, у меня нет возможности выполнить просьбу Тимона. Ах, скотина я этакая! Веришь ли, я сам собирался обратиться к Тимону. Вот эти господа могут подтвердить мои слова. Но теперь, конечно, я за все сокровища Афин не стану просить у него взаймы. Передай от меня нижайший поклон твоему доброму господину. Надеюсь, он не станет плохо думать обо мне потому только, что я не в силах был исполнить его просьбу. Да, вот что еще передай ему... скажи, я в величайшем отчаянии, что не могу услужить такому благородному человеку. Любезный Сервилий, будь другом, передай ему все именно так, как я сказал.

Сервилий. Хорошо, я передам.

Луций. Не беспокойся, Сервилий, за мной услуга не пропадет.

Сервилий уходит.

Первый чужестранец

Да, пошатнулся, видимо, Тимон.

Упав однажды, вряд ли встанет он.

Луций уходит.

Первый чужестранец

Ну, видишь ты, Гостилий?

Второй чужестранец

Как не видеть!

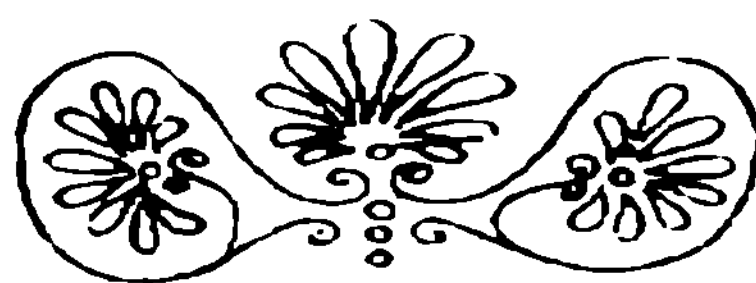
Первый чужестранец

Вот что такое свет! И каждый льстец
Ведет, заметь, игру одну и ту же.
Вторым отцом был Луцию Тимон,
Его кредит поддерживал деньгами
И помогал поместье содержать.
Да что там — жалованье слугам даже
Шло из его кармана! Всякий раз
Как Луций пьет, он серебра Тимона
Касается губами. А теперь!
Каким себя чудовищем являет
Неблагодарный человек! Ведь Луций
Отказывает в том сейчас Тимону,
В чем добрая душа не отказала б
И нищему.

Третий чужестранец

Религии противен

Такой поступок.

Первый чужестранец

О себе скажу:

Я за столом Тимона не сидел,
Щедротами его осыпан не был,
Он друга не искал во мне. Но я
Так чту его высокий дух, и честность,
И благородство, и великодушие,
Что, вздумай обратиться он ко мне,
Я все свое добро с ним поделил бы
И лучшую ему бы отдал часть —
Так он мне дорог. Но, как видно, людям
Теперь не до сочувствия. Расчет
Над совестью людскою верх берет.

Уходят.

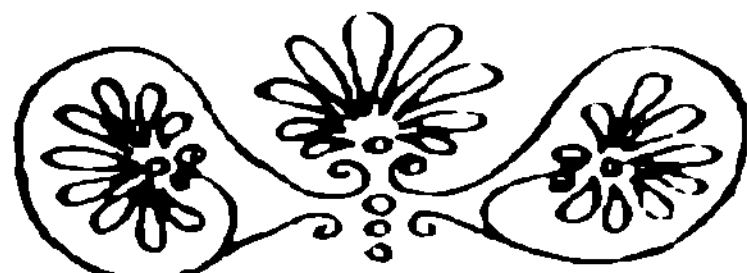
Сцена 3

Покой в доме Семпрония.

Входят Семпроний и слуга Тимона.

Семпроний

Зачем тревожить именно меня?
Гм... Почему меня, а не других?
Он мог бы к Луцию тебя послать
Или к Лукуллу. Или вот Вентидий:
Теперь он стал богатым — ведь Тимон

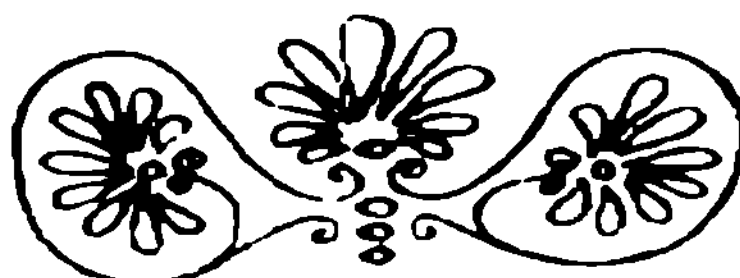
Его избавил от тюрьмы. Все трое
Обязаны ему.

С л у г а Т и м о н а

Ах, господин,
Мы испытали их; они на деле
Фальшивою монетой оказались:
От всех отказ получен.

С е м п р о н и й

Отказали
Вентидий и Лукулл? Все отказали?
И он послал ко мне? Все трое?.. Вот как!..
Гм... Это очень странно. Значит, я
Последнее прибежище его?
Нет, плохо он относится ко мне!
Друзья, врачам подобно, отказались
Три раза исцелить его, а я —
Я после них лечить обязан?
Меня унизил он! Я возмущен!
Я — на четвертом месте! Как случилось,
Что он, попав в такое затрудненье,
Не обратился прежде всех ко мне?
По правде говоря, я начал первый
Подарки от Тимона получать,
Но, стало быть, меня он низко ценит,
Что после всех ко мне прибегнул! Нет уж,
Посмешищем всеобщим я не стану

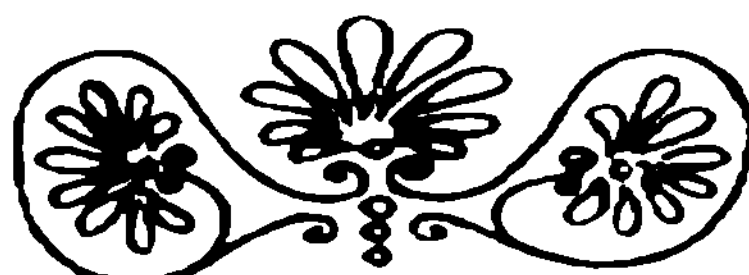
И не желаю дураком считаться.
Когда б сперва меня он попросил,
Ему со всей охотою я дал бы
И втрое больше, может быть. Ступай.
К отказам тех и мой еще прибавь.
Тому, кто унижает честь мою,
Я денег не давал и не даю.

(Уходит.)

С л у г а. Превосходно! Ваша милость, видно, изрядный негодяй! Нет, создавая человека лицемером, дьявол не знал, что делает. Он сам себе стал поперек дороги. Я убежден, что в конце концов, в сравнении с людской подлостью, он будет казаться невинным созданием. Как успешно старается этот вельможа показать себя мерзавцем! Он прикрывается добродетелью, чтобы творить зло, подобно тем людям, что под личиной пламенного благочестия испепеляют целые государства. К этому же сорту достоинств относится и его политическое дружелюбие.

Последнею надеждой господина
Он был. Теперь остались только боги.
Друзья исчезли. Дверь, что много лет
Привратника не знала и затворов,
Должна закрыться наглухо теперь
И спрятать господина своего,
Нет у него сейчас пути другого.
Кто не сумел богатство соблюсти,
Тому сидеть осталось взаперти.

(Уходит.)

Сцена 4

Зал в доме Тимона.

**Входят двое слуг Варрона и слуга Луция;
они встречают Тита, Гортензия и других слуг
кредиторов Тимона, ожидающих его выхода.**

Первый слуга Варрона

Рад видеть вас!— Гортензий, Тит, здорово!

Т и т

Здорово, друг Варрон.

Гортензий

И Луций здесь?

Вот ловко мы сошлись.

Слуга Луция

Да, и, пожалуй,

**Все за одним и тем же. Я, к примеру,
За деньгами.**

Т и т

Я тоже... И они.

Входит Филот.

Слуга Луция

А, и Филот явился.

Тимон Афинский

Ф и л о т

Добрый день!

С л у г а Л у ц и я

**Здорово, старина. Который час?
Не знаешь?**

Ф и л о т

Скоро девять.

С л у г а Л у ц и я

Как, уже?

Ф и л о т

А что, Тимон еще не выходил?

С л у г а Л у ц и я

Нет.

Ф и л о т

**Странно. Ведь обычно он сияет
С семи, подобно солнцу.**

С л у г а Л у ц и я

Так-то так,

Да стал его денек теперь короче.

**Конечно, жизнь транжир подобна солнцу,
Но с тою разницей, что, закатившись,**

Она уж не взойдет. Я опасаясь,
Что в кошельке Тимоновом — зима;
Хоть вдоль и поперек обшарь его,
Гроша там не найдешь.

Ф и л о т

Боюсь, что так.

Т и т

Но вот что удивительно: тебя
Прислал хозяин за деньгами?

Г о р т е н з и й

Верно.

Т и т

Хозяин твой сам носит бриллианты,
Дареные Тимоном, — и с него же
Он деньги требует!..

Г о р т е н з и й

Не по душе

Мне это все...

С л у г а Л у ц и я

И вот, заметь, что странно:
Тимону ведь платить придется больше,

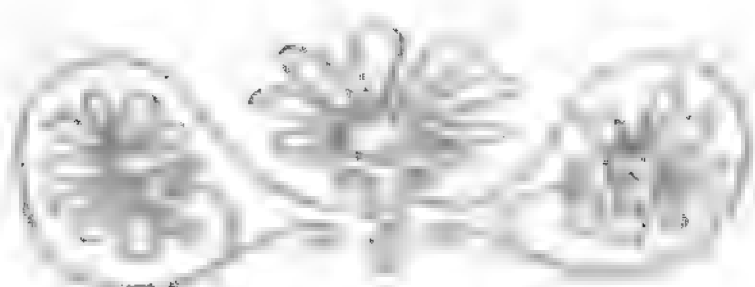
Чем должен он. К примеру, твой хозяин
Взыскать с него за бриллианты хочет,
Которые Тимон ему дарил!

Греческий воин. IV в. Флоренция

Гортензий

Как мне противно это порученье!
Мой господин — об этом знают боги —
Его деньгами пользовался часто;
И быть теперь таким неблагодарным —
Да это хуже воровства!

Первый слуга Варрона
Я должен
Взыскать три тысячи. А ты?

Слуга Луция
Я — пять.

Первый слуга Варрона
Да, это больше. Видно, твой хозяин
Дружил с ним больше моего, — иначе
Претензии их были бы равны.

Входит Фламиний.

Тит. Вот один из слуг Тимона.

Слуга Луция. Фламиний! Одно слово, приятель! Скажи на милость, скоро выйдет твой господин?

Фламиний. Нет, не скоро.

Тит. Мы его дожидаемся. Будь другом, доложи ему.

Фламиний. Незачем докладывать, он и сам знает, что вы не в меру усердны. (Уходит.)

Входит Флавий, прикрываясь плащом.

Слуга Луция
Кто это? Не Тимона ль управитель?
С чего это закутался он так?
Того гляди, как облако растает
И ускользнет от нас. Скорей зовите,
Зовите же его!

Тимон Афинский

Т и т

Эй, эй! Пойдите!

Послушайте.

П е р в ы й с л у г а В а р р о н а

Минутку погодите!

Ф л а в и й

Что вам, друзья?

Т и т

Мы, сударь, денег ждем.

Ф л а в и й

Ах, если б наши деньги были так же
Верны, как верно то, что вы их ждете,
Нам было бы спокойней. Почему
Вы нам счетов не предъявляли раньше,
Когда сидели за столом Тимона
Угодливые ваши господа?
Смеясь и забывая о долгах,
Они тогда проценты только брали
Утробой ненасытною своей!
Оставьте же меня, не унижайтесь.
Позвольте мне пройти. У нас отныне
Все решено с хозяином моим.
Я кончил счет убытков и потерь,
Ему же тратить нечего теперь.

С л у г а Л у ц и я

Такой ответ нам не годится.

Ф л а в и й

Значит,

И сами ни на что не годны вы,
Ведущие дела у негодяев.

(Уходит.)

П е р в ы й с л у г а В а р р о н а. Что там бормочет этот оставленный управитель?

В т о р о й с л у г а В а р р о н а. Какая разница? Он беден и, значит, достаточно наказан. Кто может разговаривать смелее человека, которому негде голову преклонить? Такому не грех бунтовать и против роскошных дворцов.

Входит Сервилий.

Т и т. А вот и Сервилий. Наконец-то мы получим разумный ответ.

С е р в и л и й. Умоляю вас, друзья, выберите другое время, вы меня этим крайне обяжете. Клянусь душой, мой господин страшно разгневан. Обычное спокойствие покинуло его, он болен и не оставляет своей комнаты.

С л у г а Л у ц и я

Иной хоть и не болен, а запрется.
Но если занемог он в самом деле,
То лучше бы скорей долги вернул
И тем себе расчистил путь на небо.

Сервилий

О боги!

Тит

Это не ответ!

Фламиний
(за сценой)

Сервилий!

На помощь!— Господин мой, успокойтесь!..

Входит Тимон в припадке бешенства; за ним следует Фламиний.

Тимон

Как! Дверь моя меня не пропускает!
Я был всегда свободным, а теперь
Мой дом — мне враг, он стал моей темницей,
И место пиршеств ныне — как весь мир —
Железное свое мне кажет сердце.

Слуга Луция

Тит, начинай.

Тит

Вот счет мой, господин.

Слуга Луция

И мой.

Гортензий

Взгляните, ваша милость.

Слуги Варрона

Вот наши, господин.

Филот

А вот мои.

Тимон

**Ну, сбейте ими с ног меня! Рубите
До пояса!**

Слуга Луция

Ах, добрый господин...

Тимон

Из сердца моего чеканьте деньги.

Тит

Мне пятьдесят...

Тимон

Сосите кровь мою!

Слуга Луция

Пять тысяч крон...

Т и м о н

Пять тысяч капель крови
За них отдам я.— А тебе? —Тебе?

Первый слуга Варрона
Но, господин мой...

Второй слуга Варрона
Господин...

Т и м о н

Терзайте,
На части рвите,— покарай вас небо!

(Уходит.)

Гортензий. Вижу я, что господа наши могут распрощаться со своими денежками. Вот уж поистине эти долги можно назвать безумными — должник-то ведь сумасшедший.

Уходят.

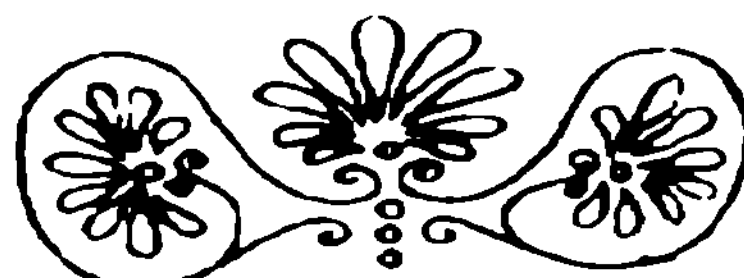
Входят Тимон и Флавий.

Т и м о н

Я чуть не задохнулся. Это черти,
А не заимодавцы!

Ф л а в и й

Ваша милость...

Т и м о н
(подумав)

А если сделать так...

Ф л а в и й
Мой господин...

Т и м о н
Да-да, я так и сделаю...— Эй, Флавий!

Ф л а в и й
Я здесь.

Т и м о н
Усерден, как всегда. Ступай
Зови моих друзей сюда — Лукулла,
Семпрония, и Луция, и прочих;
Еще раз пир задам мерзавцам этим.

Ф л а в и й
Ах, лишь из-за душевного расстройства
Такие речи вы ведете, сударь;
У нас нет денег, чтобы угостить,
Пусть даже скромно...

Т и м о н
Не твоя забота.
Ступай, я приказал; в последний раз

Ты вступишь эту стаю воронья:
Мы угостим их — повар мой и я.

Уходят.

Сцена 5

Зал сената.

Первый сенатор

Вполне согласен с вами; свершено
Кровавое злодейство, и за это
Он должен умереть! Ничто греха
Не поощряет так, как снисхождение.

Второй сенатор

Да, правильно. Он будет осужден!

Входит Алкивиад со свитой.

Алкивиад

Сенату — процветания и славы!

Первый сенатор

Чего желаешь ты, Алкивиад?

Алкивиад

Взываю как смиренный челобитчик
Я к вашим добрым чувствам. Добродетель

Закона — сострадание; лишь тираны
Безжалостны в суде. Судьба и время
На одного из близких мне друзей
Жестоко ополчились; в раздраженье,
Презрев закон, он пал в такую пропасть,
Откуда не спастись. Он человек
(Оставив в стороне его вину),
Исполненный достоинств высочайших,
Который в преступлении своем
Не подлостью был движим. Искупил он
Проступок этот доблестью своей.
Так горячо и в благородном гневе
Напал он на врага лишь потому,
Что честь его тот оскорбил смертельно,
Но так достойно с ним себя он вел,
Так доблестно на поединке бился
И так держал в узде свой гневный пыл,
Как если бы не в бой, а в спор вступил.

Первый сенатор

Ты, право, до нелепости дошел,
Стремясь поступок низкий приукрасить.
Твои все речи сводятся к тому,
Чтоб узаконить подлое убийство
И в доблесть буйство возвести. Оно же
Есть доблести побочное дитя
И родилось на свет одновременно

С интригами и распрями людскими.
Поистине же доблестен лишь тот,
Кто с мудростью невозмутимой сносит
Из оскорблений худшее и кто
К любым обидам так же равнодушен,
Как к старому изношенному платью,
Кто их не принимает близко к сердцу
И свой покой хранит. Обида — зло,
Ведущее к убийству! Значит, тот
Глупец, кто жизнью ради зла рискнет.

А л к и в и а д

Но...

П е р в ы й с е н а т о р

Зря ты обеляешь преступленье;
Не в мстительности доблесть, а в терпенье.

А л к и в и а д

Простите мне, почтенные отцы,
Солдатский мой язык. Но для чего же
Идут в сраженье люди, не снося
Угроз противника? И почему
Они их не глотают и врагу
С готовностью не подставляют горло?
В терпенье — доблесть? Что же нам тогда
На поле битвы делать? Если так,
То жены наши доблестнее нас:

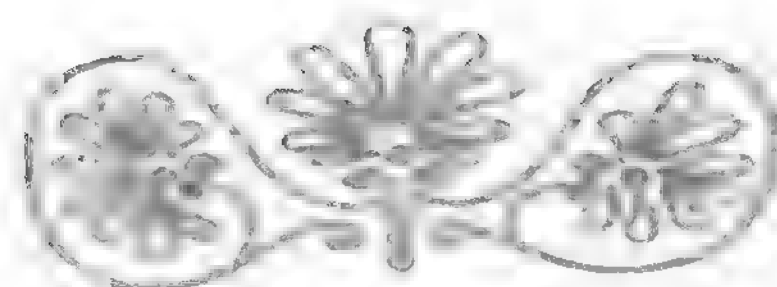

Они ведь, сидя дома, все выносят.
Выходит, что осел отважней льва,
Преступник в кандалах — мудрей судьи,
Раз мудрость заключается в терпенье.

Греческий полководец. Античная статуя

Сенаторы! Великие мужи!
Исполнитесь же к ближнему любовью!
Ведь только человек с холодной кровью
Легко уймет свой гнев. Убийство — грех;
Но защищаться — это право всех!

Вы скажете, что гнев позорит нас.
Но кто во гневе не бывал хоть раз?
Вину его так именно и взвесьте.

Второй сенатор
Напрасно время тратишь ты.

Алкивиад

Напрасно?

А подвиги, которые свершал он
И в Византии и в Лакедемонне?
Они одни уже могли б служить
Достойным выкупом за жизнь его.

Первый сенатор
Ты что в виду имеешь?

Алкивиад

Он отчизне
Немало оказал услуг важнейших
И уничтожил множество врагов.
Он храбрость беспримерную явил
В последней битве и нанес врагу
Урон изрядный...

Второй сенатор
И себя изрядно
Вознаградил при этом. Он буян,

Чье ремесло — разгул и непотребство.
Есть у него порок, который топит
Весь ум его и в плен уводит храбрость.
Да будь безгрешен он во всем другом,
То одного бы этого хватило,
Чтоб осудить его бесповоротно!
В неистовстве поистине зверином
Он многократно нарушал законы
И затевал кровавую резню.
Давно уже предупреждали нас,
Что в пьянстве и разгуле он погряз.

Первый сенатор

Он должен умереть.

Алкивиад

Жестокий рок!

Он мог бы умереть на поле боя...
Почтенные сенаторы, ну что же,
Коль дела нет вам до его заслуг —
Хоть оправдать себя легко он мог бы
Одной рукою правой и не быть
Ни у кого в долгу, — то, для того
Чтоб ваше сердце тронуть, я прошу
К его заслугам и мои прибавить,
Соединив их вместе. А поскольку
В преклонном возрасте желают люди

Гарантии иметь, клянусь я честью
И славой полководца, господя,
Что он свой долг уплатит. Ну а если
Закон его присудит к смерти — пусть
Ее найдет он в битве. Ведь война
Не меньше правосудия грозна.

П е р в ы й с е н а т о р

Поступим по закону мы! Умолкни
И уходи. Будь нам он друг иль брат,
Но, если кровь чужую пролил он,
Отдать свою велит ему закон.

А л к и в и а д

Ужели так и будет? Нет! Прошу вас,
Припомните, с кем говорите!

В т о р о й с е н а т о р

Как!

А л к и в и а д

Да, вспомните, кто я такой.

Т р е т и й с е н а т о р

Что, что?

А л к и в и а д

От старости меня вы позабыли,

Иначе мог ли получить от вас
В такой ничтожной просьбе я отказ?
Вы раны мне разбредили.

Первый сенатор

Ты

Наш гнев навлек. Хоть мы немногословны,
Но действуем решительно. Ты изгнан
Навеки из Афин отныне.

Алкивиад

Я?

Я изгнан из Афин? Изгнали б лучше
Вы старческое ваше слабоумье
И беззастенчивое лихоимство,
Позорящие весь сенат.

Первый сенатор

Коль ты

Чрез два восхода солнца не уйдешь,
Жди более сурового суда.
А чтобы нам покончить с этим делом,
Твой друг умрет немедля.

Сенаторы уходят.

Алкивиад

Пусть же боги

Продлят нам годы жизни, чтобы вы

Иссохли как скелеты, чтоб ваш вид
Противен взору стал. Как я взбешен!
Когда я сдерживал напор врагов,
Вы с жадностью считали барыши
И деньги отдавали под проценты,
А все мое богатство — только раны.
И вот — награда мне! Вот он, бальзам,
Который пролил ростовщик-сенат
На раны воина! Изгнать меня!
Недурно! А пожалуй, я доволен!
Есть повод моему излиться гневу.
Теперь я нанесу удар Афинам.
Сенатом недовольные войска
Я подниму и во главе их встану.
Бить сильных — честь. Обидчикам своим
Мы, воины, богам подобно, мстим!

Уходит.

Сцена 6

Пиршественный зал в доме Тимона.

Музыка. Накрытые столы; вокруг них — гости. В разные двери
входят вельможи, сенаторы и другие приглашенные.

Первый гость. Желаю вам всех благ.

Второй гость. И вам так же. Сдается мне, что давеча
наш почтенный Тимон хотел только испытать нас.

Первый гость. Как раз об этом я думал, когда мы

встретились. Надеюсь, дела его не так плохи, как он хотел показать, испытывая своих друзей.

Второй гость. Совсем не плохи, судя по новому пиру.

Первый гость. И я так считаю. Он прислал мне настойчивое приглашение, от которого я сперва вынужден был отказаться из-за множества спешных дел. Но он так упрашивал меня, что мне пришлось согласиться.

Второй гость. Я точно так же был занят неотложнейшим делом, но он и слышать не хотел об отказе. Жаль, что, когда он присылал ко мне за деньгами, у меня их как раз не было.

Первый гость. Теперь, когда я понимаю, как обстоят дела, я тоже вне себя.

Второй гость. Здесь каждый готов себе локти кусать. Сколько он просил взаймы у вас?

Первый гость. Тысячу золотых.

Второй гость. Тысячу золотых!

Первый гость. А у вас?

Третий гость. Он присылал ко мне за... Да вот он сам!

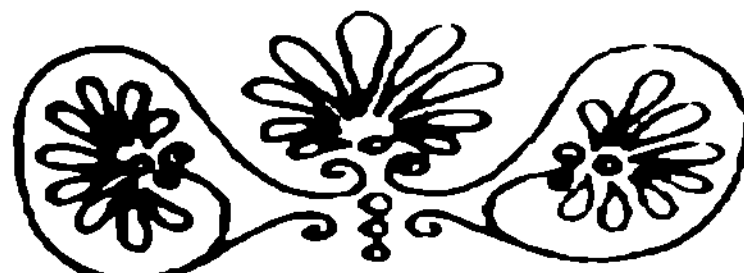
Входит Тимон со свитой.

Тимон. Приветствую вас от всей души! Как поживаете?

Первый гость. Наилучшим образом, когда слышим, что и вы здоровы.

Второй гость. Ласточка не так охотно следует за летом, как мы за вами.

Тимон (в сторону). И не более охотно бежит от зимы. Да, люди — перелетные птицы. (К гостям.) Господа, боюсь,

трапеза не вознаградит вас за столь долгое ожидание. Насыщайте пока свой слух музыкой, если звуки труб не слишком резки для вас. Сейчас нам подадут обед.

Первый гость. Надеюсь, вы не обиделись, Тимон, что я отослал вашего слугу с пустыми руками?

Тимон. Чепуха! Пусть это вас не беспокоит.

Второй гость. Благородный Тимон...

Тимон. Что скажете, мой добрый друг?

Слуги вносят и подают несколько закрытых блюд.

Второй гость. Благороднейший Тимон, я сгораю от стыда из-за того, что, когда вы вчера присылали ко мне за деньгами, мой карман, к несчастью, был пуст, как у последнего нищего.

Тимон. Не стоит об этом думать.

Второй гость. Прислали бы вы двумя часами раньше...

Тимон. Не терзайте себя воспоминаньями.— Эй, подавайте все сразу.

Второй гость. Закрытые блюда!

Первый гость. Царское угощение, ручаюсь вам.

Третий гость. Не сомневайтесь, здесь подадут все, что можно достать за деньги в это время года.

Первый гость. А, здравствуйте! Что нового?

Третий гость. Слышали вы, что Алкивиад изгнан?

Первый и второй гости. Алкивиад изгнан!

Третий гость. Да, в этом нет никаких сомнений.

Первый гость. Что? Что?

Второй гость. Умоляю, скажите из-за чего?

Тимон. Достойные друзья мои, прошу вас!

Третий гость. Потом расскажу вам подробнее. Нам предстоит роскошный пир.

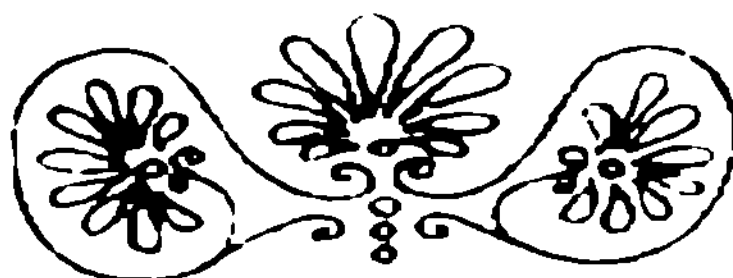
Второй гость. Тимон остался прежним Тимоном.

Третий гость. Долго ли он продержится? Долго ли?

Второй гость. Держится пока. Но придет время... и...

Третий гость. Я понимаю.

Тимон. Прошу каждого занять место с такой же поспешностью, с какою бы он устремился к губам своей возлюбленной. Кушанья сегодня у всех будут одинаковые. Не устраивайте церемоний, из-за которых блюда успевают простыть, прежде чем гости решат, кто из них займет первое место. Усаживайтесь, усаживайтесь! Теперь вознесем благодарение богам! “Вы, великие благодетели, напитайте наше общество чувством благодарности. Заставьте восхвалять вас за ваши дары, но обязательно оставьте себе что-нибудь про запас, для того чтобы раздавать и впредь, не то вас скоро начнут презирать. Отпустите каждому человеку столько, чтобы ему не пришлось занимать у другого. Ведь если вам, боги, придется занимать у людей, люди отступятся от богов. Пусть гости любят пиры больше тех, кто задает их. Пусть в обществе, где собирается двадцать человек, будет два десятка негодяев. Пусть там, где за столом сидит дюжина женщин, двенадцать из них будут... тем, что они есть. Остальные дары свои, о боги, оставьте афинским сенаторам и презренной черни — пусть все, что в них есть дурного, подлежит отныне уничтожению. Мои же друзья, присутствующие здесь, для меня ничто, а

потому ни в чем не будьте к ним благосклонны и обратите их в ничто”.

А теперь, собаки, снимите крышки и лопайте!

Гости снимают крышки и видят, что блюда наполнены кипятком.

Несколько голосов. Что он хочет этим сказать?
Другие. Непонятно!

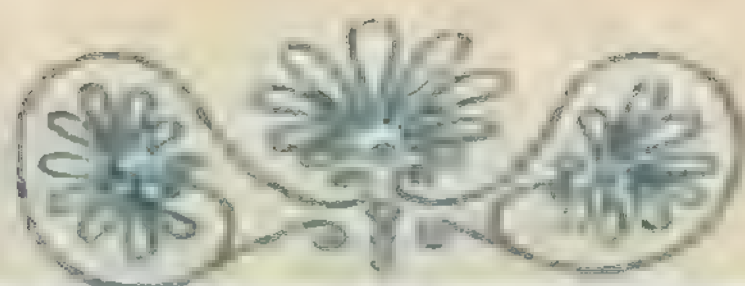
Т и м о н

Не знать вам лучших пиршеств никогда,
Друзья обжорства! Пар и кипяток —
Вот сущность ваша. Нате, получайте
Последнее, что у Тимона есть.
Он долю мишурой своей любви
Вас украшал, но эти украшения
Теперь смывает он, и вам в лицо
Вонючую бросает вашу подлость!
Желаю жить вам долго и в презренье.
Вы гладкие, довольные собой
Бездельники, любезные убийцы,
Вы приживалы, баловни судьбы,
Обжоры, добродушные медведи,
Приветливые волки, паразиты,
Вы стая мух поганных, вы рабы,
Готовые колени гнуть и шапку
Ломать ежеминутно; флюгера,
Вертящиеся по ветру! Пускай
Болезни человека и животных

Знаменитый английский актер Кембль в роли Тимона.
С гравюры Г.Рамберга

Коростой с ног до головы покроют
Вас всех, без исключения!

(Одному из гостей.)

Что, уходишь?

Постой, лекарство прихвати! И ты...
И ты!..

(Бросает в них блюда.)

Помедли, денег одолжу,
Не попрошу взаймы! Что, разбежались!
Да будет лучшим из гостей подлец
Отныне на пирах! Всему конец!
Мой город, провались! Сгори, мой дом!
Тимон людскому роду стал врагом.

(Уходит.)

Некоторые гости возвращаются.

Первый гость. Что это значит, господа?

Второй гость. Как можете вы объяснить гнев Тимона?

Третий гость. Тыфу ты! Не видели вы моей шапки?

Четвертый гость. Я потерял плащ.

Первый гость. Он просто безумец, и причуды управ-
ляют им. На днях он подарил мне бриллиант, а сегодня сбил
его с моей шапки. Не видели ли вы моего бриллианта?

Третий гость. Не видели вы моей шапки?

Второй гость. Вот она.

Четвертый гость. Вот валяется мой плащ.

Первый гость. Не задерживайтесь.

Второй гость

Тимон сошел с ума!

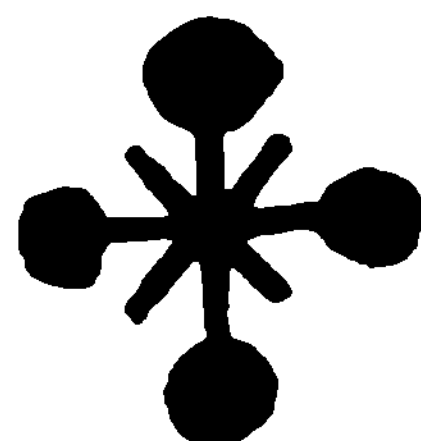
Третий гость

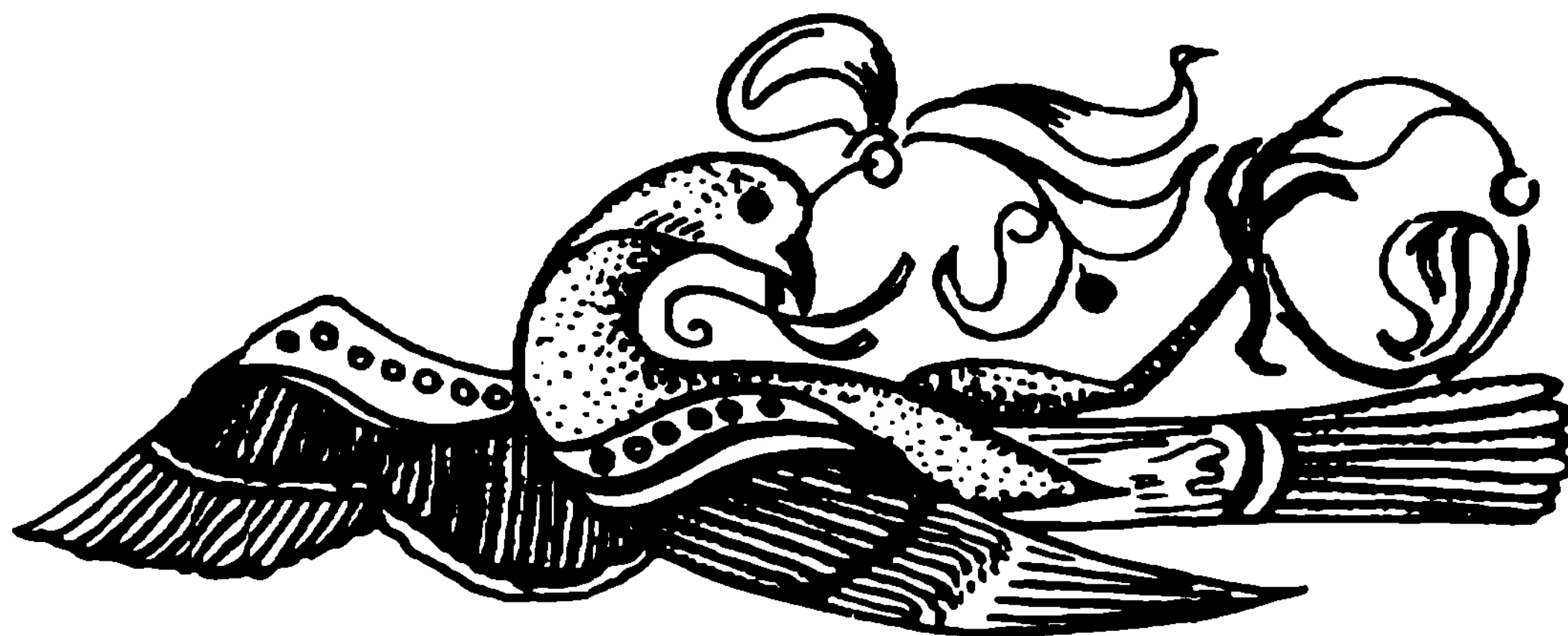
Намял бока мне.

Четвертый гость

То нам дарил, то в нас швыряет камни.

Уходят.

АКТ IV

Сцена I

Под стенами Афин.

Входит Тимон.

Тимон

В последний раз взгляну на город свой!
Стена, раз ты волкам оградой служишь,
Рассыпся и не защищай Афин!
Матроны, станьте шлюхами; вы, дети,
Почтение к родителям забудьте.
Рабы и дураки, с постов свергайте
Сенаторов морщинистых и важных
И принимайтесь править вместо них.
Цветущая невинность, окунись
В грязь и разврат, распутничай бесстыдно
В присутствии отцов и матерей.
Банкрот, держись, не возвращай долгов,
Хватай свой нож — режь глотку кредитору!
Слуга надежный, грабь своих господ;

Хозяин твой сановный — тоже вор,
Но покрупней и грабит по закону!
Ложись в постель к хозяину, служанка:
Его жена распутничать пошла.
Ты, сын любимый, вырви у отца
Увечного и дряхлого костыль,
И голову ему разбей. Пусть правда,
Мир, благочестье, страх перед грехом,
Религия, законы, справедливость,
Очаг домашний, уваженье к ближним,
Приличья, просвещение, родство,
Обычаи, торговля превратятся
В свою прямую противоположность!
Пусть воцарится хаос! Пусть несчастья,
Заразные и страшные болезни
Падут на обреченные Афины!
Подагра злая, скрючь седых вельмож;
Пусть, как их честность, и они хромают!
Блуд, похоть, проникайте в плоть и кровь
Афинской молодежи! Пусть она,
Теченью добродетели противясь,
В распутстве захлебнется! Семена
Чесотки, язвы гнойной, прорастайте
В груди людей, проказой расцветая!
Одно дыханье, заражай другое,
Вливай отраву в дружбу и любовь!
О ненавистный город! Из тебя

Я уношу одну лишь нищету,
Пусть и твоей она бедою станет,
Умноженной проклятьями моими!

Тимон, проклиная Афины. Рисунок Джона Джильберта

Тимон уйдет в леса: там лютый зверь
Добрее человека. О, молю вас,
Внемлите, боги: да падут Афины
За этою стеной и вне ее!
Расти и крепни, ненависть моя!

Отныне враг людского рода я.
Аминь!

(Уходит.)

Сцена 2

Афины. Комната в доме Тимона.

Входят Флавий и несколько слуг.

Первый слуга

Послушай, управитель, где хозяин?
Он выгнал нас, иль мертв, иль промотался?

Флавий

Увы, друзья мои! Что вам сказать?
Клянусь, я так же неимущ, как вы.

Первый слуга

Беда! Такой богатый дом погиб!
Такой хозяин славный разорился!
Все разбежались; не осталось друга,
Который захотел бы разделить
Его судьбу и с ним уйти.

Второй слуга

Как мы
К приятелю, лежащему в могиле,

Становимся спиной, так отвернулись
И от Тимона все его друзья,
Чуть схоронил богатство он. Остались
Ему от них пустые кошельки
Да клятвы ложные. А он, бедняга,
Как нищий, не имеющий приюта,
Наедине оставшись с нищетою,
Которой все бегут, влачит свой век
В презрении один... Сюда идут
Другие слуги.

Входят слуги.

Ф л а в и й

Ломаная утварь
Разрушенного дома.

Т р е т и й с л у г а

Я читаю

По лицам вашим, что в душе мы все
В Тимонову облачены ливрею.
Товарищами мы остались с вами,
Служа ему и в этот скорбный час.
Крушение терпит наш корабль, и мы,
Матросы злополучные, стоим
На палубе кренящейся, внимая
Угрозам волн. Расстаться в море жизни
Нам суждено.

Ф л а в и й

Я разделю меж вами
Последнее имущество мое!
Останемся друзьями в честь Тимона,
А встретясь, покачаем головой,
И наши прозвучат тогда слова,
Как похоронный звон его богатству:
“Мы лучшие знавали дни”.

(Раздает им деньги.)

Пусть каждый
Возьмет частицу. Протяните руки;
Хотя мы и бедны, но расстаемся
Богатые печалью.

Слуги обнимаются и расходятся.

Сколько мук
Приносит слава! Кто не пожелал бы
Проклясть богатство, зная, сколько бед
И горестей идет за ним вослед!
Кто славою прельстится? Кто захочет
Жить, убедясь, что дружба — только сон?
Кто б упивался собственным величием,
Постигнув, что украшено оно,
Как все друзья вокруг, фальшивым блеском?
Мой бедный господин, ты пал навеки,
Погубленный своею добротой!
Не странно ли, что самый тяжкий грех —

Стремление творить добро для всех?
Так кто ж дерзнет хотя б наполовину
Таким же быть, как он, коль доброта —
Бессмертных свойство — губит человека? —
Мой господин! Ты был благословен,
Чтоб сделаться проклятым; был богат,
Чтоб нищим стать; причина бед твоих —
Твое богатство. Добрый мой хозяин,
Бежал ты в гневе от чудовищ этих,
И нечем жизнь поддерживать тебе...—
Пойду искать его и с ним останусь;
Пока есть деньги в кошельке моем,
Я буду управителем при нем.

(Уходит.)

Сцена 3

Лес и пещера около моря.

Входит Тимон.

Тимон

О всеблагое солнце! Извлеки
Сырую гниль из недр земли наружу
И зарази весь воздух под луною —
Твоей сестрой. Рожденные на свет
Утробою одною близнецы
Почти неразличимы по зачатыю,

Развитию, рождению; но стоит
Судьбе им дать удел неравный, сразу
Счастливец неудачника теснит.
Таков уж от природы человек;
Потоком бедствий всяческих гонимый,
Не может быть он счастлив без того,
Чтоб к ближнему не проявить презренье.
Возвысьте нищих, а вельмож унижьте —
И тотчас же изведает сенатор
Презрения наследственного бремя,
А нищий — уваженье и почет.
Один из близнецов от благ тучнеет,
Второго делает худым нужда.
Но кто же гордо, не сгибаясь, встанет,
С чистосердечным мужеством воскликнув:
“Лстец этот человек!” Коль одного
Назвали так, зовите всех лстецами.
Стоящий у подножия удачи
Лстит тем, кто выше влез. Мудрец и тот
Склоняется пред золотым болваном.
Все вкривь идет! Нет ничего прямого
В проклятых человеческих натурах,
За исключеньем подлости прямой,
А потому — проклятье всем пирам,
Всем сборищам, всем празднествам на свете!
Тимон себя и всех себе подобных
Возненавидел! Гибни, род людской!

(Копает землю.)

Земля, дай мне кореньев, а того,
Кто лучшее найти в тебе замыслит,
Своим сильнейшим ядом услади.
Что вижу? Золото? Ужели правда?
Сверкающее, желтое... Нет-нет,
Я золота не почитаю, боги;
Кореньев только я просил. О небо,
Тут золота достаточно вполне,
Чтоб черное успешно сделать белым,
Уродство — красотою, зло — добром,
Трусливого — отважным, старца — юным,
И низость — благородством. Так зачем
Вы дали мне его? Зачем, о боги?
От вас самих оно жрецов отторгнет,
Подушку вытащит из-под голов
У тех, кто умирает. О, я знаю,
Что этот желтый раб начнет немедля
И связывать и расторгать обеты;
Благословлять, что проклято; проказу
Заставит обожать, возвысит вора,
Ему даст титул и почет всеобщий
И на скамью сенаторов посадит.
Увядшим вдовам женихов отыщет!
Разъеденная язвами блудница,
Та, от которой даже сами стены
Больничные бы отшатнулись, — станет

Цветущей, свежей и благоуханной,
Как майский день. Металл проклятый, прочь!
Ты, шлюха человечества, причина
Вражды людской и войн кровопролитных,
Лежи в земле, в своем законном месте!
Я вновь тебя зарюю глубоко.

Доносятся звуки военного марша.

Что это, барабан? — А, ты живуче,
Но все же я похороню тебя!
Ступай обратно, вор, не соблазняй
Хранителей своих. Постой! Возьму
Немного я себе на всякий случай.

(Берет часть золота.)

Под звуки барабанов и труб входит вооруженный Алкивиад;
с ним Фрина и Тимандра.

А л к и в и а д

Ты кто такой?

Т и м о н

Животное, как ты!
Пускай твое изгложет сердце язва
За то, что снова человеческий облик
Ты мне явил.

А л к и в и а д

Но кто ты? Отчего
Ты, человек, не терпишь так людей?

Т и м о н

Я мизантроп; людей я ненавижу.
Вот будь ты псом, я мог бы хоть немного
Тебя любить.

А л к и в и а д

А, понял я, кто ты!
Но что с тобою — я понять не в силах.

Т и м о н

Ты тоже мне знаком. Но больше знать,
Чем это, — не хочу. Ступай же вслед
За барабаном и людскою кровью
Окрашивай все ярче, ярче землю.
Закон богов и суд людской жестокости, —
Так чем же быть тогда должна война?

(Замечает Фрину.)

А девка эта может погубить
Людей куда побольше, чем твой меч,
Хоть вид у ней и ангельский.

Ф р и н а

Пусть губы

Твои сгниют!

Т и м о н

Я целовать тебя

Не стану, значит, на твоих губах
Останется вся гниль.

А л к и в и а д

Но как ты мог
Так измениться, доблестный Тимон?

Т и м о н

Да так же, как луна, когда нет света,
Который отражать она могла бы.
Но, как луна, светить я неспособен —
Нет солнца у меня, чтоб свет занять.

А л к и в и а д

Достойнейший Тимон, чем я могу
Помочь тебе?

Т и м о н

Упрочь мой взгляд на мир.

А л к и в и а д

О бедствиях твоих я много слышал.

Т и м о н

Ты видел их, когда я процветал.

А л к и в и а д

Я вижу их теперь. То было время
Блаженное.

Т и м о н

Как ныне у тебя,
Со сворой шлюх.

Т и м а н д р а

Так это он и есть?
Краса Афин, которого весь мир
Превозносил?

Т и м о н

А ты Тимандра?

Т и м а н д р а

Да.

Т и м о н

Останься же распутницей до смерти.
Ведь те, кто спят с тобой, тебя не любят;
Они несут к тебе одну лишь похоть,
А ты болезни им дари взамен.
Часы распутства с выгодой используй,
Готовь клиентов для больниц; юнцов
Гони к врачам, сажай их на диету!

Т и м а н д р а

Чудовище, да ты петли достоин!

А л к и в и а д

Прости ему, любезная Тимандра,
Его рассудок беды помутили.—
Тимон достойный, очень мало денег
Осталось у меня, и каждый день
Бунтуют потому мои солдаты.
Мне горько было слышать, что Афины,
Презрев твои великие заслуги,
Когда враги на них войною шли,
Забыв, как ты отчизну выручал
Своим богатством и своим мечом...

Т и м о н

Ударь в свой барабан и будь любезен —
Проваливай отсюда!

А л к и в и а д

Я твой друг.
Мне жаль тебя, мой дорогой Тимон.

Т и м о н

Ах, жаль? Так не лишай меня покоя,
Хочу я быть один.

А л к и в и а д

Ну что ж, прощай.
Вот золото; возьми себе немного.

Т и м о н

Не надо мне. Оно ведь несъедобно.

А л к и в и а д

Когда в развалины я обращаю
Надменные Афины...

Т и м о н

Ты идешь

Войною на Афины?

А л к и в и а д

Да, Тимон,

И у меня на это есть причина.

Т и м о н

Пусть боги их убьют твоей победой,
А после них — тебя.

А л к и в и а д

Меня? За что?

Т и м о н

За то, что, убивая негодяев,
Ты был рожден мой город победить.
Спрячь эти деньги. Подойди сюда.
Вот золото, бери его; ступай
И действуй, как чума, что возникает

Под гибельным влиянием планет,
Когда Юпитер наполняет воздух
Отравой над городом преступным.
Пусть меч твой не минует никого!
Увидев старца с бородой седой,
Пощады не давай: он ростовщик!
Бей насмерть лицемерную матрону:
На вид она честна, на деле — сводня.
Пусть слезы девственниц не притупят
Твой меч: их грудям белизны молочной,
Из-за своих решетчатых окошек
К себе влекущим взоры всех мужчин,
Нет места в книге состраданья, ибо
Предательством налитаны они.
Малюток не щади — улыбки их
И ямочки глупцов лишь умиляют.
Ублюдки эти родились на свет,
Как встарь вещал двусмысленный оракул,
Чтобы тебя со временем прирезать.
Кроши их! Бей! Забудь о милосердье,
Надень на уши и глаза броню,
Чтоб сквозь нее не проходили слезы
Грудных младенцев, дев и матерей.
Пусть не разжалобит тебя и вид
Слуг алтаря в священном облачении,
Лежащих пред тобою в луже крови.
Вот золото, плати своим солдатам.

Все истреби! А утолив свой гнев,
Погибни сам. Ни слова! Убирайся!

А л к и в и а д

Так у тебя есть золото еще?
Возьму его, но твой совет отвергну.

Т и м о н

Отвергнешь или нет — будь проклят небом!

Ф р и н а и Т и м а н д р а

Дай, дай и нам! И нам, Тимон любезный!
Осталось у тебя еще?

Т и м о н

Да, хватит,
Чтобы заставить шлюху отказаться
От ремесла позорного ее,
А сводню отступить от блудниц.
Вот золото, держите, потаскушки,
Подолы подставляйте! Бесполезно
С вас клятвы брать; не сдержите вы их,
Хоть клясться вы готовы бесконечно,
Ужасно клясться, так, что в небесах
Бессмертные, внимающие вам,
Дрожать, как в лихорадке, начинают.
Не надо клятв. Достаточно с меня,

Что шлюхи вы, и оставайтесь ими;
А если кто благочестивой речью
Наставить вас задумает, — втяните
Его в разврат, зажгите, возбуждайте;
Пусть ваш огонь осилит дым его,
Но только не поддайтесь уговорам.
За этот труд шесть месяцев в году
Трудитесь над собою. На макушки,
Облезшие от блуда, нацепляйте
Волос фальшивых клочья — ничего,
Что срезаны они у мертвецов,
А может, у повешенных, не важно,
Носите их, дурачьте простофиль
И вновь блудите. Красьте лица гуще,
Чтоб лошади на ваших щечках вязли.
К чертям морщины!

Ф р и н а и Т и м а н д р а

Ладно, мы согласны!
Давай побольше. Что еще? За деньги
Готовы мы на все.

Т и м о н

Болезни сейте
В трухлявые тела мужчин, чтоб их
Бессилие и немощь одолели.
Пускай начнет гнусавить адвокат,

Визгливый плут, защитник темных дел.
Слуг алтаря, что плотские утехи,
Самим себе не веря, осуждают,
Заразой наделяйте. Разрушайте,
Проваливайте до костей носы
У тех, кто, чуя личный интерес,
Лишен чутья к общественному благу.
Плешивьте негодяев завитых,
Вредите с беспощадностью жестокой
Войною пощаженным хвастунам.
Всех заражайте! Иссушить старайтесь
Источники людского плодородья!
Вот золото еще — губите всех
И погибайте сами. Пусть могилой
Послужит вам вонючая канава.

Ф р и н а и Т и м а н д р а

Давай, давай нам, щедрый муж, советы
И золота еще.

Т и м о н

Нет, вы сперва
Явите больше зла и непотребства;
Задаток дан вам.

А л к и в и а д

Бейте в барабаны,

И — на Афины! Ну, прощай, Тимон!
Приду к тебе, коль ждет меня удача.

Т и м о н

А если не увидимся с тобой,
То это я сочту своей удачей.

А л к и в и а д

Ведь зла тебе не делал я.

Т и м о н

Нет, делал,
Хваля меня.

А л к и в и а д

Ты это злом зовешь?

Т и м о н

Да, опыт мой об этом говорит,
Проваливай и забирай всю свору.

А л к и в и а д

Мы только злим его! Бей в барабан!

Бьют барабаны. Алкивиад, Фрина и Тимандра уходят.

Т и м о н

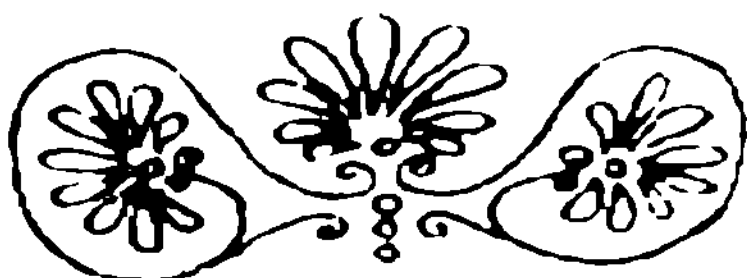
Не удивительно ль, что человек,

Пресытившийся злобою людскою,
Еще способен голод ощущать!

(Копает землю.)

О ты, природа, мать всего живого,
Ты, чье неисчерпаемое чрево
И грудь неистощимая рождают
И кормят все живое на земле,
Родишь ты из материи одной
И своего надменного ребенка —
Тщеславного, пустого человека,
И черных жаб и ящериц блестящих,
И злых слепых червей и синих змей,
И все, что есть мерзейшего под небом,
Огнем Гипериона озаренным.
Даруй же ненавистнику людей
Из глубины твоей неизмеримой
Один ничтожный корень. Искуши
Утробу плодородную твою,
И пусть она на свет не производит
Людей неблагодарных. Жизнь давай
Волкам, драконам, тиграм, львам, медведям
И чудищам, которых небосвод
Наш мраморный не видел! Вот он, корень!
Земля, спасибо! Засухой спали
Все виноградники, поля, луга,
Изодранные плугом человека,
Где он, неблагодарнейший, находит

Обилье яств, пьянящие напитки,
Что грязью светлый ум его пятнают,
Вконец лишая сердца и рассудка.

Входит А п е м а н т.

Опять здесь человек. Чума! Чума!

А п е м а н т

Меня сюда послали. Ходят слухи,
Что стал ты жить и поступать, как я.

Т и м о н

Да, потому что ты не держишь пса,
Который был бы для меня примером.
Чтоб ты издох!

А п е м а н т

Ну, это напускное!
Ты впал в постыдно жалкое унынье,
Рожденное превратностью судьбы.
К чему тебе пещера? Заступ этот?
И мрачный вид? И рабская одежда?
Твои льстецы в шелках спокойно ходят,
И пьют вино, и спят на мягком ложе,
Вдыхая ароматы благовоний;
Они давно забыли, что на свете
Когда-то жил Тимон. Срамишь ты лес,
Разыгрывая роль врага людского.

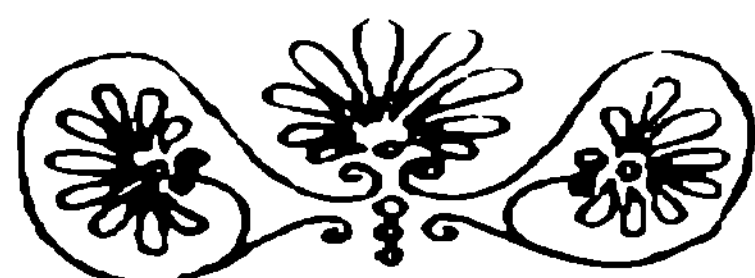
Стань сам льстецом и преуспеть старайся
В том, что тебя сгубило! Гни колени;
Пусть каждый вздох владыки твоего
С тебя долой срывает тотчас шапку;
Хвали его гнуснейшие пороки,
Превозноси их. Ведь с тобою тоже
Так делали, а ты, развесив уши,
Бывало, как трактирщик, зазывал
Всех шедших мимо негодяев в гости:
Так есть резон, чтобы и сам ты стал
Мошенником; разбогатеешь снова
И снова все мошенникам раздашь.
А на меня похожим быть не думай.

Т и м о н

Похожим на тебя? Тогда б отверг
Я сам себя.

А п е м а н т

Ты сам себя отверг,
Еще когда ты был самым собою.
Ты долгосумасбродствовал, а ныне
Стал дураком совсем. Ты полагаешь,
Что шумный твой слуга холодный ветер
Тебе рубашку станет согревать
Иль что к тебе в пажы наймутся эти
Деревья, пережившие орлов,

И будут бегать за тобою? Разве
Ручей холодный, подслащенный льдом,
Заменит освежающий напиток,
Что глушит после кутежей ночных
Поганый вкус во рту? Зови к себе
Всех, кто живет нагими и без крова,
Сопротивляясь грозным небесам;
Кто вынужден сносить борьбу стихий,
Но остается верным лишь природе, —
Вели им льстить тебе, и ты увидишь...

Т и м о н

Что ты дурак. Проваливай.

А п е м а н т

Таким

Ты нравишься мне более, чем прежде.

Т и м о н

А ты теперь мне более противен.

А п е м а н т

Но чем же?

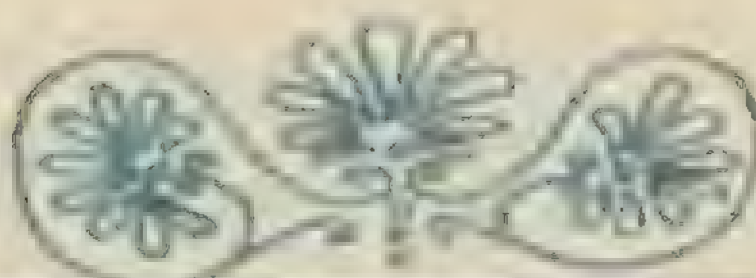
Т и м о н

Льстишь ты нищете.

Тимон и Алемант. Рисунок Джона Джильберта

А п е м а н т

Неправда,

Я просто говорю: ты — трус.

Т и м о н

Зачем

Ты отыскал меня?

А п е м а н т

Чтоб побесить.

Т и м о н

Забава подлецов и дураков.

Ты в этом удовольствии находишь?

А п е м а н т

Да, нахожу.

Т и м о н

Что? Так и ты подлец?

А п е м а н т

**Когда бы жизнь суровую ты выбрал,
Чтоб гордый нрав смирить, сказал бы я:
Весьма похвально это. Но ведь ты
Так не по доброй воле поступил.**

Не будь ты нищим — вновь бы стал вельможей.
Желанная нужда переживает
Непрочный блеск богатства и всегда
Награждена бывает. Если полным
Довольство не бывает никогда,
То нищета довольствуется малым.
Мучительно богатство без довольства,
И хуже во сто раз, чем нищета,
Довольная собою. Ты столь жалок,
Что можешь только смерти пожелать...

Т и м о н

...Но по иной причине, чем считает
Тот, кто еще ничтожнее меня.
Да где тебе понять, несчастный раб!
Тебя Фортуна ласковой рукой
С любовью никогда не обнимала,
А била как собаку. Если б ты,
Подобно мне, поднялся с детских лет
По всем ступеням наслажденья жизнью,
Командуя толпою слуг покорных, —
Ты с головой в разврате бы увяз,
В постелях шлюх растрачивая юность,
И ледяному голосу рассудка
Не стал бы ты внимать, а рвался б жадно
К желанному куску. Но для меня
Вселенная кондитерской являлась:

Так много языков, сердец и глаз
И уст служили мне, что я не знал
Куда девать их; был покрыт я ими,
Как дуб — листвою; но дунул зимний ветер, —
И листья разлетелись. Одинокий,
Нагой оставлен я на волю бурь;
И на меня, кто ведал лишь добро,
Легло все это бременем тяжелым.
Но ты — ты начал жизнь свою с лишений
И закалился в них. Так почему же
Людей ты ненавидишь? Ведь тебе
Они не льстили. Что давал ты им?
Коль хочешь проклинять, так прокляни
Ты своего отца за то, что он,
Оборвыш грязный, в час дурной сошелся
С какой-то попрошайкой и тебя,
Наследственную голь, соорудил.
Прочь! Не родись ты худшим из людей,
Ты тоже был бы плутом и льстецом!

А п е м а н т

А ты до сих пор гордишься?

Т и м о н

Да,

Горжусь, что я — не ты.

А п е м а н т

А я горжусь,
Что не был расточителем.

Т и м о н

А я —
Что им остался. Будь в тебе одном
Мое богатство все, я и тогда
Повеситься тебе велел бы! Прочь!

(Ест корень.)

Ах, если б в нем была заключена
Вся жизнь Афин,— ее бы я сожрал.

А п е м а н т

(протягивая ему другой корень)

Возьми, хочу я пир украсить твой.

Т и м о н

Ты общество мое сперва укрась
Своим уходом.

А п е м а н т

Лучше я украшу
Свое — твоим отсутствием.

Т и м о н

Нет, так

Его ты не украсишь, а испортишь,
Не то я сам бы этого хотел.

А п е м а н т

Чего же ты Афинам пожелаешь?

Т и м о н

Чтоб вихрем буйным ты по ним пронесся.
А хочешь — передай, что у меня
Есть золото. Ты видишь — вот оно.

А п е м а н т

Какой же смысл в нем здесь?

Т и м о н

Большой и важный.
Оно тут спит и злу не служит.

А п е м а н т

Где же
Ты ночью спишь?

Т и м о н

Под тем, что надо мной.
Где кормишься ты днем?

А п е м а н т

Где вижу пищу.

Т и м о н

Ах, если б яд был веществом послушным...

А п е м а н т

Куда бы ты его послал, Тимон?

Т и м о н

Твою еду приправить, Апемант.

А п е м а н т. Ты в жизни никогда не знал золотой середины, тебе ведомы лишь крайности. Когда ты ходил в надушенных, расшитых золотом одеждах, люди смеялись над твоей чрезмерной изысканностью. В лохмотьях ты потерял ее — и теперь тебя презирают за ее отсутствие. Вот возьми кизил, съешь его.

Т и м о н. Я не ем того, чего терпеть не могу.

А п е м а н т. Терпеть не можешь кизила?

Т и м о н. Да, он такой же кислый, как ты.

А п е м а н т. Вот если бы ты раньше терпеть не мог кислых льстецов, теперь ты куда больше любил бы себя. Приходилось тебе когда-нибудь видеть расточителя, которого бы любили после того, как он лишился состояния?

Т и м о н. А видал ты когда-нибудь, чтобы любили человека, не имеющего состояния, о котором ты говоришь?

А п е м а н т. Я такой человек.

Т и м о н. Я понимаю тебя; ты имел средства держать собаку.

А п е м а н т. Как ты полагаешь, кто больше всех на свете похож на твоих льстецов?

Т и м о н. Женщины. Но мужчины, мужчины — это сама лесть. Что бы ты сделал с миром, Апемант, если бы он находился в твоей власти?

А п е м а н т. Отдал бы его диким зверям, чтобы освободить от людей.

Т и м о н. И ты согласился бы закончить свое человеческое существование вместе с остальными людьми и остался бы зверем среди зверей?

А п е м а н т. Да, Тимон.

Т и м о н. Вот животное честолюбие! Да помогут тебе боги достичь цели! Был бы ты львом, лиса надула бы тебя; был бы ты ягненком, лиса съела бы тебя. Был бы ты лисой, лев заподозрил бы тебя, даже если бы обвинял тебя осел. Был бы ты ослом, глупость твоя угнетала бы тебя и жил бы ты для того, чтобы достаться на завтрак волку. Был бы волком, твоя прожорливость мучила бы тебя и ты бы рисковал своей жизнью ради обеда. Был бы ты единорогом, тебя погубили бы гордость и бешенство и ты бы сделался жертвой собственной ярости. Был бы медведем, тебя убил бы конь или сцапал леопард. Был бы леопардом, ты бы находился в кровном родстве со львом, и пятна этого родства вынесли бы приговор твоей жизни. Безопасность твоя заключалась бы в перемене места, защита — в бегстве. Каким животным можешь ты стать, не подчинившись другому животному? И каким животным ты уже стал, что не видишь, как проиграешь от такого превращения?

А п е м а н т. Если бы ты захотел доставить мне удовольствие своей беседой, то мог бы это сделать именно теперь! Афины превратились в лес, полный зверей.

Т и м о н. Каким образом удалось ослу проломить стену, что ты вдруг очутился за городом?

А п е м а н т. Сюда идут поэт и живописец. Пусть их общество поразит тебя чумой! Я боюсь заразиться и лучше уйду. Когда мне больше нечего будет делать, я снова заверну к тебе.

Т и м о н. Когда окажешься последним человеком на свете, милости просим. Я бы скорей согласился быть собакой нищего, чем Апемантом.

А п е м а н т

Всем дуракам дурак!

Т и м о н

Жаль, не настолько
Ты чист, чтоб мог я плюнуть на тебя.

А п е м а н т

Ты слишком гнусен даже для проклятий,
Чума тебя возьми!

Т и м о н

Любой мерзавец
В сравнении с тобою — чистый голубь.

А п е м а н т

Нет злей заразы, чем твои слова.

Т и м о н

Едва лишь я твое промолвлю имя,
Как порываюсь бить тебя, да руки
Мне страшно заразить.

А п е м а н т

Хотел бы я,
Чтобы они от слов моих отсохли.

Т и м о н

Вон! Уходи, отродье псов паршивых!
Я в бешенстве, что ты еще не сдох.
Меня тошнит от вида твоего!

А п е м а н т

Ах, чтоб ты лопнул!

Т и м о н

Прочь, наглец докучный!

(Бросает в него камень.)

Мне жаль и камень на тебя потратить.

А п е м а н т

Ты скот!

Т и м о н

Раб!

А п е м а н т

Гад!

Т и м о н

Подлец, подлец, подлец!

Алемант отходит в сторону.

**Я ненавижу этот лживый мир!
Ничто меня не привлекает в нем,
И даже то, что мне необходимо.
Итак, Тимон, готовь себе могилу,
Ты ляжешь там, где будет разлетаться
О камень гробовой морская пена,
И пусть в словах надгробных смерть твоя
Над жизнью человека посмеется.**

(Смотрит на золото.)

**О ты, приветливый цареубийца,
Орудье распри меж отцом и сыном!
О светоносный яркий осквернитель
Чистейшего супружеского ложа!
Отважный Марс! Ты, вечно юный, свежий,
Жених желанный, нежный и любимый,
Чей блеск растапливает снег священный,
Лежащий на коленях у Дианы.**

Ты, видимое нами божество,
Несовместимого соединитель,
Ты по любому поводу способно
На языке любом заговорить.
О испытатель душ, вообрази,
Что люди жалкие, твои рабы,
Вдруг взбунтовались! Силою своею
Смертельную вражду посея меж ними
И править миром предоставь зверям.

А п е м а н т
(выходя вперед)

Пусть будет так, но лишь когда умру я.
Пойду всем расскажу, что ты богат,
И тотчас же к тебе повалят толпы.

Т и м о н

Что? Толпы?

А п е м а н т
Да.

Т и м о н

Уйди, прошу тебя.

А п е м а н т
Живи и наслаждайся нищетою.

Т и м о н

**А ты живи, как жил. И так подохни!
Теперь мы квиты.**

Алемант уходит.

**Снова появились
Подобия людей? Ешь, ешь, Тимон,
И проклинай их всех!**

Входят разбойники.

Первый разбойник. Откуда у него может быть золото? Наверно, крохи какие-нибудь, какой-нибудь жалкий остаточек прежнего. Он и в меланхолию-то впал из-за того, что золота у него не стало и друзья отвернулись.

Второй разбойник. Однако все в один голос твердят, что денег у него прорва.

Третий разбойник. Попробуем его повыспросить. Ежели он золотом не дорожит, так и отдаст без разговоров. А вот как это золото получить, ежели он жадничать начнет?

Второй разбойник. Правильно! Золото у него наверняка припрятано, не носит же он его с собой.

Первый разбойник. Не он ли это?

Все. Где?

Второй разбойник. По описанию похоже, что он.

Все. Здравствуй, Тимон.

Т и м о н

Чего вам нужно, воры?

В с е

**Мы солдаты,
Не воры.**

Т и м о н

**Вы и воры, и солдаты,
И женщин сыновья.**

В с е

**Нет, мы не воры,
А люди, ныне впавшие в нужду.**

Т и м о н

**У вас одна нужда — еды побольше.
Так вот смотрите — есть в земле коренья,
Сто родников на протяжении мили,
Дубы, увешанные желудями,
Шиповника пурпурные плоды.
Природа вам, как щедрая хозяйка,
На всех кустах готовит сытный стол.
Нужда? Что за нужда?**

П е р в ы й р а з б о й н и к

**Но мы не можем
Травой, плодами и водой питаться,
Как птицы, звери, рыбы.**

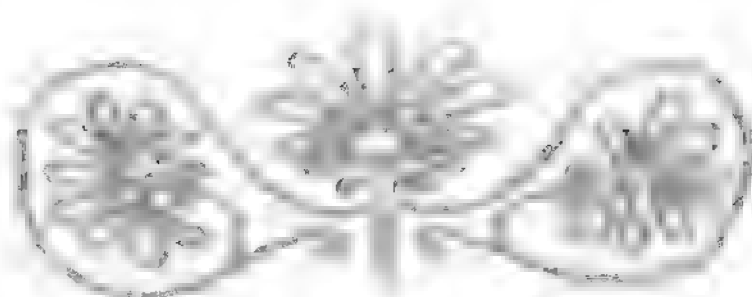
Т и м о н

Или есть

Самих зверей, и птиц, и рыб? Я знаю —
Должны вы есть людей. Но все ж спасибо
За то, что вы воруете открыто,
Личиною святош пренебрегая,
Хотя у нас в особенном почете
Прикрытое законом воровство.
Ну, подлые мошенники и воры,

Храм Геры в Пестуме

Берите — вот вам золото. Сосите
Кровь пьяную из виноградных лоз,
Пока горячка вашу кровь не вспенит,
Тем самым вас избавив от петли.
Врачам не верьте: их лекарства — яд.
На их счету смертей гораздо больше,
Чем краж — на вашем. Вот, берите деньги,
А с ними — человеческие жизни.
Свершайте преступления, свершайте;
Ведь это ваше ремесло. Мы видим
Примеры грабежей повсюду. Солнце —
Первейший вор, и океан безбрежный
Обкрадывает силой притяженья.
Луна — нахалка и воровка тоже:
Свой бледный свет крадет она у солнца.
И океан ворует: растворяя
Луну в потоке слез своих соленых,
Он жидкостью питается ее.
Земля — такой же вор: она родит
И кормит тем навозом, что крадет
Из испражнений скотских и людских.
Все в мире — вор! Закон — узда и бич
Для вам подобных — грабит без опаски
В циническом могуществе своем.
Прочь! Грабьте же друг друга, ненавидьте
Самих себя. Вот золото еще:
Берите, режьте глотки без разбору.

Все воры, с кем бы вы ни повстречались.
Скорей в Афины! Взламывайте лавки;
Вы грабите грабителей. Смотрите
Не станьте только меньше воровать
Из-за того, что золото вам дал я.
Пусть вас оно в конце концов погубит.
Аминь!

(Уходит в пещеру.)

Т р е т и й р а з б о й н и к. Он чуть не убедил меня бросить
мое ремесло, хоть и уговаривал заниматься им.

П е р в ы й р а з б о й н и к. Да ведь эти советы он давал
нам из ненависти к человечеству. А до наших тайных занятий
ему дела нет.

В т о р о й р а з б о й н и к. Я поверю ему, как врачу, и бро-
шу свое ремесло.

П е р в ы й р а з б о й н и к. Давайте прежде дождемся ми-
ра в Афинах. Человек может стать честным в любое, самое
скверное время.

Уходят.

Входит Ф л а в и й.

Ф л а в и й

О боги! Неужели этот жалкий,
Несчастный человек — хозяин мой?
Как низко пал он! Памятник чудесный
Прекрасных дел, поставленный так дурно!
Как изменила страшная нужда

Его когда-то благородный облик!
О, кто гнуснее может быть, чем тот,
Кто друга в бездну горя низведет?
Так диво ль, что врага мы предпочтем
Друзьям, коль верить им нельзя ни в чем?
По мне, открытый недоброжелатель
Достойнее, чем лживый прихлебатель
Меня заметил он... Всю скорбь сейчас
Я изолью ему. Он господин мой,
И я хочу служить ему, как прежде.

Т и м о н выходит из пещеры.

Мой дорогой хозяин!

Т и м о н

Прочь! Ты кто?

Ф л а в и й

Как! Вы меня забыли?

Т и м о н

Для чего

Такой вопрос? Я всех людей забыл,
Ты человек, — так и тебя забыл я.

Ф л а в и й

Я бедный, честный ваш слуга.

Т и м о н

Ну, значит,
Ты мне неведом... Честных я не знаю.
Вокруг меня все были негодяи,
Служившие мерзавцам за столом.

Ф л а в и й

О, видят боги, ни один служитель
Так не скорбел о доле господина,
Как я скорблю.

Т и м о н

Что вижу я? Ты плачешь?
Тогда приблизься. Ты мне полюбился
За то, что стал ты женщиной, нарушив
Обычай мужчин с железным сердцем,
Что плачут лишь от похоти и смеха:
В них жалость спит... Перевернулся свет!
От смеха плачем мы, от горя — нет.

Ф л а в и й

Признайте же меня, мой господин!
Поверьте скорби искренней! Позвольте,
Слугой у вас останусь я, покамест
Не исчерпаю скудных средств своих.

Т и м о н

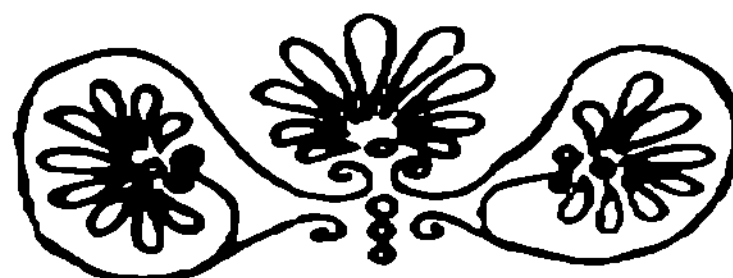
Как! У меня такой служитель был?

Участливый, честнейший, верный?... Тронул
Ты душу одичавшую мою.
Дай поглядеть в твое лицо. Бесспорно,
Он женщиной рожден!— Простите мне
Поспешность, боги мудрые, с которой
Я осудил весь мир без исключения!
Есть честный человек, я признаю,
Но лишь один — не ошибитесь, боги,—
Единственный! И тот — всего слуга.—
О, как хотел я всех возненавидеть!
Но ты, ты выкупил себя. Пусть так.
Кроме тебя, я проклиная всех!
Однако ты не столь умен, как честен:
Предав меня, ты мог бы вмиг найти
Другую службу; часто ведь въезжают
В дома вторых господ на шее первых.
Скажи по правде — ибо сомневаться
Я должен и тогда, когда все ясно,—
Что кроется под верностью твоей?
Не алчность? Не корысть? Не лихоимство?
Не схоже ль это с даром богача,
Который, принося подарок, хочет
Взамен раз в двадцать больше получить?

Ф л а в и й

Нет, дорогой хозяин! Слишком поздно
Проникли в ваше сердце подозрения.

Ах, если бы они явились прежде,
В дни пиршеств! Но пришли они, увы,
Тогда, когда уж обнищали вы.
Нет, мне велит так совесть поступить,
Привязанность к вам, долг мой и любовь
К душе добрейшей, несравненной вашей.
Мне хочется заботиться о вас,
О вашей пище, о жилье... Поверьте,
Высокочтимейший мой господин,
Всю выгоду, которая меня
Ждала бы в будущем иль настоящем,
Я променял бы с радостью на то,
Чтоб к вам вернулись слава и богатство,
Вот лучшая награда мне была бы.

Т и м о н

Так и случилось! Честный человек,
Единственный на свете, вот, возьми!
От нищеты моей послали боги
Сокровище тебе. Иди, будь счастлив.
Тебе я ставлю лишь одно условие:
Прочь от людей! Всех в мире ненавидь,
Всех проклинай! Забудь о сострадании,
И, прежде чем ты нищему подашь,
Пусть мясо у него сойдет с костей
От голода; бросай собакам то,
В чем ты откажешь человеку. Пусть

Людей поглотят тюрьмы! Пусть долги
Их превратят в ничто, смешают с грязью!
О род людской, стань лесом иссушенным!
Пускай недуги людям смерть несут
И кровь их вместе с ложью иссосут!
Прощай, желаю счастья.

Ф л а в и й

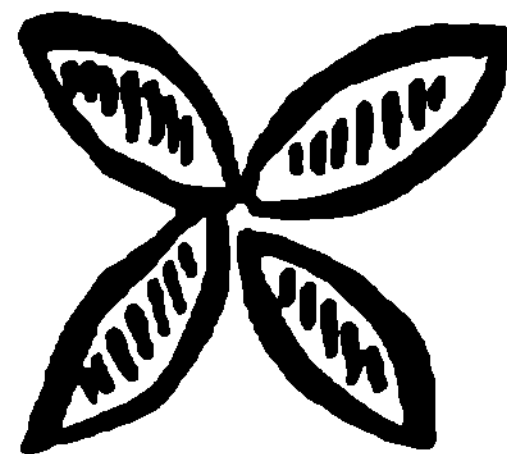
О, позвольте
Остаться здесь и утешать вас!

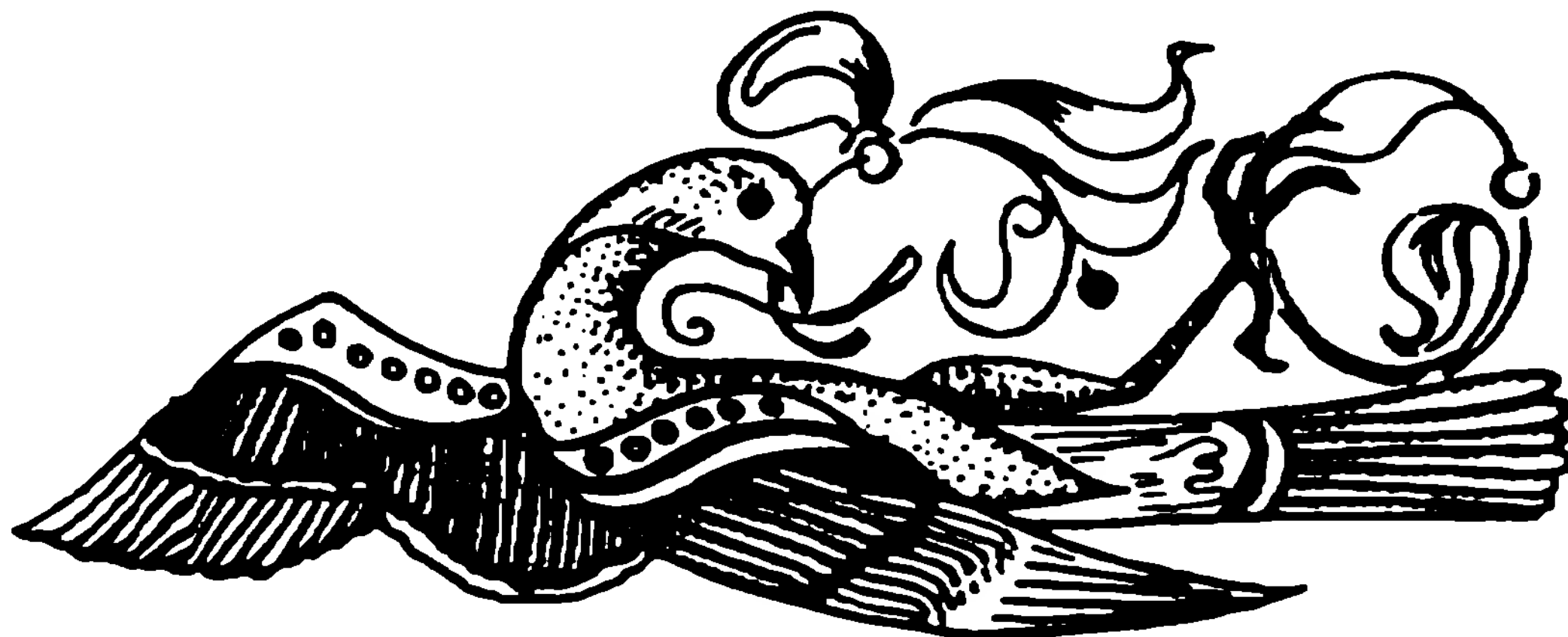
Т и м о н

Если

Проклятья ты не любишь, удались.
Дай бог, чтоб ты избавлен был судьбой
От встреч с людьми, а я — от встреч с тобой!

Уходят в разные стороны.

АКТ V

Сцена 1

Лес. Перед пещерой Тимона.

Входят поэт и живописец. Тимон наблюдает за ними из пещеры.

Живописец. Судя по описанию, жилище его должно быть где-то поблизости.

Поэт. Не знаю, чему и верить. Правду ли говорят, что у него так много золота?

Живописец. Несомненно. Алкивиад рассказывает об этом; Фрина и Тимандра получили от него золото, а кроме того, он обогатил бедных бездомных солдат. Говорят, что он дал крупную сумму своему управителю.

Поэт. Значит, его разорение было придумано, чтобы испытать друзей?

Живописец. И ни для чего другого. Вот увидите, он снова появится в Афинах и расцветет, подобно пальме. А по-сему недурно уверить его в нашей любви, невзирая на его мнимое несчастье. Этим мы докажем свою честность, и, весьма возможно, старания наши будут вознаграждены, если слухи о его богатстве справедливы.

Поэт. Что вы собираетесь преподнести ему?

Живописец. На этот раз ничего, кроме моего посещения. Я лишь пообещаю ему великолепную картину.

Поэт. Я поступлю так же; скажу, что собираюсь написать о нем поэму.

Живописец. Лучше не придумашь! Обещания как раз в духе нашего времени. Они открывают глаза ожиданию. А вот выполнять их уже скучнее, и, надо сказать, никто этим не занимается, за исключением людей простых и ограниченных. Давать обещания — занятие приятное и модное; выполнять обещания — все равно что составлять духовную; это говорит о тяжелом заболевании составителя.

Тимон выходит из пещеры.

Тимон (в сторону). Превосходный живописец! Тебе не нарисовать человека гнуснее, чем ты сам.

Поэт. Сейчас придумаю, что бы такое пообещать ему. Поэма должна олицетворять его самого и быть сатирой на мягкость людей состоятельных; должна обличать льстецов, следующих по пятам молодости и богатства.

Тимон (в сторону). Ты хочешь предстать негодяем в своем собственном произведении? Хочешь бичевать в других свои собственные пороки? Хорошо, поступай так! У меня есть золото для тебя.

Поэт

Нет, поскорей пойдем искать его.

Ведь упустив из рук своих барыш,
Ты своему карману сам вредишь.

Ж и в о п и с е ц

Да, верно.
Ищи того, что ты желаешь, днем,
При свете, а не в сумраке ночном.
Пошли.

Т и м о н
(в сторону)

Ну, погодите, я сейчас вас встречу!
О золото, какой ты бог могучий,
Коль даже в этом храме, что грязнее
Свиного хлева, молятся тебе!
Да, это ты морскую пену пашешь,
Ведешь суда, почтение внушаешь
К рабам презренным. Будь и дальше чтимо,
И пусть поглотит самый злой недуг
Твоих ретивых и покорных слуг.
Я встречу их!

(Выступает вперед.)

П о э т

Достойнейший Тимон,
Недавний щедрый покровитель наш,
Приветствуем тебя.

Т и м о н

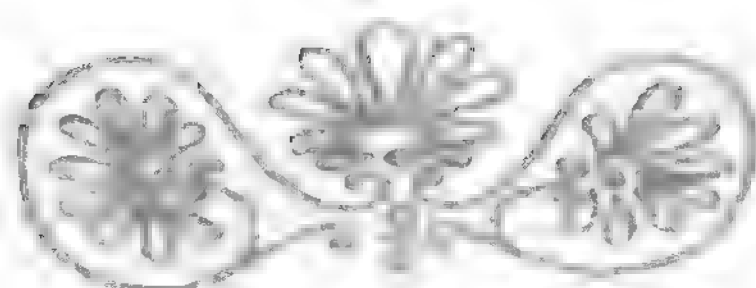
Возможно ль? Дожил
Я до того, что двух увидел честных?

П о э т

Вы столько сделали добра нам, сударь!
Узнали мы, что вы ушли от света,
Предательски покинутый друзьями.

Тимон в своей пещере. Рисунок Джона Джильберта

О люди, вы — сама неблагодарность!
Презренные натуры! Нет для вас
Достаточно суровой, тяжелой кары!
Как! Вас покинуть, вас, чье благородство,
Сияющее, как звезда, давало
Им все — и положение и жизнь!
Я возмущен, я не могу найти
Слова, в которые облечь возможно
Чудовищный объем измены этой.

Т и м о н

Не одевай, пускай нагою ходит;
Тем лучше люди разглядят ее.
Раз вы честны, такими и останьтесь,
Натуры прочих ярче оттенив.

Ж и в о п и с е ц

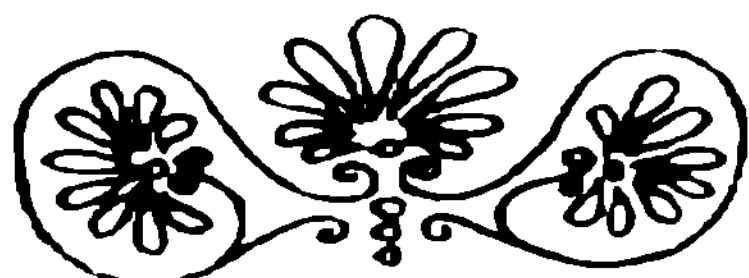
Он, как и я, мы шли дорогой жизни
Под благостным дождем твоих даров,
И признавали это.

Т и м о н

Да, честны вы!

П о э т

Пришли мы предложить свои услуги...

Т и м о н

**Честнейшие создания! Но как
Воздать мне вам? Едите вы коренья
И пьете ледяную воду? Нет.**

О б а

Для вас готовы мы на что угодно.

Т и м о н

**Вы, честные, прослышали, конечно,
Что у меня есть золото, не так ли?
Скажите правду, искренние люди!**

П о э т

**Есть слух такой, мой добрый покровитель,
Но я и друг мой не затем пришли.**

Т и м о н

Какие честные, прямые души!

(Живописцу.)

**А ты, наверно, лучше всех в Афинах
Обман рисуешь. Право, лучше всех.
Обман тебе дается.**

Ж и в о п и с е ц

Я стараюсь.

Т и м о н

Вот-вот, и я об этом говорю.

(Поэту.)

А что до выдумок твоих, поэт,
Изяществом и нежностью набиты
Твои стихотворенья. Ты, пожалуй,
Еще естественней в своем искусстве.
Но, честные друзья, сказать вам должен,
Что есть один порок у вас, — конечно,
Не столь уж он чудовищен, чтоб вы
Трудились исправляться.

О б а

А какой?

Скажите нам!

Т и м о н

Обидитесь, пожалуй.

О б а

Нет, будем благодарны...

Т и м о н

В самом деле?

О б а

Не сомневайтесь, сударь!

Т и м о н

Дело в том,
Что верите мошенникам вы оба,
Которые вас страшно надувают.

О б а

Ужели, сударь?

Т и м о н

Да, их ложь и фальшь
Вы слышите, и видите притворство,
И в грязные делишки их проникли,
Но все-таки они любимы вами;
Вы кормите их, преданы вы им,
Хотя, поверьте, это негодяи.

Ж и в о п и с е ц

Таких не знаю я...

П о э т

И я не знаю...

Т и м о н

Послушайте, я очень вас люблю
И золота вам дам, избавьтесь только
От этих подлецов. Повесьте их,
Зарежьте, утопите их в канаве,

Иль как-нибудь иначе изведите,
Потом ко мне явитесь. Я вам дам
Немало золота!

О б а

Но кто они?

Скажите имя.

Т и м о н

Если разойдетесь
Вы в разные концы, то все равно
Любой из вас останется вдвоем;
И стой отдельно каждый друг от друга,
Архиподлец с ним целое составит.

(Живописцу.)

Ты хочешь, чтобы там, где ты стоишь,
Двух негодяев не было, тогда
К нему не приближайся.

(Поэту.)

Хочешь ты,
Чтоб там, где ты находишься, стоял
Один мерзавец, — так покинь его!
Прочь! Сгиньте!

(Бьет их.)

Вот вам золото, мерзавцы!
За ним пришли вы? Для меня трудились?
Что ж, получайте плату! Ты — алхимик,

Так из побоев золото добудь.
Собаки подлые, злодеи! Вон!

(Прогоняет их и уходит в пещеру.)

Входят Флавий и два сенатора.

Ф л а в и й

Поверьте, говорить с ним безнадежно;
Так занят он собою, что ему
Противны все другие.

П е р в ы й с е н а т о р

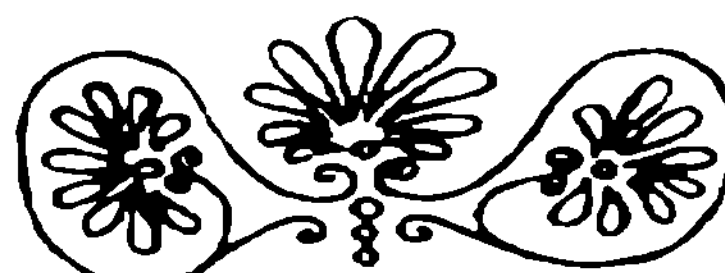
Проводи нас
В его пещеру, там уж будет видно.
Афинянам мы дали обещанье
Поговорить с ним.

В т о р о й с е н а т о р

Не всегда бывают
В одном и том же настроенье люди.
Его согнули горести и время;
Но то же время, щедро наградив
Его богатством, может все загладить.
Веди нас. Там посмотрим.

Ф л а в и й

Вот пещера,
Да будут в ней покой и мир.— Тимон!

Тимон! Поговори с друзьями. Выйди!
Виднейшие сенаторы Афин
Явились от лица своих сограждан
Приветствовать тебя. Поговори
С вельможами, достойнейший Тимон!

Т и м о н выходит из пещеры.

Т и м о н

Испепели их, нежащее солнце!

(Сенаторам.)

Ну, говорите, чтоб вам провалиться!
Пускай нарыв у вас на языке
За слово правды вскочит, а за ложь
Пусть целиком язык сгниет, и вы,
Беседуя, проглотите его.

П е р в ы й с е н а т о р

Тимон достойный...

Т и м о н

...Лишь таких, как вы,
Равно как и Тимона, вы достойны.

В т о р о й с е н а т о р

Тебе, Тимон, сенаторы Афин
Шлют свой привет.

Т и м о н

Я их благодарю.
Послал бы я чуму им в дар, когда бы
Сумел поймать ее для них.

П е р в ы й с е н а т о р

Забудь

То, в чем мы сами каемся теперь.
Сенаторы, явив единодушно
Свою любовь к тебе, покорно просят
В Афины возвратиться снова. Ждут
Высокие посты тебя и слава,
Не премини воспользоваться ими.

В т о р о й с е н а т о р

Признали мы, что ошибались грубо,
Забыв твои заслуги, и сенат,
Меняющий свои решения редко,
Но осознав, в конце концов, что значит
Твое отсутствие в Афинах, понял,
Что, в помощи Тимону отказав,
Обрек себя он этим на паденье.
Сенат послал нас объявить тебе
О горестном раскаянье своем
И ценную награду предложить,
Которая с избытком возместит

Все прежние тяжелые обиды.
Да, ждуг тебя такие груды денег,
Такой почет, что вычеркнут они
Обиды из души твоей и впишут
В нее слова любви, чтоб вечно ты
Читал их.

Т и м о н

Вы меня очаровали!
Я изумлен до слез! Что ж, если вы
Одолжите мне сердце дурака
И женские глаза, так я поплачу
От ваших слов, достойные вельможи.

П е р в ы й с е н а т о р

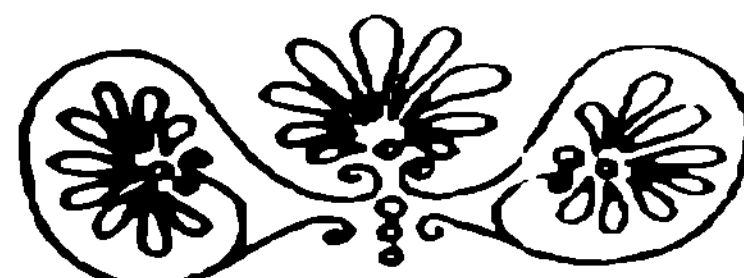
Будь милостив и с нами возвратись
В Афины — нашу и твою отчизну,
И стань правителем. Ты будешь встречен
Всеобщей радостью и облечен
Неограниченной и полной властью.
Вновь имя доброе твое начнет
Звучать в устах, как только мы дадим
Отпор свирепому Алкивиаду,
Который, вепрю дикому подобно,
С корнями злобно вырывает мир
В своей отчизне.

Второй сенатор
И афинским стенам
Своим мечом ужасным угрожает.

Первый сенатор
Поэтому, Тимон...

Тимон
Что ж, я готов...
И поступлю поэтому я так:
Коль он начнет крошить моих сограждан,
От имени Тимона передайте,
Что дела нет до этого Тимону!
А если он прекрасные Афины
Опустошит, почтенных наших старцев
За бороды таскать начнет, отдаст
Священных наших дев на поруганье
Войне безумной, зверской и жестокой,—
От имени Тимона передайте,
Что я, скорбя о старых и о юных,
Сказать ему могу лишь только то,
Что дела нет до этого Тимону.
Пусть дальше зло творит! Об их ножах
Заботиться не стоит вам, покуда
У вас хватает глоток для расправы.
Что до меня, то ножичек карманный
Во вражьем стане выше я ценю,

Чем самое почтеннейшее горло
Афинское. Вверяю вас защите
Богов благоволящих, точно так же
Как вверил бы тюремщику воров.

Ф л а в и й

Вы убедились сами, — все напрасно.
Ступайте же.

Т и м о н

Перед приходом вашим
Надгробную писал себе я надпись,
Ее увидят завтра. Наступает
Конец моим страданиям земным,
В богатстве и здоровье состоявшим.
Ничтожество сулит мне все на свете.
Ступайте! Попытайтесь жить. Пускай
Алкивиад чумою станет вам,
А вы — ему. Удастся жить — живите!

П е р в ы й с е н а т о р

Слова напрасно тратим мы.

Т и м о н

Но все же

Свою страну люблю я и не рад
Всеобщему крушенью, как об этом
Трубит молва.

Первый сенатор

Вот это речь другая.

Тимон

Привет моим любезным землякам!

Первый сенатор

Твои уста слова такие красят.

Второй сенатор

И в уши наши входят, как в ворота
Прославленный вошел бы триумфатор.

Тимон

Поклон мой всем. Скажите им, что я,
Желая их освободить от горя,
От боли, страха пред врагом, потерь,
От мук любви и прочих бед случайных,
Каким подвержен хрупкий челн природы
На трудном жизненном пути, — решил
Им добрую услугу оказать.
Я научу, как надо отвратить
Алкивиада яростную злобу.

Второй сенатор

Мне это нравится. Он к нам вернется.

Т и м о н

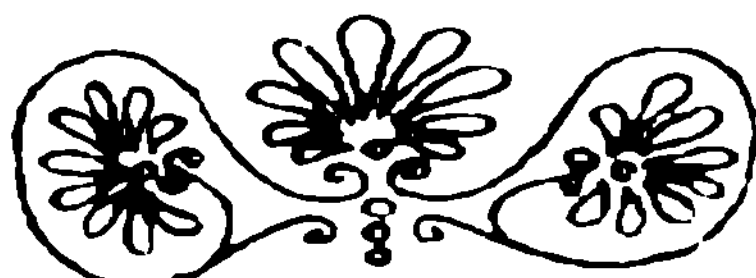
Есть дерево вблизи моей пещеры,
Его срубить я собираюсь вскоре,
Так передайте же моим друзьям,
Афинянам всех званий и сословий:
Кто ищет избавленья от страданий,
Пусть поспешит сюда, пока топор мой
Не уничтожил дерево, и пусть
Повесится на нем! Привет им всем!

Ф л а в и й

Не беспокойте же Тимона. Он
Останется таким же, как и был.

Т и м о н

Не приходите больше, но скажите
Афинянам, что вечное жилище
Воздвиг себе Тимон на берегу,
Который каждый день прилив соленый,
Шумя и пенясь, кроет. Приходите
Туда, и пусть надгробный камень мой
Послужит прорицаньем вам.— Уста,
Излив всю горечь, смолкните навек.
Пускай чума исправит зло! Пусть люди
При жизни создают одни гробы
И смерти, как награды лучшей, ждут.

Затмись, о солнце, больше не свети,
Конец приходит моему пути.

(Уходит в пещеру.)

Первый сенатор

Обида в нем срослась неотделимо
С душой.

Второй сенатор

Надежды наши на него
Все рухнули. Вернемся и посмотрим,
Какие меры могут нашу гибель
Предотвратить.

Первый сенатор

Да, медлить нам нельзя.

Уходят.

Сцена 2

У стен Афин.

Входят два сенатора и гонец.

Первый сенатор

Тяжелое открытье! В самом деле
Так многочисленны его войска,
Как ты сказал?

Г о н е ц

И даже больше. Если
Судить по быстроте передвиженья,
Они здесь будут очень скоро.

В т о р о й с е н а т о р

Гибель
Грозит нам, если не вернут Тимона.

Г о н е ц

Я встретил их гонца — он старый друг мой.
Хоть мы и во враждебных лагерях,
Но все ж приязнь осилила вражду,
И мы разговорились с ним. Его
Послал Алкивиад с письмом к Тимону,
Прося Тимона присоединиться
К походу на Афины, потому что
Тимон его причиной был отчасти.

. Входят с е н а т о р ы, ходившие к Тимону.

П е р в ы й с е н а т о р

Вот и собратья наши.

Т р е т и й с е н а т о р

О Тимоне

И речи быть не может; все пропало!

Уж слышен барабанный бой врага.
От страшного движенья вражьих войск
Пыль в воздухе столбом стоит. Скорей!
Пора отпор готовить им! Пойдем.
Враг победит, боюсь, и мы падем.

Уходят.

Сцена 3

Лес. Пещера Тимона. Неподалеку виднеется
надгробный камень.

Входит в о и н, разыскивающий Тимона.

В о и н

По описанью судя, это здесь.—
Эй, кто там? Отзовись! Эй!— Нет ответа.
Да что это? Тимон скончался? Верно,
Зверь растерзал его — людей тут нет.
Конечно, мертв он — вот его могила.
Есть надпись, да читать я не умею.
Не снять ли оттиск воском? Наш начальник
Все письма умеет разбирать,
Он опытен, хоть и не стар годами.
Наверно, осадил уж он Афины,
И цель его — их превратить в руины.

(Уходит.)

Сцена 4

Перед стенами Афин.

Трубы. Входит Алкивиад с войском.

А л к и в и а д

Трубите грозный наш приход Афинам,
Трусливым и развратным!

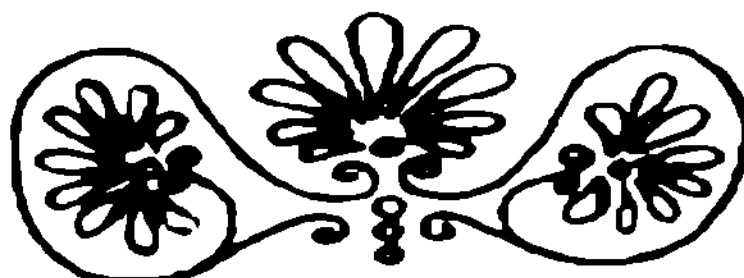
В Афинах трубят к переговорам. На стены всходят с е н а т о р ы.

До сих пор

Вы правили и произвол творили,
Мерилом справедливости считая
Лишь вашу волю. До сих пор и я
И те, кто спал под сенью вашей власти,
Скитались, руки опустив, и тщетно
Скорбь изливали. Но пришла пора —
Проснулась сокрушающая сила
В просителе и вырвалась наружу,
Крича: “Довольно!” Наступило время
Покорному страданию усесться
И отдыхать в удобных ваших креслах,
А наглости с набитым кошельком
Бежать и от испуга задохнуться.

П е р в ы й с е н а т о р

О молодой достойный вождь, когда
Ты месть еще лелеял только в мыслях

И силы не имел, а мы — причин
Тебя бояться, — мы к тебе являлись
Пролить бальзам на бешенство твое,
Стремясь неблагодарность нашу сгладить
Почтением, ее превосходящим.

Второй сенатор

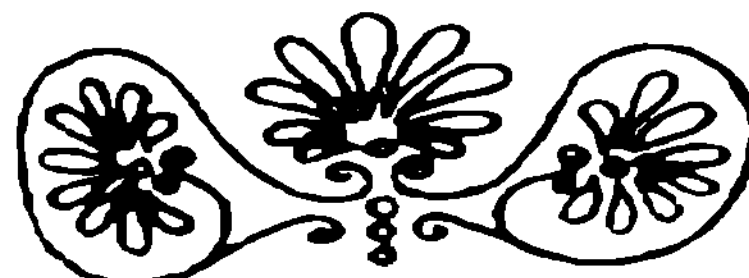
И мы старались также, как могли,
С Афинами Тимона примирить,
Послав к нему просителей покорных
И обещающа щедрые давая.
Не все неблагодарны мы, не все
Заслуживаем грозного удара.

Первый сенатор

Не те, кто эти стены воздвигал,
Тебе обиду в прошлом нанесли,
Да и не так уж велика она,
Чтоб эти стены, башни, школы пали.

Второй сенатор

Виновников изгнания твоего
Уж нет в живых! Позор поступка их
Разбил им сердце. Славный вождь, войди
Под сенью реющих знамен в наш город
И каждого десятого казни,
Коль месть твоя настолько жаждет пищи,

Которою гнушается природа.
Десятой долей удовлетворишь:
Того, кто вынет меченую кость,
Вели казнить.

Первый сенатор

Ты оскорблен не всеми.
Невинный за виновных не ответчик.
Ты должен знать, что не передаются
Проступки, словно земли, по наследству.
Итак, наш соотечественник славный,
Введи войска в наш город, но оставь
За стенами его свой лютый гнев.
Щади Афины — колыбель свою,
И тех людей, кого погубишь ты
С твоими оскорбителями вместе!
К своим стадам, как пастырь, подойди
И отбери животных зараженных,
Но всех не убивай.

Второй сенатор

Того, что хочешь,
Скорей достигнуть можешь ты улыбкой,
Чем прорубая путь мечом.

Первый сенатор

Ворот

Ногой коснешься ты, и пред тобою

Они откроются, когда вперед
Пошлешь ты сердце доброе сказать,
Что вступишь к нам как друг.

Второй сенатор

Брось нам перчатку

Или любую вещь в залог того,
Что ты использовать оружие хочешь
Затем лишь, чтобы получить возмездье,
А не губить нас. Пусть твои войска
Войдут к нам и стоят у нас, покуда
Мы всех твоих желаний не исполним.

Алкивиад

Да будет так! Вот вам моя перчатка.
Берите. Вниз спуститесь и откройте
Незащищенные ворота ваши.
Из всех врагов Тимона и моих
Падут лишь те, которых сами вы
Прикажете подвергнуть наказанью,—
И более никто. Чтоб вас вполне
В моих благих намереньях уверить,
Я объявляю: ни один солдат
Покинуть своего поста не смеет
Или нарушить жизни ход в Афинах;
Клянусь вам, что ослушник будет призван
К строжайшему ответу по закону.

Оба сенатора

Какие благородные слова!

Алкивиад

Спускайтесь и сдержите обещанье.

Входит воин.

Воин

**Начальник храбрый мой! Тимон скончался,
На берегу морском он похоронен.
Пусть эта надпись на его надгробье
И этот мягкий слепок восковой
Ответят за невежество мое.**

**Алкивиад
(читает)**

**“Здесь жалкое тело лежит, разлученное с жалкой душою.
Не все ли равно, кем я был. Порази всех вас, небо,
чумою!**

**Себя схоронил здесь Тимон, ненавидевший мир и людей.
Пройдя, прокляните его и ступайте дорогой своей”.**

**Мне ясно, что ты чувствовал пред смертью.
Хоть ты на скорбь людей смотрел с презреньем,
Пренебрегал потоком наших мыслей
И каплями скупыми слез людских,
Но мощный ум твой подсказал тебе,**

Как вынудить Нептуна самого
Неутомимо на твоей могиле
Оплакивать прощенные проступки.
Ты умер, благороднейший Тимон,
И мы тебя еще не раз помянем.
Ведите же меня в родной ваш город,
И я соединю свой меч с оливой.
Пускай война рождает мир, а мир,
Войну смирив, отныне будет свят.
Мир и война друг друга исцелят.
Бей, барабан!

Уходят.

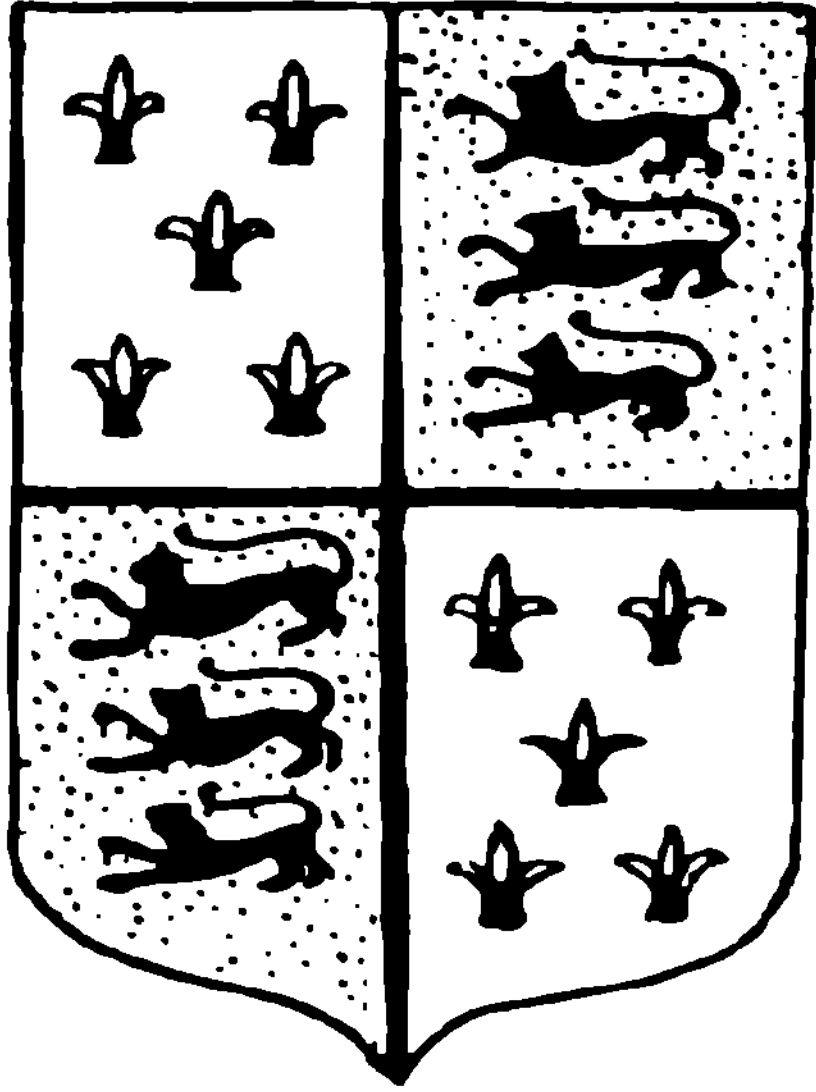
ШЕКСПИР

Перикл

трагедия в V актах

Перевод Т.Гнедич

Действующие лица

Антиох, царь Антиохийский.

Перикл, царь Тирский.

Геликан		тирские
Эскан		вельможи.

Симонид, царь Пентаполисский.

Клеон, правитель Тарса.

Лизимах, правитель Митилены.

Церимон, эфесский вельможа.

Тальярд, антиохийский вельможа.

Филемон, слуга Церимона.

Леонин, слуга Диониссы.

Маршал.

Сводник.

Засов, её слуга.

Дочь Антиоха.

Дионисса, жена Клеона.

Таиса, дочь Симонида.

Марина, дочь Перикла и Таисы.

Лихорида, кормилица Марины.

Сводня.

Диана		в качестве
Гауэр		хора.

Вельможи, рыцари, придворные, матросы, пираты,
рыбаки и гонцы.

Место действия — разные страны.

АКТ I

Перед дворцом Антиоха.

Входит Гауэр.

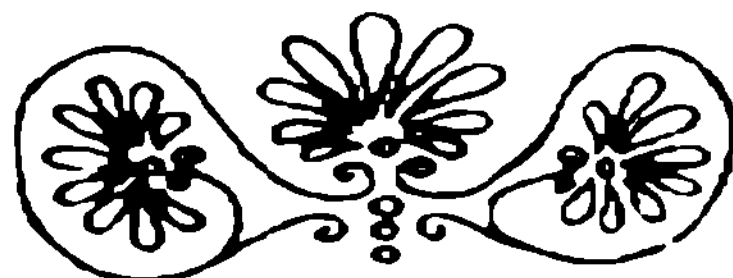
Гауэр

Из праха старый Гауэр сам,
Плоть обретя, явился к вам.
Он песню древности споет
И вас, наверно, развлечет.
Не раз и в пост, и в мясоед,
Под шум пиров или бесед
Та песня для вельмож и дам
Была приятна, как бальзам,
И озаряла их, как Гелиос,
*Et bonum quo antiquius, eo melius*¹.
Но если вам, чей ум живей,
Я, старец, песенкой своей
Могу понравиться сейчас —
Мне лестно позабавить вас.

¹ И благо чем старее, тем лучше. (*Лат.*)

Приятно жить мне, если вам
Я, как свеча, свой свет отдам.
Итак, теперь смотрите сами:
Антиохия перед вами.
Построил много лет назад
Царь Антиох сей пышный град,
Почти восьмое чудо света —
От древних я узнал про это.
Его супруга умерла,
Оставив дочь, а дочь была
Наделена красой небесной,
Столь небывалой и прелестной,
Что царь-отец, греховный пыл
К ней ощутив, ее склонил
На мерзкий грех кровосмешенья —
Погибель ей, отцу — презренье.
Свое дитя он вверг в разврат,
Позором грех такой клеймят.
Но грех царя забыли скоро,
И нет на нем клейма позора.
А внешность грешницы молодой
Неотразимой красотой
Отличных женихов немало
В Антиохию привлекала,
Желавших с нею в брак вступить
И ложе неги разделить.
Отец их запугать желал

ПЕРИКЛЪ.

Заглавная виньетка. Художник Джон Джильберт

И вот какой закон издал:
“Коль хочешь царским зятем стать,
Сумей загадку разгадать,
Не сможешь — к смерти будь готов!”
Погибло много женихов,
Принцессе предлагавших руку, —
Могилы их тому порукой.
Что дальше — будет видно вам:
Я все, что знаю, передам!

(Уходит.)

Сцена 1

Антиохия. Зал во дворце.

Входят Антиох, Перикл и свита.

Антиох

Итак, ты знаешь, юный Тирский царь,
Опасности, грозящие тебе.

Перикл

Да, Антиох. Но окрыляет душу
Мне дивная награда, и при мысли
О той награде — смерти не боюсь.

Антиох

Пусть дочь моя войдет в одеждах брачных,

Как если бы Юпитера объятьям
Она предназначалась. Ведь природа
Без ведома Луцины, ей на радость,
Взвела на небеса конклав планет,
Чтоб каждая высоким совершенством,
Ей свойственным, принцессу наградила.

Музыка.

Входит дочь Антиоха.

Перикл

Она идет! Прекрасна, как весна!
Все Грации покорны ей. Она
Все совершенства как бы совместила.
В ее лице, как в книге песнопений,
Читаю я одни восторги счастья.
Ни злой досаде, ни унылой скорби
Подругою она не может быть.—
О боги, сотворили вы меня
Мужчиной, наслаждающимся страстью,
Воспламенили вы в груди моей
Желание вкусить небесный плод
Иль умереть — так будьте ж мне защитой!
Я сын ваш, я ваш раб! О, помогите
И мне познать бессмертное блаженство!

Антиох

Перикл!

П е р и к л

Который зятем Антиоха
Великого хотел бы стать.

А н т и о х

Ты видишь

Плоды златые сада Гесперид.
Остерегайся их: драконы смерти
Не позволяют прикоснуться к ним.
Ее лица небесное сиянье
Тебя влечет, но нужно заслужить
Победою божественное право.
Иначе ты умрешь. Немало славных
Искателей, бесстрашных, как и ты,
Свидетельствуют бледными устами
И навсегда умолкшим языком
О том, как, прославляя Купидона,
Они погибли, мученики страсти.
Одно лишь небо покрывает их.
Ужасен вид их мертвых тел немых,
Они совет дают: дерзать напрасно;
Тенета смерти крепки и ужасны!

П е р и к л

Спасибо, Антиох. Ты мне напомнил
О том, что смертен я, что тело это —
Такое же, как и тела погибших, —
Я должен приготовить ко всему;

Что мне грозит. Да, помню я и знаю:
Законы смерти поучают нас
Не верить жизни слабому дыханию.
Пора подумать о последней воле.
Я, как больной, еще люблю жизнь,
Но к радостям земным уж не тянусь.
Я завещаю вам: живите мирно,
Как всем хорошим людям подобает
И всем владыкам! Все, чем я богат,
Как прах земной, пускай во прах вернется.

(Дочери Антиоха.)

Но пламя чистое моей любви —
Тебе одной! Отныне я готов.
Иду навстречу жизни или смерти
И смело жду судьбы своей решения.

А н т и о х

Ты пренебрег моим советом. Что ж!
Загадку разгадай или умри,
Как те, что прежде разгадать пытались.

Д о ч ь А н т и о х а

Из всех моих искателей — тебе,
Лишь одному тебе желаю счастья!
Лишь одному тебе хочу удачи!

П е р и к л

Как смелый воин, принимаю вызов

И призываю в помощь только смелость
И верную любовь мою.

(Читает загадку.)

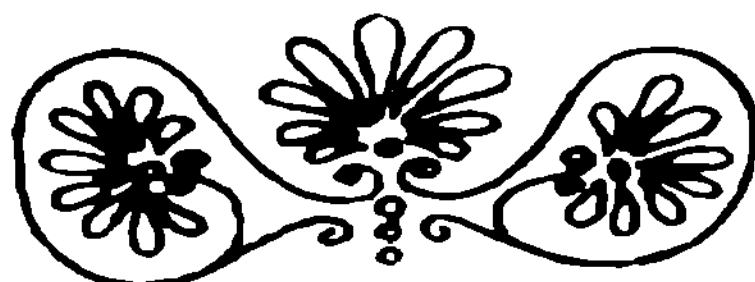
Реши загадку: “Я не змея,
Но плотью родившей питаюсь я.
Ту нежность супруга, что женам мила,
В отцовском сердце я обрела.
Он сын, отец и супруг мой тоже,
Я — мать, и жена, и дитя его все же.
Как может чудо такое случиться —
Реши, если с жизнью не хочешь проститься”.

(В сторону.)

Так вот оно, мое лекарство злое!
Скажите мне, неведомые силы,
Усеявшие небо сонмом звезд,
Глядящих вниз на все дела людские, —
Как не затмятся звезды, если правда
То, что сейчас, бледнея, разгадал я?

(Берет дочь Антиоха за руку и говорит ей.)

Сосуд прекрасный! Я тебя любил,
Не зная, сколько мерзости вместил
Твой совершенный образ; но теперь
От слепоты я излечен, поверь.
Мужчины званья недостойн тот,
Кого постыдный грех к тебе влечет.
Ты скрипка. Если б струн твоих касался
Тот, кто с тобой законно сочетался,

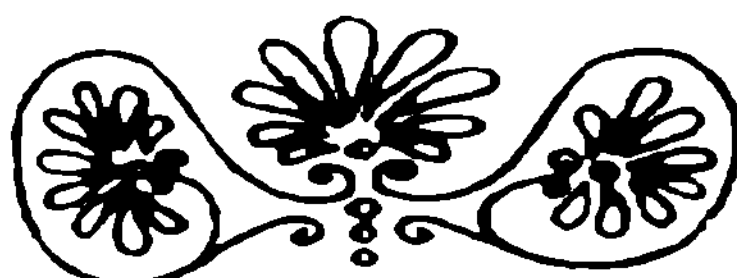
Внимало б небо музыке твоей
Божественной. Но ежели злодей
До времени расстроил их звучанье,
Пусть пляшет мерзкий ад под их бренчанье,
А ты мне не нужна!

А н т и о х

Не прикасайся к ней, Перикл. Закон
Карает смертью за такую смелость.
Реши загадку: истекает срок;
Готовься грозный приговор услышать.

П е р и к л

Великий царь!
Не любят люди слушать о грехах,
Хотя грешат охотно. Не хочу я
Открыто мысли высказать мои.
Имея книгу всех деяний царских,
Надежнее ее держать закрытой.
Молва о мерзостях подобна ветру,
В глаза людей бросающему пыль,
Что причиняет боль и раздраженье:
Зажмурь глаза — не испытаешь боли,
Промчится ветер — ты открой глаза.
Ведь крот слепой, спасаясь от людей,
Поработивших землю, насыпает
Холмы и этим выдает себя.

Цари — как боги. Прихоть их — закон.
Кто скажет Зевсу, что преступен он?
Ты понял, что сказал я. Полагаю,
Разумнее не знать того, что знаю.
Я головою дорожу. Прости:
Молчит язык мой, чтоб ее спасти.

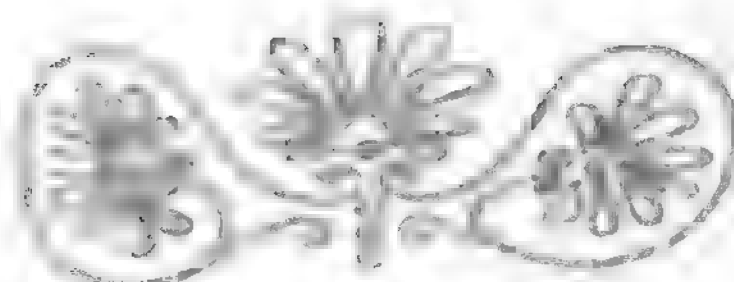
Антиох III. Античная статуя

А н т и о х
(в сторону)

Я доберусь до этой головы!
О небо! Понял он и догадался.
Но с ним я буду ласковым пока.

(Громко.)

О, юный Тирский царь, ты понял ложно

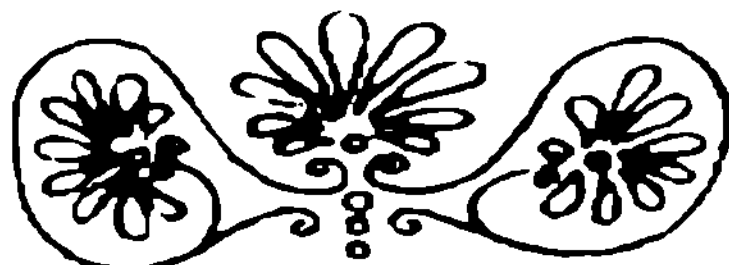

Загадку и по нашему условию,
Ты должен бы закончить дни свои.
Но, чтя в тебе цветущий юный отпрыск
Прекраснейшего царственного древа,
Отсрочку в сорок дней тебе даю,
Чтоб ты загадку эту разгадал
И, к радости моей, мне зятем стал.
Пока гости у нас. Ты будешь принят,
Как подобает моему величью
И царственному сану твоему.

Все, кроме Перикла, уходят.

Перикл

Приветливостью этой ты скрываешь
Свой низкий грех. Она, как лицемер,
Приятна и красива только с виду.
Но, может быть, я все-таки ошибся,
И нет притворства в ласковости этой,
И низостью твой дух не осквернен?
Но кто же ты, как не отец и сын,
Когда объятья нежного супруга
Ты открываешь дочери своей?
И разве мать свою не пожирает
Та, что родившей ложе оскверняет?
Цветами вы питаетесь, как змеи,
Лишь яд смертельный источать умея.
Да, Антиох! Подобные тебе

Своих деяний черных не страшатся,
Но показать их свету не решатся!
Убийство и разврат — одно с другим
Так неразлучны, как огонь и дым.
Любой порок от срама защитят
Его рабы — предательство и яд.
Чтоб ты на жизнь мою не покусился,
Я от опасности бежать решился.

(Уходит.)

Входит Антиох.

Антиох

Он догадался, и решил я твердо
Его убить.
Нельзя, чтоб разглашал он обо мне,
Великом Антиохе, всенародно,
Что впал я в мерзкий грех.
Он должен умереть. Я так желаю:
Я этим честь свою оберегаю.—
Эй, кто-нибудь сюда!

Входит Тальярд.

Тальярд

Ты звал, о царь?

Антиох

Тальярд, слуга мой добрый! Я решился

Перикл добивается руки дочери Антиоха. Рисунок Джона Джильберта

Доверить дело трудное тебе.
За преданность получишь повышение.
Тальярд, смотри: вот золото, вот — яд.
Царь Тирский враг мне. Ты его убьешь.
За что — тебе не должно рассуждать.
Таков приказ мой. Исполни скорей!

Т а л ь я р д

Я все исполню, государь!

А н т и о х

Довольно!

Входит гонец.

Ну, отдышись и объясни причину
Поспешности твоей.

Г о н е ц

Мой государь!

Царь Тирский скрылся.

А н т и о х

Что же ты стоишь?

Коль хочешь жить — лети за ним стрелою,
Которую пустил стрелок искусный.
Рази его без промаха. Не смей
Мне на глаза являться без известья,
Что умер царь Перикл.

Т а л ь я р д

Мой государь,
Уж я-то уложу его, поверь мне.
Вот только бы стрелой его достать.
Спешу, мой государь.

А н т и о х

Прощай, Тальярд.

Т а л ь я р д уходит.

Пока Перикл не умер, в страхе я,
В смятенье разум и душа моя.

Уходят.

Сцена 2

Тир. Зал во дворце.

Входит П е р и к л.

П е р и к л

(вельможам, находящимся за сценой)

Зачем вы беспокоите меня?
Зачем плывут неукротимо мысли
И меланхолия с потухшим взором
Меня, как гость докучный, посещает?
Ни ясный день, ни ласковая ночь,
Могила всех печалей, не дает

Успокоенья мне. Утехи жизни
Не радуют меня. Пускай опасность,
Которой я страшился, далека,
Здесь Антиох меня сразить не может, —
Но эта мысль меня не утешает,
И радости ни в чем не вижу я.
Когда в груди из ложных опасений
Рождаются причудливые страсти,
Наш страх пред тем, что лишь могло свершиться,
Становится причудливей от мысли,
Что страшное еще не совершилось.
Так и со мною: Антиох силен;
Я мал и с ним не в силах состязаться.
Все, что замыслил, он осуществит.
Но он меня боится, мне не веря,
И, как бы я ни чтил его, меня
Подозревает, что его бесчещу.
Трепещет он огласки. Непременно
Захочет он опасность устранить.
Его войска займут мою страну;
Война охватит всех великим страхом;
Смятение отвагу умертвит;
И будем сразу мы побеждены,
Еще не оказав сопротивленья,
Наказаны, не совершив проступка.
Скорблю не о себе — я только крона
Большого дерева; мне подобает

И ствол его и корни защищать.
Об участи народа моего
Душой и телом я грущу, тоскуя,
И, не казненный, сам себя казню я.

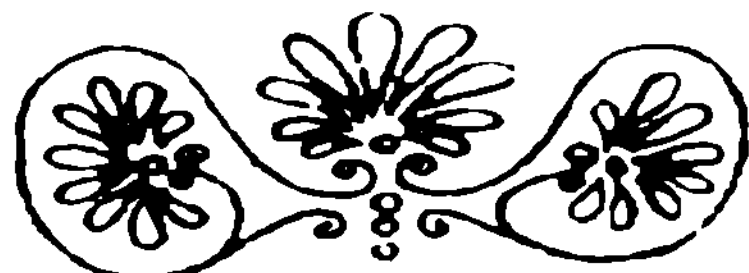
Входят Геликан и другие вельможи.

Первый вельможа
Да осенит тебя покой душевный!

Второй вельможа
И сохрани его до той поры,
Пока не возвратишься! .

Геликан

Тише, тише!
Прислушаемся к голосу рассудка.
Все льстящие царю ему вредят.
Ведь лесть, подобная мехам кузнечным,
Простую искру маленькой заслуги
Раздуть способна в пышущее пламя.
Меж тем почтительное осужденье
Царям полезней, ибо ошибаться
Способны и они, как всякий смертный.—
Кто говорит о радостном покое,
Тот, льстя тебе, клеветает на тебя.
Я все сказал. Колени преклоняю:
Прощенья иль удара ожидаю.

Перикл

Оставьте нас. Пойдите посмотрите,
Какие в гавани суда грузятся,
И донесите мне.

Вельможи уходят.

Ты, Геликан,
Меня смутил. Что ты во мне заметил?

Геликан

Угрюмый гнев, великий государь.

Перикл

Но ты ведь знаешь: царский гнев опасен.
Как смел язык твой вызвать этот гнев?

Геликан

Как смеют взор свой поднимать растенья
К дающим жизнь и пищу небесам?

Перикл

Ты знаешь ли, что я имею власть
Тебя убить?

Геликан

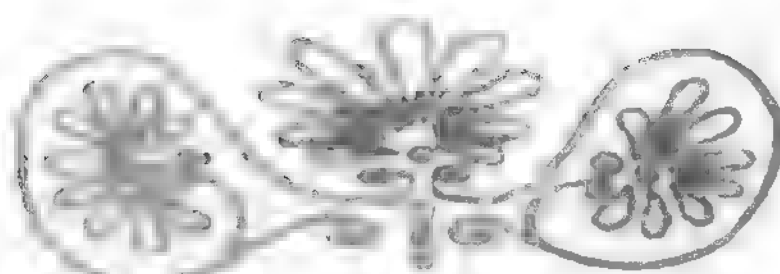
(опускаясь на колени)

Топор точил я сам —
Ты только порази меня.

Перикл. Кресидап, римская копия. Мрамор

Перикл**Вставай!**

Прошу тебя, садись. Да, ты не льстец.
Спасибо. Царь не должен закрывать
Ушей, свое услышав осуждение.
Лишь тот советник верный и слуга,
Чья мудрость подчиняет властелина.
Ну, что ж мне делать? Говори!

Геликан**Покорно**

Сносить беду, когда в ней сам виновен.

Перикл

Ты, Геликан, как настоящий лекарь,
Мне снадобье такое предлагаешь,
Какое сам принять бы побоялся.
Так слушай же: я был у Антиоха
И там, перед лицом жестокой смерти,
Красавицу хотел завоевать,
Которая дала бы мне потомство —
Мне в помощь, подданным моим на радость.
Ее лицо мне показалось чудом,
Но грязь ее души открылась мне
Ужасная. Отец ее преступный
Меня не покарал, а обласкал.
Тиран всего страшней, то каждый знает,

Когда врагов притворно лобызает.
Мой страх был так велик, что я сюда
Бежал под кровом благосклонной ночи,
Меня оберегавшей. Лишь теперь
Я понял, что грозило и грозит мне.
Тирана страх всегда обуревает;
С теченьем лет он только нарастает,
Не может не страшиться Антиох,
Что я кому-либо открою все же,
Как много славных юношей погибло,
Не разгадав позорной тайны. Он
Не побоится и войну затеять,
Провозгласив, что я же виноват.
В отмщенье этой якобы вины
Не пощадит невинных меч войны;
А я люблю всех подданных моих,
И в том числе тебя, который ныне
Меня корит.

Г е л и к а н

Увы, мой государь!

П е р и к л

Да, скорбь моя, прогнав с лица румянец,
И сон прогнала мой. Толпа сомнений
Меня терзает. Как предотвратить
Грозу, пока она не разразилась?

Я, видя, что народ не защищу,
Как добрый царь, и день и ночь грущу.

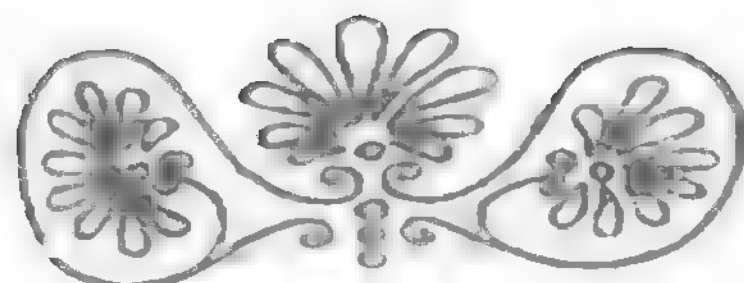
Г е л и к а н

Что ж, государь! Поскольку ты позволил
Мне говорить — скажу. Боишься ты
Тирана Антиоха. Он, конечно,

Голова греческого юноши. Античная статуя. Мрамор

Открытою войной иль вероломством
Тебя уже задумал извести.
А посему разумно, государь,
Тебе отправиться в другие страны,
Пока не стихнет злоба Антиоха
Иль волей Парки не прервется нить
Его преступной жизни. Власть свою

Вручи хотя бы мне на время это:
С тобою связан я, как день со светом.

П е р и к л

Я в верности твоей не сомневаюсь,
Но, если вторгнутся его войска
В пределы наши, что ты будешь делать?

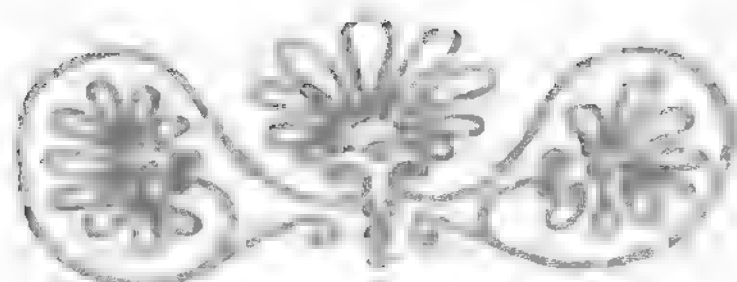
Голова греческой богини. Античная статуя. Мрамор

Г е л и к а н

Тогда земля, что всем нам дорога,
Впитает нашу кровь и кровь врага.

П е р и к л

Так. Решено. Прощай же, Тир! Я в Тарс
Отправляюсь. Посылай туда известья,

Чтоб знал я все о подданных моих.
Тебе о них вседневную заботу
Вверяю. Мудрости твоей посильно
Такое бремя. Клятвы не прошу:
Я знаю, тот, кто слово нарушает,
И клятвою легко пренебрегает.
Мы оба соблюдаем долг и честь,
Мы остаемся тем же, что мы есть:
Ты — подданным пример и украшение,
Я — царь, тебе доверивший правленье.

Уходят.

Сцена 3

Тир. Передняя дворца.

Входит Т а л ь я р д.

Т а л ь я р д. Так это, значит, Тир, а это — дворец. И здесь именно я должен убить царя Перикла; а если я его не убью, то меня повесят, как только я вернусь на родину. Опасное дело. Да, как поразмыслишь, разумный человек был тот, кто на вопрос, чего бы он хотел от царя, ответил, что не хотел бы знать ни одной из царских тайн. Теперь я вижу, что это просьба весьма разумная. Ведь ежели царь прикажет человеку быть негодяем, то человек этот обязан в силу присяги быть негодяем. Тсс! Сюда идут тирские вельможи!

Входят Г е л и к а н, Э с к а н и другие вельможи.

Г е л и к а н

Друзья! Расспрашивать меня не нужно
О том, куда правитель удалился.
Он мне доверил власть — гласит приказ —
И ныне путешествовать изволит.

Т а л ь я р д
(в сторону)

Как! Царь уехал?

Г е л и к а н

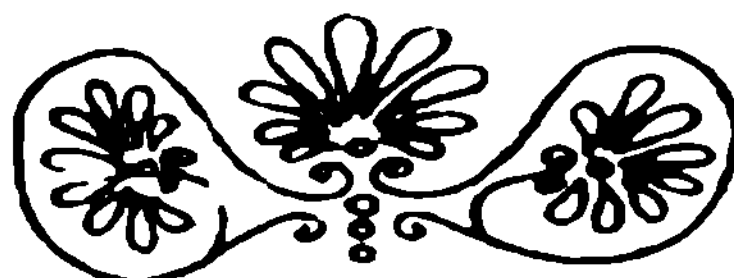
Если вы хотите
Узнать — зачем, ни с кем не попрощавшись,
Он нас покинул, я вам намекну:
Царь Антиох...

Т а л ь я р д
(в сторону)

Что? Что про Антиоха?

Г е л и к а н

...По никому неведомым причинам
Разгневался на нашего царя.
И царь наш, проявить пред ним желая
Раскаянье в невольной сей вине,
Решил пуститься в море, где пучина
Ему всечасно смертью угрожает.

Т а л ь я р д (в сторону). Выходит, что теперь меня не повесят, даже если я буду об этом ходатайствовать!

Наш царь, наверно, будет очень рад,
Что он в такое плаванье пустился:
На суше не погиб — погибнет в море.
К ним подойду.

(Громко).

Привет вельможам Тира!

Г е л и к а н

Привет антиохийскому вельможе,
Посланцу Антиоха.

Т а л ь я р д

Я с письмом

К царю Периклу; но, как мне известно,
Уехал он неведомо куда.
Я полагаю, что письмо вернуться
Должно к тому, кто написал его.

Г е л и к а н

Нам это обсуждать не подобает:
Письмо не к нам, а к нашему царю.
Ты пред отъездом посети наш пир:
С Антиохией не враждует Тир.

Уходят.

Сцена 4

Тарс. Зал в доме правителя.

Входят Клеон, Дионисса и другие.

Клеон

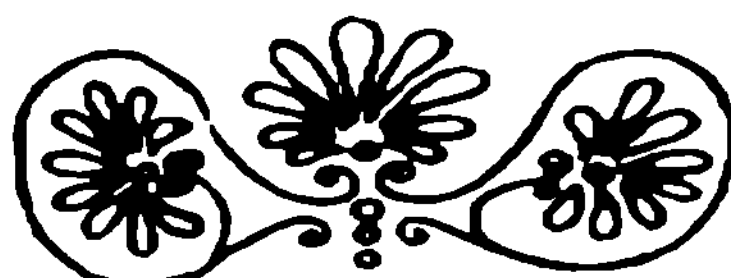
Здесь, друг мой Дионисса, отдохнем,
И пусть рассказы о чужих печалях
Научат нас забыть свою печаль.

Дионисса

Мы только раздуваем пламя скорби,
Когда его пытаемся задуть!
Напрасно землекопы холм срывают:
Они такой же рядом насыпают.
Мой друг! Напоминает наша скорбь
Кустарник. Садовод, его стригуший,
Способствует тому, чтоб стал он гуще.

Клеон

О Дионисса!
Голодный неспособен скрыть свой голод;
Кто хочет пищи, тот ее попросит.
Да, очи плачут, языки вопят
Без передышки, но они хотят,
Чтоб вопли скорби громче становились,
Чтоб разбудили дремлющее небо,
Способное страдающим помочь.

О бедствиях, перенесенных нами,
Я расскажу словами, ты — слезами!

Д и о н и с с а

Все, что могу, я выражу.

К л е о н

Внемлите!

Наш Тарс, которым правлю я сейчас,
Когда-то был прославлен изобильем,
По улицам его текло богатство,
И башни, гордо головы вздымая,
Как будто целовали облака.
Всему у нас дивились иноземцы.
Друг перед другом пышностью нарядов
Хвастливо щеголяли горожане;
На пиршествах столы от яств ломились,
И меньше гости ели, чем дивились,
О бедности народ уже не знал
И слово “помощь” низким почитал.

Д и о н и с с а

Увы, все это истина!

К л е о н

Гляди же,
Как небо покарало нас теперь!

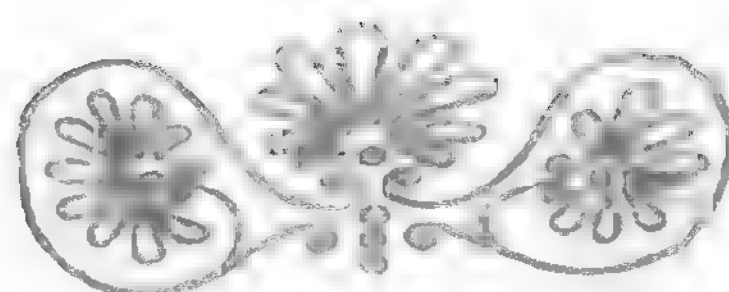

Вот эти рты, которым было мало
Всей роскоши земного изобилья,
Которых щедро и вода и воздух
Богатыми дарами ублажали,
Теперь, как позабытые дома,

Голова греческого юноши (Киниска). Античная статуя. Мрамор

Потрескались от злого запустенья.
Вот эти рты, что тешили себя
Изысканными явствами недавно,
Теперь бывают рады корке хлеба.
Вот эти матери, детей любимых
Привыкшие закармливать сладостями,
Теперь готовы съесть своих малюток:
Так остры зубы голода! Супруги
Бросают жребий, кто продлит другому

Существование, погибнув первым.
Как нищие, рыдают богачи,
Все мечутся в отчаянье. И, видя,
Как падают от голода другие,
Не в силах мы ни руку им подать,
Ни, даже мертвых, их земле предать.

Д и о н и с с а

Запавшие глаза и щеки наши
О бедствии свидетельствуют этом.

К л е о н

Пускай же города, что пьют беспечно
Из чаши изобилья золотой,
Услышат вопль измученного Тарса!
Их может ждать такая же судьба.

Входит вельможа.

В е л ь м о ж а

Где наш правитель?

К л е о н

Он перед тобой.
Ну, говори, с каким же новым горем
Ко мне пришел ты? Я не ожидаю
Вестей отрадных.

В е л ь м о ж а

**Флот замечен в море,
Идущий прямо к нашим берегам.**

К л е о н

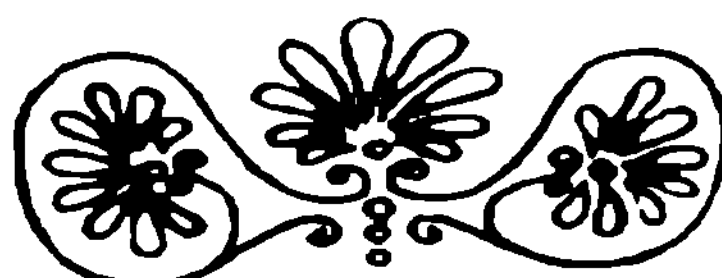
**Меня уже ничто не удивит.
Ведь каждое несчастье порождает
Несчастье новое. Понятно мне:
Какая-то соседняя держава,
Воспользовавшись бедствиями Тарса,
На кораблях везет свои войска,
Рассчитывая нас, уже разбитых,
Разбить и затоптать и надо мной,
И без того несчастным, одержать
Бесславную, дешевую победу.**

В е л ь м о ж а

**Нет, государь, нам нечего бояться:
Под белым флагом эти корабли
Несут нам мир, а может быть, и помощь.**

К л е о н

**Ужели ты не знаешь до сих пор —
Чем лучше внешность, тем обман коварней?
Но, что бы ни несли они сейчас,
Что испугает полумертвых нас?
Что худшее нам может угрожать?**

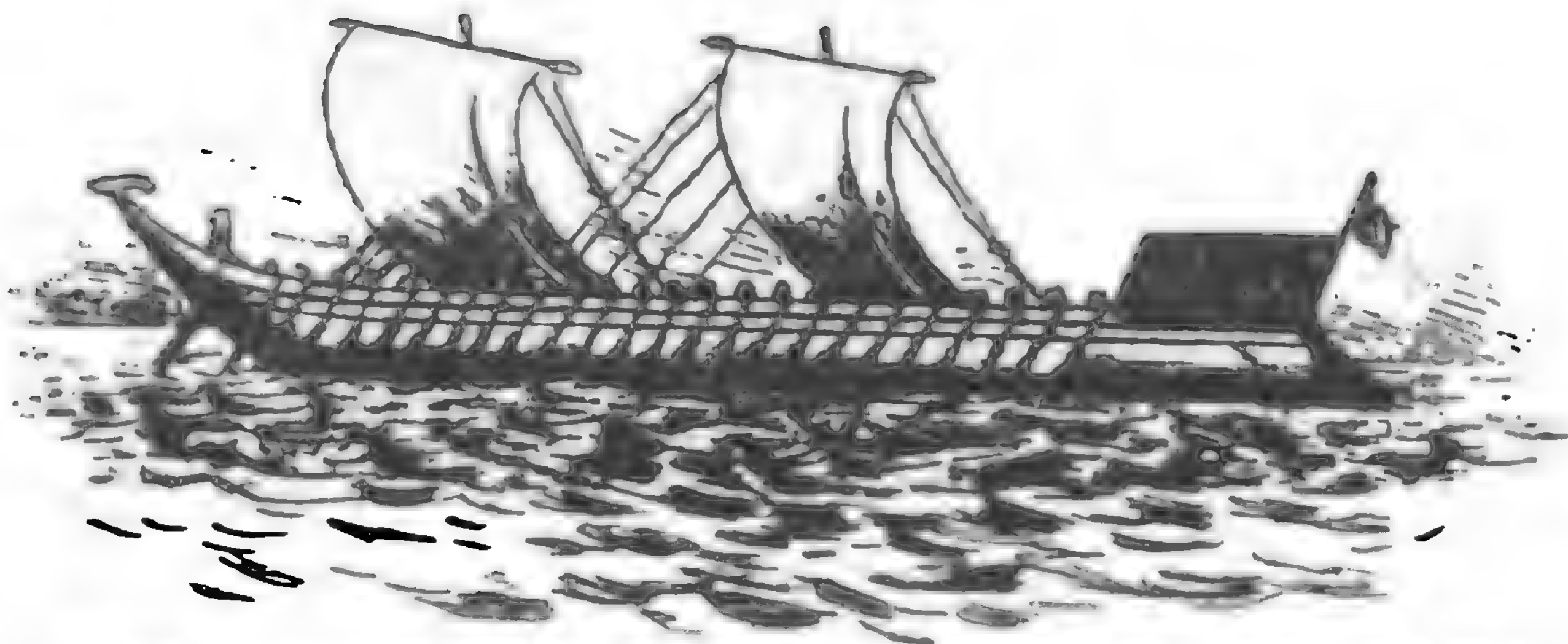

Вели ж их предводителю сказать:
Я жду его. Пусть он объявит мне,
Кто он, откуда и чего он хочет.

В е л ь м о ж а

Иду, мой государь!

(Уходит.)

Древнегреческий корабль. Рисунок неизвестного художника

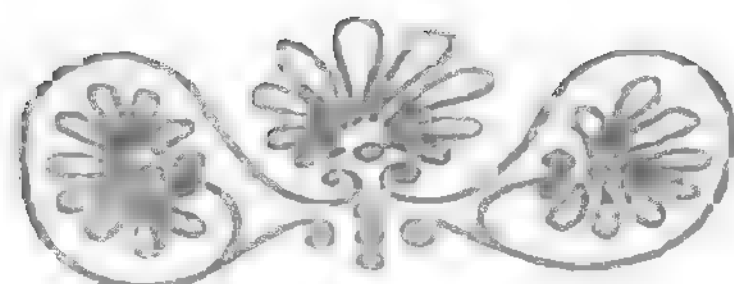
К л е о н

Коль друг он — помощь нам его любезна.
Коль враг — сопротивляться бесполезно.

Входит Перикл со свитой.

П е р и к л

Правитель! Пусть ни наши корабли,
Ни войско наше взор твой не смущают

Слепящим светом, как маяк полночный.
О бедствиях народа твоего
Узнали в Тире мы, и вот пред нами
Безлюдье этих мертвых, страшных улиц.
Явились мы не с тем, чтобы умножить
Страдания ваши, но чтоб это бремя
Тяжелых испытаний облегчить.
Не думайте, что эти корабли —
Троянский конь, набитый до отказа
Безжалостными слугами войны.
Они везут зерно — залог спасенья,
От голода и смерти избавленье.

В с е

Пусть боги Греции тебя хранят!
Мы за тебя молиться будем!

(Падают на колени.)

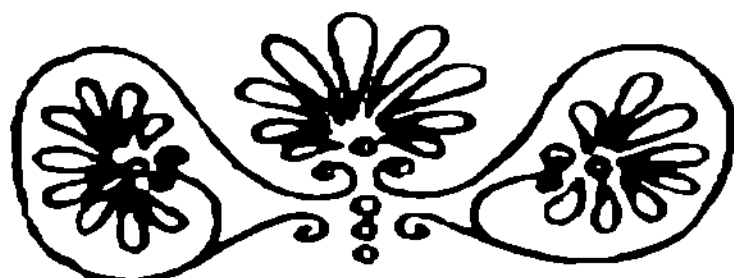
П е р и к л

Встаньте!

Не почестей мы ищем, а любви
И в гавани надежного укрытья.

К л е о н

Тех, кто откажет вам в гостеприимстве
И вам неблагодарностью отплатит —
Будь это наши дети или жены, —

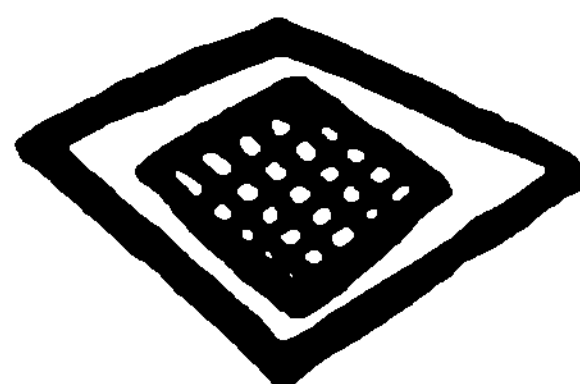

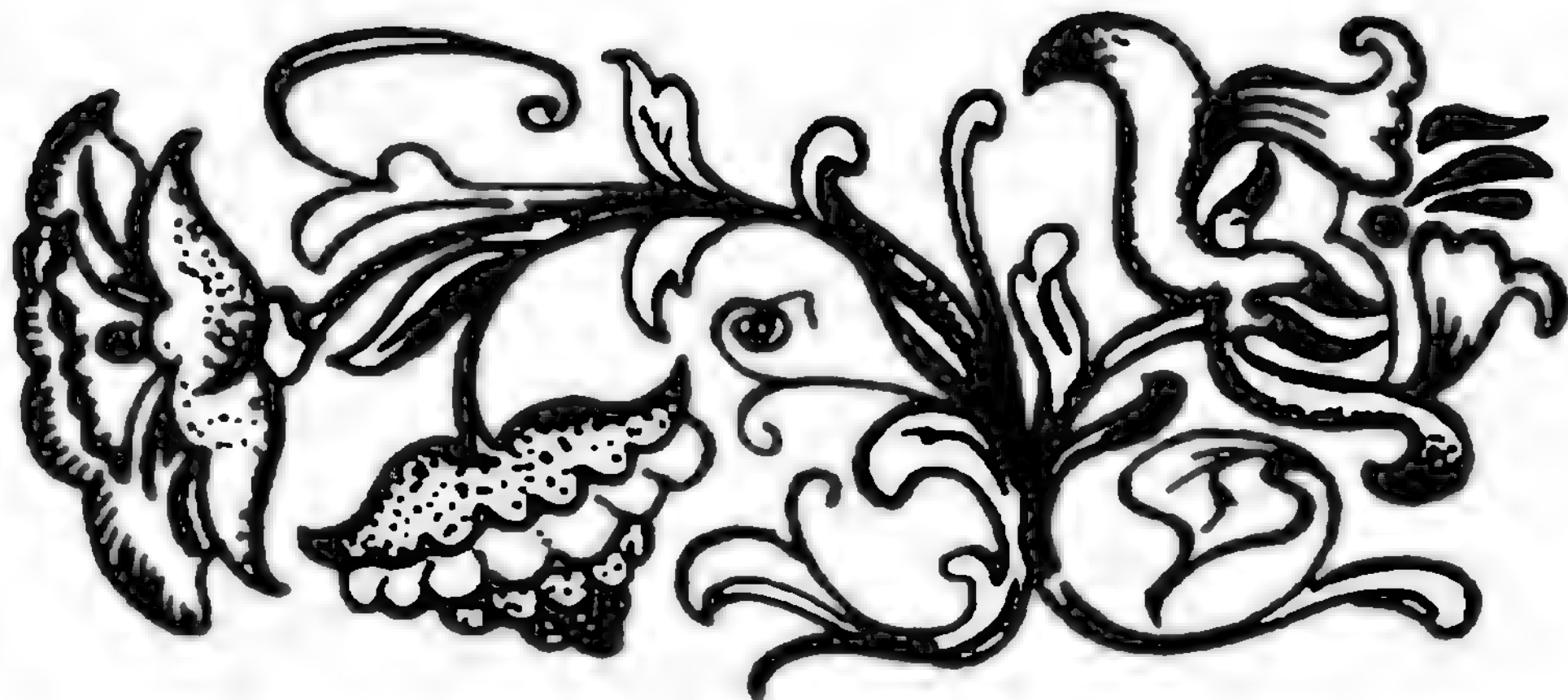
Да покарает небо, да постигнет
Всеобщее проклятье! Но надеюсь,
Что среди нас не сыщется таких,
И от лица народа моего
Добро пожаловать вам говорю я!

П е р и к л

Спасибо. Погостить нам здесь придется,
Пока судьба нам вновь не улыбнется.

Уходят.

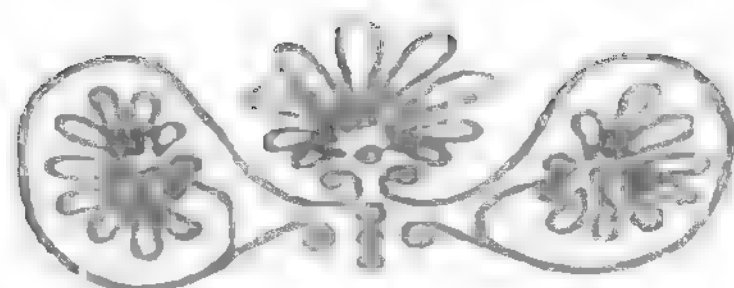

АКТ II

Входит Гауэр.

Гауэр

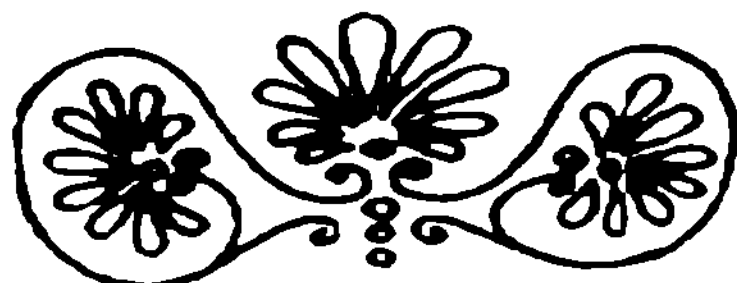
Могучий царь пред вами был:
Дитя свое он совратил.
Но лучший царь явился вам:
Хвала Перикловым делам.
Не беспокойтесь: будет он
От всех превратностей спасен.
За лепту малую сто крат
Его потом вознаградят.
Отменно речь его умна:
Клянусь — прельщает всех она.
И в Тарсе, где герой живет,
Такой от всех ему почет,
Что статую его отлили
И в честь героя водрузили.
Но снова бедствия грозят:
Смотрите, что они сулят.

ПАНТОМИМА

В одну дверь входят, беседуя, Перикл и Клеон, и с ними вся их свита; в другую — дворянин с письмом к Периклу. Перикл подает письмо Клеону, награждает посланца и посвящает его в рыцари. Затем Перикл уходит в одну сторону, а Клеон — в другую.

Не трутнем Геликан живет,
Чужих трудов вкушая мед.
Он хочет зло искоренить,
Добро сберечь и сохранить.
Царя желанье выполняя,
Ему он пишет, сообщая
О жизни в Тарсе. Пишет он,
Как, в злое дело вовлечен,
Тальярд убить царя стремится.
Из Тарса лучше удалиться.
И вот плывет Перикл опять:
Но можно ль морю доверять?
Вновь буря, гром над головой,
Внизу — пучины жадный вой.
Корабль сейчас ко дну пойдет;
Царя такая ж участь ждет:
Совсем один остался он,
Богатства, слуг, друзей лишен.
И море, словно дикий зверь,
Над ним натешится теперь.
Но вот устала наконец
Судьба от ярости. Храбрец

На сушу выброшен. И вот
Перикл по берегу идет.
Что будет дальше — поглядите,
Меня ж за болтовню простите.

(Уходит.)

Сцена 1

Пентаполис. Открытый берег моря.

Входит П е р и к л, весь промокший.

П е р и к л

О звезды гневные! Уймите ярость!
Дождь, ветер, гром! Пред вами только смертный,
Который вам подвластен. Мне велит
Природа уступить и покориться.
Безжалостно меня швыряло море
На берега скалистые, но я
Остался жив. О, где же смерть моя?
Ужели вашей грозной, злобной силе
Нужны несчастья бедного царя?
Ах, из могилы, из морской пучины
Извергнутый, я жажду лишь кончины.

Входят т р и р ы б а к а.

П е р в ы й р ы б а к. Ну, что ты стал, дуралей?

В т о р о й р ы б а к. Иди-ка, тащи сети!

П е р в ы й р ы б а к. Ты что, оборванец, не слышишь?

Третий рыбак. Что ты говоришь, хозяин?

Первый рыбак. Пошевеливайся-пошевеливайся, а то будет тебе.

Третий рыбак. Ей-богу, хозяин, я никак не могу забыть тех бедняг, которых смыло только что волной.

Первый рыбак. Уж точно, бедняги! У меня у самого защемило сердце от их жалобных криков, когда они, утопая, молили о спасении. А нам впору было самих себя спасать.

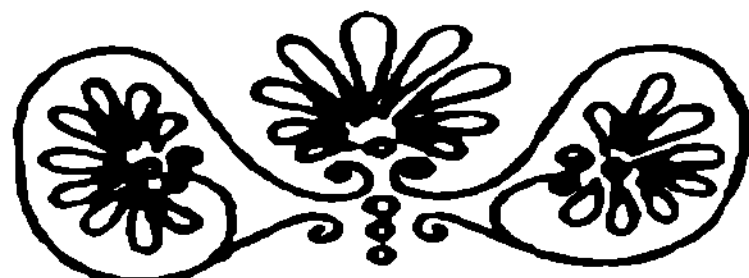
Третий рыбак. А ведь, помнишь, хозяин, что я сказал, когда мы увидели дельфина? Здорово он прыгал и кувыркался. Я слышал, будто дельфины на вкус напоминают и рыбу и мясо. Пропasti на них нет, проклятых! Каждый раз, когда вижу дельфина, боюсь, что меня волной смоеет в море. Дивлюсь я, хозяин, как это рыбы живут в море!

Первый рыбак. Да живут они точно так же, как и люди на суше: большие поедают маленьких. Посмотри, например, на богатого скрягу: чем не кит? Играет, кувыркается, гонит мелкую рыбешку, а потом откроет пасть и всех их, бедненьких, одним глотком и сожрет. Да и на суше немало таких китов: откроет пасть и целый приход слопают, да и церковь с колокольной в придачу...

Перикл (в сторону). Послушаешь — есть чему поучиться.

Третий рыбак. А все-таки, хозяин, будь я звонарем, я бы не прочь оказаться на колокольне как раз в тот день, когда кит ее слопает.

Второй рыбак. Это почему же?

Древнегреческий рыбак. Античная статуя. Мрамор

Т р е т и й р ы б а к. А потому, что тогда киту пришлось бы и меня проглотить, а уж я, только окажись в его брюхе, поднял бы такой трезвон, что не дал бы киту и минуты покоя, пока он не отрыгнул бы и колокола, и колокольню, и церковь, и весь приход. Эх, кабы добрый наш царь Симонид со мной согласился...

П е р и к л *(в сторону)*. Симонид?

Т р е т и й р ы б а к. Мы очистили бы страну от трутней, крадущих мед у трудолюбивых пчел.

П е р и к л
(в сторону)

О рыбах рассуждая, люди эти
О человеческих пороках судят.
В подводном царстве, как и на земле,
Есть представленье о добре и зле.

(Громко.)

Мир труженикам, честным рыбакам!

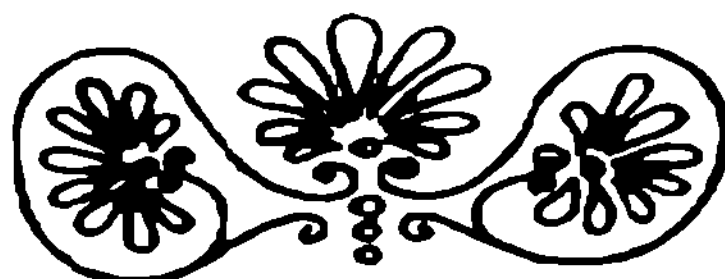
В т о р о й р ы б а к. Честным? Эх, приятель, что проку в том, чтобы быть честным? Коли найдешь в календаре удачный денек — забирай его скорее, чтобы никто другой не стащил.

П е р и к л. Вы видите: море выбросило меня на ваш берег.

В т о р о й р ы б а к. Ну, это уж оно, наверно, с пьяных глаз лодкинуло тебя нам!

П е р и к л

Я был игрушкой ветров и валов.
Меня, как мяч, швыряло на просторе.

Теперь у вас я жалости прошу,
Я, отроду подачек не просивший.

Первый рыбак. Это жаль, приятель, что ты не умеешь просить. Здесь у нас в Греции есть такие, которые, попрошайничая, зарабатывают больше, чем мы, работая.

Второй рыбак. Ну, а рыбу-то ты ловить умеешь?

Перикл. Ни разу не пробовал.

Второй рыбак. Так ты с голоду пропадешь, право! В наши дни кто не умеет рыбу ловить — хоть в мутной воде, — обязательно пропадет.

Перикл

Чем был я прежде, я про то забыл,
А чем я стал — я только ощущаю:
Я человек, продрогший до костей.
Кровь так застыла в жилах у меня,
Что мой язык уже почти не в силах
О помощи просить. И если вы
Откажете — безропотно умру.
Но тело мертвое не оскорбляйте
И по обычаю земле предайте!

Первый рыбак. Да зачем же тебе умирать? Боги не допустят этого. Возьми-ка мой плащ, завернись в него и согрейся. Полно! Ободришь! Ты малый хоть куда. Пойдешь с нами, будем жить-поживать, по праздникам у нас будет мясо, а в постные дни — рыбка, а то и пироги да вафли. Идем! Мы все тебе будем рады!

Перикл. Благодарю тебя за эту милость.

Первый рыбак. А как же ты сказал, друг любезный, что не умеешь просить милостыню?

Перикл. Я только умолял.

Второй рыбак. Только умолял! Это ловко! Надо будет и мне поучиться только умолять; тогда, пожалуй, и от плетей увернешься.

Перикл. Как, неужели здесь всех нищих наказывают плетями?

Второй рыбак. Не всех, приятель, далеко не всех. Кабы у нас всех нищих стегали плетями, так должность палача была бы выгодной! Я бы не прочь был променять свою работу на работу палача.— Ну, я пойду. Пора вытаскивать сети! (*Уходит с третьим рыбаком.*)

Перикл. Да, труд их прост, веселость непритворна.

Первый рыбак. Послушай-ка, друг, знаешь ли ты, где ты находишься?

Перикл. Не совсем.

Первый рыбак. Ну, так я тебе расскажу: страна эта называется Пентаполис, а царя нашего зовут Добрым Симонидом.

Перикл. Царя зовете Добрым Симонидом?

Первый рыбак. Да, и он заслужил мирным и мудрым правлением того, чтобы его так называли.

Перикл. Да, он счастливый царь. Отрадно заслужить у людей прозвище Добрый. А далеко ли его дворец от берега?

Первый рыбак. Да, пожалуй, полдня пути. И еще я тебе скажу: у него есть дочь красавица. И завтра день ее

рождения. И со всех концов света понаехали разные кнѣзья да рыцари сражаться на турнире, чтобы добиться ее любви.

Перикл. Будь мои возможности в соответствии с моими желаниями, я был бы не прочь оказаться среди состязающихся.

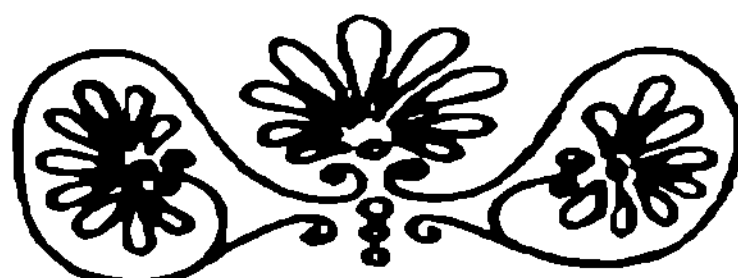
Первый рыбак. Эх, господин хороший! На том и мир стоит, что человеку не запрещено добиваться того, чего он не имеет.

Входят второй и третий рыбаки, волоча сети.

Второй рыбак. Подсоби, хозяин, подсоби! Рыба запуталась в сетях, как бедняк в наших законах: ей уже не выпутаться. Уж мы тащили, тащили! И, черт возьми, когда вытащили, оказалось, что это не рыба, а старые ржавые доспехи.

Перикл

Доспехи! Дайте я на них взгляну,
Друзья мои!— Хвала тебе, Фортуна!
От всех моих жестоких испытаний
Позволила ты мне передохнуть.—
Доспехи эти мне принадлежали,
Их мне отец покойный завещал,
Сказав: “Доспехи эти, мой Перикл,
Меня всегда от смерти ограждали.
Храни же их и ты: они спасут
Тебя от бед, от коих, я надеюсь,
Тебя и боги защитят!”
И бережно хранил я дар отцовский,
Но злое море отняло его
В неистовстве своем и вдруг вернуло!

Пентаполиссские рыбаки. Рисунок Джона Джильберта

О небо, небо! Я теперь спасен:
Отцовский дар мне морем возвращен.
Первый рыбак. Что это ты замышляешь?

Перикл

Друзья! Отдайте мне доспехи эти,
Когда-то защищавшие царя!
Я их узнал. Тот царь меня любил.
Я чту его, и я его доспехи
Хочу надеть. Друзья мои, прошу вас
Мне указать дорогу во дворец.
Как дворянин пред вашим государем
Предстану я и попытаю счастья.
Пока я ваш должник, но, может быть,
Еще смогу вам щедро заплатить.

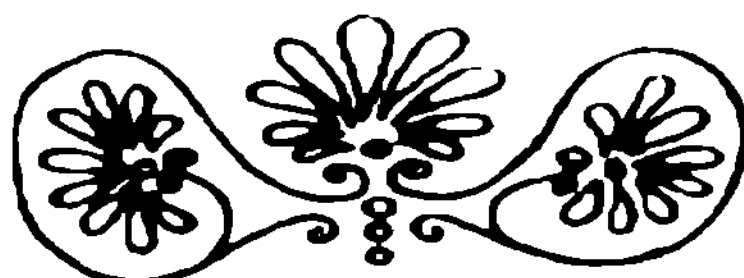
Первый рыбак. Ты что же, никак, хочешь принять участие в турнире?

Перикл

Я только покажу свое умение.

Первый рыбак. Что ж, бери их, эти доспехи, и да пошлют тебе боги удачу.

Второй рыбак. Э, нет! Подожди, приятель! Ведь из воды-то тебе вытащили это одеяние мы, и тащить было трудненько: даже сети порвались. Надеюсь, если тебе повезет, ты нас не забудешь.

Перикл

Поверьте мне, я не забуду вас!
Вы помогли мне получить доспехи.
А вот, смотрите, на руке моей
Запястье драгоценное осталось.
Не удалось прожорливому морю
Его сорвать. За эту драгоценность
Добуду я отличного коня,
Чья царственная поступь очарует
Всех зрителей. Но должен я добыть
Ему еще и поножи вдобавок.

Второй рыбак. Ну, это мы тебе достанем: можешь сделать их из моего лучшего плаща. А во дворец я проведу тебя сам.

Перикл

Иду! Я должен одержать победу,
Иль новые меня постигнут беды.

Уходят.

Сцена 2

Там же. Дорога, ведущая к ристалищу. В стороне шатер для царя,
принцессы и вельмож.

Входят Симонид, Таиса, вельможи и свита.

Симонид

Готовы ль рыцари начать турнир?

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Да, государь, они давно готовы
Предстать перед тобою.

С и м о н и д

Возвести,
Что я и дочь моя готовы тоже.
Ведь это праздник в честь ее рожденья.
Ее природа сотворила так,
Что красоте ее дивится всяк.

Один вельможа уходит.

Т а и с а

Отец мой благородный и любимый,
Не по заслугам я тобой хвалима!

С и м о н и д

Так нужно, дочь моя. Ведь мы, цари,
Сотворены по образу богов.
Как драгоценности от небреженья,
Цари теряют от неуваженья
Свой гордый блеск. Теперь, о дочь моя,
Твой долг почетный, полагаю я,
Мне рыцарей девизы объяснить
И каждого достойно оценить.

Т а и с а

Клянусь богами, это я исполню.

Входит рыцарь; он проходит по сцене, а его оруженосец
подносит принцессе щит.

С и м о н и д

Кто этот рыцарь, что выходит первым?

Т а и с а

Из Спарты родом он, отец мой славный;
И на щите его изображен
Простерший руки к небу эфиоп.
Его девиз: *Lux tua vita mihi*¹.

С и м о н и д

Коль для него ты жизнь, тебя он любит.

Проходит второй рыцарь.

А кто вторым явился перед нами?

Т а и с а

Он македонец, царственный отец мой,
И на щите его изображен
Отважный рыцарь, дамой побежденный.
Его девиз испанский:
*Piu per dulcura que per fuerca*².

1 Твой свет — моя жизнь. (Лат.)

2 Нежностью больше, чем силой. (Исп., но слово *piu* — итал.)

Проходит третий рыцарь.

Симонид

А третий кто?

Таиса

Антиохийский рыцарь.

Венок лавровый на его щите,
Девиз: Me rostraе provehit arех¹.

Проходит четвертый рыцарь.

Симонид

А кто четвертый?

Таиса

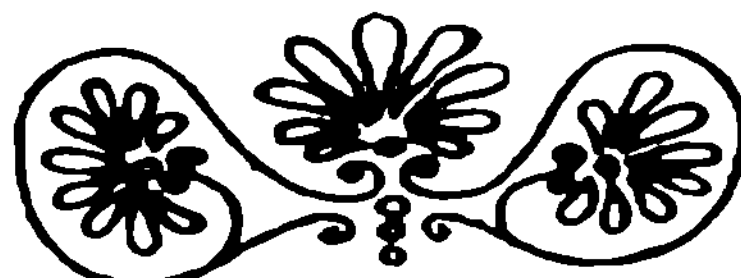
На его щите
Горящий факел, обращенный книзу;
Его девиз: Quod me alit, me exstinguit².

Симонид

Что означает: красота сильна;
И озаряет и разит она.

1 Меня увлекла жажда славы. (Лат.)

2 Что меня питает, то и гасит. (Лат.) Симонид дальше дает очень вольный перевод.

Проходит пятый рыцарь.

Т а и с а

А на щите у пятого — рука,
Окутанная облаком; на камень
Она для пробы золото кладет.
Девиз героя: *Sic spectando fides*¹.

Проходит шестой рыцарь — Перикл.

С и м о н и д

А что изображает этот символ,
Который рыцарь без оруженосца
С такой отменной легкостью несет?

Т а и с а

По виду он как будто чужеземец.
Его эмблема — высохшая ветка
С зеленою верхушкой, а девиз —
*In hac spe vivo*².

С и м о н и д

Славные слова!

Он в бедственном, должно быть, положении,

1 Так познается верность. (Лат.)

2 В этой надежде я живу. (Лат.)

Но уповает на свою судьбу
В твоём лице.

Первый вельможа

Но вид его едва ли
Ему на пользу: ржавые доспехи!
Убожество какое! Он, наверно,
Кнутом владеет лучше, чем копьем!

Второй вельможа

Он, вероятно, вправду иноземец:
Уж в очень странном виде он явился
На пышный праздник наш.

Третий вельможа

Своим доспехам

Нарочно дал он заржаветь: уж тут
Землей и пылью ржавчину сотрут.

Симонид

Суждения глупей не может быть.
По внешности о существе судить!
Пора уж: рыцари готовы к бою;
Взойдем на галерею.

Уходят.

За сценой шум и возгласы: "Бедный рыцарь!"

Сцена 3

Пентаполис. Парадный зал во дворце. Накрытый стол.

Входят Симонид, Таиса, вельможи, рыцари и свита.

Симонид

Всем рыцарям привет!
Слова: “Добро пожаловать” — излишни,
Излишни и высокие слова
О вашей доблести: я мог бы их
На книге ваших доблестей поставить.
Но не того вы ждете от меня.
Пусть пир наш будет весел! Для веселья
Вы, гости знатные, здесь собрались.

Таиса
(Периклу)

Но ты мой гость и рыцарь, и дарю я
Тебе венок в счастливый этот день,
Тебя его героем называя!

Перикл

Победою обязан я судьбе.
Моей заслуги в этом нет, принцесса!

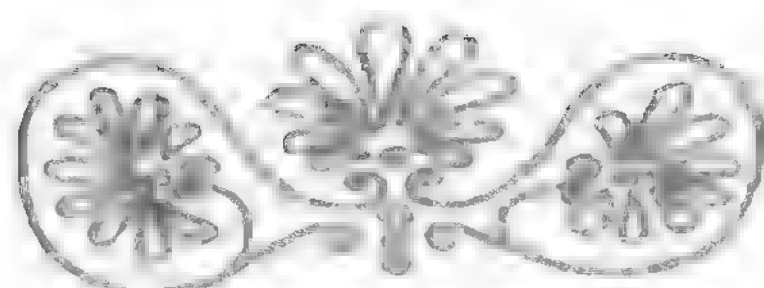
Симонид

Ты победил, и день сегодня твой.
Никто тебе завидовать не будет.

Перикл-победитель. Рисунок Джона Джильберта

Искусству служишь ты — соревнованье
Искусства поощряет процветанье.
Так будь же горд победой. Дочь моя —
Царица пира: пусть она укажет
Места гостям, как разум ей подскажет.

Рыцари

Почетно нам вниманье Симонида.

Симонид

Я всем вам рад. Отвагу чту я сам:
Кто разучился чтить, тот враг богам!

Маршал

Вот место для тебя!

Перикл

Да для меня ли?

Первый рыцарь

Не надо спорить. Все мы польщены,
И в нашем сердце нет и не бывало
К великим зависти, презренья — к малым!

Перикл

Я это чувствую.

Симонид

Садись, садись!

Перикл
(в сторону)

Клянусь Юпитером, владыкой мыслей,
Мне пир не в пир — все думаю о ней.

Таниса
(в сторону)

Клянусь Юноною, богиней брака,
Мне никакие яства не нужны;
Все не по вкусу мне, лишь он по вкусу,
Я чувствую — он смел и благороден.

Симонид
(в сторону)

Едва ли знатен он! Ничем особо
Не отличился он перед другими,
Но похвалу достойно заслужил.

Таниса
(в сторону)

Все — как простые стекла. Он — алмаз!

Перикл
(в сторону)

Мне этот царь отца напоминает:
Вот так же тот был славен и на троне
Сидел, как солнце, а вокруг, как звезды, —
Цари другие. Все они согласно,

Как меньшие покорные светила,
Почтительно тускнели перед ним.
А сын его, как светлячок унылый,
С ним состязаться не имеет силы.
Да, злое время над людьми царит:
Оно творит, оно и пожирает
И всех своим причудам подчиняет.

С и м о н и д

Надеюсь, всем вам весело, друзья?

П е р в ы й р ы ц а р ь

Не может быть иначе, государь.

С и м о н и д

Вот до краев я кубок наполняю
И за здоровье ваше пью вино,
Как вы порою пьете за любимых.

Р ы ц а р и

Спасибо, государь!

С и м о н и д

Но посмотрите,
Как этот рыцарь грустен и задумчив.
Сдается мне, что наш роскошный пир
Ему не по нутру и не по нраву.—
Не правда ли, Таиса?

Т а и с а

Что мне в том,
Отец мой?

С и м о н и д

Нет, запомни, дочь моя:
Цари, как боги, осыпают щедро
Дарами тех, кто воздает им честь.—
Иначе царь похож на комара:
Пока живет — жужжит неутомонно,
А умер — не осталось и следа.
Поди развесели его, Таиса,
Скажи ему, что за него я пью.

Т а и с а

Увы, отец, не подобает мне
Такая смелость с этим чужеземцем.
Приветливость мою он не поймет
И, может быть, бесстыдством назовет.

С и м о н и д

Не возражай и не гневи меня.

Т а и с а
(в сторону)

Как рада я исполнить приказанье!

С и м о н и д

**Скажи ему, что я желаю знать,
Кто он таков и как его зовут.**

Т а и с а
(Периклу)

Отец мой за твое здоровье пьет!

П е р и к л

И я его благодарю за это.

Т а и с а

**Желает он, чтоб жизнь твоя была
Полна, как этот кубок.**

П е р и к л

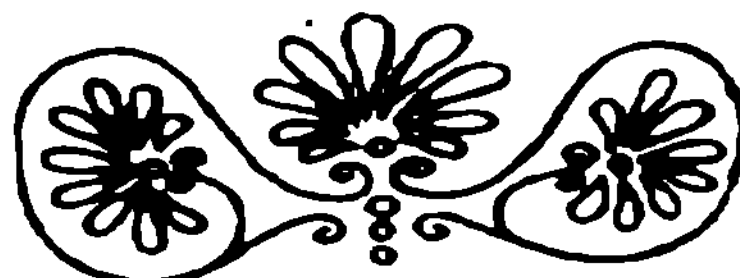
**И за это
Благодарю и пью его здоровье.**

Т а и с а

**А он еще тебя спросить желает,
Кто ты таков и как тебя зовут.**

П е р и к л

**Из Тира я. Зовут меня Периклом.
Военное и прочие искусства
Я изучил и в дальний путь пустился,**

Ища везде чудесных приключений.
Но злое море корабли мои
Похитило, друзей меня лишило
И выбросило на пустынный берег.

Т а и с а

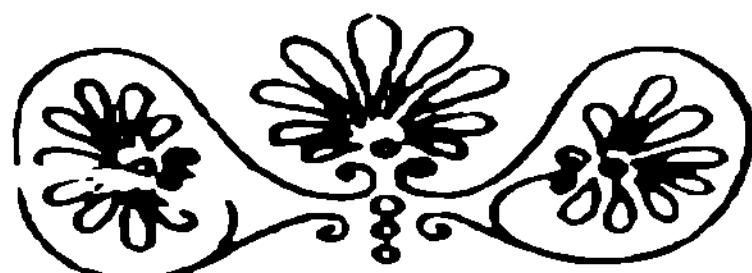
Отец мой! Он тебя благодарит.
Из Тира он. Зовут его Периклом.
Он кораблекрушение потерпел
И выброшен один на этот берег.

С и м о н и д

Клянусь богами, мне прискорбно это,
Но я его от грусти излечу.—
Друзья, напрасно время мы теряем;
Увеселений много впереди!
Неплохо, если войны в доспехах
Затеют танец. Пусть не говорят,
Что девы бранной музыки не любят,
Что лязг оружия докучает им.
Ведь рыцарь, коль мужчина он на деле,
Приятен и в доспехах и в постели.

Рыцари танцуют.

Отличный танец. Значит, просьба кстати.
Смотри, мой друг, красавица скучает.
Слышал я, будто рыцари из Тира

И до упаду танцевать умеют,
И в плавных танцах тоже мастера.

Перикл

В искусстве этом нужно упражняться.

Симонид

Ну полно, и тебе присущи, друг,
Все эти качества!

Рыцари и дамы танцуют.

Наш бал окончен!

Спасибо всем: все танцевали славно!

(Периклу)

Ты лучше всех. Теперь пускай пажи,
Взяв факелы, гостей проводят в спальни.
Твоя с моею рядом.

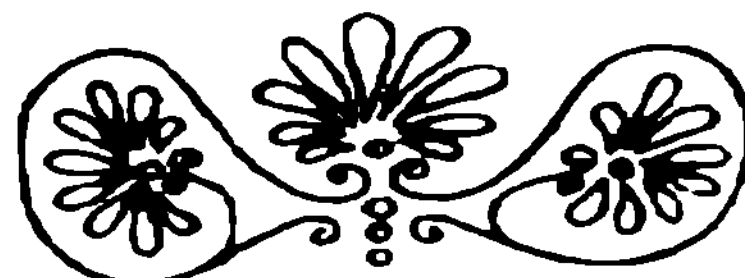
Перикл

Я твой слуга, во всем тебе покорный.

Симонид

Однако поздно, гости дорогие,
Отложим разговоры о любви.
Идите-ка спокойно отдыхайте,
А завтра вновь за счастье в бой вступайте.

Уходят.

Сцена 4

Тир. Зал в доме правителя.

Входят Геликан и Эскан.

Геликан

Узнай, Эскан: царь Антиох преступен;
Он грех кровосмешенья совершил,
И потому-то праведные боги
Уже не в силах были отворотить
Давно ему назначенную кару.
И вот, когда он с дочерью своей,
Сияя славой, гордостью и счастьем,
В роскошной колеснице проезжал,
Огонь небесный поразил обоих,
Тела их изуродовав ужасно,
И сразу смрад пошел от них такой,
Что те, кто им при жизни поклонялись,
Теперь земле предать их погнушались.

Эскан

Как странно!

Геликан

Да, но так оно и было.
Величье Антиоха не спасло
От кары за содеянное зло.

Э с к а н

Да, это так.

Входят несколько вельмож.

Первый вельможа
(тихо)

Смотрите: одному ему он верит
И только с ним одним и говорит.

Второй вельможа
(тихо)

Довольно мы терпели это молча!

Третий вельможа
(тихо)

Прсклятье тем, кто не поддержит нас!

Первый вельможа
(тихо)

Идите все за мной!

(Громко.)

Позволь, правитель...

Г е л и к а н

Ко мне? Добро пожаловать. Привет.

Первый вельможа

Знай, бурная река обиды нашей
Из берегов уже готова выйти.

Г е л и к а н

**Обиды? На кого? Ужели вы
Царю любимому вредить хотите?**

П е р в ы й в е л ь м о ж а

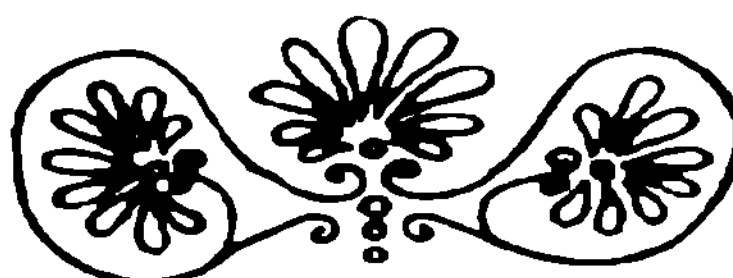
**Ты сам, наш благородный Геликан,
Себе вредить не должен. Если жив
Наш царь Перикл, позволь его почитать.
Скажи: какую землю осчастливил
Он славным пребыванием своим?
Коль жив он — мы везде его разыщем;
Коль умер он — найдем его могилу.
Пусть, если жив он, сам он правит нами,
А если мертв — пускай позволит нам
Его оплакать и избрать другого.**

В т о р о й в е л ь м о ж а

**Весьма возможно, что скончался он,
И наше государство без главы,
Как всякий дом без крыши, разрушенью
Подвержено. А потому тебя,
Разумный и рачительный правитель,
Мы просим: будь наш царь и повелитель.**

В с е

Да здравствует наш мудрый Геликан!

Г е л и к а н

Друзья, повременим во имя чести!
Любя царя Перикла, подождем!
Желанья ваши исполняя, в море
Пустился б я, себе и вам на горе.
Но пусть двенадцать месяцев пройдет.
И, если царь наш все же не вернется,
Я вами предлагаемое бремя
С терпеньем мудрой старости приму.
Но ныне вы, как подобает смелым
И благородным подданным, спешите
На поиски царя. Отважный дух
И смелость вы проявите при этом.
Найдя царя, его уговорите
Вернуться, и тогда в его короне
Вы, как алмазы, будете сиять.

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Совету мудрости не уступают
Одни глупцы. Отправимся немедля,
Как Геликан достойный указал.

Г е л и к а н

Пожмем же руки все. Я убежден:
Где нет раздоров, там надежен трон.

Уходят.

Сцена 5

Пентаполис. Зал во дворце.

Входят с одной стороны
Симонид, читающий письмо, с другой,
навстречу ему, — рыцари.

Симонид

Вам, рыцари, от дочери моей
Известие: откладывает на год
Она свой брак.
Причину этого решенья
Я даже сам никак узнать не мог.

Первый рыцарь

Нельзя ли нам хоть повидать принцессу?

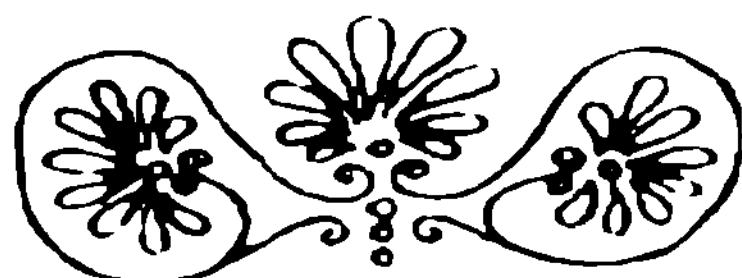
Симонид

Увы, никак нельзя. Уединилась
Она от всех людей в своих покоях.
Двенадцать месяцев убор Дианы
Носить и соблюдать она поклялась
Пред ликом Цинтии девичьей честью.

Третий рыцарь

Как ни прискорбно нам, но удалимся.

Рыцари уходят.

С и м о н и д

Что ж!

Все разошлись. Прочтем письмо Таисы:

“Женой желаю чужеземцу быть,—

Таиса пишет,— или мне не жить!”

Что ж , дочь моя, твой выбор совпадает

С моим. Но все ж какое своеволие!

Ей все равно, согласен я иль нет!

Да, этот выбор мне вполне по сердцу,

Откладывать решение не хочу.—

Тсс! Он идет! Пусть он пока не знает!

Входит Перикл.

П е р и к л

Удачи и успеха, добрый царь!

С и м о н и д

Взаимное желанье, славный рыцарь.

Благодарю за музыку, которой

Ты развлекал нас ночью. Я давно

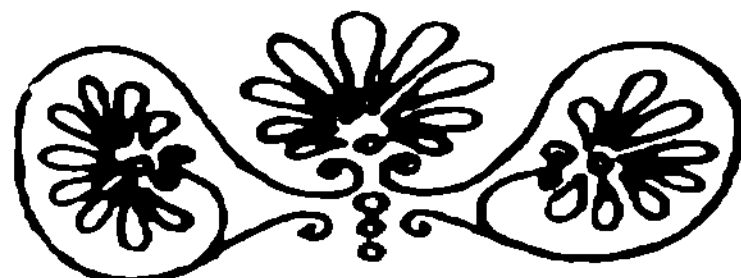
Уже не тешил слух мой столь прекрасной,

Столь сладостной гармонией.

П е р и к л

Меня

По доброте ты хвалишь, государь.

С и м о н и д

О нет, ты мастер в музыке отличный.

П е р и к л

Я — худший из ее учеников.

С и м о н и д

**Позволь тебя спросить, какое мнение
Составил ты о дочери моей?**

П е р и к л

Принцесса добродетелями блещет...

С и м о н и д

**Притом она собою хороша,
Не правда ли?**

П е р и к л

Как летний день прекрасна.

С и м о н и д

**А знаешь ли, что дочери моей
Ты по сердцу пришелся, и желает
Она учиться у тебя. Смотри!
Наставником она тебя избрала.**

П е р и к л

Увы, я этой чести недостоин.

С и м о н и д

Она другого мнения. Вот, читай!

П е р и к л
(в сторону)

Да что же это? Судя по письму,
Принцесса любит рыцаря из Тира.
Нет, царь меня задумал погубить.

(Громко.)

О государь, я весь в твоих руках,
Я чужеземец, я злосчастный рыцарь.
Я никогда не мог и помышлять
О том, чтоб дочь твоя меня любила.
Я ей служить и чтить ее готов.

С и м о н и д

Ты дочь мою приворожил, несчастный!
Ты негодяй.

П е р и к л

О нет, клянусь богами,
Я помысла такого не имел
И вызывать, конечно, не дерзал бы
Ее любовь и гнев твой справедливый.

С и м о н и д

Ты лжешь, предатель!

Перикл
Кто предатель?

Симонид

Ты!

Перикл
Я не предатель. Гнусной клеветы
От самого царя не потерплю я!

Симонид
(в сторону)

Я смелой гордостью его люблюсь!

Перикл
Дела мои и мысли благородны,
Я низких побуждений не имею!
К тебе сюда пришел я с честным сердцем,
И честь мою никто не посрамит.
А кто меня бесчестным почитает,
Того мой меч в бесчестье уличает.

Симонид
Ну что ж! Вот дочь моя. Пускай решает!

Входит Таиса.

Перикл
Скажи, о красота и добродетель,

Родителю разгневанному, точно ль
Сказать иль написать тебе дерзнул я
Хотя бы слово о моей любви?

Т а и с а

Но я совсем тебя не упрекаю;
Приятна мне была бы речь такая.

С и м о н и д

Однако ты решительна, мой друг!

(В сторону.)

Ах, как я рад решительности этой.

(Громко.)

Тебя я укрошу и усмирю!
Как смела ты без моего согласия
Свою любовь и нежность подарить
Какому-то пришельцу?

(В сторону.)

Он, пожалуй,
По крови столь же знатен, как и я.

(Громко.)

Итак, принцесса, либо ты смиришься
Передо мной, а ты, бесстрашный рыцарь,
Мою признаешь волю, либо я
Вас повенчаю. Ну, подайте руки
Друг другу. Пусть уста скрепят союз.

И пусть взамен печали и тревоги
Лишь радости нам посылают боги.
Довольна ль ты?

Т а н с а
Да, если я любима.

П е р и к л
Любима больше жизни!

С и м о н и д
Хорошо.
Так вы согласны?

Т а н с а и П е р и к л
Если есть на это
Твое соизволение, государь.

С и м о н и д
Мое соизволение — вас поздравить.
Вас обвенчать и в спальню вас отправить!

Уходят.

АКТ III

Входит Гауэр.

Гауэр

**Сонм пировавших сном объят:
Наелись гости и храпят;
Тем громче храп, чем крепче сон, —
Желудок их обременен.
Зеленоглазый хищный кот
У норки мышку стережет,
Сверчки за печкою поют:
Им хорошо, им сладко тут.
Возвел невесту Гименей
На ложе. С девственностью ей
Пришлось расстаться, и растет
Ее дитя — зачатый плод.
Все, что пришлось мне пропустить,
Я вас прошу вообразить.
Вот пантомима перед вами;
Я поясню ее словами.**

ПАНТОМИМА

Входят с одной стороны Перикл и Симонид со свитой.

Навстречу им — г о н е ц; он склоняет колени перед Периклом и подает ему письмо. Перикл показывает письмо Симониду. Вельможи преклоняют колени перед Периклом. Затем входит Т а и с а, беременная, и кормилица Л и х о р и д а. Симонид показывает дочери письмо; она выражает радость. Т а и с а и П е р и к л прощаются с Симонидом и уходят с Л и х о р и д о й и свитой. Затем уходят С и м о н и д и д р у г и е.

Великим рвением горя,
Перикла, своего царя,
По всем путям, во все концы
Искать отправились гонцы.
Иной — на быстром корабле,
Иной — пешком, иной — в седле.
Молва в Пентаполис ведет
Отважных путников. И вот
Теперь читает Симонид
Письмо, которое гласит,
Что Антиох-прелюбодей
С преступной дочерью своей
Погибли. Тирский же народ
Царя Перикла тщетно ждет.
И Геликану царский трон
Предложен; но не хочет он
Принять венец; народ в смятенье.
Но Геликан умов брожение
Весьма искусно усмирил.
Он всенародно объявил:

“Пускай двенадцать лун сменится;
Коль царь Перикл не возвратится,—
Он, Геликан, принять венец
Согласен будет наконец”.

Когда про это все узнал
Пентаполис, возликовал
Ею народ; рукоплеща,
Шумели граждане, крича:

“Ну кто бы мог предугадать,
Что Симонида славный зять
И сам окажется царем?”

Но вот покинуть царский дом
Спешит Перикл, а с ним жена,
Хоть и беременна она.

Как ей перечить в час такой?

Берет кормилицу с собой

Царица. Слезы расставанья

Не поддаются описанью,

А потому пропустим их.

Уже Нептун средь волн морских

Качает путников. Почти

Свершил корабль их полпути.

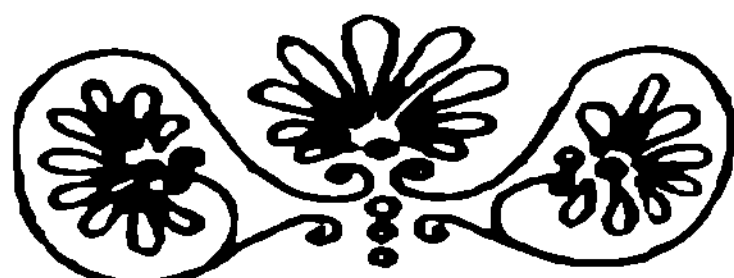
Но рок изменчив: норд завыл

И злую бурю породил.

Корабль, как утка, на волнах

Нырять. Всех объемлет страх.

Царица бедная кричала

Так, что рожать с испугу стала.
Рассказ не стану продолжать:
На сцене можно увидеть
Все, что последует. Итак,
Вообразить сумеет всяк,
Что это палуба, и вот
Перикл к богам взывать начнет.

(Уходит.)

Сцена I

На палубе корабля в море.

Входит П е р и к л.

П е р и к л

О бог пучины! Обуздай же ад
Встающих к небу волн! Тебе подвластны
Все ветры. Ты, их вызвавший, свяжи
Их медью окрика! О, заглуши же
Неистовство громов и злую ярость
Могучих вспышек молний обуздай!
Где Лихорида? Что с моей царицей?—
О буря, да когда же ты утихнешь?
Все заглушаешь ты. Свистки матрсов
Для уха смерти все равно что шепот.
О, помоги, пресветлая Луцина,
Божественная повитуха, где ты?
Ты, нежная и добрая ко всем,

В ночи вопящим, — посети, богиня,
Наш пляшущий корабль и злые муки
Жены моей, царицы, утоли.

Входит Лихорида с младенцем.

О боги! Молви слово, Лихорида!

Л и х о р и д а

Смотри! Созданье это слишком слабо,
Чтоб вынести такую злую бурю.
Но, будь оно разумнее, наверно,
Оно, как я, желало б только смерти.
Вот, государь, прими его: оно
Часть умершей жены твоей, царицы!

П е р и к л

Что, Лихорида, что сказала ты?

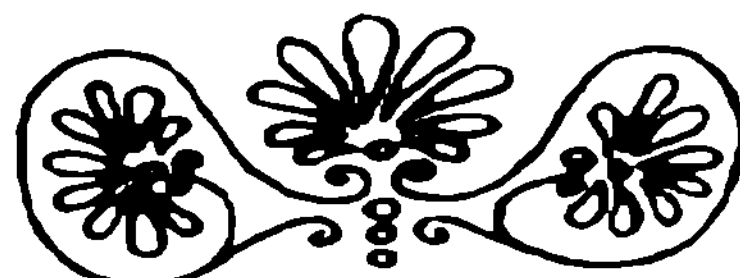
Л и х о р и д а

О, успокойся, государь! Не нужно
Усиливать жестокий ужас бури.
Вот маленькая дочь твоя: она
Живая часть жены твоей — царицы.
Мужайся ради этого младенца
И успокой себя!

П е р и к л

О боги, боги!

Зачем же нам даете вы любить

То, что отнимете так скоро?
Мы, смертные, не так легко берем
Свои дары обратно: мы честнее!

Л и х о р и д а

О, успокойся, добрый государь,
Младенца ради.

П е р и к л

Да, я знаю, знаю,
Безоблачною будет жизнь твоя:
Какой ребенок бурно так рождался?
Приветливой и кроткой будешь ты:
Случалось ли, чтоб так встречали грубо
Ребенка царской крови? Будь счастливой,
Ты, на кого огонь, вода и воздух
Набросились, когда еще на свет
Едва ты появилась. В первый миг
Ты потеряла все — ничто не сможет
Тебе потерю эту возместить. —
Взгляните же, о боги, благосклонно
На этого младенца!

Входят два матроса.

П е р в ы й м а т р о с. Не бойся, царь, храни тебя господь!

П е р и к л

Я бури не боюсь: она не сможет

Мне большее несчастье причинить.
Но из любви к несчастному младенцу,
Который стал игрушкой волн морских,
Едва родился, я молю богов,
Чтоб эта буря стихла наконец.

Первый матрос. Отдай канаты. А ну-ка, живо! Ах, дуй тебя горой!

Второй матрос. Эх, будь бы мы в открытом море, было бы не так страшно! Волненья-то я не боюсь: пусть хоть до луны достает!

Первый матрос. Царь, надо бы тело царицы бросить за борт: смотри, как воет ветер, как разъярилось море,— оно ведь не успокоится, пока мертвое тело будет на корабле.

Перикл. Это суеверие!

Первый матрос. Ты на нас, царь, не сердись, но у нас в море такой обычай, а обычаи мы привыкли строго соблюдать. Словом, поскорее отдай нам тело царицы: его нужно бросить за борт.

Перикл. Ах, поступайте как знаете! Несчастливая моя царица!

Лихорида

Вот она, государь!

Перикл

Как ты терзалась на ужасном ложе

Без света, без огня! К тебе враждебны
Стихии оказались. Я не в силах
Тебя предать земле, как подобает.
Без отпеванья гроб твой опущу я
В пучину, и ни мраморной гробницы,
Ни трепетных лампад не будет там —
Лишь кит с разверстой пастью проплывет,
Когда вода сомкнется над тобою
И ляжешь ты, как раковина, скромно
На тихом дне морском. О Лихорида!
Вели, чтоб Нестор мне принес бумагу,
Чернила и ларец мой, где храню я
Сокровища; вели, чтобы Никандр
Принес мне ящик, выстланный шелками.
Ребенка на подушку положи.
Скорее! Я хочу обряд последний
Над мертвой совершить! Спеши, сказал я!

Второй матрос. Царь! У нас в трюме есть подходящий
ящик, просмоленный и законопаченный.

Перикл

Благодарю тебя. Скажи, матрос,
Какой там берег виден?

Второй матрос

Берег Тарса.

Перикл

Спеши туда, матрос! Не в Тир, а в Тарс.
Когда могли бы мы туда добраться?

Второй матрос

К рассвету, если ветер поутихнет.

Перикл

Скорее в Тарс! Я навещу Клеона.
Дитя не выдержит пути до Тира.
Клеону я его на попечение
Оставлю.— Торопись, моряк мой славный!—
А тело я вам вынесу сейчас.

Уходят.

Сцена 2

Эфес. Комната в доме Церимона.

Входят Церимон, слуга и несколько человек,
потерпевших кораблекрушение.

Церимон

Эй, Филемон!

Входит Филемон.

Филемон

Что хочет господин?

Ц е р и м о н

**Согрей и накорми людей несчастных:
Ночь выдалась жестокая для них.**

С л у г а

**Я видел бурь немало, но такой,
Как эта, не видал еще ни разу!**

Ц е р и м о н

**Хозяина ты не найдешь в живых:
Его спасти уже ничто не сможет.**

(Филемону.)

**Аптекарю снеси записку эту,
И мне потом расскажешь, помогло ли
Мое лекарство.**

**Все, кроме Церимона, уходят.
Входят два дворянина.**

П е р в ы й д в о р я н и н

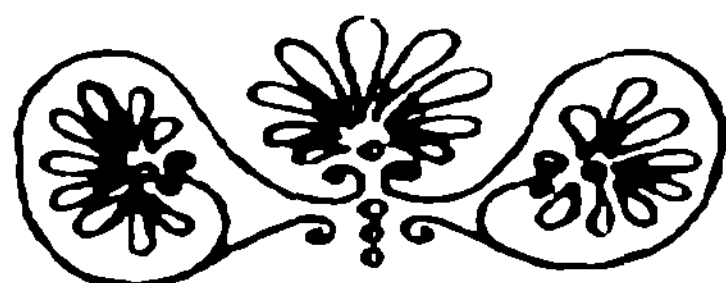
С добрым утром, сударь!

В т о р о й д в о р я н и н

Привет наш, благородный Церимон!

Ц е р и м о н

С чего вы это поднялись так рано?

Первый дворянин

На самом берегу живем мы, сударь.
Дрожали наши домики от бури,
Как от землетрясения. Все стропила
Ходили ходуном, и нам казалось —
Вот-вот они обрушатся. От страха
Жилища мы оставили свои.

Второй дворянин

Вот почему тебя мы беспокоим
Так рано, благородный Церимон.

Церимон

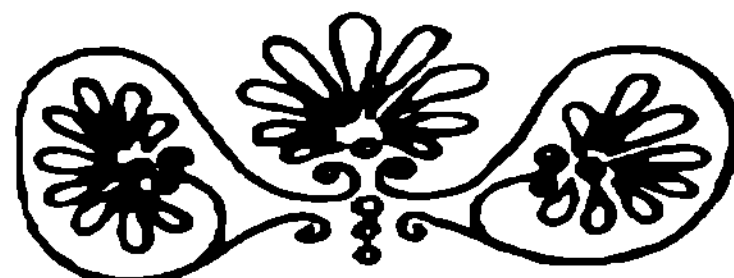
Отлично!

Первый дворянин

Но достойно удивленья,
Что ты, живя в довольстве и покое,
Так рано сбросил золотую дрему.
Не странно ль это, добрый Церимон?
Ужель твоя природа такова,
Что мучишь ты себя без принужденья?

Церимон

Всегда ценил я ум и добродетель
Превыше знатности и состоянья:

Наследник беззаботный расточает
Богатство и свою позорит знатность.
А ум и добродетель человека
Богам бессмертным могут уподобить.
Давно уж я упорно изучаю
Науку врачеванья; в мудрых книгах
Я черпал знания и в искусстве тайном
Немало изощрялся, чтоб постичь
Целебные таинственные свойства
Растений, и металлов, и камней;
Я изучил, что может вызывать
Расстройства организма или снова
Их устранять. И большую отраду
Занятя эти доставляют мне,
Чем преходящих почестей восторги
И накопленье праздное сокровищ —
Глупцам на радость, смерти на забаву.

Второй дворянин

Прославился ты по всему Эфесу
Своею добротой: тобою сотни
Исцелены и спасены от смерти.
Ты щедро отдаешь свой труд и знания,
И даже кошелек свой открываешь, —
Вот потому-то имя Церимона
Столь знаменито, что никто не сможет...

Входят двое слуг с ящиком.

Первый слуга

Поставь сюда!

Церимон

Что это?

Первый слуга

Господин!

**Вот этот ящик выбросило море
На берег только что...**

Церимон

Поставь. Посмотрим!...

Второй слуга

На вид как будто гроб.

Церимон

Какой тяжелый!

**Гм, странно. Открывайте, поглядим!
Во чреве моря золота немало,
И хорошо, что благосклонный рок
Его заставил отрыгнуть добычу.**

Второй дворянин

Да, это верно.

Ц е р и м о н

**Ящик просмолен
И очень хорошо законопачен.
Когда ж он морем выброшен и как?**

П е р в ы й с л у г а

**Я не видал волны такой огромной,
Как та, которая его швырнула
На берег.**

Ц е р и м о н

**Открывайте поскорей!
Мне кажется, исходит от него
Чудесный аромат.**

В т о р о й д в о р я н и н

Нежнейший запах!

Ц е р и м о н

**Благоуханье мне щекочет ноздри.
Откройте же скорей! — О боги, боги!
Что это? Труп?**

П е р в ы й д в о р я н и н

Необычайно странно!

Ц е р и м о н

Завернут в драгоценную парчу
И умащен. Мешки душистых трав
Вокруг. А вот бумага с письменами.

(Развертывает свиток.)

О, проясни мой разум, Аполлон,
И помоги прочесть!

“Я, царь Перикл, взываю к вам.
Коль гроб сей, вверенный волнам,
На берег море принесет,
Того молю я, кто прочтет:
В гробу лежит моя жена,
Из рода царского она, —
Прошу ее земле предать,
Себе ж за то в награду взять
Сокровища, что здесь лежат,
И боги вас благословят!”

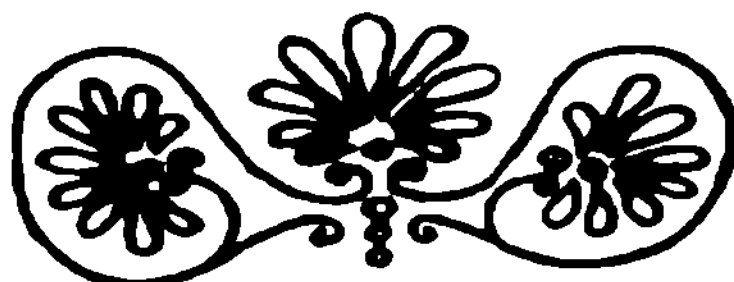
Увы, Перикл! коль ты еще живешь,
То сердце бедное твое разбито.
И нынче ночью это все стряслось.

В т о р о й д в о р я н и н

Возможно, сударь.

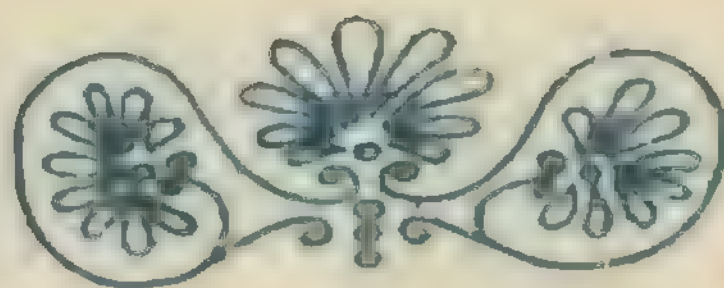
Ц е р и м о н

Так оно и было.

Церимон читает письмо Перикла. Рисунок Джона Джильберта

Смотрите, как свежа она. Ужасно,
Что в море бросили ее! Огонь
Мне разведите здесь и принесите
Сюда скорей все снадобья мои!

Второй слуга уходит.

Порою смерть на несколько часов
Овладевает телом, подавляя
Все чувства в нем, но брезжит искра жизни
В подобных трупах. Я слышал: в Египте
Больного, что лежал совсем как мертвый
В течение девяти часов, сумели
Искусным врачеваньем воскресить.

Входит второй слуга с ящиками, полотенцами и жаровней.

Отлично! Полотенце и жаровню
Давай сюда, а музыканты наши
Играют пусть пронзительно и скорбно.
Подай мне эту склянку поскорей!
Побольше воздуха! Побольше звуков!
Пусть музыка играет! Господа,
Царица эта будет жить. Смотрите:
Уже в ней просыпается тепло,
Струящееся трепетным дыханьем.
В оцепененье пробыла она
Не более пяти часов. Смотрите,
Как распускается она опять
Цветком прекрасной жизни!

Первый дворянин

Это чудо

Через тебя явили небеса,
Тебе во славу!

Церимон

Да, она жива!

Смотрите: эти веки, что скрывали
Два радостных небесных самоцвета,
Раздвинули златую бахрому,
И два алмаза дивною игрой
Умножили богатство мирозданья! —
Живи, живи, прекрасное создание,
И расскажи нам о своей судьбе,
Поистине чудесной!

Таиса делает движение.

Таиса

О Диана!

Где я? Где мой супруг? Кто эти люди?

Первый дворянин

Неслыханно!

Второй дворянин

Необычайно!

Ц е р и м о н

Тише!

Прошу вас! Помогите отнести
Ее в покой соседний осторожно.
А слуг пошлите за бельем скорее:
Здесь неустанный надобен уход.
Вторично я спасти ее не в силах.
Спешите! И да будет Эскулап
Моим руководителем отныне!

Уходят, унося Таису.

Сцена 3

Тарс. Комната в доме правителя.

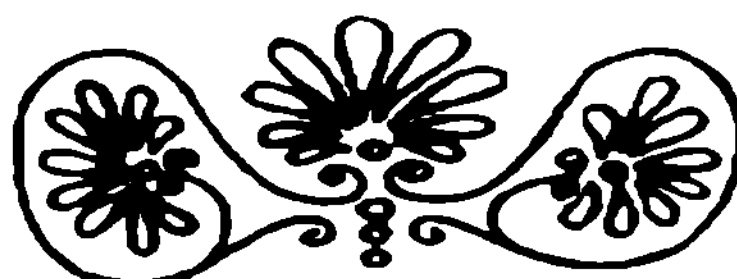
Входят Перикл, Клеон, Дионисса и Лихорида
с Мариной на руках.

П е р и к л

Клеон достопочтенный! Уж пора мне
В Тир возвратиться: скоро истекает
Годичный срок; волнуется народ.
Всем сердцем я тебя благодарю
И добрую твою супругу: боги
Да ниспошлют вам все земные блага!

К л е о н

Тебя поранив, стрелы злого рока
И в нас с такой же яростью впились.

Дионисса

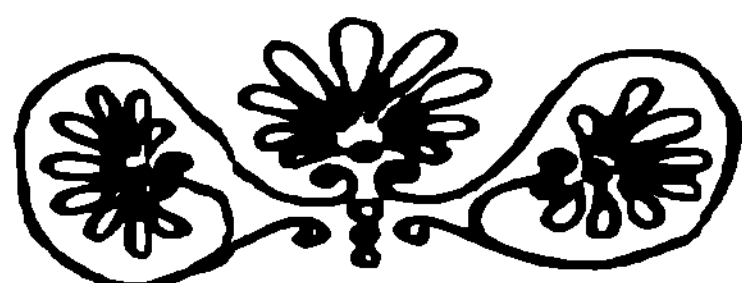
Ах, бедная царица! Почему же
Судьба не пожелала, нам на радость,
Ее сберечь!

Перикл

Должны мы покоряться
Небесным силам! Я бы мог реветь
И выть, как море, что ее сгубило,
Но ничего поделаться бы не смог!
Вот бедное дитя мое, Марина, —
Ей, на море рожденной, это имя
Пристало, — вашим ласковым заботам
Я доверяю девочку. Молю вас
Ее как подобает воспитать:
Ведь царского она происхожденья!

Клеон

Не бойся, ты, который накормил
Своим зерном страну мою! Доселе
Тебя в молитвах люди поминают.
Тебе воздастся за твое добро!
Когда бы я преступно позабыл
Свой долг перед тобою и покинул
Дитя твое на произвол судьбы,
Народ, тобой спасенный, мне б напомнил
Мой долг и пристыдил меня; но если

Нуждаюсь я в таком напоминанье,
Пусть боги покарают весь мой род
Отныне и навеки!

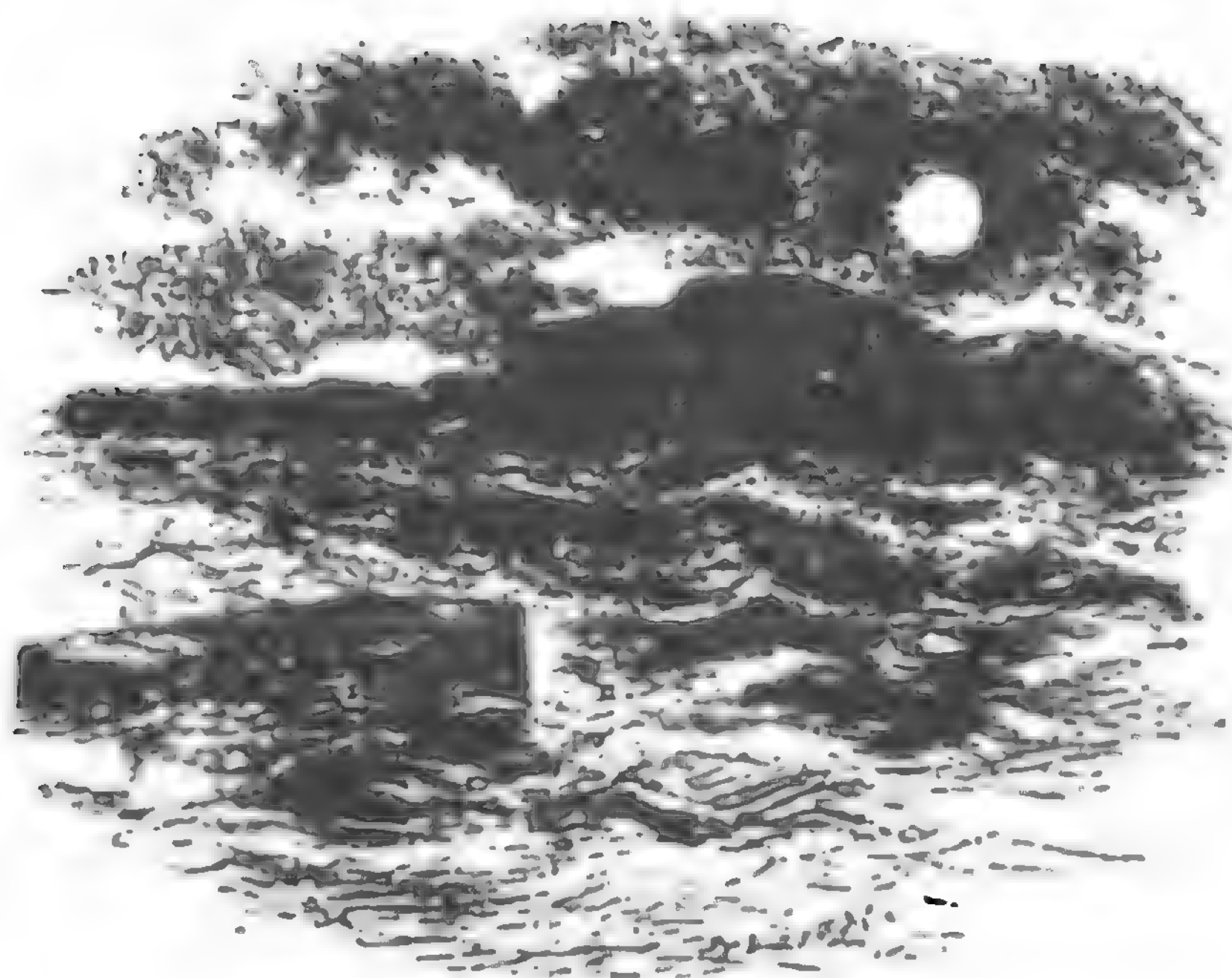
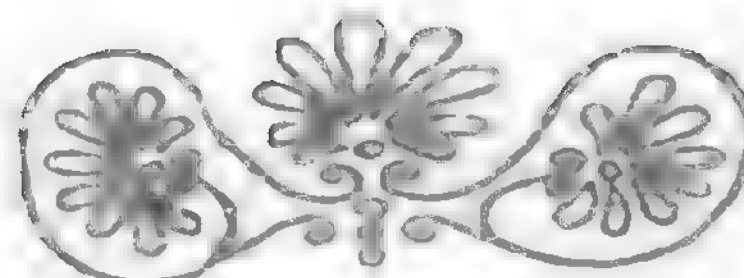

Рисунок Джона Джильберта

П е р и к л

Верю! Верю!

И честь и доброта твоя, Клеон,
Порукой мне! А я — клянусь Дианой,
Которую мы все согласно чтим!—
Не буду стричь волос, пока принцесса
Не вырастет и не найдет супруга.
Пусть буду странен я в таком обличье,
Но таково решение мое.
Прощайте все! Прошу вас об одном:
Дитя мое взрастите!

Дионисса

Я сама

**Имею дочь, и дочь твою я буду
Любить не меньше!**

Перикл

Будь благословенна!

Клеон

**Тебя теперь мы к пристани проводим
И там доверим хитрому Нептуну,
Попутным ветрам и погоде доброй!**

Перикл

**Спасибо!— Так пойдем же, Дионисса!—
Ну, полно плакать, Лихорида, полно.
Ухаживай за маленькой принцессой,
Заботься бережно и заслужи
Ее любовь.— Ну что ж, друзья, идемте!**

Уходят.

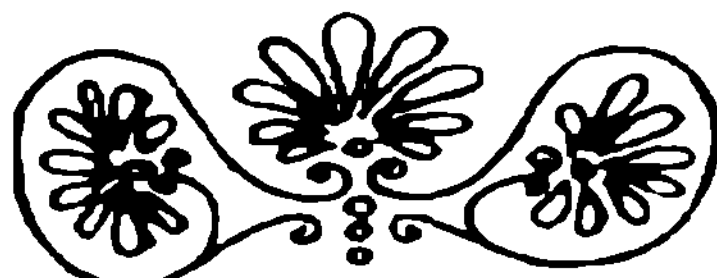
Сцена 4

Эфес. Комната в доме Церимона.

Входят Церимон и Таиса.

Церимон

В твоём гробу, царица, я нашел

Сокровища и это вот посланье.
Вручаю их тебе. Ты этот почерк
Узнала?

Т а и с а

Почерк моего супруга!
Я помню: все мы плыли в бурном море,
Но как я разрешилась и когда —
Не помню вовсе и, клянусь богами,
Не вспомню. Верно, мне царя Перикла,
Супруга моего, уж не увидеть!
Надену же я Весты покрывало,
Чтоб никогда мне радостей не знать!

Ц е р и м о н

Царица! Если ты уж так решила,
Недалеко отсюда — храм Дианы,
Где ты могла бы до скончанья дней
Остаться. Там племянница моя:
Она с тобою будет постоянно!

Т а и с а

Благодарю, тебя, о Церимон!
Пусть благодарности слова — не плата,
Но сила этих слов ценнее злата.

Уходят.

АКТ IV

Входит Гауэр.

Гауэр

**Вернулся в Тир Перикл опять
И стал народом управлять.
В Эфесе царская жена,
Навеки с ним разлучена,
Решила, глубоко скорбя,
Диане посвятить себя.
Теперь к Марине мы вернемся
И снова в Тарс перенесемся.
Клеон красавицу взрастил,
Наукам многим обучил;
Умом и грацией своей
Она пленяет всех людей.
Она любимица молвы,
Но зависти дракон — увы! —
Враг всех заслуженных похвал,
Таит предательский кинжал.
Марине смерть готовит он.**

Невесту дочь имел Клеон;
Пора вступить ей было в брак,
Но не могла она никак
Затмить Марину: ни умом,
Ни красотой, ни мастерством.
Всем дочь Периклова взяла —
Всегда, везде была мила.
Ткала ль тончайшие шелка
Лилейно-белая рука,
Иглою ли ранила холсты,
Чтоб вышивать на них цветы,
Иль пела так в тени ветвей,
Что умолкал и соловей,
Иль сладкозвучным языком
Диану славил — во всем
Она подругу превзошла.
И Филотену зависть жгла.
Но как с Мариной спорить ей?
Как с белизною голубей
Невзрачной галке состязаться?
К Марине взоры все стремятся.
Клеона китрая жена,
За дочь свою оскорблена,
Готовит злое преступленье,
Чтоб не страдала от сравненья
С Мариной дочь ее. И вот
Уже убийца деву ждет.

Судьба презренным помогла:
Вдруг Лихорида умерла.
Теперь жена Клеона злая,
Ни дня, ни часа не теряя,
Удар сумеет нанести:
Марину некому спасти.
О том, что с ней произойдет,
Я рассказал вам наперед,
Но время на крылах несется,
А стих мой, как хромой, плетется.
Все передать бы я не смог,
Когда бы зритель не помог
Живой игрой воображенья.
Итак — смотрите представление.
Вот — Дионисса, а пред ней
Убийца Леонин, злодей.

(Уходит.)

Сцена 1

Тарс. Открытое место около морского берега.

Входят Дионисса и Леонин.

Дионисса

Запомни: ты поклялся это сделать.
И сделать то легко: один удар!
О нем никто на свете не узнает,
А прибыль ты немалую получишь.

Не позволяй же совести холодной
В груди своей хозяйничать напрасно
И жалости, которую забыть
Мы, женщины, умеем, не давай
Собою помыкать. Ну, будь мужчиной,
Будь воином!

Тетрадрахма, Афина. Архаистический стиль. Серебро

Л е о н и н

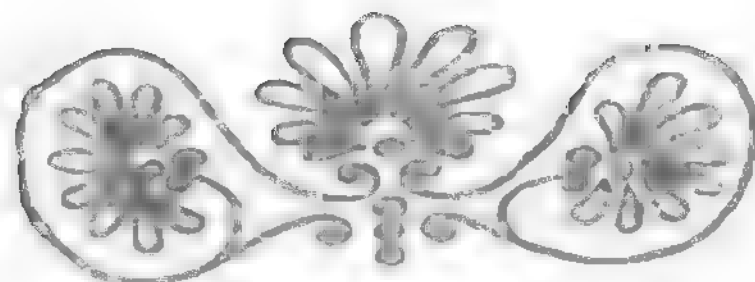
Да-да, я постараюсь!
А все ж она прекрасна и добра!

Д и о н и с с а

Тем ей уместней быть на небесах.
Смотри, она идет сюда, рыдая
О Лихориде. Ну, готов ли ты?

Л е о н и н

Да, я готов!

Входит М а р и н а с корзиной цветов.

М а р и н а

Нет! У земли я отниму наряд,
Чтоб разукрасить дерн твоей могилы
Цветами желтыми и голубыми.

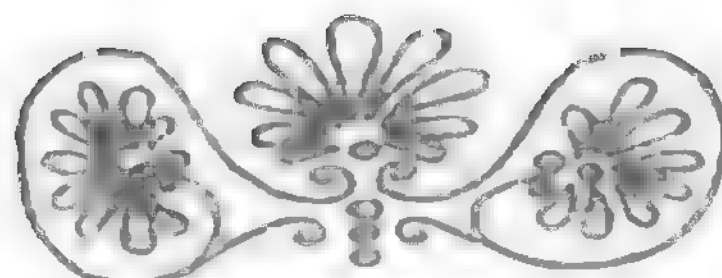

Тетрадрахма, Персефона. Архаистический стиль. Серебро

Смотри: ее покрою я ковром
Из маргариток пестрых и фиалок,
Все лето будет он красив. Увы!
Я родилась под завыванье бури,
Когда скончалась мать моя, — и вот
Вся жизнь была мне бурей непрерывной,
Безжалостно лишавшей меня
Друзей и близких.

Дионисса

Что же ты, Марина,

Идешь одна? И почему с тобою
Нет дочери моей? Не изводи
Себя тоскою: умершую няню
Я заменю тебе! Ах, боже мой,
Как ты от этой скорби бесполезной
Ужасно изменилась! Дай-ка мне
Свои цветы: от воздуха морского
Они поблекнут, а тебе полезно
По берегу немного погулять.
Морская свежесть вызывает бодрость
И аппетит. Пройдись-ка с Леонином.

(Леонину.)

Ну, предложи ей руку, Леонин!

М а р и н а

Нет-нет, не надо: вовсе не хочу я
Служителя отнять у Диониссы.

Д и о н и с с а

Ах, полно, друг мой! Как родных, люблю я
Тебя и твоего отца, Перикла.
Мы каждый день его приезда ждем.
Подумай, если только он увидит
Тебя, красавица, такой унылой,
Раскается он, что тебя оставил,
И попрекнет и мужа и меня,
Что о тебе заботились мы плохо.

Прошу тебя, иди, развеселись
Прогулкою. Верни румянец нежный,
Что стариков и юношей пленял.
Не беспокойся обо мне: могу я
Одна дойти до дома.

М а р и н а

Хорошо,
Но, право, нет желанья у меня
Гулять...

Д и о н и с с а

Ну полно! Для тебя полезна
Прогулка. И не меньше получаса
Гуляйте.— Леонин, не забывай
Приказа моего.

Л е о н и н

Я все исполню.

Д и о н и с с а

Так я тебя оставлю, дорогая!
Ходи спокойно, сердце береги:
Ведь я всечасно о тебе забочусь!

М а р и н а

Спасибо!

Дионисса уходит.

Ветер западный как будто?

Л е о н и н

Нет, юго-западный.

М а р и н а

В ту ночь, когда
Я родилась, дул северный.

Л е о н и н

Ах, вот как?

М а р и н а

Мне говорила няня, что отец мой,
Не зная страха, ободрял матросов,
Кричал им: "Молодцы, не унывай!"
Тянул канаты с ними и мозоли
На царственных руках своих натер.
На палубе под натиском стихии
Он устоял, за мачту ухватясь.

Л е о н и н

Давно ли это все случилось?

М а р и н а

В ночь

Рожденья моего. О, никогда,

Наверно, буря так не бушевала.
Мне говорила няня, что матроса
Сорвало с мачты и швырнуло в море
Волной высокой, и никто не стал
Его спасать. Все бегали в смятенье
С кормы на нос и с носа на корму.
Лишь изредка вопили: “Берегись!”
Да криком капитан, а шкипер —
СВИСТОМ
Усиливали общий страх.

Леонин

ДОВОЛЬНО.

Молись-ка поскорей!

Марина

Что ты сказал?

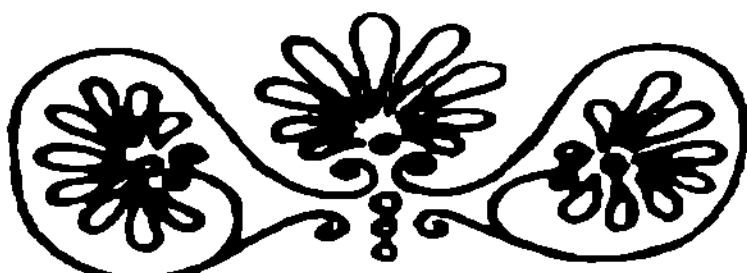
Леонин

Сказал я — если хочешь помолиться,
Поторопись. Не глухи наши боги:
Они тебя услышат. Я ж поклялся
Не мешкая покончить.

Марина

Для чего

Меня убьешь ты?

Л е о н и н

Госпоже в угоду.

М а р и н а

Но для чего ей смерть моя нужна?
Клянусь, я за собой вины не знаю;
Я никогда не досаждала ей,
Я никогда ей зла не причиняла,
Не только ей — ни одному созданию!
Ни мухи не убила, ни мышонка;
Я, даже наступив на червяка
Нечаянно, до слез о том жалела.
Что совершила я? Какая польза
Ей от того, что буду я убита?
Чем я опасна ей?

Л е о н и н

Мне приказали
Не рассуждать, а действовать, и быстро.

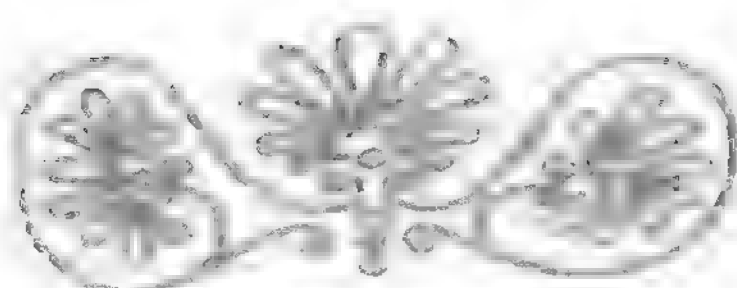
М а р и н а

Нет! Ни за что на свете не поверю,
Что ты способен это сделать! Нет!
Заметно по лицу, что ты хороший
И добрый человек. Совсем недавно
Я видела, как ты, рискуя жизнью,
Дерущихся разнял: стремился ты

Одевание греческой женщины. Часть фриз Парфенона. Мрамор

Слабейшего спасти. Так повтори же
Поступок этот. Госпожа твоя
Моей желает смерти. Стань меж нами
И защити несчастную, меня.

Л е о н и н

Я клятву дал убить тебя — и я
Убью.

(Бросается на нее.)

Марина бьется в его руках.

Входят п и р а т ы.

П е р в ы й п и р а т

Стой, негодяй!

Леонин убегает.

В т о р о й п и р а т

Сюда! Добыча!

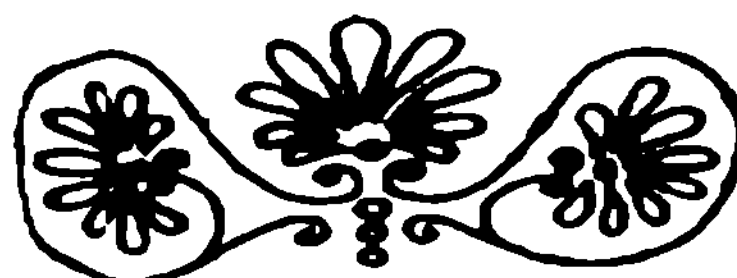
Т р е т и й п и р а т. Чур, общая, друзья, общая! Разделим
ее поровну! А ну-ка, живона корабль ее!

Пираты уходят с Мариной.

Входит Л е о н и н.

Л е о н и н

Пиратам знаменитого Вальдеса
Досталась девушка. Ну что же, ладно!
Теперь ей не вернуться. Я скажу,

Что я ее убил и бросил в море.
Но надо подождать. А что как вдруг,
Натешившись, они ее оставят
На берегу? Но это не беда:
Злосчастную прикончу я тогда!

(Уходит.)

Сцена 2

Митилена. Комната в публичном доме.

Входят сводник, сводня и Засов.

Сводник. Эй, Засов!

Засов. Да, сударь!

Сводник. Что-то у нас плохо с товаром. В Митилене множество распутников! Ярмарочное время в разгаре, а мы теряем много денег из-за того, что у нас мало девчонок.

Сводня. Никогда еще у нас такого не бывало! Только и есть, что три несчастных твари. Ну куда им управиться! Они так умаялись, что просто никуда не годятся!

Сводник. Вот потому-то и нужно достать свеженьких сколько бы они ни стоили. Во всякой торговле нужна прежде всего добросовестность по отношению к покупателям, иначе прогоришь.

Сводня. Что правда, то правда! А я вот ничего не нажила тем, что выходила с дюжину подкидышей.

Засов. Да, выходила-то ты их выходила, а потом их же и уходила! Ну, так пойти поискать на рынке, что ли?

Сводня. А то как же? Ведь посмотри, какой у нас хлам остался! Они до такой степени прогнили, что от ветра валятся.

Сводник. Что правда, то правда! Да оно и для потребителей нездорово, говоря по совести. Помнишь бедного трансильванца, что переспал с нашей малюткой? Он ведь помер.

Засов. Да, быстро она его доконала! Для червей, впрочем, блюдо получилось отличное. Ну, я иду на рынок! (*Уходит.*)

Сводник. Эх, иметь бы три-четыре тысячи цехинов: такого состояньица хватило бы для того, чтобы бросить наш промысел и жить мирно.

Сводня. То есть как это — бросить? Скажите на милость! Разве стыдно иметь кое-какие доходы на старости лет?

Сводник. Эх, уважения-то ни от кого тебе нет при таких доходах, да и доходов меньше, чем опасности. Словом, кабы в юности мы с тобой скопили состояньице, так не плохо бы закрыть нашу лавочку. Притом же мы из-за нашего промысла в прескверных отношениях со всеми богами! А это очень веский довод в пользу того, чтобы бросить все это!

Сводня. Полно! Есть грешники и почище нас!

Сводник. Почище! Ловко сказано! Именно “почище”! Мы с тобой грешим больше всех. И занятие-то наше какое: ни делом не назовешь, ни призванием. А вот и наш Засов идет.

Входят Засов, пираты и Марина.

Засов (Марине). Подойди-ка! (*Пиратам.*) Так вы, ребята, говорите, что она девственница?

Первый пират. Без сомнения, сударь!

Засов. Видишь, хозяин, я уж изо всех сил постарался,

чтобы раздобыть тебе этот лакомый кусочек. Если девица тебе по вкусу — хорошо, а нет — так пропал мой задаток.

С в о д н я. А для нас-то она подойдет?

З а с о в. Лицом она хороша, говорит складно, одета богато — кто ж от такой откажется?

С в о д н я. А цена ей какая, Засов?

З а с о в. Уверять не буду, а думаю, что меньше, чем за тысячу, ее не уступят.

С в о д н и к. Ладно, идемте за мной. Деньги я вам сейчас дам.— Жена, проводи-ка ее к нам, объясни ей, как нужно держаться, а то она ведь неопытна в обхождении. (*Уходит с пиратами.*)

С в о д н я. Иди-ка сюда, Засов. Посмотри на нее как следует, запомни цвет волос, рост, цвет кожи, возраст. Отправляйся на рынок и кричи во всю глотку: вот такая и этакая, ручательство за девственность. Кто больше заплатит, тому достанется первому. Эх, в прежние времена за нее дали бы немало: мужчины были другие, не чета нынешним! Ну, иди и делай, как я приказала.

З а с о в. Выполню без промедления. (*Уходит.*)

М а р и н а

Увы, зачем не сразу Леонин
Меня убил! Зачем пираты эти
Меня в пучину пожалели бросить,
Там я нашла бы мать свою! Увы!

С в о д н я. Ты о чем печалишься, красавица?

М а р и н а. Именно о том, что красавица!

С в о д н я. Полно-полно, боги к тебе благосклонны.

М а р и н а. Я их не упрекаю.

С в о д н я. Радуйся тому, что ты в мои руки попала: здесь тебе понравится!

М а р и н а

Мое несчастье в том, что я спаслась
Из рук того, кто б отнял жизнь мою.

С в о д н я. Уж поверь мне, жизнь твоя будет полна удовольствий!

М а р и н а. Нет.

С в о д н я. А я говорю — да! Ты отведаешь мужчин всех сортов. Жизнь твоя будет пестрая, веселая. Ну, что же ты затыкаешь уши?

М а р и н а. Женщина ли ты?

С в о д н я. Я-то? А чем бы ты хотела меня видеть, коли не женщиной?

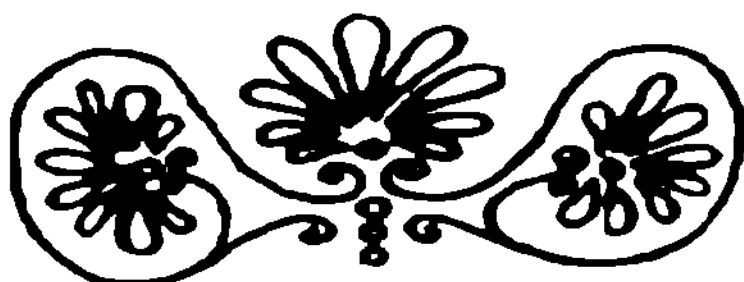
М а р и н а. Честной женщиной или никакой.

С в о д н я. Ах, оттащить бы тебя, дурочка! Видно, мне с тобой сразу не сладить. Полно-полно, образумься! Деревце ты молодое, глупое — как я тебя согну, так и будешь расти.

М а р и н а. Да будут боги ко мне милостивы!

С в о д н я. Если боги пожелают быть к тебе милостивыми через посредство мужчин, мужчины будут тебя утешать, утешать, распалять. Так-то!— А вот и Засов вернулся.

Входит З а с о в.

Ну, как там? Объявил о ней всем на рынке?

З а с о в. Уж я ее так разрисовал — ни одного волоска не забыл. И орал-то что было мочи.

С в о д н я. Ну и что же? Какое это произвело впечатление, особенно на тех, кто помоложе?

З а с о в. Слушали, нечего сказать, слушали внимательно, будто я объявлял им отцовское завещание. У одного испанца просто слюни потекли! Он от одного описания ее прелестей уже улегся в постель.

С в о д н я. Ну, этот завтра же здесь будет в своем лучшем наряде!

З а с о в. Чего там — завтра! Сегодня же вечером, сегодня же! А помнишь ли ты, хозяйка, того француза, у которого коленки тряслись?

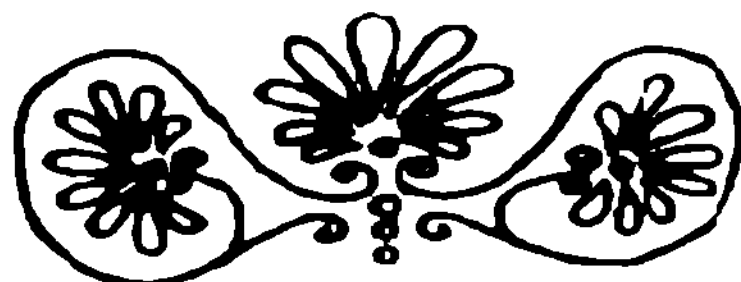
С в о д н я. Это господина Вероля?

З а с о в. Да-да! Знаешь, хозяйка, он как услышал, что я объявлял, хотел подпрыгнуть от удовольствия, да ничего не получилось. Взвыл от боли, но поклялся, что хоть посмотреть на нее завтра же придет.

С в о д н я. Ну, этот нам как раз и занес свою болячку: здесь он ее только подновляет. Он-то придет и порастрясет червонцы.

З а с о в. Эх, право, кабы здесь были приезжие из самых разных стран, мы бы нынче всех заманили к себе.

С в о д н я (Марине). Эй, ты, подойди-ка поближе и послушай, что я скажу. Тебя ожидает богатство. Только запомни: ты должна притворяться, будто боишься делать то, что

делаешь с охотой, а главное — прикидывайся бескорыстной, когда загребаешь деньги. Плакать можешь сколько хочешь и сокрушаться, что сюда попала. Это только вызовет жалость в твоих любовниках, а жалость — дело такое, что обязательно порождает расположение к тому, кого жалеют; а уж это верная прибыль.

М а р и н а. Я не понимаю, зачем ты это говоришь.

З а с о в. Поучить ее нужно, хозяйка, поучить нужно. Не мешало бы и эту ее стыдливость поубавить.

С в о д н я. Что правда, то правда — не мешало бы. Да ведь и новобрачная вначале стыдится того, на что имеет законное право!

З а с о в. Ну, иная стыдится, а иная и нет. Но вопрос-то вот какой, хозяйка: ведь мяско-то выторговал я...

С в о д н я. Что ж, и тебе позволят отрезать кусочек...

З а с о в. Вот-вот, об этом я и речь веду.

С в о д н я. Да кто же тебе в этом откажет?— А знаешь, милая, мне твое платье очень понравилось.

З а с о в. Эй, послушайся моего совета, хозяйка: пусть она пока остается в этом платье.

С в о д н я. Ладно. А ты походи еще по городу и раззвони, что у нас новая красавица завелась: это будет тебе же на пользу. Верно, сама природа сотворила эту девушку для того, чтобы ты нажился. Расскажи всем, какое это чудо, и пожнешь плоды своих трудов.

З а с о в. Ей-богу, хозяйка, если правду говорят, что гром будит спящих угрей, так я, как тот гром, своими восхвалени-

ями в честь ее красоты растормошу всех, кто хоть немного склонен к распутству. Нынче же вечером несколько человек приведу.

Височная подвеска с изображением Афины. Золото. V в. до н.э.

С в о д н я

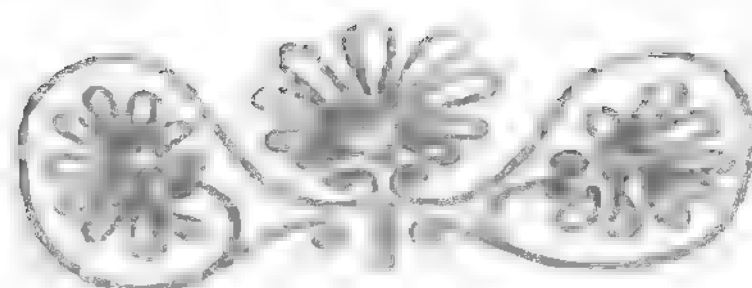
Ступай-ступай!

(Марине.)

А ты иди за мной!

М а р и н а

Пусть нож остер и глубока вода,
Пусть пламя жжет — не сдамся никогда.

Свою невинность гордо сохраняю я.—
Диана! Помоги, тебя молю я!

С в о д н я. Что нам за дело до Дианы? Иди-ка за мной,
слышишь?

Уходят.

Сцена 3

Тарс. Комната в доме правителя.

Входят Клеон и Дионисса.

Дионисса

Довольно, не безумствуй: ты не в силах
То, что уже свершилось, изменить.

Клеон

О Дионисса! Ни луна, ни солнце
Не видели такого злодеянья
Жестокого.

Дионисса

Не будь таким ребенком.

Клеон

Кода б я был властителем вселенной,
Я отдал бы вселенную за то,
Чтоб совершенное не совершилось!
О боже, сколько было благородства

В ее душе прекраснейшей! Марина
Одной уж добротой несравненной
Заслуживала царского венца.
О подлый Леонин! Ты отравила
Его, но жаль, что ты сама отравы
Не выпила. Что скажешь ты Периклу
Теперь о милой дочери его?

Д и о н и с с а

Скажу, что умерла она. Ведь нянька
Не в силах убересть дитя от смерти.
Скажу, что ночью умерла, внезапно —
Кто опровергнет? Ты, быть может,
Окажешься наивным дурачком
И, пожелав прослыть благочестивым,
Раскроешь всем, что дело тут нечисто.

К л е о н

Молчи, молчи! Ужасное злодейство
Совершено, и боги не потерпят
Такого.

Д и о н и с с а

Уж не думаешь ли ты,
Что птички Тарса полетят к Периклу
И все ему откроют? Стыдно видеть,
Что человек столь благородной крови
Так малодушен!

К л е о н

Кто такому делу
Потворствует безмолвно, если даже
Его не замышлял, — уже не может
Считаться благородным.

Д и о н и с с а

Может быть.

Но Леонида нет. Никто не знает,
Как умерла она, — лишь ты да я.
Она вредила дочери моей
И на пути ее всегда стояла.
Никто на Филотену не глядел —
Все взоры обращались на Марину,
А бедной дочери моей одни
Глумливые ухмылки доставались,
Которые терзали сердце мне.
Пускай жесток поступок мой, но я
Его считаю подвигом великим
Для счастья нашей дочери!

К л е о н

Пускай

Тебе простят поступок этот боги!

Д и о н и с с а

А о Перикле ты не беспокойся:

Ни в чем он нас не сможет упрекнуть.
Мы все о ней рыдали и доныне
Печалимся; ей памятник поставим,
И будет эпитафия на нем
Златыми буквами вещать хвалу
И ей и нам, чья нежная забота
Воздвигла этот памятник.

К л е о н

О да!

Ты — гарпия с орлиными когтями
И ангельским лицом!

Д и о н и с с а

А ты, голубчик,
Жалеть способен и мышей и мух,
Но и к моим советам ты не глух...

Уходят.

Сцена 4

В Тарсе, перед памятником Марине.

Входит Г а у э р.

Г а у э р

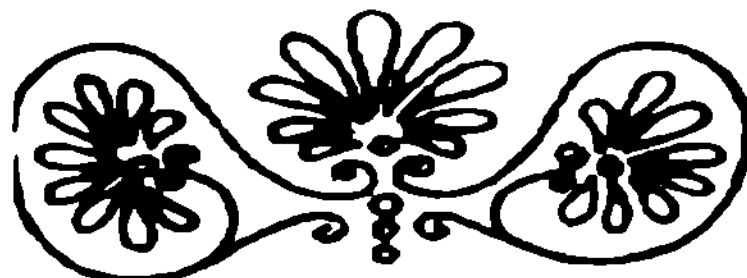
Мы сокращали время, расстоянье,
Моря переплывали по желанью,

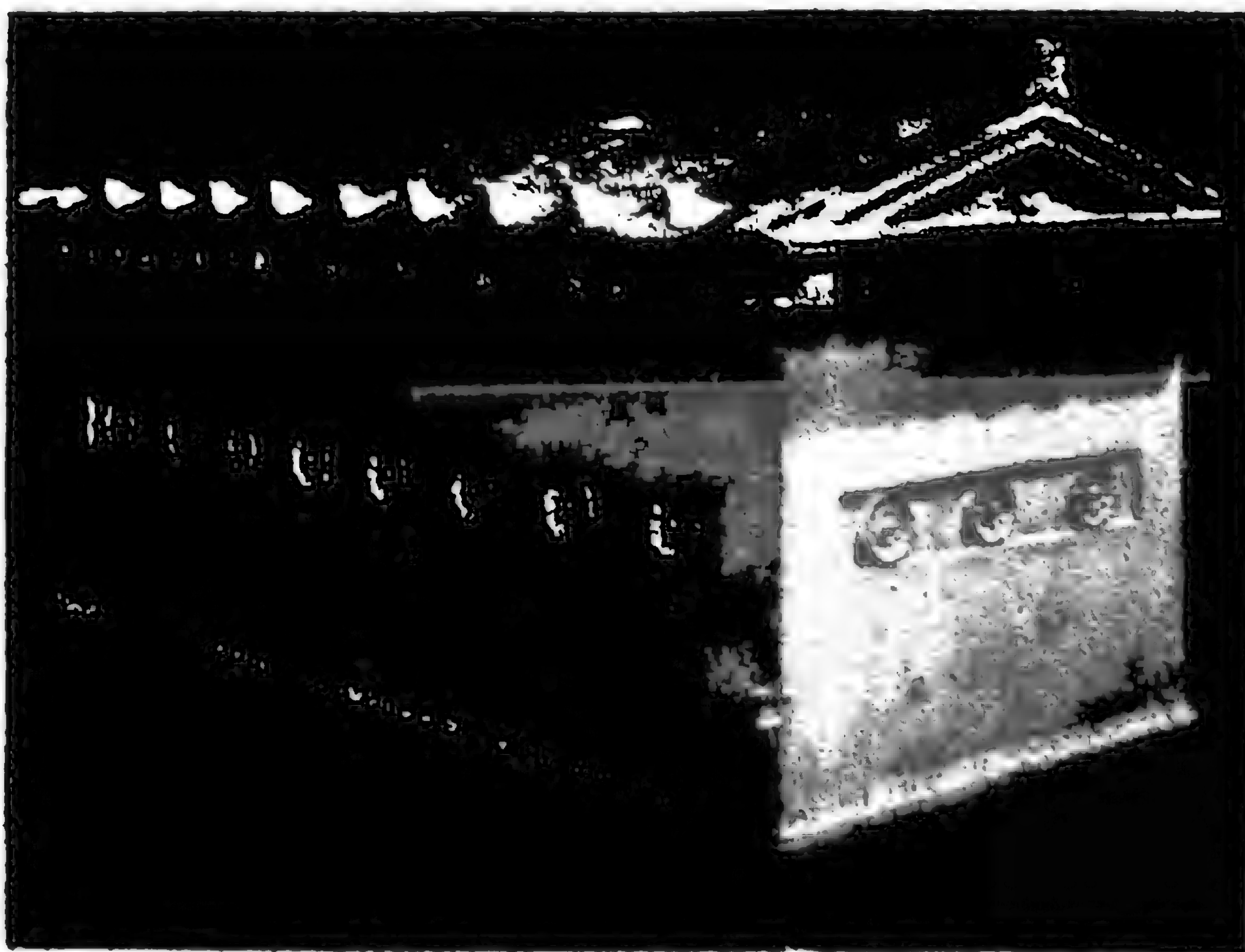
Воображенье наше беспрестанно
Нас в разные переносило страны.
Надеюсь, нет греха большого в том,
Что говорят на языке одном
Во всех краях, где с вами мы бывали. —
Послушайте о том, что было дале.
Пред вами царь Перикл. И снова он
Неукротимым морем окружен.
Спешит он с пышной свитой своей
Увидеть дочь — отраду жизни всей.
А в Тире по совету Геликана
Оставил царь правителем Эскана.
Ведь Геликан, как все должны вы знать,
Царя никак не хочет покидать.
Вот корабли летят под парусами
В далекий Тарс. Вообразите сами,
О чем мечтает царь Перикл теперь,
Спеша домой вернуть родную дочь.
Как призраки, пред вами проплывали
Они, пока вы их воспринимали
Ушами лишь. Но приглашаю вас
Проверить зреньем слух, увидев их сейчас.

ПАНТОМИМА

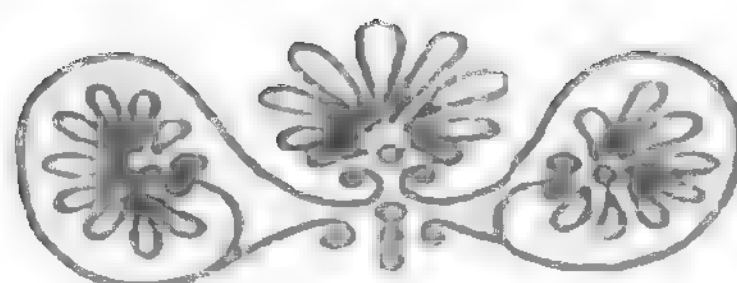
Входят с одной стороны Перикл со свитой, с другой — Клеон, Дионисса и другие, Клеон показывает Периклу гробницу Марины. Перикл выражает глубокую скорбь; надевает рубище и уходит в большой печали. Затем Клеон, Дионисса и другие уходят.

Притворству Простодушие внимает
И вздохи лицемеров принимает
За истинную скорбь. Смотрите, вот
Перикла горе страшное гнетет,
Он слезы льет ручьями, он стонает
И город Тарс навеки покидает.
Он клятву дал богам лица не мыть,
Не стричь волос и рубище носить.
В ею груди бушует буря горя,
Бессилен он, как челн в открытом море.

Таманский саркофаг. Мрамор

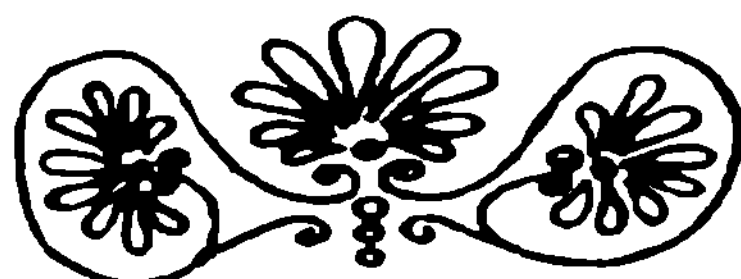

Но не погиб отчаянный пловец
И справится он с бурей под конец.
Теперь я эпитафию читаю,
Что сочинила Дионисса злая
Марине на могилу. Вот она:

(читает надпись на памятнике Марине)

“Прекраснейшее, нежное творенье,
Загубленное на заре цветенья,
Дочь Тирского царя вот здесь зарыта:
Презренной Смертью бедная убита.
Мариною красавица звалась.
Фетида, этой крестницей гордясь,
Ее рожденье бурей почтила
И, веселясь, часть суши поглотила.
Земля, страшась такого, может быть,
Ее спешила небу уступить.
За это мстить нам поклялась богиня
И бьет волнами берег наш поныне!”
Так служит вкрадчивая лесть обычно
Для подлости личиною отлично.
Пускай уверен царь Перикл, что дочь
Мертва. Ему не в силах мы помочь.
В вертеп разврата поспешим за ней —
Что может быть ее судьбы страшней!
Внимание! Смотрите все на сцену,
Перенесемся с вами в Митилену.

(Уходит.)

Сцена 5

Митилена. Перед публичным домом.

Из него выходят двое дворян.

Первый дворянин. Слыхали ль вы что-нибудь подобное?

Второй дворянин. Конечно не слыхал да и не услышу в таком месте, когда ее там не будет.

Первый дворянин. Говорить в таком доме о религии! Да это и во сне не приснится.

Второй дворянин. Нет-нет! Меня теперь в эти вертепы разврата не заманишь. Пойдем-ка лучше послушаем пенье весталок!

Первый дворянин. С удовольствием: я охотно совершу любой добродетельный поступок. Положительно я навеки покинул путь разврата!

Уходят.

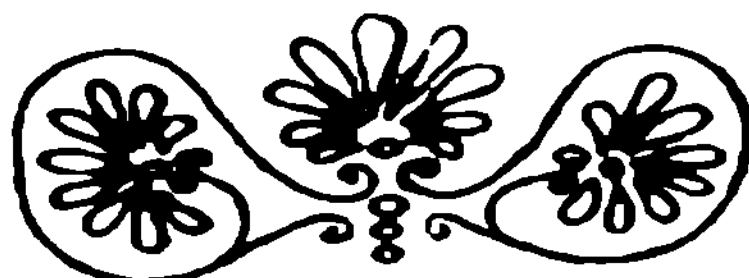
Сцена 6

Там же. Комната в публичном доме.

Входят сводник, сводня и Засов.

Сводник. Ну, знаете! Я отдал бы вдвое больше того, что заплатил за нее, лишь бы она здесь никогда не появлялась!

Сводня. Ведь какая подлая! Она способна заморозить самого Приапа! Вот из-за таких-то и не появляются на свет десятки младенчиков нового поколения! Нет! Ее нужно как-

нибудь лишить невинности или просто выпроводить отсюда. Вместо того чтобы вести себя с гостями как подобает в нашей профессии, она мне устраивает всякие сюрпризы: то проповеди читает, то молитвы, то на колени становится. Да она самого черта превратила бы в пуританина, кабы тот вздумал приставать к ней со своими поцелуями.

З а с о в. Давайте-ка я вам ее изнасилую. А не то ведь она отвадит всех наших посетителей и всех паскудников превратит в священнослужителей!

С в о д н и к. Ах, дурная болезнь ее заberi! Тоже мне, бледная немочь!

С в о д н я. Вот и я это самое говорю: будь бы у нее дурная болезнь, мы бы уж с ней как-нибудь справились. А вон смотрите-ка — сюда пробирается сам господин Лизимах.

Входит Л и з и м а х.

Л и з и м а х. Ну, как дела? Почем дюжина девственниц?

С в о д н я. Ах, да благословят вас боги, ваша милость!

З а с о в. Я радуюсь, что лицезрю вашу милость в добром здравии!

Л и з и м а х. Радуйся, радуйся! Тебе же лучше, коли ваши посетители способны держаться на ногах. Послушайте-ка вы, отъявленные нечестивцы: найдется ль у вас такая, чтоб порядочный мужчина мог развлечься с нею и после этого не обращаться к врачу?

С в о д н я. Ах, есть одна, сударь! Есть! Кабы только она согласилась! Уж такой у нас в Митилене еще не бывало.

Л и з и м а х. Ты разумеешь — кабы она согласилась заняться тем, чем занимаются в темноте?

С в о д н я. Вы меня с полуслова поняли, сударь!

Л и з и м а х. Ну, позови-ка ее, позови!

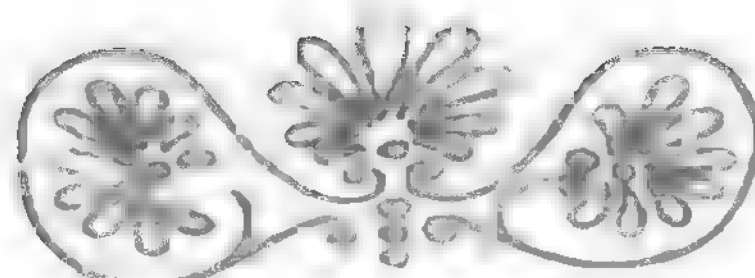
З а с о в. На вид она, сударь, настоящая роза: и бела и нежна... Вот кабы только...

Л и з и м а х. Что? Говори!

З а с о в. Нет, я уж лучше помолчу. Я ведь тоже умею быть скромным, сударь! (*Уходит.*)

Засов. Рисунок Джона Джильберта

Л и з и м а х. Что ж! Скромность украшает сводника не меньше, чем тех, кому она создает славу непорочности.

С в о д н я. Сейчас она явится: настоящий цветочек, могу вас уверить, и еще никем не сорванный!

Входит З а с о в с М а р и н о й.

Ну разве не красавица?

Л и з и м а х. Да, после долгого плаванья подойдет. Ну, на, получай деньги и оставь нас одних.

С в о д н я. Ваша милость, пожалуйста, разрешите мне сказать ей одно словечко. Я мигом!

Л и з и м а х. Пожалуйста, разрешаю!

С в о д н я (Марине). Во-первых, прошу тебя уважить этого господина: он человек благородный.

М а р и н а. Я очень хочу, чтобы это было так: я тогда смогла бы его уважать по заслугам.

С в о д н я. Потом запомни: он наш правитель, а значит, все мы от него зависим.

М а р и н а. Если он правитель, так вы, конечно, все от него зависите, но считает ли он это почетным для себя — не знаю.

С в о д н я. И, прошу тебя, перестань ты носиться со своей девственностью. Обойдись с ним поприветливей. Он тебя озолотит.

М а р и н а. Если он будет ко мне милостив, я сумею быть благодарной.

Л и з и м а х. Ну, поговорили?

С в о д н я. Да она у нас, сударь, еще не объезжена — вам с ней придется повозиться и помучиться. — Ну, идем, идем. Оставим его милость наедине с нею.

Сводник, сводня и Засов уходят.

Л и з и м а х. Теперь скажи мне, красотка, давно ли ты занимаешься этим ремеслом?

М а р и н а. Каким ремеслом, сударь?

Л и з и м а х. Ну зачем же я стану обижать тебя, называя его вслух?

М а р и н а. Я то, что я есть, и в этом нет ничего оскорбительного.

Л и з и м а х. Вот я и спрашиваю, с каких пор ты стала тем, что ты есть?

М а р и н а. С тех пор как я себя помню.

Л и з и м а х. Так рано? Да неужто ты была распутной с пяти, семи лет?

М а р и н а. Я совершенно такая же, какой была тогда.

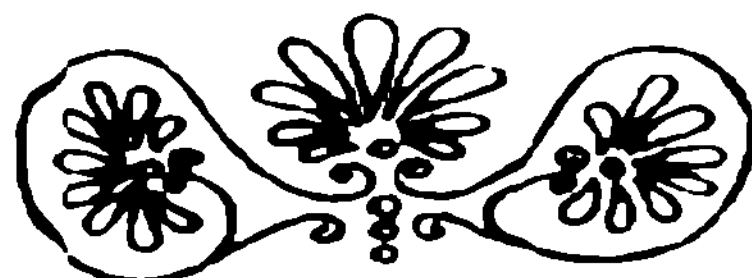
Л и з и м а х. Я что-то не понимаю тебя: ведь этот дом уже сам по себе доказательство того, что ты — дитя порока.

М а р и н а. А как же вы, зная, каков этот дом, сюда приходите? Мне сказали, что вы благородный человек и здешний правитель.

Л и з и м а х. Что? Твоя хозяйка уже сказала тебе, кто я такой?

М а р и н а. Кто это — моя хозяйка?

Л и з и м а х. Ну, эта вот, что разводит в своем огороде бесстыдство и распутство. О, ты, наверно, кое-что узнала о моем положении и ломаешься, чтобы вернее завлечь меня. Но уверяю тебя, красотка, я не причиню тебе никакого зла. Я человек добрый и честный. Пойдем, пойдем! Отведи меня в укромный уголок, где мы сможем уединиться!

М а р и н а

Коль вам высокое происхождение
Поступки благородные диктует,
Явите их. Коль вы облечены
Высоким саном — докажите ныне,
Что вы его достойны.

Л и з и м а х

Что такое?
К чему такие речи? Объясни!

М а р и н а

Так знайте же:
Я — девушка, безжалостной судьбою
Заброшенная в этот грязный хлев,
Где мерзкие болезни продаются
Дороже, чем лекарства. — Боги, боги!
Когда освободите вы меня
Из этого вертепа! Превратите
Меня в пичужку, чтобы я могла
Отсюда улететь на свежий воздух!

Л и з и м а х

Я поражен. Ты столь красноречива,
Что, даже будь я развращен и низок,
Меня бы изменила речь твоя.

Вот золото. Бери его себе
И продолжай свой честный путь достойный,
Пусть боги укрепят тебя на нем.

М а р и н а

Да сохранят вас боги!

Л и з и м а х

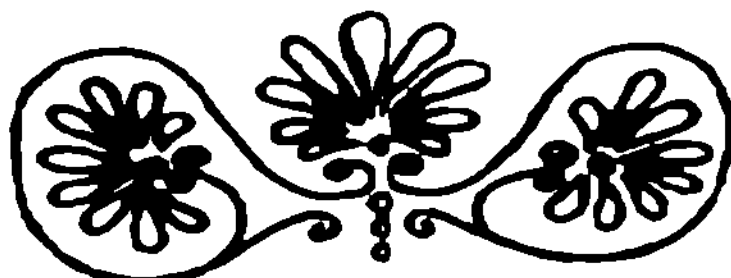
И поверь,
Что я не с низким умыслом явился
В сей дом разврата. Даже двери эти
И окна мне внушают омерзенье.
Прощай. Ты добродетельна и, верю,
Воспитана в понятиях благородства.
Вот золото еще. Возьми его.
Да будет проклят тот, кто покусится
На честь твою. Пусть он умрет, как вор.
Я возвращусь не раньше, чем сумею
Тебе большую радость сообщить.

Входит З а с о в.

З а с о в. Ваша честь, попрошу вас! Один золотой пожалуйста—
те и мне!

Л и з и м а х

Прочь, мерзостный тюремщик! Вон отсюда!
Твой гадкий дом, не будь в нем этой девы,

Обрушился б и раздавил тебя!
Прочь с глаз моих!

(Уходит.)

З а с о в. Да что ж это такое? За тебя, детка, видимо, нужно приняться как следует. Ведь это такое дурацкое целомудрие. Да ему цена меньше, чем закуске в самом паршивом трактире! А ведь это может оказаться причиной разорения целого семейства. Ну нет! Либо меня выхолостят, как спаньеля, либо я с тобой справлюсь — идем-ка со мной!

М а р и н а. Что тебе от меня нужно?

З а с о в. Я расправлюсь с твоей невинностью, или пусть это делает любой палач. Идем-идем! Ты нам больше не будешь отваживать благородных гостей! Иди же, говорят тебе!

Входит сводня.

С в о д н я. Что такое? В чем дело?

З а с о в. Да уж хуже не может и быть, хозяйка. Эта святоша наговорила бог весть чего самому господину Лизимаху.

С в о д н я. Ах, ужас какой!

З а с о в. Она тут проповедует, что наш промысел смердит, оскорбляя богов.

С в о д н я. Да повесить ее мало!

З а с о в. Наш знатный гость готов был обойтись с ней как подобает знатному гостю, а она его сразу заморозила да еще заставила читать молитвы.

С в о д н я. Забирай ее, Засов, и потешься над ней вдоволь: разбей нам только стеклышко ее девственности — и она станет податливее.

З а с о в. Ничего, как-нибудь управимся! Вспахать можно и более тернистый клочок земли!

М а р и н а. Внемлите мне, внемлите, боги, боги!

С в о д н я. И еще заклинания произносит. Вон отсюда! И зачем только она вошла в этот дом. Ах, нет на тебя веревки! Эта девка родилась, чтобы нас пустить по миру! Ты что же? Не желаешь покоряться общей женской участи? Скажите пожалуйста! Еще кичится своей девственностью! Украшайся, украшайся! Там вкусней будет блюдо. *(Уходит.)*

З а с о в. Идем, сударыня, идем со мной.

М а р и н а. Чего тебе от меня нужно?

З а с о в. Нужно отнять драгоценность, которой ты так дорожишь.

М а р и н а

Ответь мне только на один вопрос.

З а с о в. Ну, выкладывай свой один вопрос.

М а р и н а

Чего врагу ты мог бы пожелать?

З а с о в. Да как тебе сказать? Я пожелал бы ему быть моим хозяином, даже, вернее, моей хозяйкой.

М а р и н а

Но ты-то ведь презренней их обоих:
Ты служишь им, ты угождаешь им.
Ведь даже самый мерзкий бес в аду

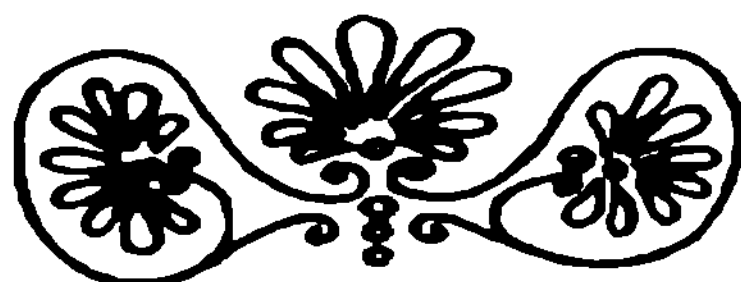
С тобою поменяться постыдился б.
Ты злой тюремщик у проклятой двери,
И каждый, приходящий к жалким тварям,
Срывает гнев свой на твоих щеках.
Вся жизнь твоя — блевотина, и мерзость,
И оплеухи грязных подлецов.

З а с о в. А что ж мне делать, по-твоему? В солдаты, что ли, идти? Да ведь там за семь лет службы только ногу потеряешь и не на что будет деревянную купить.

М а р и н а

Займись любой работой: убирай
Отхожие места, канавы чисти.
Служи у палача — занятья эти,
Как ни ужасны, лучше твоего.
Ведь постыдился б даже павиан
Такого ремесла. О, если б боги
Мне помогли отсюда убежать!
Вот золото. Возьми его себе.
Быть может, твой хозяин согласится,
Чтоб деньги зарабатывала я
Тканьем и вышиваньем, даже пеньем.
Я многое умею — я могла бы
Учить других. Ваш город многолюден.
Учеников нашла бы я легко.

З а с о в. А ты и впрямь сумеешь обучать всему этому другим?

М а р и н а

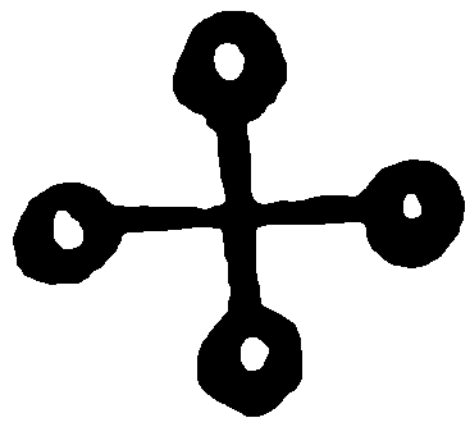
Поверь мне на слово. А если лгу я,
Верни меня в проклятый этот дом
И самому последнему отдай
На поруганье.

З а с о в. Ладно, постараюсь тебя устроить. Сумею, так устрою.

М а р и н а. Только, прошу тебя, в доме честной женщины.

З а с о в. По правде сказать, я с этой породой знаком мало. Но уж поскольку мои хозяин и хозяйка тебя купили — тебе не уйти отсюда без их согласия. Поэтому я им расскажу о твоей просьбе и думаю, что сумею их уломать. Пойдем, я постараюсь это дело уладить.

Уходят.

АКТ V

Входит Гауэр.

Гауэр

**Притон покинуть удалось Марине,
Она у честной женщины живет:
По-прежнему танцует, как богиня,
Под стать бессмертным сладостно поет
И разумом ученых поражает;
Волшебною иглой творит цветы
И пестрых птиц; природе подражает
Оттенками тончайшей красоты.
Живые розы слятся напрасно
Искусственных подруг своих затмить,
И вишни, шелком вышитые красным,
От сочных вишен трудно отличить.
За обучение знатные девицы
Марине платят щедро, но она,
Чтоб от проклятой сводни откупиться,
Все, что получит, ей отдать должна.
Теперь пора к Периклу возвратиться:**

В открытом море долго он блуждал,
Пока к стране, где дочь его томится,
Его попутный ветер не пригнал.
На берегу справляли горожане
Свой праздник в честь Нептуна. Лизимах
Заметил на далеком расстоянье
Над кораблем Перикла черный флаг.
(Уходит.)

Сцена I

Палуба корабля Перикла, близ Митилены.

В занавешенном шатре на палубе возлежит Перикл.
К тирскому кораблю причалила лодка. Входят два матроса:
один с лодки, другой — с корабля. Им навстречу идет Геликан.

Тирский матрос
(митиленскому матросу)

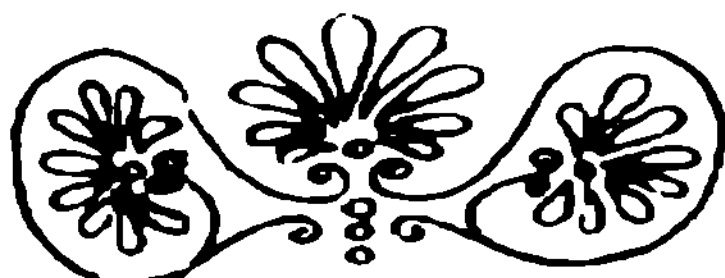
Где ж Геликан почтенный? Он сумеет
На все ответить нам. — А вот и он!

Входит Геликан.

Здесь, господин мой, Лизимах, правитель
Из Митилены. Он к тебе явился
На этой лодке и весьма желает
Тебя увидеть. Что прикажешь ты?

Геликан

Его желанье выполнить. Зови
Сюда вельмож.

Тирский матрос
Эй, господа, живее!
Мой господин зовет вас.

Входят несколько придворных.

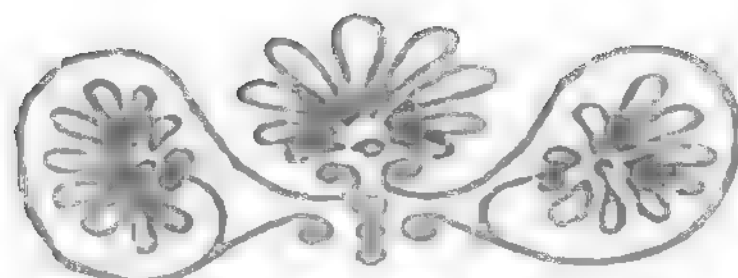
Первый придворный
Мы явились.

Геликан
Пожаловало знатное лицо
К нам на корабль. Его должны мы встретить
Достойно.

Придворные и оба матроса спускаются в лодку и возвращаются
с Лизимахом и вельможами.

Митилена. Рисунок неизвестного художника

Т и р с к и й м а т р о с

Вот, сударь, тот, кто все у нас решает.

Л и з и м а х

Привет тебе, почтенный муж, привет!
Да сохранят тебя надолго боги!

Г е л и к а н

И да пошлют тебе и долголетье
И мирную кончину.

Л и з и м а х

Что ж, спасибо!
На суше поклонялся я Нептуну,
И, в море славный твой корабль заметив,
К нему я устремился, чтоб узнать,
Кто вы такие и откуда вы.

Г е л и к а н

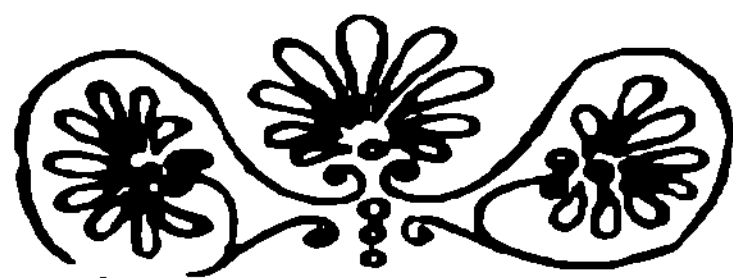
Позволь тебе задать вопрос такой же.

Л и з и м а х

Я Лизимах, правитель Митилены.

Г е л и к а н

А наш корабль из Тира. И на нем
Наш царь. Уже три месяца молчит он

И пищу принимает лишь затем,
Чтобы продлить страданье.

Л и з и м а х
Отчего же
Страдает он?

Г е л и к а н
Мне трудно говорить
Об этом. Потрясла его утрата
Жены и дочери, любимых нежно.

Л и з и м а х
А можно ли его увидеть?

Г е л и к а н
Можно,
Но он ни с кем не говорит ни слова.

Л и з и м а х
А все же я хочу его увидеть.

Г е л и к а н
Ну что ж, смотри!

(Отдергивает занавес и показывает Лизимаху Перикла.)
Он был умен и смел,

Но ужасы одной жестокой ночи
Его повергли в это состоянье.

Л и з и м а х

Приветствую тебя, великий царь!
И да хранят тебя благие боги!

Г е л и к а н

Напрасны эти речи: все равно
Он говорить не станет!

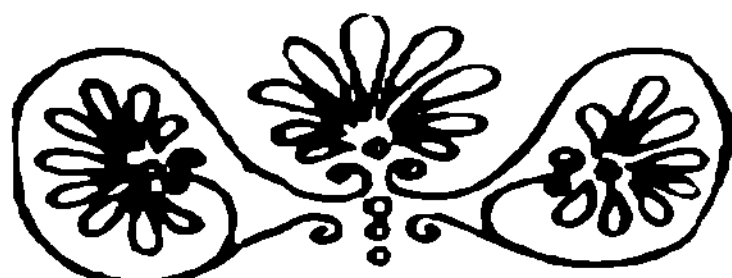
П е р в ы й в е л ь м о ж а

В Митилене

Есть девушка у нас. Она, ручаюсь,
Заставила б его заговорить!

Л и з и м а х

О, это мысль отличная! Бесспорно
Она и нежной внешностью своей
И голосом божественным могла бы
Воздействовать на эту глухоту,
И, может быть, его окаменелость,
Подвергнувшись такому нападенью,
Невольно содрогнувшись, уступила б.
Поверь: она поистине прекрасна.
Взгляни: она с подругами своими

Сейчас на берегу, в тенистой роще
Гуляет.

*(Шепчется с одним из вельмож, после чего тот
отплывает на лодке Лизимаха.)*

Г е л и к а н

Напрасно все, я знаю. Но ничем,
Что только почитается целебным,
Пренебрегать не надо. Разреши нам
Воспользоваться добротой твоей:
Купить должны мы новый провиант, —
Испортила жара запасы наши,
А золотом в избытке мы владеем.

Л и з и м а х

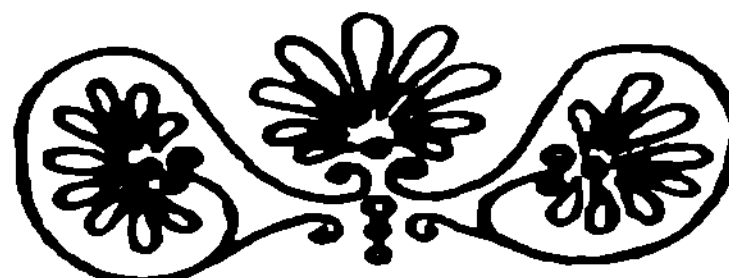
Когда б я отказал в подобной просьбе,
Наслали бы всеправедные боги
На нивы наши злую саранчу.
Но умоляю: разреши мне все же
Подробнее узнать причину скорби
Великого царя.

Г е л и к а н

Садись, послушай...

Ах, нам опять мешают!

Входят, выйдя из лодки, вельможа с Мариной
и ее подругой.

Л и з и м а х

Вот она —
Та, за которой я послал. — Привет! —
Не правда ль, хороша?

Г е л и к а н
Она красива.

Л и з и м а х

Так хороша, что будь я сам уверен
В ее происхожденье благородном,
Считал бы я за честь ее назвать
Своей женой.

(Марине.)

Вся доброта и прелесть,
Присущие тебе, нужны больному
Царю. Когда бы только ты сумела
Добиться от него хотя бы слова,
За это получить ты сможешь все,
Что пожелаешь.

М а р и н а

Все, что в силах сделать,
Я сделаю. Но только с тем условием,
Что лишь меня с подругою допустят
К болящему.

Л и з и м а х

**Идем. Оставим их,
И да помогут боги исцеленью.**

Марина поет.

Понравилось ему, как пела ты?

М а р и н а

Он даже не взглянул на нас ни разу.

Л и з и м а х

Смотрите: с ним она заговорила.

М а р и н а

О государь! Послушай речь мою...

П е р и к л

А? Что такое?

М а р и н а

Слушай, государь!

**Я не умею привлекать внимание;
Как на комету, люди на меня
Лишь издали смотрели. Но, поверь мне,
Я девушка, страдавшая, быть может,
Не менее, чем ты. Фортуна злая
Из зависти всего меня лишила.**

Флейтистка. Рельеф боковой стороны трона Людовизо. Мрамор

А я происхожу от знатных предков;
Они могуществом царям равнялись.
Но уничтожил рок моих родных,
Меня же сделал жалкою рабою
Случайностей.

(В сторону.)

Он все еще молчит;
Но что-то мне уйти не позволяет,
Пока его ответа не услышу.

Перикл

“Фортуна злая”... “Предки”... “Знатный род”...
“Не менее, чем я”... Что ты сказала?

Марина

Сказала я, что если б, государь,
Ты знал, какого я происхожденья,
Со мной ты был бы ласковей.

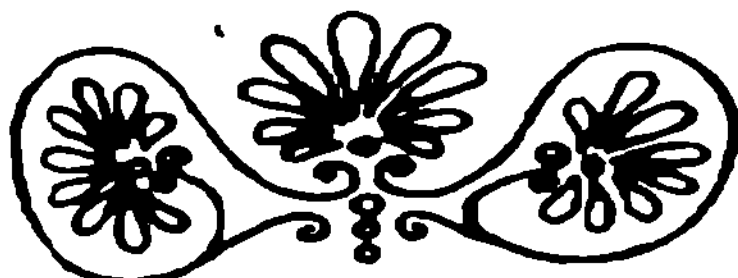
Перикл

Возможно.

Глаза твои... Взгляни-ка на меня!
Похожи... нет... Скажи, в какой стране
Ты родилась?

Марина

Я ни в какой стране

Не родилась, хотя на свет явилась,
Как каждый смертный.

П е р и к л

Что со мной? Вот-вот
Рыданьем бремя скорби разрешится!
Она похожа на мою супругу;
Такой была бы дочь моя родная!
Да, те же брови, тот же стройный стан,
Такой же нежно-серебристый голос,
Глаза — сапфиры в дорогой оправе,
Юноны поступь, ласковая речь,
Что собеседникам всегда внушает
Желанье жадное внимать подольше. —
Но где живешь ты?

М а р и н а

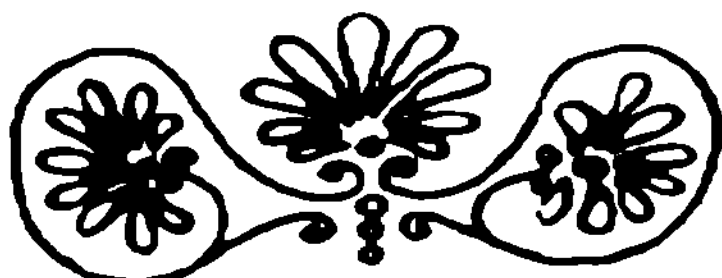
У чужих людей —
Вон там, на берегу.

П е р и к л

Скажи, но кто же
Воспитывал тебя? Где научилась
Ты так чудесно петь и говорить?

М а р и н а

Коль правду я скажу, презренной ложью
Слова мои покажутся тебе.

Перикл

Нет, говори, прошу тебя! Не может
Ложь исходить из чистых уст твоих.
Ты кажешься мне храмом совершенным,
Где обитает истина святая.
Всему поверю я, что скажешь ты,
Как странно бы мне это ни казалось;
Ведь ты похожа обликом на ту,
Кого я так любил. О, расскажи мне,
Где ты росла! Ты, кажется, сказала,
Когда тебя еще не разглядел я, —
Ты рода знатного?

Марина

Да, я сказала.

Перикл

Скажи мне, кто родители твои?
Ты говорила, что Фортуна злая
Тебя кидала от беды к беде
И что твои страдания, быть может,
Равны моим?

Марина

Да, так я говорила.
Но верь мне, говорила только то,
Что я считаю правдой.

П е р и к л

Расскажи мне,
Какие ты невзгоды испытала.
Коль тысячную часть моих скорбей
Ты вынести смогла, то ты — мужчина,
А я был слаб, как девушка. Ведь ты
Как статуя Терпенья на гробницах
Властителей. Скорее расскажи мне,
Как потеряла ты друзей и близких,
И, умоляю, подойди поближе
И мне поведай, как зовут тебя.

М а р и н а

Зовут меня Мариной.

П е р и к л

Издеваться
Какой-то бог задумал надо мной,
Тебя ко мне пославший...

М а р и н а

Успокойся,
Не то я замолчу.

П е р и к л

Я успокоюсь.
Не понимаешь ты, как потрясен я
Тем, что тебя зовут Мариной!

Гречанка и кентавр. Храм Зевса в Олимпе

М а р и н а

Имя

Марины дал мне мой отец и царь.

П е р и к л

Как! Дочь царя, по имени Марина?

М а р и н а

**Ты обещал мне верить, государь.
Но твой покой я нарушать не стану
И замолчу.**

П е р и к л

**Быть может, ты — виденье?
Бесплотный и бескровный бледный облик?
Быть может, сердце у тебя не бьется?
Но где ж ты родилась и почему
Ты названа Мариной?**

М а р и н а

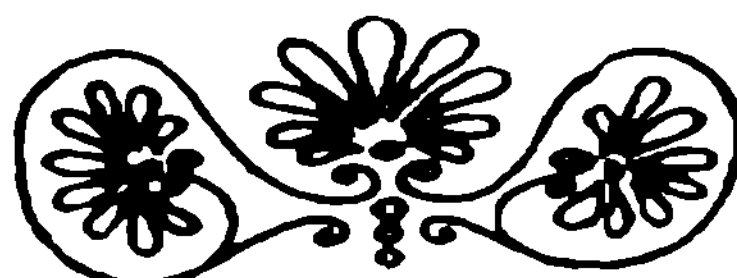
**Потому,
Что ночью родилась в открытом море.**

П е р и к л

Ты? Ночью? В море? Кто же мать твоя?

М а р и н а

А мать моя, дочь славного царя,

В миг моего рождения скончалась.
Рыдая, мне рассказывала часто
Об этой страшной ночи Лихорида,
Моя кормилица.

П е р и к л

Молчи! Молчи!

(В сторону.)

Ни разу сон виденьем столь жестоким
Над жалкими глупцами не глумился!
Нет! Дочь моя давно уже в могиле!
Не может быть!— А где же ты росла?
Рассказывай. Я выслушаю молча
Все до конца и не прерву ни разу.

М а р и н а

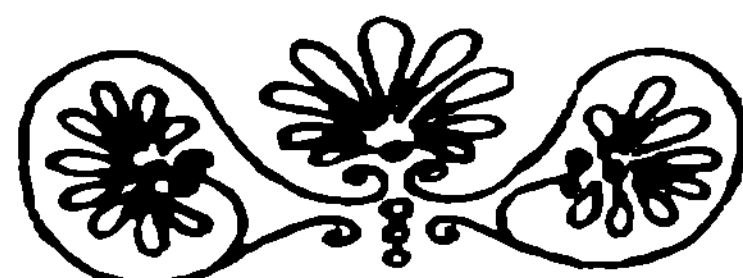
Едва ли ты согласишься мне. Довольно.

П е р и к л

Поверю! Слову каждому поверю!
Всему, что скажешь. Только объясни,
Как здесь ты очутилась. Где росла ты?

М а р и н а

Царь, мой отец, меня оставил в Тарсе;
Я там росла, пока Клеон жестокий,
С преступною женой своей замыслив

Меня сгубить, не подослал злодея
Свершить убийство. Нож был занесен,
Но в этот миг пираты появились,
Меня спасли и привезли сюда...
Ты плачешь? Что с тобой? Ты, может быть,
Не веришь мне? Клянусь тебе, клянусь,
Я — дочь царя Перикла, если только
Такой есть царь на свете!

П е р и к л

Геликан!

Г е л и к а н

Да, государь!

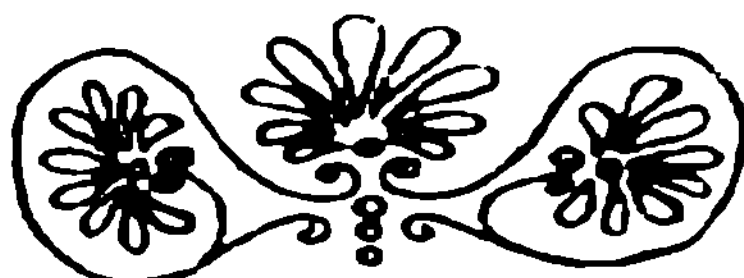
П е р и к л

Ты, честный мой советник,
Ты, благородный, мудрый человек,
Скажи мне, если можешь, Геликан:
Кто эта девушка, меня сегодня
Заставившая плакать?

Г е л и к а н

Я не знаю.

Но Лизимах, правитель Митилены,
С высокой похвалою, государь,
Мне говорил о ней.

П е р и к л

Я — царь Перикл из Тира. Назови
Моей царицы утонувшей имя
С такою же правдивостью — и станешь
Наследницей престола и владений,
И жизнью твоего отца, Перикла.

М а р и н а

Достаточно ль для этого сказать,
Что имя матери моей — Таиса?
Да, государь, Таиса имя той,
Чья жизнь окончилась с началом жизни
Моей.

П е р и к л

Так будь же ты благословенна!
Встань, дочь моя! — Скорее, Геликан,
Вели подать мне новые одежды.
Она жива и в Тарсе не убита
Клеоном злобным. Все она расскажет —
И перед ней преклонишь ты колени,
Признав ее принцессой. — Это кто?

Г е л и к а н

Правитель Митилены, государь.
Он, о твоём печальном состоянии
Узнав, к тебе явился.

П е р и к л

О блаженство!

Но почему я так одет ужасно?

Подать мне платье!— Дочь моя Марина,

Пусть небеса тебя благословят.—

Я слышу звуки дивные.— Марина!

Все расскажи подробно Геликану.

Мне кажется, еще в сомненье он,

Что подлинно ты дочь моя.— Послушай:

Откуда эта музыка опять?

Г е л и к а н

Я ничего не слышу, государь.

П е р и к л

Ты музыки небесных сфер не слышишь.—

А ты, Марина, слышишь?

Л и з и м а х

Говорите,

Что слышите; нельзя ему перечить.

П е р и к л

О звуки дивные!

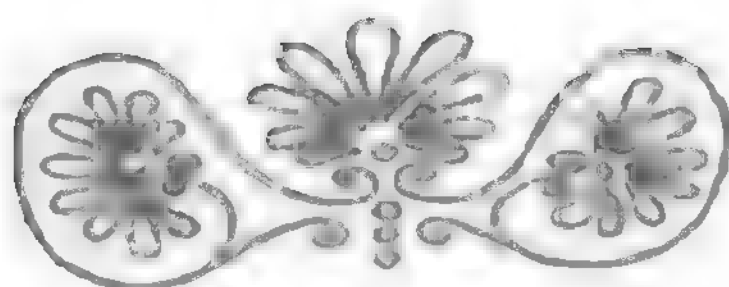
(Лизимаху.)

Ты слышишь их?

Фрагмент щита Странгфорда. Афины, Парфенон. Мрамор

Музыка.

Л и з и м а х

Отлично слышу, государь.

П е р и к л

Невольно

Я музыке небесной покоряюсь.

Мне дрема затуманивает очи!

Хочу я отдохнуть.

(Засыпает.)

Л и з и м а х

Подушку дайте

Под голову ему, и все уйдем.

Коль оправдаются мои надежды,

Я этот день запомню навсегда.

Все, кроме Перикла, уходят.

Перикл спит. В сновидении ему является Диана.

Д и а н а

Мой храм — в Эфесе. Поспеши туда

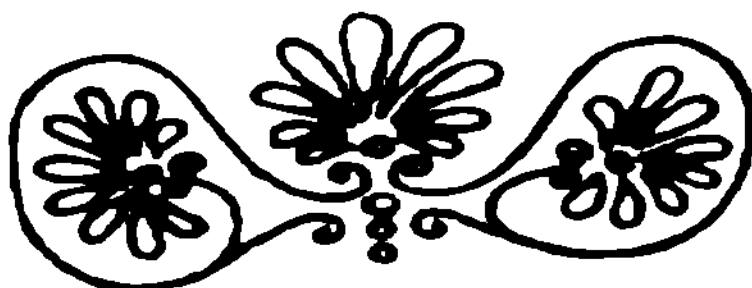
И принеси мне жертву. Соберутся

Там девы-жрицы; ты поведай им,

Как отняло царицу море злое,

Как ты судьбой жестокою гоним;

Проси их горе разделить с тобою.

Исполнишь — будешь счастлив и любим.
Проснись и Расскажи свой сон другим.

(Исчезает.)

П е р и к л

Богиня серебристая, Диана,
Исполню все.— Сюда, мой Геликан!

Входят Геликан, Лизимах и Марина.

Г е л и к а н

Ты звал, мой государь?

П е р и к л

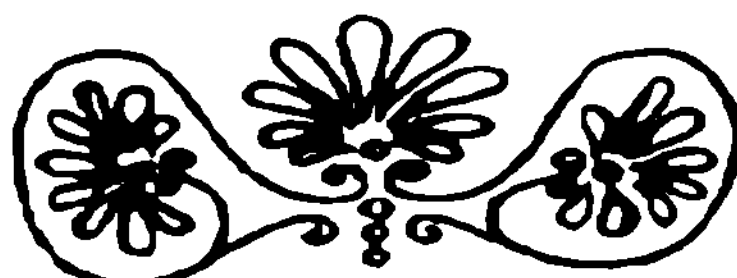
Я собирался
В далекий Тарс. Хотел я наказать
Бесчестного Клеона. Но решение
Я изменил. К Эфесу поверните
Надувшиеся ветром паруса,
Зачем — об этом ты узнаешь позже.

(Лизимаху.)

Дозволено ль нам будет отдохнуть
На этом берегу и золотыми
За провиант, как должно, заплатить?

Л и з и м а х

Я, государь, тебе душевно рад.

Когда ты на берег сойдешь, хочу я
Тебя просить...

П е р и к л

Проси, чего желаешь,
Хотя бы даже в жены дочь мою.
Ты с нею благородно поступил.

Л и з и м а х

Дай руку, государь!

П е р и к л

Пойдем, Марина!

Уходят.

Сцена 2

Перед храмом Дианы в Эфесе.
Входит Гауэр.

Г а у э р

К концу подходит мой рассказ.
Минуты три еще у вас
Хочу я все же попросить:
Не трудно вам вообразить,
Какими пышными пирами,
Увеселеньями, дарами

Перикла Лизимах почтил,
Как весел и радушен был.
В том нет большого дива — он
С принцессой нежной обручен.
Но повенчают их не ране,
Чем жертву принесет Диане
Перикл. О сборах в этот путь
Я не успел упомянуть:
Как птицы, паруса взвились,
Быстрее мысли понеслись.
Вот царь уже в Эфесе, вот
Со свитой он во храм идет.
А вы фантазией своей
Им помогли путь долгий сей
Молниеносно совершить,
За что вас надо похвалить!

(Уходит.)

Сцена 3

Храм Дианы в Эфесе.

Т а и с а стоит у алтаря как верховная жрица; вокруг нее — д е в ы;
тут же Церимон и другие жители Эфеса. Входят П е р и к л
со свитой, Лизимах, Геликан и Марина с подругой.

П е р и к л

Хвала тебе, Диана! Исполняя
Высокое веление твое,

Приносящая жертву. Рельеф боковой стороны трона Людовизо. Мрамор.

Я объявляю здесь: я — царь Перикл.
Врагов своих страшась, я Тир покинул,
В Пентаполисе браком сочетался
С прекрасною Таисой, но она,
Когда корабль наш был в открытом море,
Скончалась от родов, мне дочь оставив,
Мариной нареченную. Я отдал
Ее Клеону в Тарсе; там росла
Марина до четырнадцати лет,
Пока Клеон убить ее не вздумал.
Но привела счастливая звезда
Спасенную Марину в Митилену,
А в Митилене я ее увидел
И, выслушав рассказ ее печальный,
В ней дочь свою признал.

Т а и с а

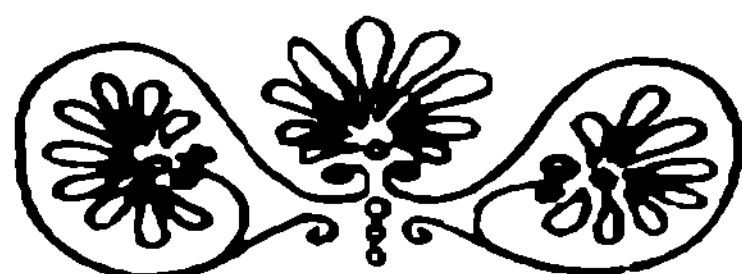
Его лицо
И голос! Ты ли это, царь Перикл!
(*Лишается чувств.*)

П е р и к л

Что это значит? Что она сказала?
Ей плохо! Помогите!

Ц е р и м о н

Государь!

Коль правду ты сказал у алтаря
Дианы, пред тобой — твоя супруга.

П е р и к л

О нет! Я сам вот этими руками
Похоронил ее в морской пучине.

Ц е р и м о н

Недалеко от этих берегов?

П е р и к л

Пожалуй, так...

Ц е р и м о н

Взгляни же на нее!
Однажды утром выбросило море
На этот берег гроб. Я гроб открыл,
Нашел в нем драгоценности и тело
Красавицы. Ее вернул я к жизни
И в этот храм привел.

П е р и к л

Могу ли я
Увидеть то, что было в этом гробе?

Ц е р и м о н

Тебя в мой дом прошу я, государь,

Пожаловать, и там ты все узнаешь. —
Смотри, смотри: пришла в себя Таиса!

Т а и с а

О, дайте мне взглянуть! Да, это он!
Не будь он мне супругом, я сумела б
Не слышать и не видеть ничего
И помнить лишь о святости обета. —
Ужели ты — Перикл? И голос твой,
И облик твой... Ты говорил о буре,
О родах и о смерти...

П е р и к л

Милый голос

Утраченной Таисы!

Т а и с а

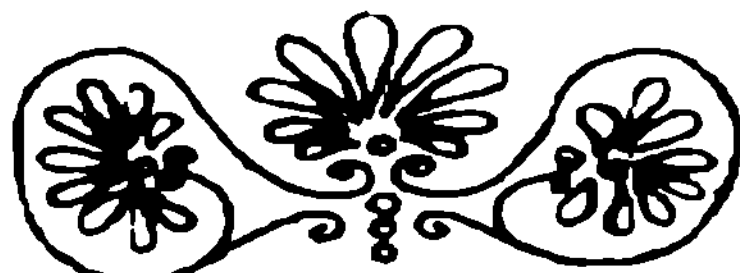
Это я,
Которую считали погребенной
В морских волнах!

П е р и к л

Бессмертная Диана!

Т а и с а

Теперь сомнений нет, что это ты.
Когда Пентаполис мы покидали,

Слезами обливаясь, царь, отец мой,
Тебе такой же перстень подарил.

(Показывает ему свой перстень.)

П е р и к л

Да, этот самый! Праведные боги!
Так щедрость ваша велика, что все
Прошедшие несчастья и невзгоды
Мне кажутся ничтожным! Одно
Осталось мне — прильнуть к ее устам
И в сладостном блаженстве раствориться. —
Дай заключу тебя в свои объятия,
Как в гроб тебя однажды заключил,
Любимая моя!

М а р и н а

Как рвется сердце
Прижаться к сердцу матери моей!

(Опускается на колени перед Таисой.)

П е р и к л

Смотри, кто пред тобою на коленях.
Таиса, это дочь твоя Марина,
Которую ты в море родила.

Т а и с а

Благословляю дочь мою родную!

Г е л и к а н

Приветствую и я тебя, царица!

Т а и с а

Тебя не знаю я.

П е р и к л

Я говорил,

Что, покидая Тир, я власть доверил
Надежному наместнику. Припомни:
Я часто это имя называл.

Т а и с а

Ты — Геликан?

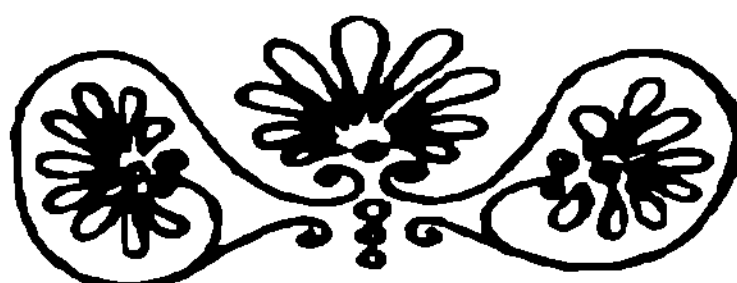
П е р и к л

Ты знаешь это имя!

Вот подтверждение новое. Таиса,
Да, это он. Так обними ж его.
Теперь узнать хочу, кто спас тебя
И где тебя нашли. За это чудо
Кого благодарить мне кроме неба?

Т а и с а

Перед тобой почтенный Церимон:
Свое могущество явили боги
Через него. Он все тебе расскажет.

Перикл

О муж почтенный! Боги не могли бы
Избрать слугу достойнее, чем ты.
Ты сам богам подобен! Объясни же,
Как воскресил ты мертвую царицу.

Церимон

О государь! Прошу тебя сперва
Войти в мой дом: там покажу тебе
Все то, что я нашел в гробу царицы,
И расскажу, как в этот храм она
Попала.

Перикл

Непорочная Диана!
Хвала тебе за дивное виденье!
Я принесу тебе ночные жертвы!—
Таиса, вот жених твоей Марины.
В Пентаполисе мы их повенчаем;
Теперь я срежу волосы густые,
Мой облик исказившие. Довольно!
Четырнадцать уж лет, как я не брился;
В честь свадьбы их хочу красивым стать.

Таиса

В Пентаполисе нас никто не ждет —
Скончался мой отец.

Перикл

Да станет он

По воле неба новою звездою!

Но все же свадьбу праздновать хочу я

В Пентаполисе, ибо там решил я

С тобой остаться. Дочь моя и зять

Получат царство Тирское в наследство.—

Теперь веди нас, Церимон, прошу,

В твой дом: послушать твой рассказ спешу!

Уходят.

Входит Гауэр.

Гауэр

Так Антиох, развратник похотливый,

За мерзкий блуд наказан справедливо,

Меж тем Перикл с женой и дочкой юной,

Как ни был угнетаем злой Фортуной,

В страданиях добродетель сохранил

И как награду счастье получил.

Вы видели, что Геликан не льстец,

А верности и чести образец,

И удивил вас Церимон почтенный

Ученостью и добротой отменной.

Клеон же низкий и его жена,

Когда открылась злая их вина,

В своем дворце народом сожжены:

Так были в Тарсе все возмущены.

Ведь кто преступный умысел таит,
Хоть даже он его не совершит,
Достоин кары, как убийца злой,
И по сердцу богам закон такой.
Спасибо вам за доброе вниманье.
На том и пьесы нашей окончанье.

(Уходит.)

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

“Кориолан”

При жизни Шекспира “Кориолан” в печати не появлялся. Первая публикация была уже посмертной в фолио 1623 г., где пьеса открывает раздел трагедий. Сравнительно многочисленные ремарки, указывающие, как надлежит представить на сцене отдельные моменты действия, по мнению Э.К.Чемберса и У.У.Грега, свидетельствуют о том, что текст фолио печатался по авторской рукописи. “Кориолан” — одна из немногих трагедий, в которых последовательно проведено деление на акты (но не на сцены). Однако невозможно определить, кем это было сделано — самим ли Шекспиром или редакторами фолио.

Никаких фактических данных для датировки трагедии не сохранилось. Никто из современников не упоминает ее, нет и сведений о постановке ее на сцене, поэтому время создания устанавливается на основе показаний стиля и метрики стиха, а эти последние заставляют предположить, что трагедия была написана после “Антония и Клеопатры” и до “Перикла”. С тех пор как началось установление хронологии пьес Шекспира, исследователи единодушно относили “Кориолана” к числу последних трагедий драматурга. Э.К.Чемберс предполагает, что “Кориолан” был создан в самом начале 1608 г.

Источником сюжета послужила биография Кориолана в “Сравнительных жизнеописаниях” Плутарха. Шекспир читал эту книгу в переводе на английский язык, сделанном Томасом Нортон. Как и в других подобных случаях, он в основном следовал повествованию историка, лишь укорачивая интервалы между отдельными событиями и опуская факты вто-

ростепенного значения. Этим он стремился придать динамичность драматическому действию. Наиболее существенные изменения, произведенные Шекспиром, касаются характера главного героя. Кай Марций, за завоевание города Кориолы прозванный Кориоланом, представлен у Плутарха грубым воином, человеком необщительным, не имевшим друзей. У Шекспира Кориолан окружен друзьями, пользуется горячим расположением близких, уважением и поддержкой сограждан, за исключением народных трибунов, ненавидящих его. Шекспир усилил ряд черт, делающих Кориолана привлекательной личностью. У него он даже более храбр, чем у Плутарха. Если историк рассказывает, что герой ворвался в Кориолы в сопровождении лишь горсточки друзей, то у Шекспира он совершает свой подвиг единолично. Плутарху Шекспир обязан эпизодом, показывающим доброту Кориолана: после захвата Кориол он просит за одного из граждан города, взятых в плен, но Шекспир и тут кое-что изменил. Историк говорит, что Кориолан ходатайствовал за своего друга, к тому же богатого человека; у Шекспира Кориолан просит за человека, который ему вовсе не друг и притом совсем не богат. Все это завершается выразительной деталью, которой мы не находим у Плутарха, — ее придумал Шекспир, и она типична для Кориолана: когда его спрашивают имя человека, за которого он ходатайствует, Кориолан отвечает, что не помнит, как того зовут.

В рассказе Плутарха Кориолан выведен человеком сдержанным в проявлении чувств, умеющим владеть собой — словом, это суровый, замкнутый римлянин. Шекспир наделил героя неукротимостью нрава, неспособностью сдерживать гнев, неумением дипломатничать. Он порывист, гнев его легко вспыхивает, и тогда уже он не знает удержу ни в своих

поступках, ни в речах, равно раскрывающих его пламенную натуру. Шекспировский Кориолан — героическая личность более крупного масштаба, чем у Плутарха. Но в такой же мере, в какой Шекспир усилил его благородное мужество, подчеркнул он и его доходящую до крайности враждебность по отношению к народу.

Шекспир сделал все возможное, чтобы углубить антагонизм между героем и народом. Посредством отдельных штрихов он сделал более выразительной неустойчивость мнений толпы, ее ожесточение против Кориолана и вообще богатых патрициев.

По сравнению с Плутархом в драме Шекспира углублена роль матери Кориолана Волумнии. Гордая римская матрона напоминает своей суровой мужественностью королеву Маргариту из ранних хроник о Генрихе VI, а также леди Макбет. Но эта римская волчица наделена и хитростью лисы, что проявляется в ее уговорах Кориолана внешне смириться, пока он не получил еще в руки полноту власти.

По сравнению с Плутархом более выразительно раскрыт в драме и образ Авфидия. Характер Менения Агриппы — чисто шекспировский; вспоминая “Троила и Крессида”, можно сказать, что он представляет собой помесь Улисса с Пандаром. Образ Виргилии, любящей жены Кориолана, обрисован с такой же скупостью, как образ Октавии (“Антоний и Клеопатра”), но и в немногих чертах, которыми она наделена, угадывается весь ее характер терпеливой и преданной жены.

Наконец, нельзя не поразиться мастерству, с каким Шекспир изобразил массовый персонаж драмы — римский народ. Начиная со второй части “Генриха VI”, Шекспир не раз выводил народ на сцену. Мы видели, в частности, какую большую роль играл римский плебс в трагическом конфликте

“Юлия Цезаря”. Но там главный антагонизм был между двумя группами патрициата, тогда как в “Кориолане” центральный конфликт сводится к антагонизму между народом и патрициями.

Это обстоятельство уже с давних пор дало основание видеть в трагедии произведение откровенно политическое. И действительно, нигде у Шекспира основной социальный антагонизм между господствующей верхушкой общества и народом не представлен так полно и ясно, как в “Кориолане”. В прочих драмах Шекспира это было одной из тем в ряду других. Там подобный антагонизм служил фоном главного действия. Здесь — это сердцевина конфликта, центральная тема трагедии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что критика давно уже признала “Кориолана” произведением, особенно существенным для определения политических взглядов Шекспира. Давнишней является также традиция рассматривать “Кориолана” как выражение антидемократизма Шекспира.

Все произведения Шекспира, в которых он сколько-нибудь серьезно касался социально-политических вопросов, свидетельствуют о том, что он разделял политическую доктрину гуманизма. Ее кардинальное отличие от феодальной идеологии состояло в утверждении принципа общего блага. Социальная теория феодального строя начисто игнорировала интересы народной массы, она освящала крепостническую эксплуатацию. Гуманисты признавали за каждым человеком, независимо от сословной принадлежности, право на его долю земных благ. Они по-своему возродили римское понятие “res publica” как принцип “общего блага”. Государство мыслилось ими как сложное единство всех сословий, каждое из которых выполняет свою функцию в обществе. Именно такой идеал

сословной монархии рисует в “Генрихе V” архиепископ Кентерберийский (I, 2).

Но забота о народном благе ни у Шекспира, ни у подавляющего большинства гуманистов не перерастала в признание народовластия. Всякий раз, когда Шекспир изображает попытки народа править государством, он обнаруживает свое недоверие к демократии как форме политического строя. Но, признав этот факт, мы сказали только половину правды. В такой же мере, в какой Шекспир осуждает политические притязания народной массы, отвергает он и эгоистическое своеволие представителей правящего аристократического сословия. Власть существует не для удовлетворения потребностей тех, кто ее держит в своих руках, не для удовлетворения эгоистических интересов правящей верхушки, а для всего общества, всех его сословий и государства в целом.

Таков был политический идеал Шекспира-гуманиста. Однако Шекспир был не только гуманистом, но и реалистом. Величие его ума, политическая зоркость проявились в том, что он одним из первых увидел несоответствие между доктриной ренессансного гуманизма и политической действительностью абсолютистского государства.

Начало XVII в. было отмечено в Англии рядом политических событий, со всей ясностью обнаруживших кризис абсолютной монархии. В мае 1607 г. в графстве Нортгемптоншир вспыхнуло восстание крестьян, вызванное нехваткой хлеба и помещичьими огораживаниями земель. Неорганизованная и почти безоружная толпа была быстро разгромлена, и за этим последовали жесточайшие репрессии.

События 1607 г., по мнению современного исследователя Э.Петтета, послужили непосредственным поводом для создания “Кориолана”. (Отметим в скобках, что это подтвер-

ждает независимо от этого принятую датировку трагедии.) Э.Петтет подметил, что объяснение недовольства народа в “Кориолане” дано Шекспиром не столько по Плутарху, сколько в соответствии с современными драматургу английскими условиями. У Плутарха возмущение римлян имеет причиной грабительство ростовщиков и ту поддержку, которую им оказывает сенат. В трагедии Шекспира осталась только одна реплика, касающаяся ущерба, приносимого народу ростовщиками (I, 1). Это объяснялось отнюдь не желанием Шекспира “обелить” ростовщиков. Его отношение к ним ясно выражено в осуждении ростовщичества Шейлока (“Венецианский купец”). Шекспир отстранил этот мотив, ибо он не был актуальным для того времени, когда создавался “Кориолан”. В его трагедии недовольство народа вызвано голодом и высокими ценами на хлеб, иначе говоря, именно тем, что волновало массу английского народа в это время. У Плутарха тоже упоминается о недовольстве народа нехваткой хлеба, но у него это является второй причиной, тогда как Шекспир сделал голод главным поводом народных волнений.

Трагедия начинается с экономического кризиса, вызывающего кризис политический. Каким бы странным ни казалось применение нашей социологической терминологии к произведению Шекспира, но всякий, кто даст себе труд вдуматься в исходную ситуацию трагедии, убедится в том, что существо дела состоит именно в этом.

Нужда народа вызывает его недовольство властью. Народ хочет добиться того, чтобы власть исходила из его интересов. Плебеи ясно осознали, какая непроходимая грань разделяет их и “отцов государства” — патрициев. “Достойными нас никто не считает, — говорит первый горожанин в самом начале трагедии, — ведь все достояние — у наших патрициев.

Мы бы прокормились даже тем, что им уже в глотку не лезет. Отдай они нам объедки со своего стола, пока те еще не про- тухли, мы и то сказали бы, что нам помогли по-человечески. Так нет — они полагают, что мы и без того им дорого стоим. Наша нужда, наш нищенский вид — это вывеска их благо- денствия” (I, 1).

Шекспир славится как великий сердцевед. Но как ве- ликий знаток социальной жизни и общественных отношений Шекспир еще не получил должного признания. О нем неред- ко все еще судят по старинке, как о сентиментальном филан- тропе, не замечая его изумительного социологического чутья и тонкого понимания политики. Именно это долго мешало постигнуть истинный смысл “Кориолана”, где уже самый за- чин действия вводит нас в атмосферу накаленных обществен- ных страстей. Пьеса начинается с картины народного вол- нения, а мы знаем, как велико у Шекспира значение начала — здесь задается тон всему последующему действию.

Перед мятежной толпой граждан появляется аристо- крат Менений Агриппа. Пытаясь успокоить толпу, он взывает к ее рассудку и рассказывает знаменитую басню о частях те- ла, взбунтовавшихся против живота (I, 1). Исследовательни- ца образной системы поэтического языка Шекспира К.Спер- джен отмечает, что притча Менения Агриппы составляет ос- нову системы образов в “Кориолане”. Метафоры и сравнения с человеческим телом, его органами и болезнями, составля- ют, по ее подсчетам, одну пятую поэтических образов траге- дии. Король, государственный деятель, воин, конь, барабан- щик уподобляются голове, глазу и сердцу, руке, ноге и языку. Одного из самых говорливых граждан Менений называет “бо- льшим пальцем на ноге” (I, 1). Трибунов Кориолан называет “горлом черни” (III, 1). Уподобление общества человеческо-

му телу, а его отдельных сословий — органам и членам тела придумано не Шекспиром. Эта басня приводится у Плутарха и Тита Ливия. Она была широко известна в средние века и в эпоху Возрождения. Поставленная в один ряд с другими образными лейтмотивами трагедий Шекспира, она значительно уступает им в поэтичности. Это не случайность, не проявление безвкусицы Шекспира, а следствие авторского намерения придать действию особую атмосферу.

Критика справедливо отмечает, что в “Кориолане” нет той поэтической возвышенности, которая характерна для стиля других трагедий, созданных Шекспиром в эти годы.

Внутренний конфликт в Римском государстве дополняется конфликтом внешним. Рим находится в постоянной вражде с племенем вольсков, и, таким образом, вражда сословий сочетается с враждой между народами. Каждый персонаж или группа персонажей раскрывается в своем отношении к этим двум конфликтам.

Едва ли где еще мы найдем у Шекспира такой полный прообраз всего классового общества с его вечными и неразрешимыми антагонизмами. Углубленное раскрытие их и составляет важнейшую сторону содержания трагедии. Окружение героя всегда занимает значительное место в трагедиях Шекспира. Но все же личности Гамлета, Отелло, Лира и Макбета доминируют над окружающим их миром. Кориолан тоже обладает значимостью, возвышающей его над остальными, но изымите его фигуру из окружения, оставьте только его поступки и речи, и вы убедитесь, что сам по себе он не обладает для нас той внутренней наполненностью, которая делает столь привлекательными или волнующими образы других трагических героев Шекспира. Как справедливо отмечает Х.Гренвиль-Баркер, характер Кориолана раскрывается перед нами

не в своем внутреннем содержании, как это сделано Шекспиром в отношении других трагических героев, а в его внешних проявлениях. Вне конкретных ситуаций трагедии Кориолан не существует. Поэтому путь к постижению произведения лежит через рассмотрение развития сюжета и многообразных реакций всех основных участников конфликта. Если в других трагедиях мастерство Шекспира проявилось с особенной силой в грандиозных и бесконечно сложных характерах, созданных им, то в “Кориолане” его драматургический гений раскрывается в изумительно тонком и всестороннем изображении диалектики общественных отношений.

Оставив под конец рассмотрение образа Кориолана, остановимся сначала на других действующих силах трагедии.

Наше внимание привлекает прежде всего коллективный образ римского народа. Ошибки в толковании отношения Шекспира к народу в этой трагедии проистекали из того, что критики, как правило, судили о нем по бранным характеристикам, даваемым плебеям Кориоланом. Более верный путь — рассматривать этот коллективный персонаж в его собственных поступках и словесных изъяснениях. Как и в более ранних шекспировских произведениях, здесь нельзя не заметить того особого, присущего, пожалуй, только Шекспиру драматургического умения изображать толпу как некое единство, наделенное внутренним разнообразием. Поступки толпы едины, но мнения и суждения в ее среде разноречивы. Отсюда и возникает ощущение того, что перед нами не безликий хор, а живое людское многообразие.

Начальные эпизоды трагедии обнаруживают несомненную справедливость народного возмущения. Недовольство народа вызвано не капризом, а тем, что самое существование плебеев находится под угрозой. Речи римских граждан пока-

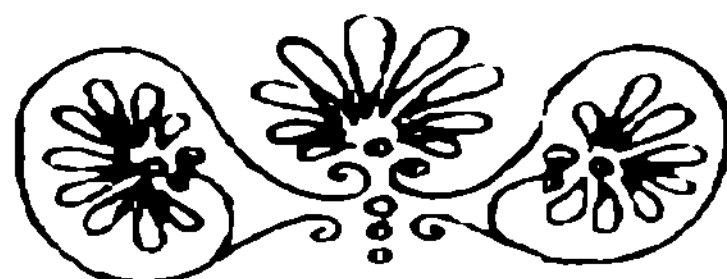

зывают, чего они хотят: им нужен хлеб, без которого они не могут жить. Они отлично понимают свое низкое положение в обществе. Но не менее ясно для них и то, что они представляют собой силу, которая при определенных условиях может добиться удовлетворения своих требований. Перед нами не безропотная толпа рабов, а масса граждан, сознающих если не свои гражданские, то человеческие права.

Для того чтобы добиться своего, эта масса, именно потому что она многолика, нуждается в руководителях. Народ в “Кориолане” не бездумная толпа, движимая одним лишь слепым инстинктом — голодом. Плебеи отлично разбираются в классовой морали, которой пропитана басня, рассказываемая Менением Агриппой. Еще в большей степени проявляется ум народа в оценке Кориолана. Его воинские доблести вызывают восхищение плебеев, и будь он дружелюбен по отношению к ним, они не желали бы себе другого вождя.

Впервые у Шекспира в “Кориолане” народ требует уважения к себе. Он готов принять любых руководителей государства, но при одном условии — чтобы они сознавали интересы народа и делали все необходимое для удовлетворения их. Именно поэтому граждане признают своими руководителями трибунов Брута и Сициния. Эти последние все время подчеркивают свое стремление служить интересам народа.

Любопытно посмотреть, как изображает Шекспир отношение граждан к Риму. По сравнению с хрониками Шекспир сделал огромный шаг вперед в трактовке темы патриотизма. Там государство, родина были прекрасной и величественной абстракцией, окруженной поэтическим ореолом, — “алмаз в серебряной оправе океана” (“Ричард II”). Здесь отношение к государству определяется тем, насколько оно действительно является родиной для человека, почвой, дающей

ему жизнь и поддерживающей его жизнь. Не абстрактный патриотизм поддерживает римлян в их войнах с вольсками, трезвое понимание того, что хотя они занимают низкое положение в государственной иерархии, но все же являются здесь свободными гражданами, тогда как победившие вольски превратят их в рабов. Можно, конечно, сказать, что патриотизм “Кориолане” приобретает эгоистическую окраску, но именно в этом одно из проявлений реализма Шекспира в изображении общественных отношений. Мы увидим далее, что не только плебеи, но и патриции руководствуются в своем патриотизме сословными и классовыми интересами. В этом нельзя не увидеть новой для Шекспира (по сравнению с хрониками) черты — его политического реализма. Однако при этом нельзя не заметить, что такое “потребительское”, эгоистическое отношение к понятию родины явно ненавистно Шекспиру.

Ясное сознание своих интересов, стремление добиться того, чтобы государство удовлетворяло насущные потребности народа, — свидетельство того, что народ уже способен мыслить. Но нужда придает односторонний характер мышлению народа. Он может мыслить только о своих заботах.

Много говорилось о шаткости мнений толпы у Шекспира. Но мало замечали, что даже в своей переменчивости народ последователен: он всегда за тех и за то, что, как кажется толпе, соответствует ее интересам. Но глядящего далеко вперед политического разума у народа нет. Поэтому на его интересах и стремлениях постоянно играют другие.

Народ предпочел бы иметь своим руководителем такого мужественного и прямодушного человека, как Кориолан. Но враждебность Кориолана толкает народ в объятия Брута и Сициния.

Об этих трибунах с XVIII в. в критике прочно установи-

лось мнение как о демагогах. Начало такой оценке положил Семюэль Джонсон, всегда пристрастный в своих суждениях и видевший в Бруте и Сицинии прообразы ненавистных ему вигов. Мнение о них как политических демагогах основано на том, что, открыто выступая перед народом, они говорят как пламенные защитники интересов демократии, а наедине толкуют друг с другом как расчетливые политики и дипломаты, обдумывающие средства косвенного осуществления своих целей.

Это противоречие в поведении Брута и Сициния действительно есть. Но может ли оно быть поставлено им в упрек, если представители патрицианского лагеря проявляют не меньшую двойственность, прикрывая внешней благожелательностью к народу антинародную политику, как мы это видим в поведении Менения Агриппы? Современный шекспировед Джон Палмер первым — и, на наш взгляд, справедливо — указал, что Брута и Сициния следует рассматривать как вожаков демократического лагеря, действующих в сложных условиях. С одной стороны, они имеют перед собой могущественного и хитрого врага — патрициев, а с другой, сила, на которую они опираются, — народ — по-детски переменчив, и им нелегко руководить. Нигде и ни в чем не проявляется у них стремление использовать доверие народа во вред ему. А раз этого нет, то неверно смотреть на них как на демагогов. Они последовательны в своей борьбе против патрицианской власти, но цели они не могут достичь без применения хитрых тактических шагов. Однако если тактика их оппортунистична, то конечная цель — господство демократии — отнюдь не является для них обманным лозунгом.

Нам представляется верным замечание Гренвиля-Баркера, писавшего о том, что Шекспир занимает по отношению ко всем персонажам драмы позицию объективного, но сурово-

го судьи. Он судит политическую жизнь как гуманист, но вместе с тем изумительно прозорлив в понимании реальной действительности.

Изображение аристократического лагеря у Шекспира выполнено не менее суровыми красками. Разница, пожалуй, лишь в том, что среди патрициев больше индивидуального разнообразия. Но, как и народ, все они движимы прежде всего отчетливым сознанием своих сословных интересов и яростно защищают свои привилегии.

Менений Агриппа отличается внешним добродушием. Он умеет поговорить с народом, представить себя доброжелательным, мудрым советчиком. Плебеи даже обманываются, считая его своим другом. Но все, что делает и говорит Менений, ясно обнаруживает в нем убежденного защитника привилегий аристократии. Он понимает, что народ представляет собой большую силу в обществе. Это вынуждает его снисходить до него, но в душе он презирает плебс и не видит ничего бесчестного в том, чтобы обмануть его. Менений искренно любит Кориолана. Он гордится им как живым воплощением добродетелей своего сословия, в его силе и несравненном мужестве он видит доказательство права аристократов на господство над чернью.

То же можно сказать и о Волумнии, матери Кориолана. Она гордая патрицианка, воспитавшая в сыне те качества победителя и владыки, которые должны дать ему моральное право на власть и господство над всеми остальными. Она самозабвенна в стремлении возвысить сына. Волумния готова подвергнуть жизнь Кориолана любой опасности, лишь бы он доказал свое превосходство как воин.

Видя, что народ представляет собой реальную политическую угрозу их господству, патриции противопоставляют силе массы посредственностей мощь выдающейся, необычно-

венной личности. Кориолан своим мужеством, бескорыстием и славой спасителя Рима может восстановить пошатнувшееся могущество аристократии.

Но как раз силой этого нельзя сделать. Понимая это, все патриции требуют от Кориолана, чтобы он, смилив гордыню, пошел на необходимую уступку и испросил согласия народа. Поистине великолепно сцена спора Кориолана с Волумнией, Менением, Коминием и другими патрициями (III, 2). Аристократы поняли, что смогут удержать власть, лишь обманув народ. Они требуют от Кориолана притворного смирения, с тем чтобы, получив таким образом власть, затем подавить волю народа.

Те, кто столь охотно подчеркивал коварство тактики народных трибунов, должны были бы заметить, что и аристократы отнюдь не проявляют щепетильности в выборе средств. К каким только доводам и софизмам не прибегают Волумния и Менений, чтобы сломить упрямство Кориолана! Беспристрастное рассмотрение этого эпизода — одного из центральных в трагедии — убеждает в том, что в поведении патрициев нет ни грана истинного благородства.

Развитие событий в первой половине трагедии раскрывает неприглядную картину общества, раздираемого жесточайшими антагонизмами. Ни те, кто борется за справедливость, ни те, кто отстаивает несправедливые привилегии, не обнаруживают высоких моральных качеств. Великие человеческие идеалы оказываются в непримиримом противоречии с суровой борьбой эгоистических классовых и сословных интересов.

Не обнаруживаются моральные достоинства и в борьбе против врагов, грозящих Риму. Война с вольсками вызывает ужас. На поле сражения римляне бегут. Только личное мужество Кориолана (и отчасти Коминия) приносит спасение.

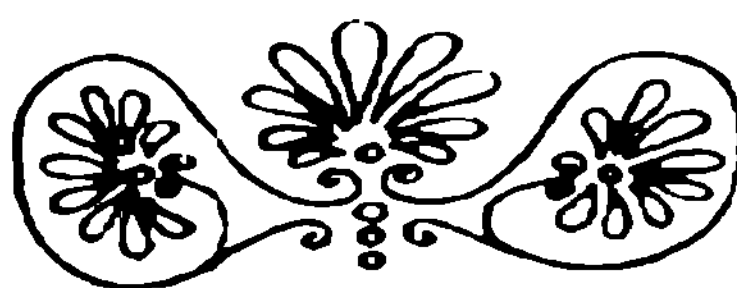

Глава вольсков Авфидий уступает Кориолану в воинских доблестях. Пять раз сходилcя он с героем и неизменно оказывался побежденным. Но он не теряет надежды отомстить. Его оружием будет не сила, а хитрость. Таким образом, в лице Авфидия мы видим человека, стремящегося к своим целям не прямым и честным путем, а дорогою обмана, — как римские патриции и трибуны. Обратимся теперь к Кориолану.

Уже было сказано, что он не герой того типа, какими были Гамлет и Отелло. Ближе всего он стоит, пожалуй, к Макбету. Сходство между ними в том, что оба — выдающиеся люди, утверждающие свое величие не в слиянии своих интересов с интересами других, а противопоставляя себя остальному обществу.

Кориолан — герой в самом точном смысле слова. Он возвышается над другими своим мужеством, силой, способностью побеждать врагов в открытом и честном бою. Но героическое начало получило в нем одностороннее развитие. В нем есть черты, унаследованные от рыцарских понятий героического. Но во сто крат в нем больше того ренессансного индивидуализма, который оборачивался своей антиобщественной стороной. И ни у одного из героев индивидуалистического склада из числа изображенных Шекспиром антисоциальность не проявляется так ясно и разительно, как у Кориолана. Кориолана иногда хотят представить исключительно или преимущественно носителем старого традиционного отношения к жизни. Но этому противоречит весь облик Кориолана и, в частности, одно из его суждений, имеющее большое принципиальное значение.

Когда от Кориолана требуют, чтобы он подчинился обычаю, выпрашивая у народа утверждения в должности кон-

сула и показывая свои раны, все в нем возмущается именно против этой традиции. Будь Кориолан приверженцем традиционных устоев, он подчинился бы этому унижительному обычаю, не придавая ему никакого значения. Но в том-то и дело, что Кориолан — личность, восстающая против всех обычаев, и в том числе традиционного избирательного ритуала. Он желает, чтобы ценили его, его самого, и чтобы общество склонялось перед его доблестями независимо от каких бы то ни было традиций.

Пресловутая гордость Кориолана — не аристократическое чванство своим титулом и наследственными привилегиями. Это гордость человека, который добился всего суровой дисциплиной самовоспитания, постоянным риском. Он требует уважения к своим личным качествам. Толпу он презирает не столько как аристократ по званию, сколько как аристократ духа. Ему, способному на борьбу, в которой ставкой является жизнь, кажутся низменными претензии бедняков, то вымаливающих, то требующих хлеба. Он гнушается этих ничтожеств, из которых ни один не обладает его воинскими доблестями. Жалкие в мирное время, они еще отвратительнее ему в суровых условиях войны. Брань, которой он осыпает трусивших и бросившихся в бегство воинов — а ведь они тоже народ, — ничем не уступает тем гневным речам, которые он обрушивает на толпы граждан в Риме.

Кориолан презирает народ за его заботу о своих нуждах, которая представляется ему проявлением корыстолюбия. Ему самому никакие богатства не нужны. Он отказывается от своей доли военной добычи (I, 9). Как Лир, он жаждет человеческого величия, не прикрытого никакими внешними атрибутами. Он сам, его личные достоинства — вот основа его права на всеобщее преклонение и власть.

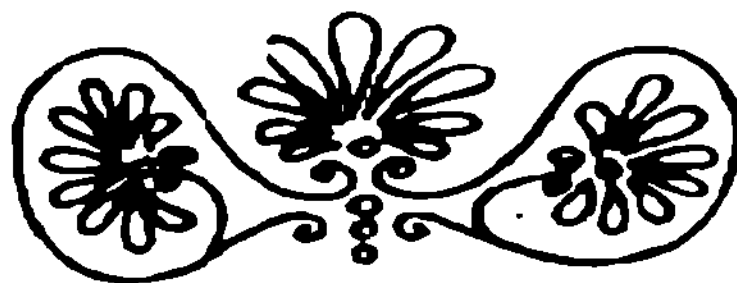

Безразличие к материальным интересам отличает Кориолана и от народа, и от близкой ему среды патрициев. В противовес окружающему обществу, проникнутому духом стяжательства, преданному заботам о своем материальном благополучии, Кориолан в некотором роде идеалист. В его глазах действительную цену имеют только духовные качества — сила духа, храбрость, мужество, нравственная стойкость.

С этим связана другая сторона его натуры — принципиальность. И народу, и трибунам, и патрициям он противопоставит как единственный в Риме человек, который прямодушен, откровенен, органически неспособен на обман и хитрость. Он просто не понимает, зачем нужно притворяться, быть не таким, каков он есть, когда его гордость составляет именно то, что он такой, а не иной человек. Ему всегда хочется быть самим собой. Его величайшее человеческое завоевание — то, каким он стал, а его заставляют отказаться именно от того, что он ценит в себе больше всего. В этом основа его конфликта не только с народом, но и с собственным классом, с ближайшими ему людьми, одним словом, со всем обществом.

Такова важнейшая социальная сторона трагедии, на которую, как нам представляется, не обращали должного внимания. Именно в этом пункте трагедия Кориолана смыкается с другими великими трагедиями, в которых Шекспир изобразил, как родилось самосознание личности и как гуманистический идеал ее подвергся ломке, искажению под влиянием социальных противоречий рождающегося буржуазного общества.

Гений Шекспира проявил себя в том, что под поверхностью значительного политического конфликта он обнаружил глубочайшее социальное противоречие классового общества — антагонизм между материальными и духовными стремлениями человека, противоречие между обществом и личностью.

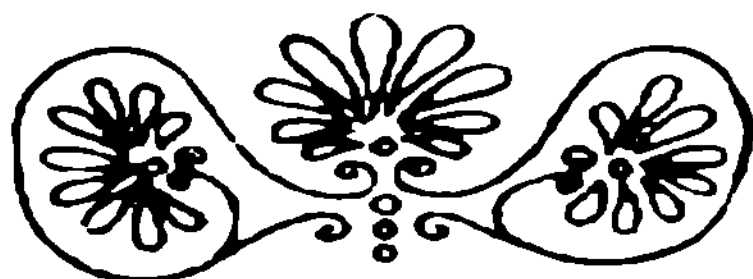

Но пока мы коснулись только одной стороны этих противоречий, а именно той, в силу которой Кориолан является не только формально героем трагедии, но и подлинно героической личностью. Однако в его характере есть и черты, вступающие в противоречие с личным началом в его высочайшем идеальном выражении.

Личность Кориолана получила одностороннее развитие. Во-первых, высокое понятие о достоинстве человека у Кориолана ограничено только мужественными доблестями. Они с Гамлетом не поняли бы друг друга, потому что Кориолан, строго говоря, лишен интеллектуальности. Гордость самым собой стала его слепой страстью. Он способен рассуждать только применительно к непосредственно данной ситуации. У него нет гамлетовской способности мысленно “глядеть и вперед и вспять”, нет и воображения Макбета, заранее предчувствовавшего весь ужас того, что ему придется пережить.

Вторая особенность Кориолана — его сосредоточенность на собственной личности. Он “эгоист” в том смысле, в котором Тургенев (неверно, на наш взгляд) применил это слово к Гамлету. В мире для него важно только его “я”. Оно для него выше всех его личных и общественных связей. Самосознание личности доходит до полного противопоставления своего “я” всему обществу. Это противоречие глубоко волновало Шекспира-гуманиста. Он не склонен был ограничиваться установлением тех объективных обстоятельств, которые обусловили этот конфликт. Глубокая этическая основа шекспировских трагедий состояла в том, что и сама личность была повинна в этом и потому должна была нести за свою трагическую вину ответственность.

Поворотный пункт трагедии — сцена на Форуме (III, 3). Кориолан поддался уговорам Волумнии и Менения. Он вы-

шел к толпе, готовый унизиться до просьб и терпеливо выслушать общественное порицание его недостатков. Дело трибунов почти проиграно. Еще мгновение — и власть окажется в руках Кориолана, который, как они верно предвидят, будет пользоваться ею с непреклонностью тирана. В стремлении к тиранической власти его и обвиняет Сициний. Но Кориолан стерпел бы и это, если бы не одно слово, вонзающееся в его сознание ядовитой стрелой. Сициний называет его “изменником народу” (III, 3). Удар был направлен метко. Кориолан мгновенно сбрасывает несвойственную ему личину смирения и раздражается потоком ругательств по адресу народа и трибунов. Это решает его судьбу: римляне изгоняют Кориолана. Он и сам не хочет оставаться здесь, где всех его заслуг перед государством оказалось недостаточно, чтобы иметь право быть самим собой.

С этого момента действие становится трагическим. Обнаруживается не только трагическое положение героя, но и трагедия всего римского общества. Сначала только близкие ощущают горе разлуки с Кориоланом. Но уже вскоре осознают трагизм своего положения и все остальные.

Корни трагизма в том общем разладе, который мы видели с самого начала действия, но непосредственным толчком к взрыву является изгнание Кориолана и следующий за этим его переход на сторону вольсков.

Если борьба в Риме происходила на наших глазах и мы видели, как созревал конфликт, то измена Кориолана оказывается внезапной, и мы не имеем возможности судить о том, что происходило в его душе, когда он принял роковое решение. Прощаясь с родными и друзьями (IV, 1), Кориолан еще сам не знает, что будет делать. Он лишь обещает остаться самим собой. Но уже в IV, 4 мы его видим в Анциуме и слы-

шим признание: Рим он возненавидел, а город врагов стал ему мил.

На этом этапе действия обнаруживается самое крайнее последствие индивидуализма Кориолана. Его вера в себя, свою самооценку, доводящая его до измены родине, — свидетельство того последнего предела, до которого дошел распад всех естественных и общественных связей между людьми.

Начиная с первой части “Генриха VI”, Шекспир не раз изображал акты измены (в данной хронике — герцога Бургундского). Всюду она была свидетельством низменности тех, кто ее совершал. Побудительными мотивами были мелкая корысть, самозащита и т.п. Здесь же мы имеем случай измены из принципа, по убеждению. Кориолан не мелкий предатель, не жалкий трус, даже в своей измене он остается по-своему мужественным и величественным, как это можно видеть в сцене его объяснения с Авфидием (IV, 5). Как ни парадоксально это прозвучит, но, даже совершая измену, Кориолан остается прямодушным.

Его чистая жажда мести нуждается в реальной поддержке вольсков. Для Кориолана они и их вождь Авфидий были неким абстрактным воплощением силы, враждебной Риму. Он и хочет использовать ее для своей мести. Однако и лагерь вольсков заражен язвой своекорыстия, которая так возмущала Кориолана в Риме. Кориолан думает, что вольски будут орудием его мести, а Авфидий рассчитывает, что орудием ему послужит Кориолан. При этом Авфидий не просто отдельное лицо. За ним стоит государство, общество, такое же внутренне противоречивое, как Рим. У вольсков есть свой плебс и своя аристократия. Одной короткой сценой Шекспир дает нам почувствовать это — в конце IV, 5, когда после сговора Кориолана с Авфидием слуги обмениваются полусутовыми, по-

лусерьезными замечаниями по поводу предстоящего похода на Рим. И у вольсков, как у римлян, мирное время совсем не характеризуется гражданским миром. Недаром первый слуга в конце беседы говорит о том, что в мирное время “люди и ненавидят друг друга”. А третий слуга объясняет, почему это происходит: “Потому что в мирное время они не так друг другу нужны”.

“Они не так друг другу нужны”! Эти слова могли бы послужить эпиграфом ко всей трагедии, показывающей все большее обособление между сословиями общества и отдельными индивидами. И если еще остается для них необходимость какой-то связи, то парадоксальным образом она возникает тогда, когда возгорается костер вражды и человекоубийства — во время войны.

О беседе слуг Авфидия надо сказать еще и в другой связи. Джон Палмер справедливо подчеркнул, что она в цепи других доказательств служит важным звеном для опровержения преднамеренного антидемократизма Шекспира. Устами этих людей из народа глаголет истина. Они верно судят о своем господине и его новом союзнике, но еще вернее приведенные нами суждения о том, что в обществе, раздираемом внутренними антагонизмами, единственной реальной связью, объединяющей людей перед лицом одинаково страшной для них опасности, стала война — совместное человекоубийство.

Теперь обратимся к цепи трагических событий, обусловленных изгнанием Кориолана и его переходом на сторону вольсков. Никто еще не гибнет, но дух трагедии осеняет всех ее участников. Трагизм проявляется не во внешне ужасном, ибо, как известно, никто не умирает, и “Кориолан” не драма, венчающаяся горой трупов, как “Гамлет” или “Король Лир”. Трагическое оборачивается здесь той причудливой иронией, с

какой все предшествующие действия людей, совершенные ими для своего блага, приводят к противоположному результату.

Прежде других это испытывают на себе трибуны Брут и Сициний. Когда становится известно, что Кориолан во главе армии вольсков идет на Рим, Коминий и Менений Агриппа винят в этом их, и трибунам нечего возразить. Добившись изгнания Кориолана, они хотели спасти Рим от тирании, но создали угрозу самому существованию Рима.

Патрициям тоже не приходится злорадствовать. Опасность грозит им в не меньшей степени, чем плебеям. Явившемуся для переговоров с ним Коминию Кориолан заявил, что его гнев обрушится на всех без разбора. Он прогоняет и Менения Агриппу, когда тот приходит к нему с просьбой пощадить римлян (V, 2).

Наступает решающий момент. Кориолана, подступившего с войсками к стенам Рима, встречают мать, жена и сын. Нет нужды напоминать читателю эту великолепную по драматизму сцену, стоящую в одном ряду с вершинными эпизодами других трагедий Шекспира. Трагическая ирония проявляется здесь в том, что Волумния, годами воспитывавшая в своем сыне непреклонность, видит, как это оборачивается против нее же, против Рима, которому она растила героя и вождя. Как известно, ей удастся переломить Кориолана. Но этим она в конечном счете губит его. Так все, чему посвятила свою жизнь Волумния, оказалось бесплодным, ибо, вложив в Кориолана мужество, она не наделила его человечностью. А когда в последний миг она воззвала к его чувству человечности, то это и погубило вконец Кориолана.

Кориолан отнюдь не был настолько наивен, чтобы не понимать морального смысла своего перехода на сторону вольсков. Мнение других, однако, было ему безразлично, по-

сколько как ему казалось, он всегда оставался самим собой. Чего Кориолан не понимал, это того, что человек не только таков, каков он сам по себе, но и того, каков он в своем отношении к обществу, в котором живет. Трагедия Кориолана в том, что он не стал своим нигде — ни в Риме, ни среди вольсков. Он не желал считаться с обществом, и оно мстило ему. Римляне изгнали его, а вольски убили.

Трагическая неизбежность гибели Кориолана обусловлена не только его характером. Если Шекспир с предельной наглядностью показал антисоциальность индивидуализма Кориолана, то не менее очевидно в трагедии и то, что общество, с которым герой не ужился, тоже повинно в происшедшей трагедии. Эту диалектику трагического в “Кориолане” не всегда замечают, сводя смысл произведения к одной из альтернатив. Между тем суть дела состоит именно в непримиримости антагонизмов, рождаемых расчленением человечества на сословия и классы, на толпу и индивидов. Выхода из этих противоречий Шекспир не видит. Но в его эпоху не это стояло на очереди дня. Его величие в том, что он, как художник, одним из первых открыл их.

“Кориолан” не завершается моралью, которая позволила бы сделать непосредственные выводы. Последнее, что мы видим на сцене, — расправа вольсков над Кориоланом. Здесь сводятся счеты, которые у Авфидия были с вольсками. Его положение было тяжелым, ибо он не смог защитить страну в многочисленных войнах с Римом. Не добился он победы и тогда, когда сделал ставку на месть Кориолана римлянам. Только убийство Кориолана примиряет вольсков с Авфидием. И Рим тоже обеспечил себе дальнейшее существование ценою жизни изгнанного Кориолана.

Все остается так, как было. Ни одно из противоречий,

породивших трагедию, не уничтожено. Хотя наступил мир, но мы знаем, что это, то “мирное время”, когда “люди не так друг другу нужны”.

С глаз Шекспира спала пелена. Он не верит теперь в иллюзорную гармонию общества. Но все изображенное им было освещено для него трагическим светом именно потому, что великий гуманист сохранял уверенность в необходимости гармонических отношений между людьми.

А. Аникст

• Примечания к тексту “Кориолана”

К с. 7. **Действующие лица.** *Кай Марций Кориолан* (годы рождения и смерти неизвестны) — римский полководец, о жизни которого сохранились полуполюгендарные предания. Неясно, принимал ли он участие в конфликте между патрициями и плебеями в 495 г. до н.э. Он был еще юношей, когда отличился в 493 г. до н.э. при взятии Кориол. Изгнание его и предпринятая месть Риму произошли в 491 г. до н.э. Относительно того, что последовало после его решения пощадить Рим, сведения расходятся. По одной версии, разгневанные вольски убили его, по другой — он дожил в изгнании до глубокой старости.

К с. 17. *Не забудьте, что соки я по рекам кровяным шлю к сердцу во дворец и к трону мозга...* — Истинный механизм кровообращения был объяснен лет через десять после возникновения “Кориолана” Гарвеем. До тех же пор на этот счет существовали весьма фантастические представления.

К с. 43. *Рисовался таким, как ты, в мечтах Катону воин...* — Плутарх сообщает, что Катон-старший требовал от

воина не только силы и храбрости, но и громкого голоса и грозного вида, которые наводили бы ужас на врагов. Шекспир допускает здесь анахронизм: Катон жил в III-II вв. до н.э., т.е. на три столетия позднее времен Кориолана.

К с. 44. ...тряпки, которые палач зарыл бы в землю с тем, кто носил их. — Одежда казненного переходила в собственность палача.

К с. 53-54. Будь ты Гектор, сей бич для вас, его бахвалы внуки... — Существовало легендарное представление, что римляне были потомками троянцев. Для трусливых римлян доблестный предок является вопиющим укором, «бичом».

К с. 66. ...не дурак выпить кубок подогретого вина, не разбавленного ни единой каплей тибрской воды. — Здесь соединены вместе два обычая — древнеримский и английский. Римляне разбавляли вино водой, англичане любили подогретое чистое вино.

К с. 95. Зачем прошу я, стоя здесь в лохмотьях, у Дика с Хобом голосов ненужных? — Дик — уменьшительная форма имени Ричард, Хоб — имени Роберт. Введение английских имен (для обозначения лиц низших сословий) в пьесах, действие которых происходит в другой стране, у Шекспира встречается довольно часто.

К с. 137. ...называла скотами грубошерстными... — Это можно понять двояко: 1) грязными, грубыми, как скот; 2) одетыми в отличие от воинов в грубую шерстяную одежду.

...с непокрытой головой в собраниях зевать... — Привилегией знатных лиц было при любых обстоятельствах не снимать головного убора.

К с. 149. Ты граждан опросил по трибам? — Плутарх поясняет, что голосование по трибам (территориально-административное подразделение римского народа), а не по цен-

туриям (подразделение военного характера) обеспечивало перевес беднякам.

К с. 184. *Знай Марс...* — Авфидий называет Кориолана именем бога войны Марса в знак уважения к подвигам своего бывшего противника

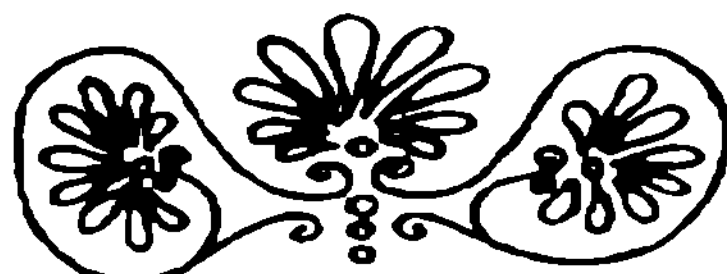
К с. 206. *И Рим он схватит, как морской орел рыбешку, которая сама к тому всплывает, в ком видит прирожденного владыку.* — Существовало поверье, что морской орел одной лишь силой своего “благородства” заставляет рыб из инстинкта покорности подниматься на поверхность моря, где затем он хватает их.

К с. 213. *...поскольку связан клятвой, данной вольскам.* — Перевод этого места, очень неясного в подлиннике и, может быть, испорченного, гадателен. Возможен другой перевод его: “...и заставил меня дать клятву, что я подчинюсь его условиям”.

К с. 233. *...словно статуя Александра.* — Снова анахронизм: Александр Македонский жил через полтора столетия после Кориолана.

“Тимон Афинский”

Первопечатный текст “Тимона Афинского”, опубликованный в фоллио 1623 г., давно обратил на себя внимание исследователей некоторыми странностями. Он напечатан между “Ромео и Джульеттой” и “Юлием Цезарем”. Типографские признаки дали возможность установить, что первоначально издатели фоллио намеревались поместить здесь “Троила и Крессида”, но затем у них возникли какие-то трудности (вероятно, связанные с выкупом издательских прав на публикацию этой пьесы), и так как другие пьесы уже были набраны и, по-види-

мому, отпечатаны, то, чтобы не менять пагинацию, на пустое место надо было что-то вставить. Таким образом “Тимон Афинский” и попал на то место, которое он занял в фолио.

Текст трагедии изобилует ошибками в расположении строк, их делении согласно метрической системе пятистопного ямба; в ряде случаев прозаические реплики разбиты на стихотворные строки, а стихи напечатаны как проза. Многие строки неполны, и непонятно — то ли это дефект рукописи, с которой печатался текст, то ли сознательное авторское указание на длительность пауз при произнесении стиха.

В художественном отношении пьеса очень неровна, что гораздо больше заметно при чтении ее в подлиннике. Наряду с эпизодами, полными шекспировской трагической мощи, есть сцены маловыразительные. Некоторые места текста не очень похожи по стилю на Шекспира. Это следующие эпизоды: I, 2; I, 3; III, 2; III, 3; III, 5; IV, 2; IV, 3; V, 1. В XIX веке исследователи считали, что эти места текста принадлежат не Шекспиру, а кому-то из современников. Среди возможных соавторов Шекспира называли Хейвуда, Тернера, Уилкинса, Чепмена, Мидльтона.

Современное шекспироведение, как и в отношении остальных пьес, склоняется к тому, что не следует относить несовершенства текста трагедии за счет других авторов. Все большее число сторонников завоевывает концепция, согласно которой “Тимон Афинский” — произведение, незавершенное самим Шекспиром. Значительную часть текста драматург написал с подлинно творческим вдохновением, тогда как ряд сцен были только набросаны им и недоработаны в поэтическом отношении.

Как бы то ни было, основной корпус текста составляют сцены, написанные с той поэтической силой и трагической

глубиной, которые присущи другим великим творениям Шекспира в трагический период. Критики неоднократно указывали на то, что многое роднит “Тимона Афинского” с “Королем Лиром”. И здесь и там центральной является тема неблагодарности. Есть предположение, что Шекспир якобы сначала взялся за обработку сюжета о Тимоне Афинском, но затем обратился к теме короля Лира и, найдя в ней более благодарный материал, будто бы отказался от завершения “Тимона Афинского”. Трудно сказать, насколько данное предположение достоверно. Во всяком случае, оно подводит нас к вопросу о датировке трагедии. Если “Тимон Афинский” был написан или набросан до “Короля Лира”, трагедию следует датировать примерно 1605 г. К этому склонялся Э.С.Бредли, и эту дату поддерживает современный американский шекспировед Уиллард Фарнхем. Но большинство исследователей хронологии Шекспира относят “Тимона Афинского” к более поздней дате. Традиционное мнение, восходящее к концу XVIII века, заключается в том, что “Тимон Афинский” — последняя из трагедий Шекспира. Однако никаких фактических данных, подтверждающих это, не обнаружено.

Не помогают датировке пьесы и так называемые метрические таблицы, в которых суммированы формальные особенности стихосложения Шекспира. В данном случае они неприменимы из-за версификационных аномалий текста, по-видимому, объясняющихся незавершенностью трагедии. Э.К.Чемберс принимает традиционную датировку трагедии и относит ее написание к 1608 г., ставя ее по времени создания между “Кориоланом” и “Периклом”.

Источником сюжета являются “Сравнительные жизнеописания” Плутарха. О Тимоне Плутарх рассказывает в биографии Марка Антония, а также в биографии Алкивиада. Не

исключено, что характеристика Тимона, данная Плутархом, привлекла внимание Шекспира, когда он изучал биографию Антония для трагедии “Антоний и Клеопатра”. Но Шекспир мог также познакомиться со своеобразной личностью Тимона по рассказу в другой книге, которой он пользовался в качестве источника сюжетов, а именно — в сборнике новелл и легенд Пейнтера “Дворец наслаждений” (1566). Шекспир, по-видимому, был знаком также с сочинением Лукиана “Мизантроп”. Английского перевода “Мизантропа” не было во времена Шекспира, а наш драматург, по некоторым сведениям, “мало знал латынь, а греческий и того меньше”, но зато он мог быть знаком с французским переводом Лукиана, сделанным Фильбертом Бретаном (1582). Наконец, обнаружена также рукопись английской анонимной пьесы о Тимоне. Сравнение текстов показывает, однако, что Шекспир не был с ней знаком.

Образ Тимона очень часто встречается в гуманистической литературе эпохи Возрождения. Мы находим его у итальянцев, французов, испанцев и англичан. Он привлекал теоретиков гуманизма, новеллистов, поэтов и драматургов. Комедию о “Тимоне” написал Боярдо (1487). Имя “Тимона” мелькает и на страницах “Опытов” Монтеня (английский перевод — 1603).

Уиллард Фарнхем, произведя сравнительное исследование всех сочинений о Тимоне, начиная от Плутарха и до ренессансных авторов, пришел к выводу, что шекспировская трактовка образа мизантропа коренным образом отличалась от традиционной. Как для древних авторов, так и для писателей-гуманистов Тимон был образцом человеконенавистничества. Он воплощал в себе как раз то, что отрицалось передовой гуманистической мыслью, утверждавшей веру в человека и в его способность к совершенствованию. В жизненной судьбе Тимона, презиравшего людей и удалившегося, чтобы

жить без общения с ними, всегда видели крайнее проявление антисоциальности, что также давало гуманистам повод для осуждения Тимона. Его удаление на лоно природы и одинокая жизнь в диком лесу расценивались как отказ от высших форм человеческого бытия и возврат к животному, скотскому состоянию. Гуманистам с их стремлением к распространению культуры “опрошение” Тимона было не по душе.

Шекспир пошел против этой традиции. Он первый автор, у которого Тимон изображен как трагический персонаж, вызывающий сочувствие. Замысел Шекспира очень ясно обнаруживается при сопоставлении его разработки сюжета о Тимоне с рассказом Плутарха. В жизнеописании Алкивиада Тимон упоминается только мимоходом. Здесь описывается то удовольствие, которое испытал Тимон, встретив Алкивиада, ибо он рассчитывал, что, добившись всей полноты власти, Алкивиад раздавит Афины. В биографии Марка Антония о Тимоне рассказано более подробно. Плутарховский Тимон живет не в лесу, а в Афинах, но, презирая людей, он не желает общаться с ними. Единственный, для кого он делает исключение, это такой же человеконенавистник, как он, — Алемант. Причина мизантропии Тимона лишь мимоходом упоминается Плутархом. Его Тимон не был богатым человеком и не растратил огромного состояния на друзей. Просто случилось так, что однажды, испытывая нужду, он обратился за помощью к друзьям и, не получив ее, возненавидел их, а заодно и весь людской род. Свою ненависть к людям он выразил в эпитафии, которую велел вырезать на своей могиле.

Тимон Плутарха — человек, выделяющийся своей эксцентричностью, в нем нет ничего типичного, и древний историк-моралист изображает его как человека, отклонившегося от норм природы и нравственности.

У Лукиана, с сочинением которого Шекспир каким-то образом познакомился, Тимон изображен богачом, щедрым по отношению к своим друзьям. Его расточительность завершается растратой состояния, и тогда все, кто раньше льстил ему, чтобы получать подачки, отворачиваются от него. Безбожник Лукиан изображает разорившегося Тимона человеком, проклинающим богов за свою злосчастную судьбу. С явным удовольствием автор вложил в его уста всевозможные богохульства. Однако Зевс, услышав жалобы Тимона, пожелал ему помочь. Тимон просил, чтобы громовержец обрушил гром и молнии на неверных друзей, но олимпийский бог не в состоянии этого сделать, так как сломал свой громоносный жезл, размахивая им, чтобы наказать философа Анаксагора, отрицавшего власть богов. Тогда Зевс приказывает Гермесу обогатить Тимона. Тимон, живущий в уединении, копает землю и находит огромное сокровище. Об этом становится известно неверным друзьям, и они снова приходят к нему, опять льстят и пускаются на всевозможные уловки для того, чтобы выманить у него золото. Тимон вдоволь наслаждается их унижением, а затем прогоняет их, не дав ничего. После этого он решает жить отшельником, сохраняя вражду ко всем людям. Но при этом Лукиан, сочувствуя Тимону в его осуждении корыстолюбия людей, явно не одобряет его намерения вести одинокую жизнь.

Мы видим, таким образом, что, как и в подавляющем большинстве других случаев, создавая сюжет пьесы, Шекспир многое брал из различных источников, но заимствования были подчинены идейному замыслу, вполне оригинальному. Концепция трагедии отличается свойственной Шекспиру масштабностью. Его Тимон не просто частное лицо, на долю которого выпало несчастье, заставившее его возненавидеть

людей. Шекспировский Тимон — не только богатый, но и знатный вельможа, один из самых первых и влиятельных граждан Афин. Судя по одному намеку, он был даже воином и полководцем. Во всяком случае, вероятно, не без основания ему предлагают возглавить войска для защиты Афин от наступающего на них Алкивиада.

Теснее, чем во всех трактовках сюжета у предшественников, связывает Шекспир судьбу героя с жизнью всего общества и государства. Трагедия Тимона — это трагедия выдающейся личности, чья жизнь и судьба многообразно скрещивается с нравственным состоянием общества в целом. По сравнению с другими трагедиями здесь меньше всего личных мотивов. У Тимона нет жены, возлюбленной или родственников. Он предстает перед нами только в своих общественных связях, как с Афинским государством в целом в лице его сената, так и с отдельными гражданами, ищущими его расположения.

Широта трагического диапазона Шекспира обычно проявляется также и в том, что не только общество, но и вся природа, космос оказываются вовлеченными в тот клубок противоречий, который ранит душу героя меланхолией, муками страсти и безумием. Так обстоит дело и в “Тимоне Афинском”. Здесь, правда, не появляются сверхъестественные существа и природа не разражается грозами. Она равнодушно взирает на страдания Тимона, как равнодушно к нему и погрязшее в корыстных стремлениях общество. Но сам Тимон ощущает несправедливость в ее космическом вселенском масштабе. Это очень выразительно проявляется в последних актах трагедии, в монологах Тимона: “О всеблагое солнце! Извлеки сырую гниль из недр земли наружу и зарази весь воздух под луною...” (IV, 3), “О ты, природа, мать всего живого...” (IV, 3), в страстной тираде, с которой он обращается к

разбойникам: “Солнце — первейший вор... Луна — нахалка и воровка тоже... Все в мире — вор!” (IV, 3).

Наряду с грандиозностью замысла трагедии, содержащей осуждение всемирной несправедливости, ее драматическая композиция сравнительно с другими произведениями данного периода отличается простотой. Здесь нет той многоплановости действия, которая так характерна для “Гамлета”, “Короля Лира” и “Антония и Клеопатры”. В этом отношении “Тимон Афинский” ближе к той концентрированной структуре, которая отличает “Отелло” и “Макбета”. Но эти две трагедии изображают сложный и мучительный процесс развития губительной страсти в душе героя. В “Тимоне Афинском” развитие личности героя представлено гораздо проще. Мы видим две его ипостаси. Сначала перед нами щедрый и благожелательный ко всем Тимон, затем в его сознании происходит резкий перелом и он преобразается в человеконенавистника, пылающего неукротимым гневом. Этот переход совершается внезапно.

Проще и даже прямолинейнее изображение и других персонажей. Шекспир не стремился здесь к той индивидуализации, которая делала столь живыми создаваемые им типы. Второстепенные персонажи трагедии представляют собой односторонние, но, правда, очень рельефные воплощения определенных качеств. Они являются их обобщенной персонификацией, и недаром несколько персонажей даже не названы именами, а обозначены лишь своей профессией: поэт, живописец, ювелир, купец. Это почти как в моралите. Но, конечно, мы ни в коей мере не хотим сказать этим, что Шекспир возвращается к наивному морализаторству средневековой народной драмы. Широта его взгляда на жизнь, глубокое постижение ее противоречий во всей их сложности сохраняют за

“Тимоном Афинским” все качества жизненной наполненности, присущие ренессансной драме.

И все же, больше чем где бы то ни было, Шекспир отходит здесь от драмы характеров, приближаясь к тому, что мы определяем как драматургию идей. Он нигде не погрешает против психологической правды, но она предстает в “Тимоне Афинском” в своих самых обобщенных проявлениях. Шекспира интересуют здесь не тонкие извивы человеческой души, а простейшие и даже грубые в своей простоте проявления человеческой натуры. С неумолимой суровостью подчеркивает Шекспир власть бездушного расчета над людьми, их неприкрытую жажду выгоды.

Многое здесь проще, чем в таких трагедиях, как “Гамлет”, “Отелло”, “Король Лир”, “Макбет”, “Антоний и Клеопатра” и даже “Кориолан”. Но эта простота отнюдь не приводит к обеднению содержания.

В чем же состоит та простая и великая жизненная истина, которую Шекспир выразил в своей трагедии?

Мы видели во всех предшествующих произведениях драматурга его постоянное стремление пробиться сквозь поверхность жизни и дойти до самой ее сердцевины, для того чтобы найти корни зла. Мы были бы несправедливы, сказав, что только в “Тимоне Афинском” Шекспир осуществил свое стремление и достиг цели. Его великие творения “Гамлет”, “Отелло”, “Король Лир”, “Макбет” — глубоко раскрывают нам основы тех противоречий действительности, которые извращают природу человека, делают людей врагами друг другу, превращают жизнь в непереносимую муку. Это было сделано Шекспиром с той силой художественного мастерства, благодаря которой трагедии его героев обрели удивительную жизненность, волнуя умы и сердца людей многих поколений. Корень зла Шекспир

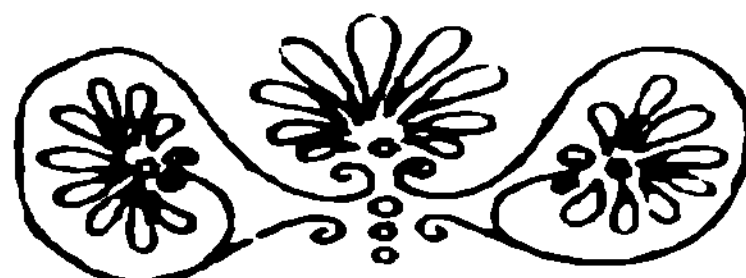
видел в чудовищном себялюбии, которое возникло как неожиданный спутник высокого развития личности, когда она освободилась от средневековых пут. Но мы уже не раз подчеркивали, что Шекспир, конечно, не мыслил теми понятиями, которые служат нам для определения существа социальных процессов. Но чутьем художника-реалиста он постиг смысл того переворота, который происходил в сознании людей его эпохи, и видел социальные основы этого переворота. Шекспир стоял у колыбели буржуазного общества, и, будучи гениальным в понимании общественных отношений, он наглядно изобразил в своих трагедиях первые результаты грандиозной ломки общественного сознания. В его трагедиях пред нами предстает картина распада всех феодально-патриархальных связей между людьми. Показано это было им уже и в прежних произведениях, но в “Тимоне Афинском” это не только показано, но и сказано великим драматургом в полных гнева речах Тимона. Подчеркнутая декларативность трагедии не дает ей художественного превосходства над “Гамлетом” или “Королем Лиром”. Но как документ, характеризующий мировоззрение Шекспира, “Тимон Афинский” имеет несомненное значение.

Вся трагедия Тимона сконцентрирована вокруг одного — значения денег в жизни людей. Вначале он предстает перед нами как человек, видящий в деньгах средство сделать приятной свою жизнь и жизнь других. Богатство имеет для него цену именно в той мере, в которой оно может доставить людям наслаждение и счастье. В этом отношении он напоминает Антонио из “Венецианского купца”, который готов был пожертвовать для своих друзей всем. Однако, как мы помним, и друзья отвечали Антонио взаимной любовью. Когда над ним нависла опасность, они сделали все, чтобы спасти его от жаждавшего крови ростовщика Шейлока.

Мы вспомнили раннее произведение Шекспира потому, что сравнение социальных концепций, лежащих в основе этих двух драм (при несомненном художественном превосходстве “Венецианского купца”), наглядно показывает развитие мысли Шекспира, преодоление им прежних иллюзий о соотношении добра и зла в действительности. В “Тимоне Афинском” перед нами зрелый Шекспир, который постиг всю бесчеловечность утвердившихся в обществе отношений. При этом он видит, что бездушные царят повсеместно. Оно проявляется и в поведении людей, и в действии закона. Последнее выразительно представлено в линии сюжета, связанной с Алкивиадом. Афинский полководец обращается к сенату (III, 5) с просьбой помиловать его друга, который в порыве гнева убил своего обидчика. Алкивиад не отрицает вины друга, он просит только, чтобы того судили не за один этот поступок, но приняли во внимание все его человеческие качества. Друг был достойным человеком, совершившим немало подвигов на поле брани, защищая Афины. Алкивиад просит предоставить возможность виновному искупить свой поступок на поле боя. Сенаторы стоят на точке зрения формального закона. Человек, которого они судят, не существует для них как личность, он только некая единица, нарушившая закон. Сенаторы отказывают Алкивиаду в его просьбе. Более того, уже одно то, что он смеет оспаривать судей и подвергать сомнению правильность их решения, вызывает гнев сенаторов, которые изгоняют и самого Алкивиада, несмотря на все его прежние заслуги перед Афинским государством.

Этот выразительный эпизод в концентрированной форме выражает отношения, установившиеся между личностью и государством. В хрониках Шекспира утверждалась идея, что государство существует для людей как сила, объединяющая

щая их и устанавливающая справедливые отношения между ними. Шекспир, достигший полной зрелости политической мысли, понимает, что государство представляет собой нечто враждебное человеку. Оно требует беспрекословного подчинения себе. Не оно служит людям, а люди должны служить ему.

Судьба Тимона также подтверждает это. Он не раз помогал государству, когда оно нуждалось в средствах. Но ни государство, ни мнимые друзья не пришли на помощь Тимону, когда он оказался в нужде.

С предельной наглядностью в трагедии изображено то, что каждый человек оказывается предоставленным самому себе. Мы видим здесь действительно полный распад всех связей, место которых занял голый “интерес”, “чистоган”.

Как и в “Короле Лире”, Шекспир показывает, что место и значение человека в обществе определяется не его человеческими качествами и достоинствами, а богатством, то есть чем-то находящимся вне самого человека. Происходит извращение человеческой природы, и это было с потрясающей художественной силой выражено Шекспиром в известном монологе Тимона Афинского (IV, 3).

Вместе со своим героем гуманист Шекспир видит крушение идеалов человечности в мире, где царит власть золота. Гнев Тимона, однако, обращается не против самого золота, а против людей, поклоняющихся этому новому “божеству”. Шекспир не склонен был оправдывать зло объективными причинами. Он считал, что возможность противостоять всем формам общественного зла заложена в самом человеке. Тимона возмущает то, что люди не хотят бороться против власти золота, и, раз уж они так предались корыстолюбию, он готов содействовать истреблению человечества. Найденное им золото он, в отличие от своего прототипа у Лукиана, не прячет,

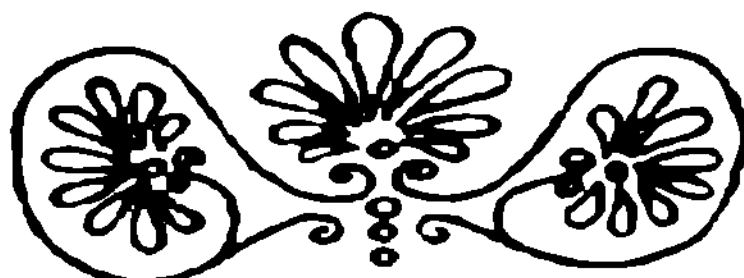

а, наоборот, готов раздать его для того, чтобы люди, борясь друг с другом за обладание сокровищами, с еще большей яростью занялись взаимным истреблением. В исступлении он кричит разбойникам: “Грабьте же друг друга, ненавидьте самих себя. Вот золото еще: берите, режьте глотки без разбору” (IV, 3).

Ненависть к людям, овладевшая Тимоном, безгранична, и он уже никогда не примирится с человеческим родом. Однако корень ее в той любви, которую Тимон раньше так щедро проявлял по отношению ко всем окружающим.

Шекспир часто прибегал к одному приему для четкого определения характеров своих персонажей: он либо ставил их в сходные ситуации, либо наделял одинаковыми страстями и стремлениями. Так, мы видели, что отношение Гамлета к задаче мести особенно рельефно обнаруживалось при сопоставлении датского принца с Лаэртом и Фортинбрасом, у которых тоже были убиты отцы. В “Тимоне Афинском” параллельно герою Шекспир выводит фигуру другого человеконенавистника — Апеманта. Этот циник никогда не любил людей и был убежден в том, что натуру человека определяют дурные качества. Люди для него не более чем разновидность животных.

Исследователями стиля Шекспира было замечено, что образная система трагедии изобилует словами, метафорами, сравнениями, настойчиво утверждающими идею господства в жизни звериных начал. Когда Алкивиад, встретив в лесу Тимона, спрашивает его: “Ты кто такой?”, тот отвечает: “Животное, как ты!” (IV, 3). На протяжении пьесы персонажи постоянно называют себя и других животными. Однако человек — самый жестокий из зверей. Уходя в лес, Тимон говорит: “Там лютый зверь добрее человека”. В этом ряду стоят и те образные выражения, которые прямо или косвенно утвер-

ждают, что люди пожирают людей. Лстецы и прихлебатели не только объедали Тимона, они поедали его самого.

Впоследствии Тимон пришел к пониманию того, что люди пожирают друг друга. Когда в лесу на него нападают разбойники, он им советует питаться щедрыми дарами природы, но первый разбойник отвечает за всех, что они не могут питаться травой, плодами и водой, “как птица, звери, рыба”. На это Тимон с горькой иронией замечает, что им недостаточно даже есть самих зверей, и птиц, и рыб: “Я знаю — должны вы есть людей” (IV, 3).

Может показаться, что Тимон, пережив разочарование в людях, пришел к такому же взгляду на природу человека, что и Алемант. Этот последний, узнав о том, что Тимон из ненависти к людям удалился в лес, ищет его, думая, что теперь-то они могут встретиться как единомышленники. Но тут-то и дело, что есть огромное различие между человеконенавистничеством Алеманта и Тимона. Алемант презирает людей, ибо убежден, что низменность составляет их природу, поэтому он не впадает в бурное отчаяние, как это случилось с Тимоном. Он смотрит на людей с циническим спокойствием и безразличием. Алемант никогда не видел в жизни ничего хорошего и не испытал к себе хорошего отношения людей. В отличие от него Тимон начал жизнь в богатстве и довольстве, окруженный всеобщим поклонением. Так он говорит о себе: “Для меня вселенная кондитерской являлась” (IV, 3). Разными они остались и в нищете.

Будучи богатым, Тимон отнюдь не отличался благоразумием или прозорливостью. Он слепо воспринимал лесть окружающих его прихлебателей и наивно верил им. Алемант прав, что он сам накликал на себя свою беду. С точки зрения практического житейского взгляда на вещи Тимон был прост

безрассуден. Но его безрассудство в чем-то было родственно безрассудству Лира, когда он был всемогущ. Тимон хотел быть хорошим человеком — не в несчастье, как Лир, а именно тогда, когда у него был “избыток”, он готов был поделиться им с людьми, тогда как Лир, как мы помним, пришел к этому, лишь пройдя через нужду и страдания. Когда люди превозносили Тимона, ему и в самом деле казалось, что они ценят его доброту. Но они это делали только для того, чтобы побуждать его к еще большей расточительности.

По-своему Тимон переживает трагедию доверия. Будучи человеком склонным к крайностям (Апемант метко определяет его характер, говоря: “Ты в жизни никогда не знал золотой середины, тебе ведомы лишь крайности”; IV, 3), прозрев, он теперь становится врагом людей. Переворот, происходящий в его сознании, противоположен тому, который пережил Лир. Тот вначале был безразличен к людям и жил только сознанием величия своей личности. Тимон видел свое величие в том, чтобы оказывать благодеяния другим. Прозревший Лир проникается самозабвенной любовью к страждущему человечеству. Прозревший Тимон обуреваем ненавистью по отношению к всеобщей порочности людей. Лир считал, что “нет в мире виноватых”. Он понял чудовищные противоречия общества, основанного на неравенстве, где неправедный судит невинного. Тимон не захотел в этом разбираться. Он осудил всех людей без исключения, считая каждого человека морально ответственным за то, что он не сопротивлялся злу.

Тимон ненавидит человечество, ибо оно изменило своей человеческой природе, и в этом его отличие от Апеманта, считающего, что люди верны своей природе, ведя себя как звери и пожирая друг друга.

Мизантропию Тимона критика иногда отождествляет с

озицией самого Шекспира. Великий драматург в результате зрелых наблюдений над ужасами жизни пришел будто бы такому же человеконенавистничеству, как и его герой. Действительно, как и тогда, когда мы читаем “Гамлета”, трагедия “Тимон Афинский” вызывает у нас ощущение того, что невинные речи Тимона так же близки духу Шекспира, как и аздумья датского принца, но в обеих трагедиях Шекспир никогда не сливается полностью со своим героем. Несомненно, что все сказанное Тимоном о пороках общества, одержимого стремлением к выгоде, выражает взгляд самого Шекспира. Но это не означает, что великий гуманист отказался от своей веры в человека. Шекспира отделяет от Тимона то, что он видит и людей, не поддавшихся всеобщему растлению. В том смысле полна глубочайшей значительности фигура двоюродного брата Тимона — Флавия. В то время как все другие приходили в лес к Тимону в надежде поживиться найденным им сокровищем, Флавий пришел к Тимону из любви к нему. Его привело сюда исконно человеческое, чистое, человеческое чувство. Мы не можем не обратить внимания также и на то, что единственный персонаж трагедии, проявивший подлинную человечность, — это простой слуга, человек из народа. Вспомнить об этом не лишнее в связи с тем, что “Тимону Афинскому” предшествовала трагедия “Кориолан”, давшая повод утверждать, будто Шекспир с презрением и враждебностью относился к народу.

С другой стороны, мы не станем отрицать того, что отношение Флавия к Тимону — последний остаток прежних патриархальных отношений между “естественным повелителем” и слугой. Но реально Флавий также живет в мире, где патриархальные отношения вконец разрушены. Он тоже отдельная, обособленная от других личность. И все же он не отдался всеобщей нравственной порче.

Искренность и бескорыстие Флавия глубоко трогают Тимона. Он молит богов простить ему поспешность, с которой он “осудил весь мир без исключения”.

И все же даже Флавий не примиряет Тимона с человечеством. Он гонит его от себя. Почему? Потому что непреклонен в своей ненависти к злу и не хочет, чтобы добрые люди существующие как исключение, мешали ему видеть, что зло сильнее их и царит над большинством человечества.

Тимон умирает непримиренным, завещая людям лишь проклятие, но этим трагедия не завершается.

В идейном замысле “Тимона Афинского” немалую роль играет вторая линия действия, связанная с Алкивиадом. Он тоже пострадал от несправедливости. Прежние заслуги не спасли его от изгнания. Ненависть к обидчикам овладела им, но она не приняла форму вражды ко всему человечеству.

Тимон сродни философствующим героям Шекспира — Бруту, Гамлету, Лиру. Алкивиад — человек действия. Он в этой пьесе выполняет функцию Фортинбраса (“Гамлет”). Его фигура, однако, более выразительна, чем образ норвежского принца, который остается лишь бледной тенью, тогда как характер Алкивиада представлен весьма рельефно.

Он отнюдь не рыцарь без упрека, но, не будучи идеальным, он живой человек, в котором лучшие начала сильнее дурных. Если его конфликт с Афинским государством начался с личной обиды, то, вступив в борьбу из жажды мести, Алкивиад под конец становится тем человеком, который посредством силы восстанавливает хотя бы относительное равновесие добра и зла в обществе. Он воплощает мужественный и воинственный гуманизм, не боящийся прибегнуть к насилию для восстановления справедливости.

Победившему Алкивиаду, заставившему покорно скло-

иаться сенаторов, сообщают весть о смерти Тимона и эпитафию, которую тот сам начертал на своей могиле. В ней говорится о ненависти Тимона к миру и людям, но Алкивиад единственный, кто понимает, что мизантропия Тимона имела своим источником высокое представление о том, каким человек должен быть, и вместе с тем мы слышим из уст Алкивиада мысль о том, что война всех против всех, царящая в обществе, должна смениться миром и социальной гармонией. Если это может быть достигнуто только насилием над людьми, изменившими своей природе, пусть хоть это средство поможет лагородным целям.

А.Аникст

Примечания к тексту “Тимона Афинского”

К с. 257. *Когда же выйдет ваша книга в свет?— Да след за тем как поднесу ее.*— Поэт хочет напечатать свою книгу на средства Тимона. В шекспировской Англии поэты обычно получали от меценатов денежный подарок за посвящение им своих произведений.

К с. 272. *...вышибить мозги... что невозможно сделать...*— по причине отсутствия в голове этого человека мозгов.

К с. 300. *Варрон, здорово! и дальше: Исидор?*— Шекспир иногда наделяет слуг именами их господ.

К с. 305. “*Коринф*” — название веселого заведения, которое содержит жена шута.

Хотел бы я иметь во рту прут, чтобы ответить тебе назидательно.— Прут — вместо языка, чтобы стегнуть м хорошенько.

К с. 317. *Вот тебе три солидара...*— Сольдар — вымышленное Шекспиром название афинской монеты.

К с. 341. *...и в Византии...*— один из анахронизмов Шекспира.

К с. 348. *Кушанья сегодня у всех будут одинаковые.*— На званых обедах гостям иногда подавались различные кушанья, в зависимости от их ранга.

К с. 370. *...Красьте лица гуще, чтоб лошади на ваши щечках вязли* — то есть чтобы они вязли, как в жидкой грязи в румянах, покрывающих щеки.

К с. 373. *Гиперион* — одно из наименований бога солнца Феба-Аполлона.

К с. 384. *Был бы ты единорогом, тебя погубили бы гордость и бешенство...*— Ловля сказочного зверя единорога происходила будто бы так: охотник, раздражив единорога, прятался за деревом, и тогда взбешенный зверь вонзал свой рог в дерево с такой силой, что потом уже не мог его вынуть, и охотники могли взять его без труда.

...пятна этого родства...— пятна на шкуре леопарда.

К с. 392. *И океан ворует: растворяя луну в потоке слез своих соленых, он жидкостью питается ее.*— Существовало мнение, что действие моря на луну вызывает на ней соленую росу, которая затем падает в море и увеличивает этим ее объем.

“Перикл”

Когда после всего цикла драм от “Ричарда III” до “Тимона Афинского” читатель переходит к “Периклу”, то он испытывает ощущение, что данная пьеса не принадлежит перу Шекспира. Как первый, так и второй акты пьесы совсем не

похожи на то, с чем мы привыкли встречаться у Шекспира. Даже при знакомстве с пьесой в переводе, обычно сглаживающем стилистические особенности оригинала, такое ощущение возникает у всякого вдумчивого читателя, а при чтении “Перикла” в подлиннике с еще большей несомненностью обнаруживаются отличия от того, к чему мы привыкли в других произведениях нашего автора.

Но уже в третьем акте мы совершенно явственно слышим голос Шекспира и узнаем его манеру речи. Постепенно мы начинаем чувствовать, что перед нами подлинный Шекспир. Остается только чувство, что по сюжету и драматургической конструкции эта пьеса все же не похожа на другие произведения зрелой поры творчества Шекспира.

Для того чтобы фактическая сторона была ясна читателю, напомним, что Хеминг и Конделл не включили “Перикла” в фоллио 1623 г., хотя они утверждали, что изданный им том содержал все написанное Шекспиром. С другой стороны известно, что пьеса была опубликована впервые еще при жизни Шекспира, в 1609 г., и на титульном листе указывалось, что она “много раз и в разное время игралась слугами его величества в театре ”Глобус”. На титульном листе также полностью было обозначено имя Шекспира как автора пьесы. Она еще два раза была переиздана при жизни Шекспира (1609, 1611) и три раза после его смерти (1619, 1630, 1635). Наконец, в 1664 г. в третьем издании фоллио (во втором его выпуске) она была включена в собрание сочинений наряду некоторыми другими пьесами, приписанными Шекспиру.

Таким образом, если Хеминг и Конделл по неизвестно нам причине не включили “Перикла” в свое собрание, то, с другой стороны, прижизненные издания пьесы являются достаточно веским аргументом в пользу ее принадлежности

Шекспиру, если не целиком, то хотя бы частично. Об этом говорит также то, что пьеса игралась труппой, к которой принадлежал Шекспир, и шла на сцене театра “Глобус”.

Было время, когда некоторые критики полностью отвергали принадлежность “Перикла” Шекспиру. Позже утвердилось мнение, что пьеса является шекспировской частично. Этой точки зрения придерживалось большинство исследователей в XIX в. Установлено, что в 1608 г. некий Джордж Уилкинс опубликовал повесть “Печальные приключения Перикла, принца Тирского”. При этом в подзаголовке было добавлено, что книга является “Подлинной историей пьесы о Перикле, как она была недавно представлена достойным и древним поэтом Джоном Гауэром”. Содержание повести соответствует сюжету пьесы. Но в данном случае перед нами не произведение, послужившее источником для пьесы, а, наоборот, повесть, для которой пьеса была источником.

В связи с этим возникло довольно правдоподобное предположение о том, что Джордж Уилкинс был, возможно, автором первого варианта пьесы, которую он предложил шекспировской труппе, но Шекспир эту пьесу переделал, оставив, по-видимому, нетронутыми первые два акта.

Я уже сказал, что первые два акта не производят впечатления шекспировских. И все же вполне возможно, что это впечатление является ошибочным. Писатель такого широкого диапазона, как Шекспир, мог, конечно, писать в любом стиле.

За последние годы все чаще раздаются голоса в пользу того, что “Перикл” был написан Шекспиром. В частности, такого мнения придерживается Ч.Дж.Сиссон. “Пьеса, — пишет он, — является цельной и принадлежит Шекспиру, в чьем доме было много разных палат”. Он же рассказывает, что

недавняя постановка “Перикла” в Стретфорде, в которой был опущен первый акт, произвела большое впечатление на зрителей, включая и присутствовавших на спектакле шекспироведов. Поскольку лучшей проверкой всякой пьесы является ее сценическое воплощение, это свидетельство театральной эффективности “Перикла” нельзя не принимать в расчет. Вполне убедительно и другое соображение Сиссона, а именно, что “отрицание авторства Шекспира и попытка распределить авторство пьесы между различными авторами порождает гораздо больше неразрешимых проблем, чем признание авторства самого Шекспира”. Три следующие пьесы — “Цимбелин”, “Зимняя сказка” и “Буря” — тоже существенно отличаются от предшествующих пьес Шекспира. Правда, здесь стиль автора не вызывает сомнений и почерк Шекспира узнается без труда, но тем не менее по характеру содержания и драматургической композиции эти пьесы, как и “Перикл”, не похожи на все, что Шекспир писал до того.

Нам удастся преодолеть представление об этой пьесе как нешекспировской, если мы сразу же поймем, что, создавая это произведение, драматург вступил на новый путь. Если мы при этом еще откажемся от мысли, что каждое следующее произведение Шекспира должно по своим художественным качествам превосходить предыдущие, это тоже поможет нам вернее понять данное произведение. Естественно предположить, что, обращаясь к новому жанру, Шекспир не сразу достиг в нем большого мастерства. Нельзя не вспомнить в данном случае мнения польского ученого Романа Дибоского о том, что творческий путь Шекспира отнюдь не представлял собой поступательной линии развития, а характеризовался перемежающимися периодами подъема и спада. “Перикл”, во всяком случае, подтверждает такое мнение.

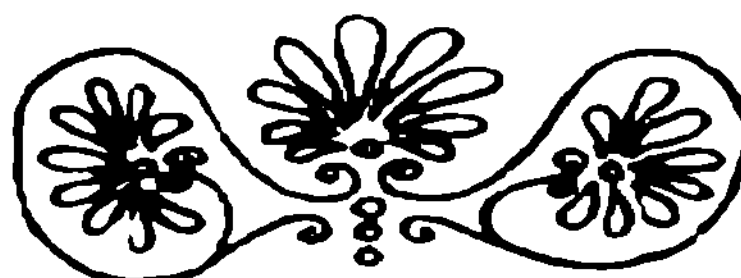

Эта пьеса отличается от предшествующих тем, что здесь нет ни шекспировского мастерства в раскрытии сложностей душевной жизни, нет и характеров, которые могли бы быть поставлены на один уровень с Гамлетом, Отелло или Макбетом. При всем желании трудно извлечь из этого произведения значительные социально-философские проблемы. Столь же несомненно, что композиция пьесы лишена того подлинного драматизма, который присущ лучшим из произведений Шекспира.

Автор пьесы как бы возвращается к принципам построения действия, характерным для начального периода английской драмы эпохи Возрождения. В основу сюжета положен не драматический, а эпический сюжет. Перед нами история злоключений героя, распадающаяся на ряд отдельных, почти не связанных друг с другом эпизодов.

Романтическая история Перикла была слишком обширна, чтобы ее можно было всю представить на сцене. Автор поэтому прибегнул к помощи пролога — актера, знакомящего публику с событиями, которые нельзя было изобразить. Роль пролога возложена на английского поэта XIV в. Гауэра. Гауэр был выбран потому, что он был автором, впервые рассказавшим историю Перикла на английском языке в своей поэме “Исповедь влюбленного”. Но Шекспир, по-видимому, пользовался также в качестве источника сюжета прозаическим пересказом этой истории в книге Лоренса Туэйна “Образцы печальных приключений” (2-е изд., 1607 г.).

На протяжении всего действия Гауэр выступает как рассказчик и комментатор происшествий. Его речи написаны стихом, не похожим на обычные шекспировские стихи. Он говорит рифмованными стихами в старинной манере. Речь его изобилует словами, являвшимися архаичными уже в шек-

спировскую эпоху. В частности, именно речи Гауэра создают впечатление того, что перед нами не шекспировский текст. Но нетрудно представить себе, что Шекспир мог прибегнуть к стилизации, для того чтобы сделать фигуру Гауэра более достоверной. Если подойти к образу Гауэра с точки зрения художественной правдивости, то при всем том, что его монологи кажутся наивными, в этом следует видеть не незрелость автора, написавшего их, а сознательный прием. Ведь Шекспир не раз прибегал к тому, что включал в текст своих пьес речи, написанные в манере, отличающейся от его обычного стиля. Вспомним, например, пьесу “Убийство Гонзаго”, которую играют заезжие актеры при дворе Клавдия в трагедии “Гамлет”. Кто читал эту сцену в подлиннике, тот легко согласится с тем, что Шекспир иногда нарочно менял стиль речи, желая подчеркнуть условность и театральность определенных персонажей. Гауэр говорит языком, отличающимся от языка персонажей “Перикла”, и это выделяет его, как условную театральную фигуру, среди остальных действующих лиц, которые должны производить на зрителя впечатление реальных людей. Это тот же самый прием, который был применен Шекспиром в “Гамлете”.

Надо, однако, отметить, что на протяжении пьесы стилизованное разграничение речей Гауэра от речей других персонажей выдержано не полностью. Так, например, во второй половине пьесы Гауэр иногда переходит с четырехстопного рифмованного ямба на нерифмованный пятистопный белый стих (III, 1), или на рифмованный пятистопный стих с парными рифмами (IV, 1), или, наконец, на пятистопник с перекрестной рифмой (abab, в начале V акта).

Это разнообразие может подать повод для предположения, что все речи, написанные четырехстопником, не шекс-

пировские, а те, которые написаны пятистопником, — шекспировские. Думается, однако, что если мы считаем разнообразие стиля одним из качеств Шекспира вообще, то и в данном случае различия между речами Гауэра отнюдь не обязательно означают, что в каждом отдельном случае следует искать иного автора, чем Шекспир.

В XIX в. критики, утверждавшие особую моральность Шекспира, отказывались считать его автором сцен в публичном доме (IV, 2; IV, 6). Особенно настаивали на этом английские шекспироведы “викторианского” периода, считая, что “сладостный лебедь Эйвона” не мог написать сальных речей и выражений, встречающихся в этой сцене.

Современные шекспироведы, свободные от моральных предрассудков и лицемерия “викторианского” периода, насколько не сомневаются в принадлежности этих сцен Шекспиру. Сопоставляя их с тем, что мы знаем о Шекспире по другим его пьесам, легко убедиться в том, что эти эпизоды написаны с подлинно шекспировским реализмом, как и все эпизоды его трагедий, комедий и хроник, где изображаются низшие слои общества. Яснее всего принадлежность этих сцен Шекспиру обнаруживается при сопоставлении их с эпизодами в трактате “Кабанья голова” во 2-й части “Генриха IV” (II, 1 и особенно II, 4).

С другой стороны, мы также узнаем Шекспира в поэтических речах Перикла, Геликана, Таисы, Марины, Лизимаха, Дианы и других персонажей пьесы. Сочетание возвышенного и низменного, реализма и романтики, как известно, всегда было присуще Шекспиру, и “Перикл” в этом отношении не отличается от других пьес Шекспира, где его авторство является неоспоримым.

“Перикл”, однако, отличается от других произведений

тем, что романтическое здесь решительно преобладает над реальным. Пьеса в целом производит впечатление сказки. Хотя мы встречаем в ней вполне жизненные мотивы злобы, зависти, жестокости, продажности, но все они не раскрываются Шекспиром с такой тщательностью, как мы это видели в трагедиях третьего периода. Там Шекспир был погружен в исследование корней зла и раскрывал перед нами всю сложную механику противоречий жизни. Здесь эти мотивы только называются и обозначаются чисто внешним образом как поводы и причины бедствий героя.

Концентрация проявления зла в “Перикле” довольно большая. Однако нетрудно увидеть, во-первых, что зло возникает как ряд случайностей, встречающихся на пути героя или других персонажей, а во-вторых, то, что положительные персонажи ни в малейшей степени не испытывают влияния зла на своем характере. Беды и злоключения Перикла не ожесточают его. Он от начала и до конца остается благородным и прекрасным человеком, полным доброжелательства. Еще выразительнее это бессилие зла проявляется в образе Марины. Сила ее душевного благородства столь велика, что она даже оказывает нравственно очищающее воздействие на людей, преданных пороку, сама ни в малой степени не поддаваясь влиянию той изменной среды, в которую она попала.

Не трудно представить себе, что при сценическом воплощении “Перикла” зритель с какого-то момента перестанет ощущать наивность и даже примитивность драматургической формы “Перикла” и будет хотя бы в некоторой степени увлечен стремительным ходом событий, сменой разнообразных эпизодов. При чтении тот же эффект производит поэзия пьесы, которую мы начинаем постепенно воспринимать, поддаваясь ее обаянию. И тогда совершенная нереалистичность

всего происходящего перестает нас смущать. Мы проникаемся сознанием того, что это сказка. Но в этой сказке рядом с невероятными случайностями много проблесков самой доподлинной жизненной правды. Правда жизни дает себя знать в том дурном и отвратительном, что предстает перед нами в пьесе. Ей Шекспир противопоставляет другую правду — истину человеческого благородства, нравственной чистоты, прекрасных чувств, выдерживающих любое испытание.

“Перикл” знаменует поворот в творчестве Шекспира. С этой пьесы начинается новый, последний период его драматической деятельности. По сравнению с трагедиями поворот в шекспировском мировосприятии сказывается в том, что пьеса проникнута идеей непобедимости лучших начал жизни. В ней утверждается мысль, что, как ни много зла в жизни, добро сильнее его, ибо коренится в самой природе человека.

Когда-то в романтических комедиях первого и второго периода герои Шекспира находили спасение от бед цивилизации на лоне природы. В “Перикле” природа равно творит добро и зло. Воплощением ее является морская стихия. Перикл все время плавает по волнам, и кроме житейских бурь он переживает бури на море. Море, по которому он плавает, бросает его в разные стороны. Это имеет символический смысл: Перикл одновременно носится по волнам житейского моря и по волнам моря настоящего, то оказываясь на гребне волны, то низвергаясь вниз. В этом неустойчивом мире есть только один устойчивый элемент — человеческая душа. Если она предана добру, то это должно вывести ее обладателя из всех бедствий и страданий к солнцу человеческого счастья.

Сила добра в самом человеке. Его сердце, его ум, его преданность благородным началам нравственности и его знания — вот что является единственным источником возможно-

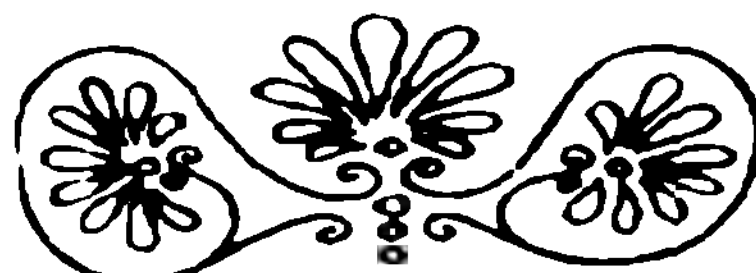

го обновления жизни, средствами к победе над злом. Эта мысль выражена врачом Церимонем.

Для того чтобы победить зло, существующее в жизни, Церимон обратился к науке, ибо она должна дать в руки человека средства достижения благополучия и счастья. Для этого нужно познать природу. Однако природа содержит в себе равно как возможности добра, так и зла. Церимон говорит о том, что природа является источником потрясений жизни, но она же содержит и средства от них. (Ср. с монологом Лоренцо в “Ромео и Джульетте”, II, 3). Чудесное исцеление Таисы, осуществляемое им, как бы наглядно подтверждает это. Природа поставила Таису на грань смерти, врачебное искусство Церимона, основанное на знании тайн природы, вернуло ей жизнь. В этом смысле “искусство” человека могущественнее природы. Эта мысль не раз встречается у Шекспира. Вполне в духе гуманистической идеологии эпохи Возрождения Шекспир утверждает здесь могущество человеческого знания. Величайшая сила жизни не в самой природе, а в способности человека заставить природу служить его целям и потребностям.

Если в период создания трагедий внимание Шекспира было сосредоточено на познании тех причин, которые делают зло таким могущественным, то, начиная с “Перикла”, он обращается к поискам тех животворных начал, которые могут принести победу добру.

Мы не скажем, что художественное воплощение этой идеи дано в “Перикле” с несокрушимой убедительностью жизненной логики. Едва ли можно утверждать, что в данной пьесе Шекспир искал эту логику. Он только хотел выявить тот непреложный факт, что в море житейских бед и страданий человек может остаться верен себе, истинной нравственности, сохранить преданность лучшим идеалам гуманности.

Может быть, нельзя доказать, что добро должно победить. Но если этого нельзя доказать, то Шекспир, создавая “Перикла”, хочет в это верить. Этой верой он стремится заразить тех, к кому обращено его произведение.

Зло можно истребить. Хотя человек способен сбиться с пути добра, но от него самого зависит отдаться ли злу или стать на стезю подлинной нравственности. Люди, обладающие чистой душой и незапятнанной совестью, могут оказать благотворное воздействие на других. Когда испробованы все средства убедить Марину, чтобы она стала проституткой, и все уловки оказались бесплодными, сводня решает прибегнуть к насилию. Она предоставляет Марину вышибале своего публичного дома, разрешая ему делать с ней что угодно. Но даже на этого закоренелого в зле человека Марина оказывает нравственно очищающее воздействие своими речами. Эти сцены, пожалуй, являются центральными в пьесе, ибо здесь непосредственно изображено столкновение добра и зла, добродетели и порока. Это столкновение завершается торжеством душевной чистоты Марины.

Через всю драму проходит мысль о том, что добрые начала жизни побеждают зло, и, чтобы в этом не было сомнений, в эпилоге выражается “мораль” пьесы с ясностью, не оставляющей места для сомнений. Именно это обстоятельство лишний раз заставляет задуматься над тем, Шекспир ли написал все это. Ведь мы видели, что поучение менее всего было свойственно ему. Не является ли в таком случае финал “Перикла” основанием для того, чтобы все же отвергнуть авторство Шекспира?

“Перикл” — произведение переломное для Шекспира.

Если не требовать от Шекспира всякий раз художественного совершенства, а видеть в нем писателя, подвержен-

ного тем же законам, что и другие художники слова, то есть писателя, не всегда ровного, тогда мы найдем место для “Перикла” в творческой эволюции Шекспира. Мы признаем, что “Перикл” значительно уступает в художественной силе шедеврам Шекспира, но вместе с тем, смотря на это произведение без предубеждения, увидим в нем великого художника в состоянии поисков новых путей, и тогда эта пьеса привлечет наше внимание, хотя бы ради той ясности, с какой она обнаруживает идейные искания автора.

Новая идейная направленность Шекспира, отошедшего от трагического мировосприятия, в “Перикле” уже определилась. Наметилась и новая художественная форма. Однако Шекспир еще не в полной мере овладел ею. Ни в одной из драм Шекспира повествовательный элемент не доминирует в такой степени, как в “Перикле”. Вся пьеса представляет собой как бы рассказ Гауэра, прерывающего речь для того, чтобы дать возможность актерам наглядно изобразить самые драматические эпизоды в судьбах героев. Затем рассказ возобновляется и снова прерывается иллюстративным эпизодом. Рассматривая композицию “Перикла” под таким углом зрения, мы должны будем признать, что драматическая конструкция пьесы имеет свой стержень, определяющий ее единство. Однако обнаженность драматической конструкции свидетельствует о ее художественном несовершенстве. “Перикл” — первенец новой творческой манеры великого драматурга. Отсюда недостатки этого произведения, поражающие нас сочетанием зрелого шекспировского стиха с наивностью драматургической композиции.

Если многое в этой пьесе кажется не шекспировским, то это потому, что Шекспир и в самом деле писал это произведение в манере, не свойственной ему. Если несомненным ше-

деврам трагического периода от “Гамлета” до “Антония и Клеопатры” присуща монолитность и Шекспира мы узнаем как в композиции целого, так и в деталях, то здесь нет той цельности замысла, которая характеризует зрелые творения Шекспира. В “Перикле” только местами вспыхивают искры шекспировского гения, тогда как в целом пьеса едва ли доставит эстетическое наслаждение читателям и зрителям нашего времени.

Современники иначе отнеслись к этой пьесе, чем последующие поколения. Дух романтики был жив в эпоху Шекспира. Публику лондонских театров того времени “Перикл” увлек. О популярности пьесы можно судить по количеству ее изданий. “Макбет” и “Отелло” такого количества изданий не имели. То, что Уилкинс даже написал повесть на сюжет “Перикла”, также свидетельствует об интересе современников Шекспира к подобным историям.

Начиная примерно с 1607 г. в английском театре эпохи Возрождения начал утверждаться новый жанр — трагикомедия. Своей популярностью эта разновидность пьес была в значительной мере обязана младшим современникам Шекспира — Бомонту и Флетчеру. Своим “Периклом” Шекспир также внес вклад в развитие нового жанра и продолжил деятельность в этом направлении своими следующими пьесами, завершившими его творческий путь.

Вкусы меняются. Я не хочу убеждать читателя, что “Перикл” хорошая пьеса. Мне самому как читателю в ней нравится только несколько сцен, те, в которых есть неприкрашенная жизненная правда. Богатых многосторонними чертами характеров в пьесе нет, но образы Перикла, Марины и Церимона очень выразительны и рельефны, так же как написанные в фальстафовской манере фигуры Пандара, хозяйки публичного дома и вышибалы.

Мы не раз сталкивались у Шекспира с тем, что отдельные произведения как бы предвосхищают мотивы последующих драм. Так было, например, в начальный период его творчества, когда в “Двух веронцах” воплотился ряд тем, получивших впоследствии разработку в других комедиях “романтического” типа. Точно так же в начале последнего периода творчества Шекспир в “Перикле” затронул ряд тем, к которым еще раз вернулся в написанных после этого драмах. Соединение супругов после долгой разлуки, правда, обусловленной разными причинами, мы находим также и в “Зимней сказке” (Леонт и Гермiona). В обеих пьесах сходным является мотив нахождения утраченной дочери. Эта тема является также общей для “Перикла” и “Цимбелина”. Таким образом, не только идейная направленность, но и отдельные сюжетные мотивы “Перикла” теснейшим образом связаны с остальными пьесами, написанными Шекспиром в последние годы творческой деятельности.

А.Аникст

Примечания к тексту “Перикла”

К с. 433. *Луцина* — древнеримская богиня родов, отождествляемая одними мифографиями с Юноной, другими — с Дианой.

К с. 434. *Геспериды* (греч. миф.). — В их саду, находившемся на “счастливых островах” на далеком западе, росли золотые яблоки, которые охранял огнедышащий дракон. Последний из двенадцати подвигов Геракла состоял в том, что он добыл эти яблоки.

К с. 452. ...разумный человек был тот, кто на вопрос,

его бы он хотел от царя, ответил, что не хотел бы знать ни одной из царских тайн.— По-видимому, анекдот этот заимствован из сборника новелл Барнеби Рича “Прощание с военным ремеслом”, где подобный ответ дает поэт Филиппид царю Лизимаху.

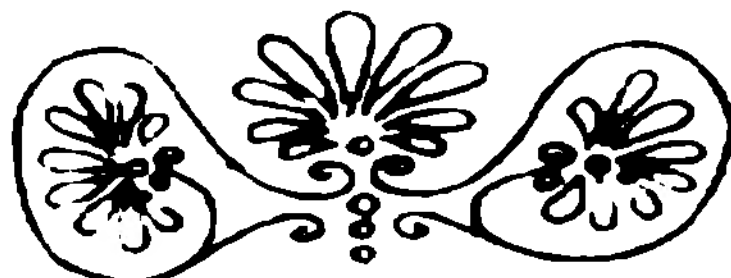
К с. 516. ...музыканты наши играют пусть пронзительно и скорбно.— Можно предположить, что музыка (действуя наподобие заклинаний) имеет в таких случаях цель призвать бога врачевания Эскулапа. Возможно, что вместо “пронзительно” (“rough”) надо читать: “slow” (“медленно”) или “soft” (“нежно”).

К с. 539. Вероль (*verole*) — по-французски значит *сиделис*.

К с. 545. Гарпии (греко-римск. миф.) — наполовину женщины, наполовину птицы, отличавшиеся крайней жестокостью.

К с. 548. Фетида, этой крестницей гордись...— Фетида (греч. миф.) — богиня моря, поэтому “рожденная морем” Марина — ее дочь или “крестница”.

К с. 568. Марина поет.— Песня Марины приводится у Уайна и (с небольшими отклонениями) у Уилкинса. Можно думать, что та же песня исполнялась на представлениях драмы. Приводим текст ее в дословном прозаическом переводе: “Я живу среди распутниц, но сама распутницей не стала: роза растет в терновнике, но неуязвима для терний. Разбойник, похитивший меня, наверное, давно погиб. Сводня купила меня, но я не осквернила себя плотским грехом. Для меня не было бы ничего отраднее, как узнать моих родителей. Я отпрыск царя, и кровь во мне царская. Надеюсь, что господь изменит мое положение и пошлет мне лучшие дни. Передайте плакать, воспряньте духом и прогоните тоску; испол-

нитесь радостью, глядите веселее, ибо жив бог, создавший из ничего небо и землю. Он не допустит, чтобы вы провели всю жизнь в тоске и печали, и все понапрасну”.

К с. 593. *Да станет он по воле неба новою звездою!—* По представлениям древних греков и римлян, души особенно доблестных и добродетельных людей после их смерти боги иногда превращали в звезды.

СОДЕРЖАНИЕ

Кориолан. Перевод Ю.Корнеева 5

Тимон Афинский

Перевод П.Мелковой 249

Перикл. Перевод Т.Гнедич 425

Примечания и комментарии 595

Вильям Шекспир

**Полное собрание сочинений
в 14 томах**

Том 11

Редактор А. Любимов

Технический редактор А. Дубецкий

Художественный редактор И. Сайко

Корректоры Е. Шшикова, И. Левтонова

Сканирование и обработка Григория Дерюгина

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать 05.06.95. Формат 70х108 1/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,7. Уч.-изд. л. 22,6.

Тираж 15 000 экз. Заказ 376

Издательский центр «ТЕРРА». 113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

**Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате Комитета
Российской Федерации по печати. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.**